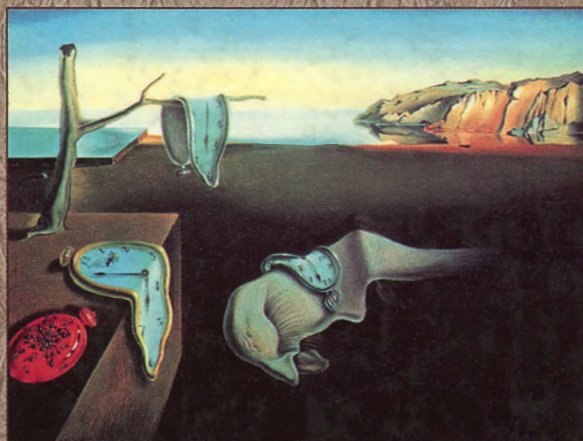

В.А.Канке
ФИЛОСОФИЯ

УЧЕБНИК

OTKAKUPOTAHO
xlobny_sow

ФИЛОСОФИЯ

**Книга отмечена
дипломом лауреата смотра учебной литературы для
системы профессионального образования
на Московской международной книжной ярмарке**

В.А.Канке

ФИЛОСОФИЯ

Исторический и систематический курс

Издание пятое,
переработанное и дополненное

*Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений
по дисциплине "Философия" (ГСЭ.Ф.10)*

Москва • "Логос" • 2003

УДК 1(091)
ББК 87.3
К19

Рецензенты:

доктор философских наук профессор *В.Н. Князев*
кандидат философских наук доцент *И.Б. Крюков*

Канке В.А.

К19 **Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2003. – 376 с.**
ISBN 5-94010-004-X

Излагаются история мировой и отечественной философской мысли, современные проблемы теории познания, философии человека, общества и истории культуры, науки и техники. Компактность изложения сочетается с полнотой раскрытия тематики, предусмотренной государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования. Содержит обширный справочный и методический аппарат, включая контрольные вопросы, программу курса, рекомендации для студентов и преподавателей, терминологический и именной указатели и др. От четвертого издания (М.: Логос, 2002) отличается освещением новейших тенденций философствования, отвечающих перспективам XXI века.

Для студентов высших учебных заведений. Представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 87.3

ISBN 5-94010-004-X

© Канке В.А., 1996
© Переработка и дополнение.
Канке В.А., 1997, 2000, 2003
© «Логос», 2003

О Г Л А В Л Е Н И Е

В В Е Д Е Н И Е. ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?	9
Предмет философии, ее место и роль в культуре	9
Научная ориентация философии. Мировоззренческая и методологическая функции философии	12
Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии	15
Практическая ориентация философии. Моральная функция философии	18
Назначение философии	21
Выводы	24
О смысле дальнейшего изложения	24
Ч А С Т Ь 1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	26
Глава 1.1. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ	26
Милетская школа философии	26
Школа Пифагора	28
Гераклит и элеаты	29
Атомисты. Левкипп и Демокрит	31
Школа Сократа	33
Софисты	35
Платон	37
Аристотель	45
Философия эллинизма	50
Эллиническая наука	56
Философия Римской империи. Неоплатонизм	57
Характерные черты античной философии	59
Глава 1.2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ	61
Философия и теология	61
Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности	64
Креационизм	66
Провиденциализм. Время	67
Символизм. Средневековая герменевтика	68
Реализм, номинализм, концептуализм	70
Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа	72
Общество и природа	74
Средневековая теодицея	76
Патристика и схоластика	78
Характерные черты средневековой философии	81
Глава 1.3. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	82
Антропоцентризм — принцип возрожденческой философии	82
Человек — творец, художник	83
Гуманизм	86
Философы эпохи Возрождения	87
Характерные черты возрожденческой философии	88
Глава 1.4. ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVII в.	89
Философия Бэкона	89
Философия Декарта (картезианство)	92

Галилей и Ньютон: создание теоретической механики	95
Выработка нового юридического мировоззрения. Правовые идеи философии Локка	97
Философия Лейбница	98
Спор Локка и Лейбница по вопросам теории познания	100
Глава 1.5. ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVIII в.	102
Историческая справка	102
Философия французского Просвещения. Вольтер, Руссо, Гольбах	103
Философия в Германии. Кант и Фихте	105
Сравнение двух главных философских направлений XVIII в.	110
Об изъятии проекта Просвещения	112
Глава 1.6. ОТ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ	113
Философия Гегеля	113
От антропологического материализма Фейербаха к диалектическому материализму Маркса	117
Глава 1.7. ОТ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ К ГЕРМЕНЕВТИКЕ	122
Философия жизни	122
Экзистенциализм и фундаментальная онтология	125
Феноменология Гуссерля	127
Герменевтика	129
Глава 1.8. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	133
Основатели движения: Фреге, Рассел, Витгенштейн	133
Логический позитивизм	135
Постпозитивизм. Поппер, Лакатос, Фейерабенд, Кун	138
Лингвистическая философия Витгенштейна	142
Выводы	145
Глава 1.9. ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ	147
Структурализм	147
Мишель Фуко: философия дискурсивных практик	148
Жак Деррида: деконструктивизм	149
Жан Лиотар: постмодернизм	150
Выводы	151
Глава 1.10. РУССКАЯ (НЕСОВЕТСКАЯ) ФИЛОСОФИЯ	152
Историческая справка	152
От славянофильства к религиозно-этическому искательству	153
Философия западников	155
Евразийство	156
Революционизм: революционные демократы, народники, анархисты, марксисты	157
Философия В.С.Соловьева	158
Русская философия в XX в.	161
Характерные черты русской философии	163
Глава 1.11. ФИЛОСОФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	164
Подъем знамени ленинизма (1917–1930)	164
Сталинизм в философии (1930–1956)	166
Расцвет марксистско-ленинской философии (1957–1975)	167
Застой в развитии марксистско-ленинской философии (1976–1991)	168
Увядание марксистско-ленинской философии (1991–2000)	169
Философия в постсоветской России	169

Глава 1.12. <i>ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ</i>	170
О философии Запада и Востока	170
Индийская философия	171
Китайская философия	172
Заключение к курсу “История философии”	173
ЧАСТЬ 2. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КУРС ФИЛОСОФИИ	175
Глава 2.1. <i>УЧЕНИЕ О БЫТИИ</i>	175
Проблема существования	175
Виды бытия	176
Многообразие и единство бытия	177
Пространство и время	180
Диалектика, диалог, диспут, дискурс	184
Изменение и развитие. Закономерности	185
Выводы	188
Глава 2.2. <i>ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ</i>	189
Философия о природе человека	189
Четыре сферы бытия человека	192
Природа психических функций человека, способность познавать мир	193
Чувственное познание	195
Рациональное познание. Мышление	196
Единство чувственного и рационального познания	198
Творчество. Интуиция. Память. Воображение	200
Сознательное и бессознательное, надсознательное. Фрейдизм	202
Что есть истина?	205
Объяснение, вчувствование, интерпретация, действие, понимание	209
Ценность. Философия как аксиология	212
Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал	214
Выводы	218
Глава 2.3. <i>ФИЛОСОФИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ</i>	218
Философия языка	218
Единство и многообразие языков. Метаязык.	
Формализованный язык. Машинные языки.	
Знаковая форма языка. Философия как язык	224
Философия культуры. Культура и цивилизация	228
Эстетика. Красота, прекрасное, возвышенное	230
Философия практики	233
Добро. Три этики. Личность, проблема свободы и ответственности	237
Смысл человеческого бытия	243
Образование	247
Выводы	249
Глава 2.4. <i>ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА И ИСТОРИИ</i>	250
Пути понимания природы общества	250
Возможна ли наука об обществе? Роль рациональности в развитии общества	253
Общество и его структура	256

Философия истории. Многообразие культур, цивилизаций.	
Запад–Россия–Восток	259
Выводы	264
Глава 2.5. ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ	265
Исторические формы отношения человека к природе	265
Происхождение Вселенной. Уровни организации универсума	268
Экологическая философия. Биоэтика. Экогуманизм	270
Выводы	272
Глава 2.6. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	273
Что такое наука?	273
Эмпирический уровень научного познания	274
Теоретический уровень исследования. Природа научных концептов	279
Становление научной теории и рост теоретического знания	281
Теоретические методы	284
Наука в поисках истины	287
Идеалы науки. Этика ученого	290
Соотношение философской, религиозной и научной картин мира	292
Выводы	295
Глава 2.7. ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ	295
Происхождение и природа техники	295
Основные проблемы философии техники	298
Техника и этика	301
Человек в информационном обществе	305
Выводы	306
Глава 2.8. СТРАТЕГИЯ БУДУЩЕГО	307
Человек во Вселенной	307
Человечество перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	313
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Курс философии в таблицах	315
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Философские открытия	330
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. <i>100 вопросов на понимание курса философии</i>	339
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. <i>Советы студентам</i>	343
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. <i>Требования (федеральный компонент) государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по дисциплине «Философия»</i>	344
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. <i>Программа курса философии</i>	345
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. <i>Примерное почасовое планирование курса философии</i>	352
ПРИЛОЖЕНИЕ 8. <i>Методические заметки (для преподавателей)</i>	354
ПРИЛОЖЕНИЕ 9. <i>Годы жизни выдающихся философов (в хронологическом порядке)</i>	357
ЛИТЕРАТУРА	358
СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ	364
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	371

Введение

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Предмет философии, ее место и роль в культуре

Почему человек философствует? В чем состоит специфика философствования? Чтобы ответить на эти вопросы достаточно определенно, лучше всего рассмотреть примеры подлинного философствования, без которого можно прийти к разговору ни о чем.

Итак, сначала примеры, а затем выводы. Разумеется, примеры связаны с творчеством великих философов, ведь философствование прежде всего как раз и есть то, чем они занимались и занимаются.

Первый пример касается разработки *Сократом* и *Платоном* концепции идей. Идеи выступают смыслом всех явлений, с которыми сталкивается человек. Концепция идей имела величайшее, поистине эпохальное значение. Она стимулировала развитие науки и искусства. В конечном счете именно античная концепция идей оценивается ныне как смыслообразующая основа современной постиндустриальной цивилизации.

Теперь можно поставить существеннейший для нашей темы вопрос — почему концепция идей является по своей природе философской, а не, например, математической. Дело в том, что в своем философском содержании концепция идей соотносится с *любыми* идеями, а не только с математическими или экономическими, это во-первых. Во-вторых, концепция идей максимально действенна, она как бы пронизывает всю сферу бытия человека, вызывает к жизни не один, а целый поток существеннейших вопросов, относящихся к сферам личной и общественной жизни, политики, образования и т.д. Философское — значит максимально универсальное, всеохватное, основательное, фундаментальное, существенное.

Второй пример не менее показателен, чем первый. Речь идет о концепции ответственности, развитой в последние два

десятилетия целой группой американских и западноевропейских мыслителей. Об ответственности знали давно, но в ранг философской доктрины ее возвели лишь сейчас. Концепция ответственности призвана поставить заслон действиям различного рода эгоистов и экстремистов, всех тех, кто за маской свободолюбия преследует, вопреки интересам других, свои корыстные цели, т.е., иначе говоря, ведет себя безответственно по отношению к обществу. Только теперь, в конце XX века, выявлено, что ответственным надо быть во всех делах, в науке, искусстве, на производстве, в общественной и индивидуальной жизни. Но это и означает, что концепция ответственности приобрела философское значение.

Два приведенных примера показывают, что философия не стоит на месте, она имела своих творцов и две с половиной тысячи лет назад, и сейчас. Философия, как и все ценное в жизни людей, есть результат самоотверженной работы энтузиастов. Философские звезды в отличие от астрономических — это люди, они находятся среди нас, озаряют нас светом философствования.

Итак, что же такое философия? Буквально греческое слово “философия”, впервые введенное в обиход *Пифагором*, переводится на русский язык как любовь к мудрости, любознательность. Выявляет ли наше разъяснение специфику философии? Лишь отчасти, ибо стремление к мудрости характерно не только для философов, но и для ученых, поэтов, религиозных мыслителей. Специфика *философской* мудрости состоит в ее нацеленности на смыслы максимально всеохватной (общей, предельной, целостной) и вместе с тем фундаментальной значимости. Ясно, что такого рода смыслы имеют для людей основополагающее значение, отказ от них равносителен безумию: зачем же отказываться от того, что является нашим высшим интеллектуальным достижением, а во многом и руководством в практической жизни.

Таким образом, *философия есть поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия (наиболее существенные, фундаментальные, всеохватные, не знающие исключений, объединяющие жизнь людей в единое целое, в поле действия которых попадает каждый человек)*. Весьма своеобразно соотношение философии и культуры. Латинское слово *cultura* дословно означает улучшение, образование, совершенствование чего-либо. Культура — это все то, что создано человеком, что возвышает его над природой. В этой связи знаменитый *Цицерон* считал, что культура не исчерпывается философией. Справедливо, однако, что философия есть важнейшая составляющая человеческой культуры. Именно в философии культура дана в ее максимальной пол-

ноте и предельно возможном осмыслении. Самые насущные проблемы человечества получают в философии завершающую интерпретацию. Актуальная философия — это пиковые достижения культуры, наивысший уровень самоосмысления человечества, достигнутый к настоящему времени. Не существует такая область культуры, которая по своим интерпретационным возможностям превосходила бы философию. Разумеется, достижения философии не имеют смысла вне ее союза с разнообразными науками, искусствами, практическими действиями людей. Заметим, что философия обладает не только спецификой, но и самостоятельностью. Это означает, что другие специалисты не могут выполнить работу философа; каждый занимается своим делом, но касается оно всех.

До сих пор мы рассматривали философию в целом, не касались ее структуры, строения. Но всякое целое не монолитно, оно состоит из частей. У философии их достаточно много. Рассмотрим те из них, которые *наиболее рельефно* выделяют своеобразие философии. Философия есть поиск ответов на главные вопросы бытия. Какие именно?

Гениальный *Иммануил Кант* сумел, как считает абсолютное большинство философов, сформулировать их выразительно и кратко. По Канту, сферу философии можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

Что я могу знать? Все, что относится к миру природы и человечества. Путь к познанию многотруден, но он нигде не обрывается в пропасть.

Что я должен делать? Познавать природу, себя, других людей, никогда не успокаиваться на достигнутом.

На что я смею надеяться? На лучшее будущее, которое удастся обеспечить благодаря достигнутому знанию и активной практической деятельности людей.

Что такое человек? Существо, познающее мир в концептах — философских категориях, логико-математических конструктах, понятиях естествознания, ценностях гуманитаристики, — постоянно проектирующее свое благоприятное будущее и стремящееся к его практическому воплощению.

С учетом изложенного, добываясь более детальной характеристики философии, рассмотрим последовательно научную, чувственно-эстетическую и моральную ориентации философии.

Научная ориентация философии. Мировоззренческая и методологическая функции философии

Сравним философию с наукой. Это позволит выявить специфику научной ориентации философии.

Взаимоотношение философии и науки имеет длительную историю. В античности различие между ними еще не было выявлено в должной степени, любовь к мудрости понималась как любовь к науке, т.е. к систематическому, доказательному и проверяемому знанию. В средние века в основном ситуация оставалась прежней; новизна же состояла в том, что и философия, и наука оказались под прессом теологии, им было не до взаимных претензий. В Новое время, особенно благодаря работам *Декарта* и *Лейбница*, было введено представление об универсальной науке, каковой и считали философию; остальные науки стали считать частями философии. Нередко философию рассматривали как науку обо всех науках, наукоучение. В Новейшее время авторитет наук быстро возрастает, они довольно успешно отвоевывают у философии одну сферу человеческих интересов за другой. Дело доходит порой даже до отрицания научного характера философии.

Как бы то ни было, во все исторические эпохи философия и наука шли рука об руку, дополняя друг друга. Многие идеалы науки, такие как доказательность, систематичность, принципиальная проверяемость высказываний, первоначально были выработаны в философии. Причем в самой философии также стремились, и не без успеха, им следовать. Именно это обстоятельство позволило многим философам, в том числе *Гегелю*, *Гуссерлю*, *Куйну*, считать философию наукой.

Для нашей темы особое значение имеет понимание благотворности союза философии и науки. Идет ни на миг не останавливающийся процесс обмена идеями между философией и наукой; в этой связи особую значимость приобрели такие пограничные между философией и наукой области знания, как философские вопросы физики, математики, биологии, социологии. Показательна в этой связи идея относительности, несамостоятельности пространства и времени. Первоначально эта идея обсуждалась в философии (*Лейбниц*, *Мах*), затем в математике (*Лобачевский*, *Пуанкаре*), позднее в физике, где *Эйнштейн* добился особенно впечатляющих результатов. Философское их осмысление вызвало "обратную волну"; в модифицированном виде идея относительности времени и пространства была воспринята, пожалуй,

всеми науками и философскими направлениями. Но история развития этой идеи не закончена и поныне: философия и наука еще не раз отпразднуют успех совместных мероприятий. Философия и наука нужны друг другу. Их союз еще никому не удавалось разорвать.

Современное философское знание обосновывается, оно доказательно, систематично, проверяется (и опровергается) фактами. Но это как раз и означает, что философия обладает научной ориентацией. Мы не случайно, подчеркивая научную ориентацию философии, не отождествляем ее с конкретными науками. Философия выступает как осмысление наук, т.е. как метанаука. Греческая приставка *meta* буквально переводится как *за, после, через*, но в философии она используется в переносном значении для наименования предельно емких в концептуальном отношении систем. Одно дело, например, математика, другое — ее осмысление, т.е. метаматематика.

Поясняя метанаучный статус философии, отметим, что любой вид человеческой жизнедеятельности, в том числе отношение к природе и различного рода межсубъектные связи осмысливаются в соответствующих науках: математике, биологии, политологии, теории кино и т.д. Уровень же философии достигается лишь тогда, когда познание входит в стадию осмысления конкретных наук, прежде всего их главных положений, т.е. оснований (рис. 1).

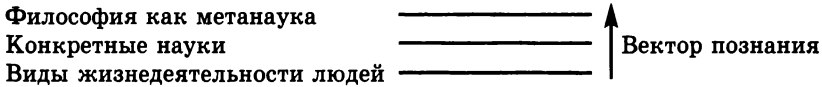

Рис. 1. Соотношение философии и науки

Крайне важно подчеркнуть, что метанаучный статус философии — ее главная характеристика. Правильное, успешное познание реализует подъем от науки к философии. Желание достигнуть философии без наук всегда ущербно. Действительно, попытка осуществить его приводит либо к подмене наук философией, либо к около- или даже антинаучным воззрениям. Человечество — не всеядное животное, а существо образцовое, именно поэтому оно стремится к наиболее совершенному познанию. В этом контексте нет альтернативы вектору познания: науки → философия. Недопустимы как отождествление философии с конкретными науками, так и ее изоляция от них.

Изложенное выше позволяет рассмотреть две важнейшие функции (значимости) философии — *мировоззренческую* и *методологическую*.

Философию порой определяют как воззрение на мир в целом, мировоззрение. Философия часто характеризуется как наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления. В качестве таковых рассматриваются, например, взаимоотношения качества и количества, причины и следствия, возможности и действительности. Следует, однако, учитывать, что философская картина мира — это всегда картина с продолжением. Такие науки, как физика, биология, социология, дают окончательную картину в соответствии с физическими, биологическими, социальными явлениями. С философией дело обстоит по-другому. Философские представления непременно нуждаются в дальнейшей конкретизации. Так, философские представления о реальности находят свое продолжение в размышлениях о физической, ментальной, виртуальной и прочих реальностях. Без такой конкретизации, без “заземляющих” фактов философия остается собранием предварительных суждений. Таким образом, философию допустимо определять как мировоззрение, но оно всегда нуждается в интерпретации на основе данных науки и искусства, практики.

С мировоззренческой функцией философии тесно связана другая ее функция — методологическая. Методология, учение о методах, понимается в данном случае как определение способов достижения какой-либо цели, например эффективного конструирования научного познания, поэтического творчества, социальной практики. В соответствии со спецификой философии речь идет о таких методах, принципах действия, которые обладают фундаментальным, а не узколокальным значением. Одним из таких методов является исторический метод: чем бы вы ни занимались, есть резон учитывать историю интересующих вас проблем. Разумеется, философская методология находит свое продолжение в методологии отдельных наук, искусств, разновидностей практики.

Никогда ранее философия не была столь научно ориентированной, как сейчас. Безусловно, научная ориентация философии — это благо. Хуже, когда эта ориентация абсолютизируется настолько, что либо к ней сводятся все достоинства философии, либо эту ориентацию склонны вообще отрицать.

Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии

“Философ, — отмечал *А.Шопенгауэр*, — никогда не должен забывать, что философия есть искусство, а не наука”. В суждении Шопенгауэра привлекает внимание не столько излишне резкое противопоставление философии науке, сколько явное сближение философии и искусства. Действительно ли философия является искусством? Сравнение философии с искусством позволит представить специфику чувственно-эстетической ориентации философии.

В мировой философии достаточно четко просматриваются две тенденции. Философия сближается либо с наукой, либо с искусством. О представителях первой тенденции (*Гегель*, *Гуссерль*, *Куайн*) речь шла в предыдущем параграфе. Представителями второй тенденции являются *Кьеркегор*, *Шопенгауэр*, *Ницше*, *Шеллинг*, *Хайдеггер*, многие так называемые экзистенциалисты (*Камю*, *Ясперс*), а также постмодернисты (*Фуко*, *Деррида*, *Лиотар*).

Итак, во втором случае речь идет о чувственно-эстетической ориентации философии. Греческое слово “эстетикос” означает буквально “чувственный”, “чувствующий”. Впоследствии, однако, значение термина “эстетическое” было сужено, оно стало связываться преимущественно с так называемым высоким, возвышенным чувством, возбуждаемым искусствами. Философия же имеет дело со всей сферой чувственного, но с особым акцентом на эстетическое переживание. Поэтому для обозначения рассматриваемой ориентации философии используется термин “чувственно-эстетический”.

Почему же ряд философов придерживается не научной, а чувственно-эстетической ориентации? Шеллинг считал, что идеалы философии может реализовать лишь тот, кто обладает художественным дарованием. В философии интеллектуальное дополняется эстетическим созерцанием и творчеством. Философия — об этом свидетельствует ее содержание — не довольствуется понятийным постижением мира, она еще стремится к возвышенному (чувству). В этом смысле искусство ей более сродни, чем наука.

Чувственно-эстетическая философия делает акцент на индивидуальном, а не общем и универсальном, на плюрализме, а не единообразии, на интуитивном и творческом, а не методически однообразном, на возвышенном, а не этически оправданном. Во главу угла ставится обостренное отношение к наиболее зло-

бодневым проблемам жизни и судьбы человека. Чувственно-эстетической философии претит безмятежная научная рациональность, забвение иррационального, равнодушие к человеку, всякая попытка предпочесть понятие чувству; в основании философии лежит не рациональное мировоззрение, а мироощущение, подъем к наивысшему посредством того, что сродни обостренному чувству. Иллюстрацией к сказанному могут служить слова Ницше: "... мы (философы. — В.К.) должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что у нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок".

Сторонники чувственно-эстетически ориентированной философии порой склонны отождествлять философию с искусством. Для этого нет достаточных оснований. Действительно, так называемое художественное творчество, создание художественных образов (поэтических, музыкальных и других) для философии вообще не характерно. Философия соткана не из художественных образов, а из *философем*. Проблема состоит в том, чтобы философия не уступала искусству в сопричастности к тайнам, проблемам, "болевым точкам" бытия человека в мире. Искусство по сравнению с философией более выборочно, оно в отличие от философии занято поиском для человека не наиболее значимого, а *художественно* значимого. Как видим, философию и искусство объединяет определенный пафос, обостренный интерес к бытию человека, который, впрочем, не отменяет их своеобразия и самостоятельности. По поводу соотношения философии, науки и искусства идут многовековые споры, конца которым не видно. Выскажем по этому поводу свое, разумеется, открытое для критики мнение.

Искусство — это совокупность разнообразных видов художественного творчества — литература, архитектура, скульптура, живопись, графика, музыка, танец, театр, кино и т.д. Для него характерна яркая эмоциональная форма. Подобно всем другим видам человеческой деятельности искусство также интерпретируется посредством научных теорий, совокупность которых называется искусствознанием. По отношению к последнему в качестве метанауки выступает эстетика — особая философская дисциплина, оперирующая такими концептами, как "красота", "прекрасное", "возвышенное". Эстетические концепты — это метаценности.

Чтобы лучше понять специфику философии, науки и искусства, обратим внимание на различие философии природы и эс-

тетики (рис. 2). Естествознание, выражающее отношение людей к природе, оперирует *понятиями*, а философия природы — *метапонятиями* (“природа”, “движение”, “пространство”, “время” и др.). Искусствознание, выражающее отношение людей друг к другу, оперирует *ценностями*, а эстетика — *метаценностями*. Первоначальным источником понятий и метапонятий являются чувства, эмоции, переживания людей, связанные с их отношением к природе. Питательной почвой ценностей и метаценностей выступают чувства, эмоции, переживания людей, связанные с их отношениями друг с другом. Метапонятия и метаценности называются в философии *категориями*.

Рис. 2. Природный и эстетический миры человека

С учетом отмеченного выше становится очевидной неправомерность противопоставления науки и искусства. Ошибочно считать философию либо наукой, либо искусством. Философия — это метанаука, включающая как рациональную, т.е. понятийно-ценностную, так и чувственно-эмоциональную составляющие. Философии не чужды ни чувства и переживания, ни ценности и понятия. Она создает свой, особый мир.

Итак, философия, наука и искусство находятся в весьма органичной взаимосвязи. Начав в своих рассуждениях с искусства как вида деятельности, мы в поисках его смысла обратились и к науке (в данном случае к искусствознанию), и к философии (эстетике). Сопоставление природного и эстетического миров человека показывает не только их различие, но и сходство. В обоих вектор познания достигает уровня предельных обобщений, т.е. философии.

Сравнение философии с искусством рельефнее, чем когда бы то ни было ранее, выявило *гуманистическую функцию* философии, ее предельно внимательное отношение к человеку. Вспомним значение слова “философия”, объединяющее любовь и мудрость. Не претендуя на особо глубокую истину, можно сказать, что философы во главу угла ставят мудрость и любовь к человеку. Философия существует не иначе как во имя человека.

Чувственно-эстетическая ориентация философии — это благо, чем ярче она представлена, тем лучше. Плохо, когда эту ориентацию либо недооценивают, либо преувеличивают настолько, что отрицают научную и эстетическую ориентацию философии.

Рассмотрение научной и чувственно-эстетической ориентации философии во многом прояснило ее назначение. Философия — это призыв к рафинированной мысли и возвышенному чувству. Тем не менее остается впечатление, что, пока не выявлена действительность философии, ее ориентация на практику, вопрос “что делать?” все еще остается без ответа, из-за чего философия предстает скорее беззаботной небожительницей, чем жизненным делом.

Ницше видел подлинную тайну, зародыш любого философствования в моральных намерениях людей. Обсуждение этой глубокой мысли позволит дополнительно охарактеризовать специфику философии. Речь пойдет прежде всего о практической ориентации философии и, как следствие, об этической (моральной) функции философии.

Практическая ориентация философии. Моральная функция философии

Сфера этики и морали — это в первую очередь представление людей о добре и зле, добродетелях и пороках, должном и недолжном, ценностях и идеалах. Многие философы в понимании этической функции философии следуют традиции *Аристотеля—Канта* и считают этику практической философией. Этика возникает там, где философия входит в непосредственный контакт с практической деятельностью людей. Полтора века назад молодой и критически настроенный *Маркс* указывал, что философы лишь объясняли мир, а его надо изменять. Но каким образом, в каком направлении? Здесь-то и выясняется особая роль философии в практическом обеспечении успешного развития цивилизации. Некорректные философские ориентиры ведут к катастрофам, чему немало свидетельств в истории.

Что касается односторонне ориентированных научной и чувственно-эстетической философий, то в них этическое начало приглушено и даже отодвинуто в тень. Ясно почему. Если одни стороны философии абсолютизируются, то другие ее компоненты становятся плохо различимыми. Однако при более детальном рассмотрении философских систем всегда выявляется их этиче-

ское содержание. Философия не только фиксирует сложившееся положение дел, но и стремится сначала наметить, а затем более детально разработать пути улучшения этого положения дел, преодоления кризисных явлений. На протяжении всей своей многовековой истории философия демонстрировала не отрешенность от мирских дел, а свою максимальную заинтересованность в их правильном налаживании в соответствии с возможностями и талантами людей. С тем же энтузиазмом, с каким ведется поиск философией истины, возвышенного и прекрасного, она заинтересована также в достижении добра. Подлинная философия — это всегда углубленный поиск добра, сотворение нравственного человека. Высокие моральные черты людей не возникают сами по себе, они довольно часто являются непосредственным результатом плодотворной деятельности философов. Античные идеалы мудрости и мужества, средневековые идеалы святости и рыцарской чести, нововременные идеалы разумного и свободного человека, современные идеалы ответственности, мира между народами, экологической бдительности — на всем этом среди прочего лежит печать философской основательности, продуманности, реализации этической функции философии.

Далеко не всегда реализация этической функции философии была безопасным делом. Философов преследовали, казнили (вспомните трагические судьбы *Сократа*, *Дж.Бруно*, нашего *П.Флоренского*, погибшего в сталинских застенках), обвиняли в изобретении новых богов. В наши дни этическую функцию философии часто называют аксиологической (греческое “аксиос” — ценный); имеется в виду ориентация философии на известные метаценности. При этом не следует забывать о том, что аксиология как учение о ценностях сложилась лишь к началу XX века. Аксиологическая функция философии есть одно из конкретных воплощений этической функции философии.

Разумеется, реализацию этической ориентации философии не следует путать с так называемым морализированием — занятием людей самовлюбленных, привыкших навязывать свое мнение другим. Ограниченный кругозор морализатора никак не назовешь философским.

Далеко не всякое суждение о нравственном является философским. То или иное этическое суждение приобретает философский характер лишь в том случае, если оно в должной степени причастно к коренным проблемам бытия человека, дает им емкую интерпретацию. Такова уже упоминавшаяся концепция ответственности. Просто этика и философская этика — это разные

вещи. К тому же следует учитывать, что горизонт всякой этики уже горизонта философии в целом. Этика ограничивает себя нравственными проблемами — именно в этом ее самоцель, здесь, и только здесь, она самодостаточна. Философия же рассматривает этическую составляющую в качестве своей органической самостоятельной компоненты, функционирующей не иначе как в рамках целого. Философия, подобно живому организму, не есть простая сумма своих органов. Моральная философия — это один из органов философии как целостного организма, не более того.

Обратимся теперь к *практической ориентации* философии. Под *практикой* понимают деятельность человека, направленную на обеспечение своего благоприятного будущего. В этой связи он, руководствуясь определенными ценностями и метаценностями, ставит перед собой те или иные цели и добивается их осуществления. Философ от естествознания стремится к достижению правильного знания и к избавлению от заблуждений. В конечном счете его деятельность замыкается на сферу природы. Философа-эстетика манит возвышенное и прекрасное, а не низменное и безобразное, и он действует, но преимущественно в чувственно-эмоциональной сфере. У философа-этика в фокусе обсуждения не природа и не переживания людей, а их успешное будущее, т.е. добро, а не зло. Во главу угла ставится благополучие не только отдельного человека, а всех людей, общества в целом. Ввиду этого этика выступает в качестве метанауки прежде всего по отношению ко всем так называемым общественным, или социальным, наукам. Поясним специфику этики на примере анализа экономических наук.

Экономическое знание необходимо для осуществления производства товаров и услуг. Но оно может быть применено во благо не всех, а лишь отдельных субъектов. С этической точки зрения это недопустимо. Превыше экономических ценностей (прибыли, объема продаж, инвестиций) этика ставит метаценность “добро”. От имени этики философы настаивают на том, что в конечном счете смысл всех человеческих деяний состоит в обеспечении добра, благополучия человечества. Нет такой науки, которая бы определяла суть практической деятельности людей более емко, чем этика.

Философия выявляет и вырабатывает смыслы человеческих деяний, поступков, формирует стратегические цели. Здесь-то как раз и реализуются практические потенциалы философии. За бездумные поступки людей, либо стремящихся к сиюминутным удовольствиям, либо просто не умеющих предвидеть последст-

вия своих действий, философия не несет ответственности. Философия сознательно выступает против засилья легкомыслия, отказа от всестороннего анализа состоятельности намечаемых планов практических действий и столь же основательного рассмотрения последствий уже сделанного.

Как видим, только на первый взгляд философия оперирует идеями, далекими от насущных практических задач. Разве не обладает ярким практическим содержанием, например, концепция ответственности? Разве выяснение ее концептуальной силы не требует сложной философской работы? Безусловно, в своей практической деятельности человек руководствуется не только философскими рекомендациями, но и ими тоже.

Философия вплетена в практическую деятельность человека, а это означает, что она — разновидность этой деятельности. Философия есть практическое отношение человека к миру, которое наиболее ярко представлено в ее этической функции.

Моральная ориентация философии — это благо, ибо без нее эффективность анализа кардинальных проблем бытия человека была бы существенно снижена. Но не следует роль этой ориентации либо принижать, отказывая философии в нравственном содержании, либо преувеличивать, превращая философию в нечто односторонне этическое.

Назначение философии

Подводя итоги введения в философию, вспомним логику изложенного выше. Вначале была рассмотрена философия в целом, дано определение ее своеобразия. Затем речь шла о различных частичных, более односторонних пониманиях философии. В результате в поле нашего рассмотрения попали научная, чувственно-эстетическая и практическая ориентации философии. Во всех трех случаях имело место определенное абстрагирование от целостности философии, вне которой философия теряет свое своеобразие. Мы оказались в ситуации, когда надо было действовать достаточно осторожно. С одной стороны, нельзя полностью отказаться от проводимых абстракций, ибо без них философия выступала бы однородным монолитом, каковой она не является. С другой стороны, три используемые абстракции недопустимо абсолютизировать. В противном случае в трех рассмотренных вариантах философия отождествлялась бы соответственно с наукой, искусством и практическим действием. Это-

го удалось избежать, ибо перед нашим мысленным взором постоянно витала философия как целое. Философия ориентируется на идеалы науки, искусства и практики, но эти идеалы приобретают в философии соответствующее ее специфике своеобразие. Как справедливо отмечал *Шеллинг*, философия имеет дело не только с истиной и не исключительно с нравственностью и прекрасным, а с тем, что их всех объединяет. На ту же идею обращал внимание *П.Л.Лавров*: философия “есть отождествление мысли, образа и действия”. “Философия понятия только в целом”, — писал *Шлегель*.

Итак, философия есть целое, но она обладает разветвленной структурой, строением. Достаточно полное представление об этой структуре читатель получит в процессе работы с учебником. Уже приведенные краткие описания структуры философии должны быть расширены.

В качестве учения о бытии, главных его принципах философия выступает как онтология (греческое *он* — сущее, *логос* — учение, понятие, мысль, слово). Выделение различных видов бытия — природы, человека, общества, техники — приведет соответственно к философии природы, философии человека, или антропологии (греческое *антропос* — человек), философии общества (философии истории в том числе). Философию познания называют гносеологией (греческое *гносис* — знание, познание) или эпистемологией (греческое *эпистеме* — знание). Как учение о способах познания философия есть методология (греческое *методос* — способ). Как учение о путях творчества и их обосновании философия есть эвристика (греческое *эвриско* — нахожу). Разветвленными областями философии являются философия науки, философия религии, философия языка, философия искусства (эстетика), философия практики (этика), философия культуры, история философии. Так, в философии науки относительно самостоятельным значением обладают философские вопросы отдельных наук, в том числе логики, математики, физики, биологии, кибернетики, политологии и т.д. Каждая из перечисленных модификаций философии обладает специфическими функциями (сравните: методологическая, эвристическая, антропологическая функция философии), о которых написаны даже не сотни, а тысячи книг. Философия едина и многообразна, человек не обходится без нее ни в одной из областей своей жизнедеятельности.

Подводя итог, еще раз определим природу и назначение философии, обратившись к высказываниям великих, которые, заметьте, образуют известную гармонию. Грек *Платон* в своих ди-

алогам “Федон” и “Федр” вкладывает в уста *Сократа* размышление о том, что под воздействием философии душа человека очищается и человек “становится подлинно совершенным”. Француз *Монтень* видит конечную цель философии в добродетели. Англичанин *Гоббс* считает, что недостаток философии причиняет много страданий, “назначение философии заключается, таким образом, в том, что благодаря ей мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ”. Немец *Гуссерль* формулирует бесконечную задачу философии как “функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий идеал, т.е. универсум всех норм”. Русский *В.С.Соловьев* видит назначение философии в стремлении “к духовной цельности человеческого существования”. С ним согласен другой наш соотечественник, *Н.А.Бердяев*: философия есть часть, опыт, акт жизни, значение которого выступает как “творческий прорыв к смыслу бытия”. Немецкий мыслитель *Хайдеггер* характеризует философию как “последнее выговаривание и последний спор человека, захватывающие его целиком и постоянно”. Назначение философии — поиск удела человека, обеспечение бытия человека в причудливом мире. Быть или не быть — вот в чем вопрос. А если быть, то каким?

Для полноты картины приведем слова француза *В.Кузена*: “Существуют две разновидности философии: одна искусная и ученая, которая доступна лишь немногим; другая естественная, человеческая, использовать которую способен каждый”. Изящное остроумие *Кузена* вызывает улыбку. Кстати, он использовал свое высказывание в пользу проводимой им пропаганды философского знания, стремясь разработать вариант философии, преодолевающей противостояние, скажем так, излишне простой и излишне заумной философии. Но автору доводилось слышать нечто аналогичное замечанию *Кузена* от студентов, сомневающихся в необходимости изучения философии. Как правило, такого рода сомнения высказываются не в конце, а в начале изучения курса философии. Надо ли студентам изучать философию? Надо. Благородное стремление получить высшее образование накладывает обязательства. Философию следует изучать в вузе и аспирантуре хотя бы потому, что с нею намного труднее стать “обезьяной цивилизации”, чем без нее.

Человек философствует потому, что он человек. Каждый человек — философ, плохой или хороший, сознает он это или

нет. Будучи сознательным существом, человек философствует, он не может поступить иначе, ибо это самый универсальный способ его существования, отказываться от которого нет никакого резона. На всем протяжении своего существования человек развивал философию. И, очевидно, правильно делал. Назначение философии состоит в конечном счете в возвышении человека, в обеспечении универсальных условий для его совершенствования. Философия нужна для обеспечения возможно лучшего состояния человечества. Философия зовет каждого человека к благородству, истине, прекрасному, добру.

Выводы

✓ Философия есть поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия.

✓ Философия — это метанаука, в качестве таковой она образует единство с конкретными науками.

✓ Философия обладает ярким концептуальным (категориальным) и чувственно-эмоциональным содержанием.

✓ Из всех категорий философии решающее значение имеет метаценность “добро”. Назначение философии состоит в обеспечении наиболее благоприятного будущего человечества. Этика определяет смысл и цель практической деятельности людей.

✓ Актуальная философия — это пиковые достижения культуры, наивысший уровень самоосмысления человечества, достигнутый к настоящему времени.

О смысле дальнейшего изложения

После изложенного выше нам предстоит совершить длительную экскурсию в то исключительно многообразное целое, имя которому философия. Читателю надлежит ознакомиться с самыми разнообразными концепциями, разработанными выдающимися философами на протяжении 2,6 тыс. лет. Хочешь познать философию — иди в философское поле и будь готов к самым неожиданным встречам.

Иногда философию пытаются свести к одной-единственной концепции. Напрасные иллюзии. Философия, таково фактическое положение дел, которое неискоренимо, многообразна. Философия приобретает единообразие, надо сказать, весьма скучное, там, где

ее искусственно обедняют. Такое обеднение философии не входит в наши намерения.

Ознакомление с различными философскими направлениями, школами предполагает их координацию и субординацию. Надо уяснить себе, как философские концепции связаны между собой, каковы их сильные и слабые стороны. После проведения соответствующей работы читатель выявит философские направления, которые представляются ему наиболее содержательными. Итак, первый этап работы состоит в наращивании концептуальной вооруженности читателя. Итогом этой работы явится приобретение уникальной способности философски интерпретировать содержание любых явлений, какова бы ни была их природа. Такого рода интерпретация как раз и составляет второй, заключительный этап предстоящей работы. Для соответствующего философского осмысления будут избраны наиболее проблемные вопросы.

Итак, нам предстоит: изучить важнейшие философские концепции, субординировать их определенным образом, провести философскую интерпретацию злободневных проблем и выработать определенный стиль жизни, основанный на приобретенном опыте философствования. Каким окажется этот стиль жизни, зависит от каждого читателя, степени его философского таланта и воли, его отношения к философии. Не заблуждается действительно понимающий, что философия приобретает подлинность лишь тогда, когда она обретает личный смысл.

Часть 1

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Глава 1.1

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Милетская школа философии

Большинство исследователей единодушны в том, что философия как целостный феномен культуры является созданием гения древних греков (VII–VI вв. до н.э.). Уже в поэмах Гомера и Гесиода делаются впечатляющие попытки представить мир и место человека в нем. Желаемая цель достигается преимущественно средствами, характерными для искусства (художественными образами) и религии (верой в богов). Философия дополнила мифы и религии усилением рациональных мотивировок, развитием интереса к систематическому рациональному мышлению на основе идей. Первоначально становлению философии именно в греческом мире способствовали и достигнутые греками в городах-государствах политические свободы. Философы, число которых увеличивалось, а деятельность становилась все более профессиональной, могли противостоять политическим и религиозным властям. Именно в древнегреческом мире философия впервые конституировалась в самостоятельное культурное образование, существовавшее наряду с искусством и религией, а не как их составляющая.

Одной из древнейших философских школ считается Милетская (VII–V вв. до н.э.). Мыслители из города Милета (Древняя Греция) — *Фалес*, *Анаксимен* и *Анаксимандр*.

Все три мыслителя сделали решительные шаги к демифологизации античного мировоззрения. “Из чего все?” — вот вопрос, который интересовал милетцев в первую очередь. Сама постановка вопроса по-своему гениальна, ибо она имеет своей предпосылкой убеждение, что все можно объяснить, но для этого надо найти единый для всего источник. Таким источником *Фалес* считал воду, *Анаксимен* — воздух, *Анаксимандр* — некоторое беспредельное и вечное начало, апейрон (термин “апейрон” буквально означает “беспредельное”). Вещи возникают в результате тех пре-

вращений, которые происходят с первовеществом, — сгущений, разряжений, испарений. Согласно милетцам, в основе всего находится первичная *субстанция*. Субстанция, по определению, есть то, что не нуждается для своего объяснения в чем-либо другом. Вода *Фалеса*, воздух *Анаксимена* — это субстанции.

Чтобы оценить воззрения милетцев, обратимся к науке. Постулируемые милетцами субстанции относятся фактически к миру явлений и событий, а не родовых реалий, понятий, законов. Ведь та же вода непосредственно фиксируется в опыте, т.е. эмпирически, а таковы именно материальные объекты и события. За пределы мира событий и явлений милетцам не удалось выйти, но они делали такие попытки, причем в нужном направлении. Они искали нечто закономерное, но представляли себе его как событийное, фактуальное. Милетцы старались подняться от уровня фактуального к уровню родового общего, хотя им это не вполне удалось. Удача пришла к последующим поколениям философов.

Интересно заметить, что подобные милетским попытки делались и в Древней Греции, и в Индии, и в Китае, и в Японии. В качестве субстанции часто называли воду, воздух, землю, огонь, дерево (древние китайцы). В качестве первоисточников брали либо одну субстанцию, либо четыре (*Эмпедокл*, *локаята-червака* в Индии), либо пять (древние китайцы). Суть философского поиска оставалась прежней — путь к универсальным принципам.

Обратимся к современной науке. Как она отвечает на вопрос “из чего все?”. Считается, что наша Вселенная возникла в результате взрыва вакуума, отдельного, самостоятельного физического образования. Может показаться, что эта сингулярность современной науки очень уж похожа на упоминавшийся апейрон *Анаксимандра*. В действительности же дело обстоит по-другому. Современная наука в отличие от представлений милетцев использует и принципы, и законы. Ее представления о сингулярности имеют научный характер, подтверждаются экспериментальными и теоретическими данными.

Выше отмечалось, что современный человек часто повторяет ошибки, неудачи древних. Заблуждения милетцев фактически копируются тогда, когда хотят сложные явления объяснить “просто”, а именно, сводя их к какому-либо первовеществу. Например, явления телепатии объясняют движением всепроникающих нейтрино. Соответственно и астрологические предсказания также неправомерно отделять от теоретического анализа. Установление истины, как правило, невозможно без развитого философского и научного анализа.

Школа Пифагора

Пифагор тоже занят проблемой субстанций, но огонь, земля, вода в качестве таковых его уже не устраивают. Он приходит к выводу, что “все есть число”. Пифагорейцы видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям. Мимо пифагорейцев не прошел тот факт, что если длины струн в музыкальном инструменте (монохорде) относятся друг к другу как 1:2, 2:3, 3:4, то получающиеся музыкальные интервалы будут соответствовать тому, что называют октавой, квинтой и квартой. Простые числовые отношения стали искать в геометрии и астрономии. Широко известная теорема *Пифагора* о соотношении длин катетов прямоугольного треугольника с длиной гипотенузы также достаточно показательна. *Пифагор*, а до него уже *Фалес*, видимо, использовали простейшие математические доказательства, которые, вполне возможно, были заимствованы на Востоке (в Вавилонии). Изобретение математических доказательств имело решающее значение для становления типа рациональности, характерного для современного цивилизованного человека.

При оценке философской значимости воззрений *Пифагора* следует отдать должное его проницательности. С точки зрения философии, особое значение имело обращение к феномену чисел. Пифагорейцы объясняли события на основе чисел и их соотношений и тем самым превзошли милетцев, ибо почти достигли уровня законов науки. Пифагорейцы усвоили то, что попросту, некоторые количественные соотношения. Пифагорейцы еще не владели категорией качества, исходя из которой только и можно, как будет показано позднее *Гегелем*, уразуметь в должной степени количество, каковым, в частности, является число. Пифагорейцы были одними из первых, кто понял роль и значение чисел. Они совершили великое дело.

При всей значимости открытий пифагорейцев им все-таки не удалось найти ответа на вопрос “из чего все?”. Подобно тому как не все является водой или воздухом, не все является и числом. Всякая абсолютизация чисел, равно как их закономерностей, есть возрождение исторической ограниченности пифагорейства. В полной мере это относится к магии чисел, которой, надо сказать, пифагорейцы отдали дань со всей щедростью увлеченной души.

Наконец, особо следует отметить поиски пифагорейцами гармонии во всем, красивой количественной согласованности. Та-

кой поиск фактически нацелен на обнаружение законов, а это — одна из сложнейших научных задач. Древние греки очень любили гармонию, восхищались ею и умели создавать ее в своей жизни.

Гераклит и элеаты

Дальнейшее развитие философской мысли наиболее убедительно представлено в известном противостоянии учений *Гераклита* из Эфеса и *Парменида* и *Зенона* из Элеи.

Обе стороны согласны в том, что внешние чувства не способны сами по себе давать истинное знание, истина достигается размышлением. Уже здесь мы видим, что к V в. до н.э. понимание греческими философами недостаточности оперирования уровнем событий приобрело характер философской идеи-веры, очень многое свидетельствовало в ее пользу. Любопытно, однако, проследить за тем, как философы конкретизируют свою идею.

Гераклит считает, что миром правит *логос*. Представление о логосе можно расценить как наивное понимание закономерности. Это было действительно наивное понимание, ибо содержательные аспекты логоса *Гераклит* умел интерпретировать лишь как связь событий, т.е. исключительно фактуально. Конкретно он имел в виду, что все в мире состоит из противоположностей, противоборствующего, все происходит через распря, борьбу. Вследствие этого все изменяется, течет; образно говоря, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В борьбе противоположностей обнаруживается их внутреннее тождество. Например, “жизнь одних есть смерть других”, да и вообще — жизнь есть смерть. Поскольку все взаимосвязано, то всякое свойство относительно: “ослы солому предпочли бы золоту”. *Гераклит* еще чрезмерно доверяет миру событий, что определяет как слабые, так и сильные стороны его воззрений. С одной стороны, он подмечает, пусть в наивной форме, важнейшие свойства мира событий — их взаимодействие, связность, относительность. С другой стороны, он еще не умеет анализировать мир событий с позиций, характерных для ученого, т.е. с доказательствами, понятиями. Мир для *Гераклита* есть огонь, а огонь — это образ вечного движения и изменения. Какое богатое воображение!

Гераклитовская философия тождества противоположностей, противоречий резко критиковалась элеатами. Так, *Парменид* считал тех людей, у кого “быть” и “не быть” считается одним и тем

же и не одним и тем же и для всего имеется обратный путь (это явный намек на *Гераклита*), “двухголовыми”.

Парменид, равно как и его ученик *Зенон*, подобно современным ученым анализируют мир событий и отсюда делают выводы, какими бы “сумасшедшими” они ни являлись. Смелости, характерной для подлинного ученого, элеатам было не занимать.

Особое внимание элеаты уделяли проблеме множественности, в этой связи они придумали ряд парадоксов (апорий), которые и поныне вызывают у философов, физиков и математиков головную боль. *Парадокс* — это неожиданное высказывание, *апория* — это затруднение, недоумение, трудноразрешимая задача.

По мнению элеатов, вопреки чувственным впечатлениям нельзя помыслить множественность. Если вещи могут быть бесконечно малыми, то их сумма никак не даст нечто конечное, конечную вещь. Если же вещи конечны, то между конечными двумя вещами всегда есть третья вещь; мы опять приходим к противоречию, ибо конечная вещь состоит из бесконечного числа конечных вещей, что невозможно. Невозможна не только множественность, но и движение. В аргументе “дихотомия” (разделение на два) доказывается: для того чтобы пройти определенный путь, надо сначала пройти его половину, а чтобы ее пройти, надо пройти четверть пути, и далее — одну восьмую пути, и так до бесконечности. Получается, что невозможно из данной точки попасть в ближайшую к ней, ибо ее фактически нет. Как утверждает современная математика, в континууме между двумя данными точками всегда найдется другая точка. А это значит, что невозможно попасть уже в первую, соседнюю точку. Если движение невозможно, то быстроногий Ахилл не может догнать черепаху и придется признать, что летящая стрела не летит. В таком случае отсюда, как говорится, “с железной необходимостью” следует, что бытие единственно, целокупно (не имеет частей), не изменяется, неподвижно, все существующее есть одно и то же бытие.

Рассматриваемые апории дошли до нас в изложении *Зенона*, поэтому их называют апориями *Зенона*. Апории *Зенона* опровергали много раз, указывая просто на факты: А догнал В, С летит и т.д. Однако такие “опровержения” аргументации великих философов немногого стоят. Элеаты ведь ставят вопрос действительно по-научному: если есть движение, то его надо осмыслить. Конечно, из непонимания движения и множественности не следует, что их нет вообще. Но и гордиться особенно нечем, если вы не способны понять с научных позиций вроде бы довольно очевидные вещи, механическое движение, всякого рода изменения. *Ге-*

раклит потому и раздражал элеатов, что он не давал непротиворечивого объяснения факту изменения.

Ниже рассматривается тот выход из ситуации, который предложили в порядке преодоления апорий *Зенона* древние атомисты. Сейчас же отметим, что современные ученые вновь и вновь обращаются к апориям *Зенона*, находя в них новые импульсы для развития научной мысли. При этом, разумеется, они модифицируют логику рассуждений элеатов. Давно стало ясно: для понимания апорий элеатов надо обратиться к самым развитым философским, математическим и физическим теориям. Выходит, что элеаты продолжают в некотором роде быть и поныне нашими учителями. Чему они научили и учат нас в первую очередь? Роли и значению логических доказательств, необходимости рассмотрения — наряду с миром событий — умопостигаемого уровня реальности, не поддаваясь “обману воображения”. Элеаты поставили проблему соотношения единого и множественного, непрерывного и прерывного, движения и покоя. Они стали оперировать максимально общей категорией бытия, которое считалось единственным. Но в таком случае мысль есть не что иное, как бытие, отсюда уже недалеко до ими же высказанного утверждения: “Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется”. Это утверждение призвано объяснить, почему мысль имеет истинностное значение по отношению к бытию. А именно в силу того, что она сама есть бытие.

Итак, *Гераклита* интересует прежде всего изменение и движение, их истоки, причины, которые он усматривает в борьбе противоположностей. Элеаты в первую очередь обеспокоены тем, как понять, как *интерпретировать* то, что все считают изменением и движением. Согласно размышлениям элеатов, отсутствие непротиворечивого объяснения природы движения ставит под сомнение его реальность. Разумеется, элеаты не доказали, что нет движения, они показали современникам, что те едва ли понимают содержание движения. Сами элеаты в понимании движения были на подлинной вершине существовавших в их эпоху воззрений. Увы, элеатам не суждено было, ибо это невозможно в принципе, разорвать пути исторической ограниченности.

Атомисты. Левкипп и Демокрит

Кризис, вызванный апориями *Зенона*, был очень глубок; чтобы его хотя бы отчасти преодолеть, требовались какие-то

особые, непривычные идеи. Это удалось сделать древним атомистам, наиболее выдающимися среди которых были *Левкипп* и *Демокрит*.

Анализ апорий *Зенона* выявил их “болевы́е” точки: беспредельное деление (отрезка пути тел). Атомисты предположили, что вещество, пространство, время в принципе нельзя делить бесконечно, ибо есть мельчайшие, далее неразделимые их фрагменты — атомы вещества, амеры (атомы пространства), хрононы (атомы времени). То или иное тело состоит из определенного числа атомов, каждый из которых имеет конечный объем, соответственно конечный объем имеет и составленное из атомов тело. Стрела летит, ибо, по определению, движение есть преодоление определенного расстояния, состоящего из определенного числа амеров, за определенное время, которое в свою очередь состоит из определенного числа своих квантов (хрононов). Чтобы раз и навсегда избавиться от затруднений с пониманием изменения, было предположено, что атомы неизменны, обладают как раз теми же абсолютными качествами, что парменидовское бытие, они неделимы и однородны. Атомисты как бы “свели” изменение к неизменному, к атомам.

По *Демокриту*, есть атомы и пустота. Атомы различаются формой, расположением, весом. Атомы движутся в различных направлениях. Земля, вода, воздух, огонь представляют собой первичные группировки атомов. Сочетания атомов образуют целые миры: в бесконечном пространстве существует бесконечное множество миров. Разумеется, и человек есть собрание атомов. Душа человека составлена из особых атомов. Все происходит согласно необходимости, случайность отсутствует.

Как видим, атомисты сумели объединить сильные стороны представлений *Гераклита* и элеатов. Парменидовское бытие они уменьшили до атомов, сохранив тем самым постоянство мира. А все гераклитовские изменения связали с механическим движением атомов, их сочетанием друг с другом. Теперь нам предстоит дать философскую оценку атомизму. Конечно, хорошо известно, что атомная гипотеза имела и имеет огромное значение в физике и химии. Но древний атомизм явился результатом размышления не над физическими, а над определенными философскими трудностями. Выход из ситуации оказался в чем-то гениальным, а в чем-то наивным, разумеется, с высот сегодняшнего дня. Сначала о гениальном. Заслуживает внимания сама методика разрешения философских проблем: новые идеи содержат в себе достоинства старых, причем таким образом, что

прежние неудачи отпадают. Другое философское достижение атомистов состоит в обнаружении атомарного, элементарного. С чем бы вы ни имели дело — с физическим явлением, с теорией, — всегда есть элементарное: атом (в химии), ген (в биологии), материальная точка (в механике) и т.д. Элементарное выступает как неизменное, не нуждающееся в объяснении.

Наивное в идеях атомистов объясняется неразвитостью их воззрений. Обнаружив атомарность в мире событий, явлений, они еще не были в состоянии дать ей теоретическое описание. Поэтому неудивительно, что очень скоро древний атомизм встретился с трудностями, которые ему не суждено было преодолеть. В этом смысле скандальную известность приобрел тот факт, что длина гипотенузы прямоугольного треугольника с катетами единичной длины равна $\sqrt{2}$. Но $\sqrt{2}$ не является рациональным числом, т.е. нельзя длину гипотенузы представить некоторым числом атомов пространства, амер. Это подрывает самым серьезнейшим образом успехи древних атомистических построений.

В заключение приведем некоторые данные из физики. Современная физика не признает существование пустоты. Вакуум есть некоторая физическая среда, воздействующая на те процессы, которые в ней происходят. Физике пока не удается подтвердить наличие атомов времени — хрононов и атомов пространства — амер. Вместе с тем действие в самом деле квантованно, и его величина дается широко известной постоянной Планка \hbar .

Школа Сократа

Воззрения *Сократа* дошли до нас главным образом благодаря прекрасным как в философском, так и в художественном отношении произведениям *Платона*, ученика Сократа. В этой связи уместно соединить имена Сократа и Платона. Сначала о Сократе. Сократ во многом отличается от уже упомянутых философов, которые в основном имели дело с природой, а потому их называют *натурфилософами*. Натурфилософы стремились выстроить иерархию в мире событий, понять, например, как образовались небо, земля, звезды. Сократ тоже хочет понять мир, но в принципиально другой манере, двигаясь не от событий к событиям, а от общего к событиям. В этом отношении типичным для него является рассуждение о прекрасном.

Сократ говорит, что ему известно много прекрасных вещей: и меч, и копье, и девушка, и горшок, и кобылица. Но ка-

ждая вещь прекрасна по-своему, поэтому нельзя прекрасное связать с одной из вещей. В таком случае другая вещь уже не была бы прекрасной. Но все прекрасные вещи имеют нечто общее — прекрасное как таковое, это их общая идея, *эйдос*, или смысл.

Раз общее может быть обнаружено не чувствами, а умом, то Сократ отнес общее к миру ума и тем самым заложил основы почему-то многим ненавистного идеализма. Сократ как никто другой уловил, что существует родовое, общее. Ему трудно разобраться в том, существует ли общее, присущее всем объектам данного класса, только в уме или и за его пределами, но он уверен, во-первых, что оно каким-то образом существует, а во-вторых, что при объяснении мира событий, мира отдельного, надо начинать с общего. Современный образованный человек придерживается именно таких воззрений, во времена же Сократа это было большой новостью. Начиная именно с Сократа человечество уверенно стало осваивать не только мир событий, но и мир родового, общего.

Сократ, однако, не останавливается на констатации значений идей, он стремится познать их субординацию. Он приходит к убеждению, что самая главная идея — это идея блага, ею обусловлены пригодность и полезность всего остального, в том числе и справедливости. Натурфилософ начинает с атомов, стихий. Сократ начинает с блага.

Сократ интуитивно убежден, что из физики не выведешь этического, поэтому он начинает непосредственно с этического, возвышая, между прочим, его над экономическим и политическим. Для Сократа нет ничего выше этического. Такое представление займет в последующем достойное место в размышлениях философов.

Но что является этически оправданным, добродетельным? Сократ отвечает: добродетель состоит в знании добра и в действии соответственно этому знанию. Он связывает нравственность с разумом, что дает основание считать его этику рационалистической. Здесь можно “придаться” к Сократу: вот-де он упускает из виду нерациональное в нравственности. Это действительно так. Но нельзя не признать, что введение в этику разумного начала имело для человечества самое прогрессивное значение.

Но как приобрести знание? На этот счет Сократ разработал определенный метод — *диалектику*, состоящую из иронии и майевтики (рождения мысли, понятия). Ирония состоит в том, что обмен мнениями сначала дает негативный результат: “Я знаю,

что ничего не знаю". Однако этим дело не заканчивается, перебор мнений, их обсуждение позволяют достичь новых мыслей. Удивительно, но диалектика Сократа полностью сохранила свое значение до настоящего времени. Обмен мнениями, диалог, дискуссия являются важнейшим средством получения нового знания, понимания степени своей собственной ограниченности. Все это справедливо и по отношению к студентам, активность которых на семинарах открывает им дорогу к успеху.

Наконец следует отметить принципиальность Сократа. За якобы имевшее место со стороны Сократа развращение молодежи и введение новых божеств он был осужден. Имея много возможностей для избежания казни, Сократ, тем не менее, исходя из убеждений, что надо соблюдать законы страны, что смерть относится к бренному телу, но отнюдь не к вечной душе (душа вечна подобно всему общему), принял яд цикуты. Смерть Сократа потрясла, как он и предвидел, его сограждан. Но не только их. Имя бескорыстного искателя истины сохранилось бы в любом случае в веках. Обстоятельства же смерти Сократа обозначили его величие еще резче. Мыслитель превыше всего ставил добытые им знания и приобретенные на их базе убеждения. Мужество философа не сумела поколебать даже предстоящая смерть. Здесь есть над чем призадуматься.

Софисты

Сократ много и с принципиальных позиций спорил с *софистами* (V–IV вв. до н.э.; софист — учитель мудрости). Смысл этого спора имеет важное значение для понимания философии. Как это обычно бывает в споре, побежденной стороны в нем так и не оказалось.

Софисты и сократики жили в бурную эпоху: войны, разрушение государств, переход от тирании к рабовладельческой демократии, и наоборот. В этих условиях хочется понять человека в отличие от природы. Природе, естественному софисты противопоставляли искусственное. В обществе нет естественного, в том числе традиций, обычаев, религии. Здесь право на существование получает только то, что обосновано, доказано, в чем удалось убедить соплеменников. Исходя из этого софисты, эти просветители древнегреческого общества, уделяли пристальное внимание проблемам языка и логики. В своих выступлениях софисты стремились быть и красноречивыми, и логичными. Они прекрас-

но понимали, что правильная и убедительная речь есть дело “матера имен” и логики.

Исходный интерес софистов к обществу, к человеку нашел свое отражение в положении *Протагора*: “Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют”. Если бы не было слов после двоеточия и предложение ограничивалось утверждением, что “человек есть мера всех вещей”, то мы бы имели дело с принципом гуманизма: человек в своих действиях исходит из своих интересов. Но Протагор настаивает на большем: человек оказывается даже мерой самого существования вещей. Речь идет об относительности всего существующего, в том числе об относительности знания. Мысль Протагора имеет сложный характер, но ее часто понимали в упрощенном виде: какой мне кажется каждая вещь, такой она и является. Естественно, с точки зрения современной науки такие рассуждения наивны, произвол субъективной оценки в науке не признается; чтобы его избежать, существует множество способов, например измерение. Одному холодно, другому жарко, и термометр здесь к месту для определения подлинной температуры воздуха. Однако мысль Протагора довольно необычна: ощущение действительно не может ошибиться — но в каком смысле? В том, что мерзнущего надо согреть, больного вылечить. Протагор переводит проблему в практическую сферу. В этом проявляется достоинство его философской установки, она предохраняет от забвения действительной жизни, что, как известно, отнюдь не редкость.

Но можно ли согласиться с тем, что все суждения и ощущения в равной степени истинны? Вряд ли. Становится очевидным, что Протагор не избежал крайностей *релятивизма* — *учения об условности и относительности человеческого познания*.

Сократа раздражало в рассуждениях софистов засилье относительного, забвение абсолютного, неумение и даже нежелание обнаружить его. Так, когда речь заходила о справедливости, то софисты не могли прийти к одному мнению. Говоря о справедливости, Протагор ссылался на общее мнение граждан, выраженное законом. *Антифонт* видел критерий истины в естественных, природных началах человека. *Фразимах* определял справедливое как выгодное сильнейшему. *Сократ* же хотел иметь дело со справедливостью как таковой и уже на этой основе разобраться с отдельными мнениями насчет справедливости. *Сократ* превосходил софистов в понимании общего. Софисты превосходили Сократа в определениях практического, в

нацеленности на достижение конкретных практических результатов.

Разумеется, не все софисты были в равной степени изощренными в полемике мастерами, некоторые из них дали основание понимать софистику в дурном смысле слова, как способ построения ложных умозаключений и не без корыстной цели. Приводим древний софизм “Рогатый”: “То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь”.

Платон

Об идеях Платона. Тот, кто даже очень мало знает о философии, тем не менее, надо полагать, слышал имя *Платона*, выдающегося мыслителя античности. К его воззрениям, в силу их особой значимости, необходимо отнестись самым внимательнейшим образом.

Платон стремится развить сократовские представления. Вещи не рассматриваются только в их кажущемся столь привычным эмпирическом существовании. Для всякой вещи фиксируется ее смысл, идея, которая, как выясняется, для каждой вещи данного класса вещей одна и та же и обозначается одним именем. Есть множество лошадей, карликовых и нормальных, пегих и вороных, но у всех у них есть один и тот же смысл — лошадность. Соответственно можно вести речь о прекрасном вообще, благом вообще, зеленом вообще, доме вообще. Платон убежден, что без обращения к идеям никак не обойтись, ибо это единственный путь преодоления многообразия, неисчерпаемости чувственно-эмпирического мира.

Но если наряду с отдельными вещами есть еще и идеи, каждая из которых относится к какому-то определенному классу вещей, то, естественно, возникает вопрос о взаимосвязи единого (идеи) с многим. Как соотносятся друг с другом вещь и идея? Платон рассматривает эту связь двояко: как переход от вещей к идее (вещь → идея) и как переход от идеи к вещам (идея → вещь). Он понимает, что идея и вещь как-то сопричастны друг другу. Но, утверждает Платон, степень сопричастности их может достигать различного уровня совершенства. Среди многих лошадей мы без труда обнаружим и более, и менее совершенных. Ближе всего к идее лошадности наиболее совершенная лошадь. Тогда выясняется, что в рамках соотношения вещь → идея последняя есть предел становления вещи; в рамках же соотношения идея → вещь

идея есть порождающая модель того класса вещей, которому она сопричастна. Идея A вызывает к жизни $a_1, a_2, a_3, \dots, a_N$; A есть предел, к которому стремится a_N . Современный читатель платоновских текстов может удивиться: разве есть реальный механизм порождения лошадностью лошадей? Его нет. Но Платон, очевидно, прав в другом. Существуют в каком-то смысле идеи, а вещи, действительно, различаются по степени совершенства. Мысль Платона движется в границах актуальных проблем. Другое дело, каким образом он пытается их разрешить. Все снова и снова возникает вопрос о том, что же представляет собой идея. Вещь, по крайней мере такую, как камень, собачка, лист дерева, можно потрогать, “пощупать”, осмотреть, а идею — нельзя.

Может быть, идея — это просто мысль, которую при желании можно обозначить устным и печатным словом? С таким предположением Платон решительно не согласен: мысль, слово — это прерогативы человека. Идеи же существуют и без человека. *Идеи объективны. Платон — объективный идеалист*, виднейший представитель объективного идеализма. Более чем через две тысячи лет компаньоном ему в деле объективного идеализма станет Гегель!

Платон не только убежден в объективности идей, но даже считает, что они могут существовать (на небе!) и без сопричастности к ним вещей, порой переселяясь в них, порой покидая их. За эти воззрения Платона часто критиковали. Действительно, не было найдено рациональных обоснований существованию идей вне вещей. Платон, конечно же, понимал, что идея — это общее в вещах. Но это есть общее именно вещей, потому вне вещей объективных идей нет (об идее как мысли пока вообще нет речи).

Итак, что же, собственно, есть объективная идея? Общее данного класса вещей. Но в каком конкретном виде оно существует? Не в виде отдельной вещи: наряду с данными карандашами нет карандаша вообще. Именно это обстоятельство всегда вызывает затруднение у тех, кто занимается проблемой общего. Простейший жизненный опыт как-то весьма убедительно приучает нас к реальности отдельных вещей настолько, что хочется все реальное видеть именно в форме чувственно осязаемой вещи. И тем не менее общее, а Платон фактически именно общее называет идеей, действительно существует. На этот счет самые убедительные свидетельства дает наука, она и начинается с подъема от индивидуально-эмпирического к общему. Здесь не обойтись без достаточно убедительного примера научного плана, именно

научного, дабы не попасть в тенета неразвитого, ненаучного мышления.

Рассмотрим простейшие физические объекты (тела): кусок железа, кусок угля, сколько-то воды. Все три объекта обладают массой. Как масса все они качественно представляют собой совершенно одно и то же и отличаются друг от друга лишь количественно. Именно эта тождественность наших объектов друг другу и служит основанием для их измерений одной и той же мерой — граммом, килограммом. Определяя массу объектов, мы измеряем не их железистость, углеватость и водность, а то, что для них является общим, — массу. Тут все достаточно просто: не было бы этого общего, невозможен был бы сам процесс измерения. Измеряя, мы всегда имеем дело с общим, но оно количественно оформлено. Мы имеем дело с m_1 , m_2 , m_3 , но не с M в виде отдельной массы. Как видим, общее (идея) существует реально. Для науки было бы совершенно убийственно отказаться от признания реальности общего (идеи).

Общее существует, и в лице Платона объективный идеализм имеет великую заслугу перед человечеством. После того как мы разобрались с тем, что, собственно, есть платоновская идея, обратимся вновь к проблеме ее сопричастности отдельным вещам — речь фактически идет о соотношении общего и отдельного.

Как мы видели выше, Платон мыслил себе определенный механизм перехода как от вещей к идее, так и от идеи к вещам. Между тем общее (идея) и отдельное (вещь) настолько тесно сопричастны друг другу, что отсутствует какой-либо реальный механизм перехода от одного к другому. По поводу характеристик перехода от идеи к вещам или от вещей к идее современная наука безмолвствует. Идея не является некой порождающей моделью, и соответственно она не есть предел становления вещей данного класса. В качестве порождающей модели люди используют *идеалы*, но идеалы — это не объективные идеи, а некоторые ценностные убеждения.

Опыт развития науки показал, что любое отдельное свойство или отношение — это всегда определенным образом оформленное общее. Слитность общего и отдельного — фундаментальный факт бытия, выявленный в ходе развития человечества. Надо принять этот факт. Но одно дело — реальное бытие, а другое — мыслительная, теоретическая деятельность. В теоретической деятельности мысль интерпретирует реально общее. Разумеется, перед Платоном возникал вопрос о путях выработки мысли. Вместе со своим учителем Сократом он считал, что выработке

мыслей, их рождению способствуют диалектика, обмен мнениями, духовный поиск, дискуссия. Платон дополнял диалектику утверждением, что душа воспринимает шаг за шагом, все более отчетливо то, что она созерцала, будучи в кругу других идей, на небе. Надеемся, читатель способен самостоятельно критически оценить утверждение о небесном бытии идей.

Космология Платона. Платон мечтал создать всеобъемлющую концепцию мира. Отлично сознавая мощь созданного им аппарата идей, он стремился выработать представление как о Космосе, так и об обществе. Весьма показательно, как Платон использует в этой связи свою концепцию идей, скромно замечая, что он претендует лишь на “правдоподобное мнение”. Космическую картину мира Платон дает в диалоге “Тимей”.

Исходный пункт Платона таков: постулируется существование идей (ясно, что Платон не мог не начать с них), материи и Бога, который понимается как *демиург*, т.е. мастер. Из смеси идей и материи демиург создает мировую душу и распространяет по всему пространству. Мировая душа в своем исходном состоянии делится на стихии — огонь, воздух, землю. Соответственно гармоническим математическим отношениям Бог придал Космосу наиболее совершенную форму — форму сферы. В центре Космоса — Земля. Орбиты планет и звезд подчиняются гармоническим математическим соотношениям. Бог-демиург творит также и живые существа.

Итак, Космос — это одаренное разумом живое существо. Структура мира такова: божественный разум (демиург), мировая душа и мировое тело. Все происходящее, временное, равно как само время, есть образ вечного, идей.

Платоновская картина Космоса подвела своеобразный итог натурфилософии природы в IV в. до н.э. На протяжении многих веков, по крайней мере до эпохи Возрождения, эта картина мира стимулировала философский и частнонаучный поиск. Самые изощренные современные космологи имеют возможность по достоинству оценить заслуги Платона. Наиболее важным для науки оказалась опора на идеи и их математическое содержание. Именно в этом деле Платон был первооткрывателем.

Разумеется, в целом ряде отношений платоновская картина мира не выдерживает критики. Она умозрительна, придумана, не соответствует современным данным науки. Но вот что удивительно: даже с учетом всего этого было бы весьма опрометчиво сдавать ее в архив. Дело в том, что далеко не всем доступны на-

учные данные, тем более в каком-то обобщенном, систематизированном виде. Платон же был великим систематиком, его картина Космоса проста, по-своему понятна многим. Она необычайно образна: Космос одушевлен, гармоничен, в нем на каждом шагу встречается божественный разум. По указанным и другим основаниям, платоновская картина Космоса имеет своих сторонников и поныне. Оправдание такому положению мы видим еще и в том, что в скрытом, неразвернутом виде она содержит потенциал, который может быть использован продуктивно и в наши дни. “Тимей” Платона — это миф, но миф особенный, построенный с логическим и эстетическим изяществом. Это не только значительное философское, но и художественное произведение.

Учение Платона об обществе. Размышляя об обществе, Платон вновь стремится использовать концепцию идей. Многообразие потребностей человека и невозможность удовлетворения их в одиночку является побудительным мотивом для создания государства. По Платону, величайшим благом является справедливость. Несправедливость — это зло. Последнее он относит к следующим типам государственного устройства: тимократии (власти честолюбцев), олигархии (власти богатых), тирании и демократии, сопровождающейся произволом и анархией.

Справедливое государственное устройство Платон “выводит” из трех частей души: разумной, аффективной и вожделеющей. Одни разумны, мудры, они способны и, следовательно, должны управлять государством. Другие — аффективны, мужественны, им суждено быть стратегами, военачальниками, воинами. Третьи, обладающие по преимуществу вожделеющей душой, сдержанны, им надо быть ремесленниками, земледельцами. Итак, имеются три сословия: правители; стратеги; земледельцы и ремесленники. Далее Платон дает массу конкретных рецептов, например, чему кого надо учить и как воспитывать, предлагает лишить стражей собственности, установить для них общность жен и детей, вводит различного рода регламентации (порой мелочные). Строгой цензуре подвергается литература, все, что способно опорочить идею добродетели. В загробном мире — а душа человека как идея продолжает существовать и после его смерти — добродетельных ждет блаженство, а порочных — ужасные муки.

Платон мысленно строит идеальное государство, которое, по его мнению, могло бы предотвратить многочисленные несправедливости. Он исходит из идеала и строит идеальное государство, которое было бы столь же неизменным, как и его идея. Платон

хотел бы достигнуть идеала, а получилась, как свидетельствует более чем двухтысячелетняя послеплатоновская история, утопия, в которой исследователи разгадали идеализацию, представление общественных отношений древней Спарты более совершенными, чем они на самом деле были. После Платона будут созданы новые утопии и всякий раз — из самых благих устремлений.

В своем учении об обществе Платон как бы дублирует те же философские представления, что и в учении о природе: начинает с идей, идеи понимаются как порождающие модели и вместе с тем как идеалы. А сами идеалы строятся умозрительно, на основе исторически ограниченного знания. В итоге получается утопия. Нам предстоит дать философскую оценку такого рода методологии, в данном случае на примере учения Платона об обществе. В этой связи обратимся к критике платоновских воззрений крупнейшим современным философом, постпозитивистом *К. Поппером*.

Поппер ни много ни мало обвиняет Платона в том, что он враг открытого, демократического общества, предтеча тоталитарного, то ли социалистического, то ли фашистского, общества. Корни ошибок Платона Поппер видит в учении об идеях. Идеи, мол, фикции, а поэтому от них ничего, кроме утопии, нельзя ожидать. Согласно Попперу, надо исходить из реальных жизненных ситуаций и шаг за шагом трансформировать их к лучшему. Было бы, наверное, неразумно пренебрегать выводами Поппера, во многих отношениях великолепного философа. И все-таки, думается, в критике Платона Поппер излишне суров, более того, недостаточно гибок. Неужели великий философ древности, каковым несомненно является Платон, должен быть действительно назван врагом современного общества?

С высот сегодняшнего дня Платона критиковать довольно просто: что это, например, за рецепт — ввести общность жен и детей? Но ведь современному автору должно быть совершенно очевидно, что не устаревшие воззрения Платона должны нас интересовать в первую очередь.

Платон начинает с идеи, это правильно. Далее он исходит из идеала. И это верно. Все самые умные авторы поступают таким же образом, используя представления об идее и идеале. У Платона идеал — справедливость, у Поппера — свобода. Идеал справедливости вполне уместен, а вот идеал свободы был, к сожалению, чужд Платону. Кроме того, Платон конкретизирует идеал справедливости крайне умозрительно, без опоры на реальные факты. Именно это — путь к утопии.

Таким образом, идейная основа платоновских размышлений заслуживает самой высокой оценки, без нее нельзя представить современного человека. Мы имеем в виду проблематику идей и идеалов. Этому следует учиться у Платона и, кстати, добиться успеха на этом поприще отнюдь не просто. Что же касается ошибок Платона, то они как бы скорректированы современным знанием, исправлены, и нет никакой необходимости следовать им. Отметим еще раз: вклад выдающихся философов в развитие мировой цивилизации должен оцениваться комплексно, с выделением главного и второстепенного в их творчестве. На философских весах положительные стороны философии Платона, несомненно, перевешивают ее отрицательные аспекты.

Этика Платона. Платон сумел выявить многие острейшие философские проблемы. Одна из них касается соотношения концепции идей и этики. На вершине иерархии сократовских и платоновских идей находится идея блага. Но почему именно идея блага, а не идея, например, красоты или истины? Платон рассуждает таким образом: "...то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, то ты и считай идеей блага, причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно то и другое — познание и истина, — но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав". Благо проявляется в различных идеях: и в идее красоты, и в идее истины. Иначе говоря, Платон ставит этическое (т.е. идею блага) выше эстетического (идеи красоты) и научно-познавательного (идеи истины). Платон отлично сознает, что этическое, эстетическое, познавательное, политическое как-то соотносятся друг с другом, одно определяет другое. Сознательный выбор Платона известен: все самое лучшее есть проявление идеи блага. Можно не соглашаться с Платоном, но вряд ли приходится отрицать, что Платону — именно благодаря предпочтительному отношению к идее блага — удалось создать весьма сбалансированную картину мироздания, где не только все согласовано, но и находится в соответствии с высокими принципами нравственности. Попробуйте вопреки Платону на место идеи блага поставить какую-либо политическую идею, например идею власти. Сразу же картина мироздания станет куда менее симпатичной.

Убежденный в том, что среди идей доминирует идея блага, Платон, будучи последовательным в своих рассуждениях, каждую идею "нагружает" нравственным содержанием. И, следует

отметить, действует в этом отношении довольно прямолинейно. Идея оказывается одновременно идеалом, образцом, да еще нравственным образцом.

С позиций современного философского знания Платон излишне сближает идеи с ценностями и идеалами. Ученый, математик, физик используют идеи, но, возможно, не обязательно они являются ценностно нагруженными, тем более идеалами. В то же время человек определенным образом сепарирует идеи, ему приходится иметь дело и с идеями-ценностями, предельным случаем которых являются идеалы. Во времена Платона развитого учения о ценностях, т.е. аксиологии, не было, поэтому неудивительно, что он некритически объединяет идейное и ценностное. Но зато Платон не допускает излишней изоляции одного от другого, что весьма характерно для современного научного, равно как и для любого другого знания. Вновь мы встречаемся с прелюбопытной ситуацией: вроде бы Платон не прав в разрешении проблемы соотношения идеи и идеала, но существенно, что он как-то решает именно ту проблему, которая представляет трудность для современных исследователей.

Платон как эстетик. Теория любви. В диалогах Платона герои не без пафоса говорят о прекрасном. Однако, как ни странно, они же дают низкую оценку искусству. Платон полагает, что искусство не приближает к благу и истине, а удаляет от них. Искусство есть мимесис, т.е. подражание чувственному. Но чувственное далее всего отстоит от мира идей, истинных и благих. Искусство как подражание чувственному отстоит от блага особенно далеко. Неистинное, копированное не заслуживает высокой позитивной оценки.

В рассуждениях Платона непросто обнаружить ошибку, но она есть. Он чрезмерно отдаляет друг от друга чувственное и идеальное, в результате чувственное оказывается неудовлетворительной альтернативой идее. Если бы Платон понимал единство, слитность чувственного и идей, ему пришлось бы отказаться от теории мимесиса. Чувственное и идейное лишь в грубой абстракции противостоят друг другу. Большинство авторов вопреки Платону считают, что прекрасное возвышает человека.

Но эстетический потенциал философии Платона огромен, о чем свидетельствует, в частности, его теория любви. Именно в ней он задействовал идею прекрасного в чувственной полноте. Истинная любовь — это продвижение к прекрасному, весьма скромное в физиологическом желании тела, как мужского, так и

женского, более высокое в очарованности душой другого человека и, наконец, достигающее предела в сиянии блага. В конечном счете Платон объединяет эстетическое с этическим.

Платон гениален в том, что он плодотворнейшим образом возделывает проблемное поле философии, осмысление которого становится неперменным делом всякого образованного, тем более интеллигентного, человека. Ныне, как и двадцать четыре столетия назад, философия Платона стимулирует развитие человека, общества. В этом, пожалуй, состоит главная тайна многовековой значимости философии Платона. В центре этой философии находится учение об идеях. По большому счету Платон не устарел, его философия по-прежнему актуальна. Тот, кто достаточно смел в использовании своего свободного времени и способен часть его посвятить изучению творчества Платона, будет стократно вознагражден, наградой ему будет не только общение с великим мыслителем, но и максимально быстрое индивидуальное духовное развитие.

Аристотель

Аристотель наряду с *Платоном*, своим учителем, — величайший древнегреческий философ. В целом ряде отношений Аристотель выступает вроде бы как решительный противник Платона. По сути же он продолжает дело своего учителя. Аристотель детальнее Платона входит в тонкости различного рода ситуаций. Он конкретнее, эмпиричнее Платона, его по-настоящему интересует индивидуальное, жизненно данное. Как древний грек, Аристотель не смог избежать созерцательности, но его созерцательность отличается от созерцательности Платона своей нацеленностью на конкретное, можно даже сказать, пафосом конкретного.

Материя и эйдос (форма). Четыре причины. Движение. Аристотель был недоволен тем, что, по его мнению, платоновские идеи как-то несопричастны единичным вещам, на их основе никак не объяснить то, что происходит с вещами. Платон же не обратился к первым подлинным сущностям, он оперировал вторыми сущностями. Первая же сущность — это просто отдельный предмет, единичное бытие. Самобытное единичное бытие Аристотель называет *субстанцией*. Это такое бытие, которое не способно пребывать в другом бытии, оно существует в самом себе. Мир есть совокупность субстанций, каждая из них — не-

которое единичное бытие. Но что такое само единичное бытие? Как разрешить этот вопрос, на который не нашел четкого ответа Платон?

По Аристотелю, единичное бытие есть сочетание материи и эйдоса (формы). Материя — это возможность бытия и вместе с тем некоторый субстрат. Из меди можно сделать шар, статую, т.е. как материя медь есть возможность шара и статуи. Применительно к отдельному предмету сущностью всегда оказывается форма (шаровидность по отношению к медному шару). Форма — это последнее видовое различие. Форма выражается понятием. Так, понятие шара справедливо и тогда, когда из меди еще не сделали шар. Когда материя оформлена, то нет материи без формы, равно как формы без материи. Выходит, что эйдос — форма — это и сущность отдельного, единичного предмета, и то, что охватывается этим понятием. Все это весьма напоминает теоретический способ мышления. Мы пользуемся, например, понятием массы m и вместе с тем массу отдельного предмета считаем m_n . Обратите внимание на переход от m_n к m или, если хотите, от m к m_1 . Здесь есть плавность идеи или, как говорили древние греки, сопричастность одного другому. Аристотель стоит у основ современного научного стиля мышления. Между прочим, когда современный человек говорит и думает о сущности, то своей рационалистической установкой он обязан именно Аристотелю.

Всякая вещь имеет четыре причины: сущность (форму), материю (субстрат), действие (начало движения) и цель (“то, ради чего”). Но и действующую причину, и целевую причину определяет эйдос, форма. Эйдос определяет переход от материи-вещности к действительности, это основное динамическое и смысловое содержание вещи. Здесь мы имеем дело, пожалуй, с главным содержательным аспектом аристотелизма, центральный принцип которого — становление и проявление сущности, первостепенное внимание к динамике процессов, движению, изменению и к тому, что с этим связано, в частности к проблеме времени.

Исходные моменты аристотелевской философии неминуемо приводят к рассмотрению последовательных стадий становления оформленной материи. Существует целая иерархия вещей (вещь = материя + форма), от неорганических объектов до растений, живых организмов и человека (эйдосом человека является его душа). В этой иерархической цепи особый интерес представляют крайние звенья. Между прочим, начало и конец всякого процесса обычно имеют особое значение.

В рассматриваемой цепи началом является первая материя как чистая возможность, т.е. еще не оформленная определенным образом. Интересно, что это аристотелевское представление привлекло пристальное внимание физиков в XX в. (*В. Гейзенберг* и др.). Дело в том, что, согласно квантовой механике, микроявления до взаимодействия с макроприборами существуют в виде макровозможностей. Оказалось, что Аристотелю в свое время удалось уразуметь нечто очень важное, а именно тот факт, что действительность есть осуществленная возможность.

Обратимся теперь к конечному звену иерархии вещей. Ясно, что здесь Аристотелю приходится иметь дело не с материей, а с эйдосом, ибо именно эйдос, в отличие от пассивной материи, есть динамическая причинно-целевая программа. Речь идет об эйдосе, который является эйдосом всех эйдосов. Это перводвижитель и вместе с тем первоум. Аристотель рассуждает весьма логично: раз всякий эйдос динамичен и понятен, то эйдос эйдосов также динамичен и “умен”. Ум-перводвижитель — это принцип всего, Космоса в целом, это все материальное в пределе своего становления — как динамического, так и целевого (энтелехиального), равно как и смыслового (умственного). Концепция ума-перводвижителя явилась логическим заключительным звеном развиваемых Аристотелем представлений о единстве материи и эйдоса. Ум-перводвижитель Аристотель называет богом. Но это, разумеется, не персонифицированный христианский Бог. Впоследствии, через века, христианские теологи с интересом отнесутся к аристотелевским воззрениям.

Возможностно-динамическое понимание Аристотелем всего существующего обусловило целый ряд весьма плодотворных подходов к разрешению тех или иных проблем, в частности к проблеме пространства и времени. Аристотель рассматривал их вслед за движением, а не просто как самостоятельные субстанции. Пространство выступает как совокупность мест, каждое место принадлежит какой-то вещи. Время есть число движения; подобно числу, оно является одним и тем же для различных движений. В философском отношении Аристотель здесь отчасти предвосхищает те представления о пространстве и времени, к которым приведет специальная теория относительности *А.Эйнштейна*.

О соотношении идей Платона и форм Аристотеля. Платон и Аристотель — основатели науки как величайшего достижения человеческой культуры. Чтобы понять содеянное двумя гениальными философами, нам придется оценить его с позиций современной науки. Более развитая теория всегда есть ключ к пони-

манию менее развитой концепции. Большое видится на расстоянии. Оставаясь на античной почве, трудно дать адекватную оценку творчеству Платона и Аристотеля.

Содержание современной науки фиксируется посредством особых концептов, *конструктов* логико-математических дисциплин, *понятий* естествознания, *ценностей* гуманитаристики. Обратите особое внимание на то, как именно это делается.

Допустим, ученому необходимо описать физическое явление и поступок человека. В первом случае исследователь использует понятия и утверждает, например, что для явления характерны масса (m_1), импульс (p_1), энергия (E_1). Во втором случае ученый использует ценности и говорит, что данный субъект свободолюбив (C_1), честен ($Ч_1$), ответствен (O_1). Как видим, в обоих случаях используется некий концепт, его спецификация, т.е. не просто m , а m_1 , не абстрактное O , а O_1 . Общее и единичное как бы склеены друг с другом.

Возвращаясь мысленно в античность, мы тут же прозреваем: общее наиболее основательно образом осмыслил в качестве идей Платон, а единичное, посредством представления о формах, — Аристотель. Оба несколько путано представляли себе слитность общего и единичного, но именно они заложили краеугольные камни современной науки.

Логика и методология. В трудах Аристотеля значительно совершенства достигла логика и вообще концептуальный анализ. Многие современные исследователи считают, что самое главное в логике сделано именно Аристотелем.

Аристотель весьма подробно рассматривает ряд категорий, каждая из которых выступает у него в тройном виде: 1) как род бытия; 2) как форма мысли; 3) как высказывание. Категории, которыми особенно умело оперирует Аристотель, суть следующие: сущность, свойство, отношение, количество и качество, движение (действие), пространство и время. По поводу каждой из этих категорий Аристотель формулирует множество ценных идей, которые и поныне привлекают внимание исследователей.

Но Аристотель оперирует не только отдельными категориями, он анализирует высказывания, взаимоотношения между которыми определяются тремя знаменитыми законами формальной логики.

Первый закон логики — закон тождества (A есть A), т.е. понятие должно употребляться в одном и том же значении. Второй закон логики — закон исключенного противоречия (A не есть

не- A). Третий закон логики — закон исключенного третьего (A или не- A истинно, “третьего не дано”).

На основе законов логики Аристотель строит учение о силлогизме (буквально: о сосчитывании высказываний). Смысл силлогизма состоит в том, что в нем два крайних термина S и P соединяются посредством третьего M , общего обеим посылкам. В итоге получается определение, называемое выводом. Например:

Все граждане России имеют право на труд (общее правило S).

Иванов — гражданин России (меньшая посылка P).

Иванов имеет право на труд (вывод M).

Как видим, вывод M содержится уже в большей (S) и меньшей (P) посылках, т.е. силлогизм есть метод раскрытия готового знания. Силлогизм нельзя отождествлять с доказательством вообще. Есть доказательства, которые отличаются от силлогизмов.

Аристотель весьма четко раскрывает содержание знаменитого сократовского диалогического метода. Диалог содержит: 1) постановку вопроса; 2) стратегию задавания вопросов и получения ответов на них; 3) правильное построение умозаключения. Однако сама по себе логика не дает знания эйдосов, общих принципов. Отыскание первых начал дело не логики, а философии (метафизики), т.е. осуществляемого в ее рамках умопостижения эйдосов. Философское творчество, по Аристотелю, нельзя втиснуть в рамки логики.

Общество. Этика. В своем учении об обществе Аристотель более конкретен и дальновиден, чем Платон, вместе с последним он считает, что смысл жизни не в удовольствиях, как считали гедонисты, а в совершеннейших цели и счастье, в осуществлении добродетелей. Но вопреки Платону благо должно быть достижимым, а не потусторонним идеалом. Цель человека — стать существом добродетельным, а не порочным. Добродетели — это позволяющие контролировать страсти приобретаемые качества, среди них наиважнейшие — мудрость, рассудительность, мужество, щедрость, великодушие. Гармоничным сочетанием всех добродетелей является справедливость. Добродетелям можно и нужно научиться. Они выступают серединой, компромиссом благоразумного человека: ничего слишком... Великодушие есть середина между тщеславием и малодушием, мужество — середина между безрассудной отвагой и трусостью, щедрость — середина между расточительством и скупостью. Этику в целом Аристотель определяет как практическую философию.

Формы государственного устройства Аристотель делит на правильные (достигается общая польза) и неправильные (имеет-ся в виду лишь польза для некоторых).

<i>Правильные формы:</i>	<i>Количество правлящих:</i>	<i>Неправильные формы:</i>
Монархия	Один	Тирания
Аристократия	Богатое меньшинство	Олигархия
Полития	Большинство	Демократия

Аристотель связывает определенное государственное устройство с принципами. Принцип аристократии — добродетель, принцип олигархии — богатство, принцип демократии — свобода и нищета, в том числе духовная. Аристотель рассуждает весьма фундаментально, в этом сила его философских размышлений. Что же касается его собственных предложений (он высказывается в пользу монархии и политии), то на них лежит печать принадлежности Аристотеля к городу-государству, полису.

Интересно отметить, что современные политики в философском отношении подчас уступают Аристотелю. Быть может, всего рельефнее это проявляется в односторонности выбираемых ориентиров, когда во что бы то ни стало стремятся достигнуть чего-то одного-единственного, например, преобладания либо частной, либо общественной собственности. Знаменитый древнегреческий тезис “ничего слишком” остается непонятым.

Аристотель фактически подвел итог развитию классической древнегреческой философии. Он создал весьма дифференцированную систему знаний, освоение которой продолжается и поныне.

Философия эллинизма

Наша очередная задача состоит в рассмотрении послеклассического периода развития философии античности. Разумеется, здесь нельзя не конкретизировать уже выработанные в классике представления, в том числе их идейно-смысловой характер. Особый интерес вызывал сам человек, субъект. Философия была призвана как-то сориентировать эллина (эллин — древний грек, живший в эпоху *Александра Македонского*) в мире все новых потрясений.

В этих условиях наиболее востребованными оказались этические теории, на которых лежит печать как исторической актуальности, так и исторической ограниченности. Ниже рассматри-

ваются четыре главных философских течения эллинизма: кинизм, стоицизм, эпикуреизм и скептицизм.

Кинизм. Основателем кинизма является ученик Сократа Антисфен, организовавший свою школу в гимназии Киносорга. Кинизм буквально означает “собачья философия” (*кине* — собака). Неприхотливый образ жизни Сократа навел Антисфена на мысль, что человек может стать по-настоящему самодостаточным и свободным лишь при сведении своих потребностей к минимуму. Антисфен умер задолго до походов Александра Македонского. Современником последнего был знаменитый киник Диоген Синопский, живший в глиняной бочке. Именно он стал символом кинизма.

Диоген руководствовался в своем поведении следующими тремя моральными максимами: анадея (свобода), аскеза (самовоспитание под воздействием физических перегрузок, непризнание наслаждений), автаркия (самодостаточность, реализуемая как безразличие к благам). Греки воздвигли Диогену памятник в форме собаки в благодарность за то, что он указал “наипростейший путь к жизни”.

Латиняне называли киников циниками. Критики ставят в вину киникам духовную недоразвитость. За кинизмом обычно не признается статус зрелой философской системы.

Стоицизм. Как философское направление стоицизм просуществовал с III в. до н.э. до III в. н.э. Слово “стоицизм” произошло от древнегреческого слова *stoa* (портик). Первые стоики встречались в расписном афинском портике (галерее с колоннами). Главными представителями раннего стоицизма были *Зенон Китийский*, *Клеанф* и *Хрисипп*. Позднее в качестве стоиков прославились *Плутарх*, *Цицерон*, *Сенека*, *Марк Аврелий*.

Физические воззрения стоиков малооригинальны. Считается, что тело мира составлено из огня, воздуха, земли и воды. Душа мира — это огненная и воздушная пневма, некое всепроникающее дыхание. По давней античной традиции, огонь считался стоиками основным элементом, из всех элементов он наиболее всепроникающ, жизнен. Благодаря этому весь Космос, в том числе и человек, — это единый огненный организм со своими законами (логосом) и текучестью. Главный вопрос для стоиков состоит в определении места человека в Космосе.

Тщательно продумав ситуацию, стоики приходят к убеждению, что законы бытия неподвластны человеку, человек подвержен року, судьбе. От судьбы деться некуда, действительность нуж-

но принять такой, какой она является, со всей ее текучестью телесных свойств, обеспечивающей многообразие человеческой жизни. Судьбу, рок можно ненавидеть, стоик же скорее склонен ее любить, получая отдохновение в рамках доступного.

Стоики стремятся обнаружить смысл жизни. Эйдосы и категории Платона и Аристотеля их уже не устраивают, они не могут в них усмотреть текучесть жизни и ее смысл. Смыслом не являются и физические субстанции, тот же огонь. Но что же есть суть субъективного?

Слово, отвечают стоики, его смысловое значение (лектон). Лектон — смысл — выше всяких положительных и отрицательных суждений, речь идет о суждении вообще. Лектон осуществляется и во внутренней жизни человека, создавая состояние атараксии, т.е. душевного спокойствия, невозмутимости. Стоик отнюдь не безразличен ко всему происходящему, совсем напротив, он относится ко всему с максимальным вниманием и интересом. Но он еще определенным образом понимает мир, его логос, закон и в полном соответствии с ним сохраняет душевное спокойствие. Довольно неожиданно появляется выход из самой затруднительной ситуации. Клеанф в гимне Зевсу восклицает: “Жалкие! Вечно гоняясь за призраком блага летучим, общего в боге закона не видят они и не слышат, следуя коему, жизнь они в счастье могли бы устроить... ведь большего нет ни богам наслажденья, ни людям, как в справедливости славить закона всеобщую силу”.

Этика стоиков, принесшая им мировую славу, содержит представления о добродетелях и долге. Что мешает счастливой жизни? Страсти — печаль, страх, вожделение и удовольствие. Отсюда вывод: страсти следует контролировать посредством добродетелей, которые вырабатывает разум, а это прежде всего разумность, мужество, предусмотрительность и решимость.

Особо следует сказать о стоическом понимании долга. Долженствование выступает по отношению: 1) к природе как ответственность ей, 2) к себе как необходимость культивирования добродетелей, 3) к другим как дружба. Стоик считает неизбежным для себя следовать закону, но в его рамках каждый свободен. Сенека, римский стоик, восклицал: “Вынь натертую шею из ярма: пусть ее лучше однажды перережут, чем все время давят”.

Итак, главные моменты стоической картины мира таковы:

1) Космос — это огненный организм;

2) человек существует в рамках космических законов, отсюда его фатализм, судьбоносность, своеобразная любовь к тому и другому;

3) смысл мира и человека — лектон, значимость слова, которая нейтральна как к психическому, так и к физическому;

4) понимание мира включает этику добродетелей и долга; часто, но далеко не всегда оно приводит к состоянию атараксии, бесстрастности;

5) не только отдельный человек, но и люди в целом составляют неразделимое единство с Космосом; Космос можно и нужно рассматривать и как бога, и как мировое государство (тем самым получает свое развитие идея пантеизма (природа есть бог) и идея человеческого равенства).

В заключение отметим, что уже ранние стоики выделили ряд глубочайших философских проблем. Если человек подвластен различного рода законам, физическим, биологическим, социальным, то в какой мере он свободен? Как ему относиться ко всему тому, что его ограничивает? Чтобы хоть как-то совладать с этими вопросами, необходимо и полезно пройти школу стоической мысли.

Эпикуреизм. Крупнейшими представителями эпикуреизма являются сам *Эпикур* и *Лукреций Кар*. Эпикуреизм как философское направление существовал в то же самое историческое время, что и стоицизм — это период V–VI веков на рубеже старой и новой эры. Как и стоики, эпикурейцы ставят прежде всего вопросы устройства, комфорта личности в сложных исторических условиях рабовладельческого общества в поздний период его развития. Огнеподобность души — общее представление у стоиков и эпикурейцев, но стоики видят за ней некоторый смысл, а эпикурейцы — основу ощущений. У стоиков на первом плане — разум, сообразный с природой, а у эпикурейцев — ощущение, сообразное с природой. Чувственный мир — вот что для эпикурейцев представляет главный интерес. Отсюда основной этический принцип эпикурейцев — удовольствие. Учение, которое во главу угла ставит удовольствие, называется *гедонизмом*. Содержание чувства удовольствия эпикурейцы понимали отнюдь не упрощенно и тем более не в вульгарном духе. У Эпикура речь идет о спокойствии благородном, если хотите, уравновешенном удовольствии.

Для эпикурейцев чувственный мир — это настоящая реальность. Мир чувственности необычайно изменчив, множествен. Эпикурейская реальность получает свое отображение в принципе атомарности. Чувственный мир изменчив, но не настолько, чтобы он был абсолютно непрерывен. Есть предельные формы чувств, чувственные атомы, или, иначе говоря, атомы не сами

по себе, а в мире чувств. Атомов много; эпикурейцы в противовес стоикам выступают за примат множественности. Но тогда ставится под сомнение представление о стоическом роке, судьбе. Эпикур оформляет это очень красиво в форме идеи о том, что атомы могут спонтанно отклоняться в ту или иную сторону. По *Демокристу*, мир образовался от взаимного столкновения атомов. Эпикур наделяет атомы самопроизвольностью, “свободой воли”. Атомы движутся по кривым, сплетаются и расплетаются. Представлению о стоическом роке приходит конец.

Эпикуреец не имеет над собой какого-либо господина, нет необходимости, он обладает свободой воли. Он может уединяться, предаваться собственным наслаждениям, погружаться в самого себя. Эпикуреец не боится смерти: “Пока мы существуем, нет смерти; когда смерть есть, нас более нет”. Жизнь — вот главное наслаждение, с ее началом и даже концом. (Умирая, Эпикур принимал теплую ванну и просил принести ему вина.)

Человек состоит из атомов, которые обеспечивают ему богатство мира ощущений, где он всегда может найти для себя удобную обитель, отказываясь от активной деятельности, стремления переустроить мир. Эпикуреец относится к жизненному миру совершенно бескорыстно и вместе с тем стремится слиться с ним.

Если довести качества эпикурейского мудреца до абсолютно-го предела, то мы получим представление о богах. Они тоже состоят из атомов, но нераспадающихся атомов, а потому боги бессмертны. Боги блаженны, им нет никакой необходимости вмешиваться в дела людей и мироздания. Да это и не дало бы какого-либо положительного результата, ибо в мире, где есть свобода воли, нет и не может быть устойчивых целенаправленных действий. Поэтому богам на Земле делать нечего, Эпикур помещает их в межмировое пространство. Но богопочитаемость Эпикур не отрицает (он и сам посещал храм). Это надо понимать в том смысле, что, почитая богов, человек сам укрепляется в правильности своего собственного самоустранения от активной практической жизни на путях эпикурейских представлений. Перечислим главные из них:

1) все состоит из атомов, которые могут самопроизвольно отклоняться от прямолинейных траекторий;

2) человек состоит из атомов, что обеспечивает ему богатство чувств и удовольствий;

3) мир чувств не иллюзорен, он — главное содержание человеческого, все остальное, в том числе идеально-мыслительное, “замыкается” на чувственную жизнь;

4) боги безразличны к человеческим делам (об этом, мол, свидетельствует наличие зла в мире).

5) для счастливой жизни человеку необходимы три главные составляющие: отсутствие телесного страдания (апония), невозмутимость души (атараксия), дружба (как альтернатива политическим и другим противостояниям).

Скептицизм. Скептицизм — характернейшая черта всей античной философии; как самостоятельное философское направление он функционирует в период актуальности стоицизма и эпикуреизма. Крупнейшие представители — *Пиррон* и *Секст Эмпирик*.

Античный скептик отвергал познаваемость жизни. Для сохранения внутреннего спокойствия человеку нужно очень много знать из философии, но не для того чтобы что-то отрицать или, наоборот, утверждать (всякое утверждение есть отрицание, и, наоборот, всякое отрицание есть утверждение). Античный скептик отнюдь не нигилист, он живет как хочет, принципиально избегая необходимости что-то оценивать. Скептик находится в постоянном философском поиске, но он убежден, что подлинное знание в принципе недостижимо. Бытие выступает во всем многообразии своей текучести (вспомните Гераклита): вроде бы и есть что-то определенное, но оно тут же исчезает. Скептик указывает в этой связи на само время, оно и есть, но его и нет, “ухватиться” за него нельзя. Устойчивый смысл вообще отсутствует, все текуче, поэтому живи так, как хочешь, принимай жизнь в ее непосредственной данности. Познавший многое не может придерживаться строго однозначных мнений. Скептик не может быть ни судьей, ни адвокатом. Скептик *Карнеад*, посланный в Рим ходатайствовать об отмене налога, один день выступал перед публикой за налог, другой день — против налога. Мудрецу-скептику лучше помолчать. Его молчание и является философским ответом на поставленные ему вопросы. Воздерживаясь от определенных суждений, скептик остается невозмутимым. Молчание скептика можно считать мудрым выходом из ситуации, но в нем нельзя не видеть и известную пустоту мысли. Перечислим основные положения античного скептицизма:

- 1) мир текуч, у него нет смысла и четкой определенности;
- 2) всякое утверждение есть вместе с тем и отрицание, всякое “да” есть вместе с тем и “нет”; подлинная философия скептицизма — молчание;
- 3) следуйте “миру явлений”, сохраняйте внутренний покой.

Античный скептицизм по-своему довел до предела философские попытки справиться с трудностями жизни без ее логико-идейного осмысления. Молчание — это и своеобразный конец философского поиска, и указание на то, что необходимы новые усилия.

Эллинистическая наука

Актуальная философия всегда способствует развитию наук и органичным образом усваивает все их достижения. Как осмысление конкретных наук философия есть *метанаука*. Для понимания античной культуры очень важно уяснить себе содержание соотношения философии и наук. Чего они добились в своем союзе и насколько он был плодотворен?

Походы *Александра Македонского* привели к проникновению греческой культуры в наиболее заселенные районы мира от Египта до Индии. Он перенес центр основанной им империи в построенный на берегу Средиземного моря город Александрию. После смерти Александра Египтом правила династия *Птолемеев*, покровительствующая наукам. При них был построен Музей (Мусейон), при котором жили и работали ученые. Наряду с Александрией в качестве центров эллинистической науки выступали Сиракузы и Афины. Деятельности Мусейона положили конец христианские (415 г.) и мусульманские (645 г.) фанатики.

Визитной карточкой эллинистической науки была, бесспорно, математика, подготовленная в философском отношении Платоном и Аристотелем. Символом античной науки по праву считаются знаменитые “Начала” гениального математика *Евклида* (III в. до н.э.). Греция считается колыбелью дедуктивно-рациональной математики, новизна которой состояла в том, что она добивалась неопровержимых выводов, правильных не для частных, а для всех случаев. Еще до греков многочисленные математические сведения были накоплены древними индийцами и египтянами. Но они не умели обосновывать правильность проводимых ими обобщений. В когорту выдающихся греческих математиков наряду с Евклидом по праву должны быть зачислены *Евдокс*, *Аполлоний*, *Архимед*, *Диофант*. Архимед прославился не только в качестве математика, но и как изобретатель теории рычагов, статики и гидростатики. Он и математик, и физик, и техник.

Немалых успехов добились эллины и в астрономии. Особенно это относится к концепции эпициклов, изложенной в наибо-

лее подробном виде в “Альмагесте” *Клавдия Птолемея* (ок. 90–160 гг.). Речь идет о следующей теории: планеты, обращаясь вокруг Земли, вращаются по окружности, центр которой также движется по окружности. В настоящее время научный статус этой теории, как правило, оспаривается.

Итак, эллинистическая наука имела по преимуществу математический, а не естественно-научный или гуманитарный характер. Образно выражаясь, заложенный в основание западной цивилизации краеугольный камень был более или менее добротнотшлифован лишь с одной стороны, со стороны математики. В будущем это привело к многочисленным цивилизационным кризисам.

Философия Римской империи. Неоплатонизм

Последней представительницей династии Птолемеев была царица *Клеопатра*. Римские завоевания привели эллинизм к гибели, которую датируют 30 г. до н.э. (именно в этом году Клеопатра покончила с собой). Образуется новая (Римская) империя со столицей в Риме, куда перетягиваются философские силы из образованной Греции. Победителям не остается ничего другого, как стать учениками побежденных. На римской почве возрождается эллинистическая философия. В этой связи огромное значение имели три обстоятельства.

Во-первых, в условиях бурной римской жизни особо востребованной оказывается не логика, а вместе с ней и математика, а этика. Во-вторых, из всех философских систем греческого происхождения наибольшую популярность приобретают эпикуреизм (*Тит Лукреций Кар* и др.) и особенно стоицизм (*Луций Анней Сенека*, *Эпиктет* и император *Марк Аврелий*). В-третьих, философия, встретив чрезвычайно сильного оппонента в христианской религии, трансформируется под ее влиянием, что нашло особенно явственное выражение в неоплатонизме (III в.). Вопрос о соотношении философии и христианства на исходе античности имеет особое значение, без его обсуждения многое в развитии философии недопонимается.

В первых веках нашей эры христиане подвергались жесточайшим гонениям. Но постепенно им удалось вызвать у множества людей симпатию к своему образу жизни. В IV веке христианство становится государственной религией Римской империи. Гнев правящих теперь часто обращается на философов.

Следует отметить, что в те времена о соотношении философии и христианства имелись весьма смутные представления. Часто их противопоставляли друг другу. В анонимном произведении “Деяниях святых Апостолов” (II в.) описывается встреча апостола Павла с эпикурейцами и стоиками. Услышав о предстоящем воскресении мертвых, философы покинули Павла. Не счесть попыток усиления то ли религии за счет философии, то ли философии посредством религии. Разумеется, успехи христианства не могли пройти бесследно для философии. Наиболее очевидным образом это обстоятельство проявилось в неоплатонизме.

Основные положения неоплатонизма были разработаны *Плотин*ом, в зрелом возрасте проживавшим в Риме. Ниже при изложении содержания неоплатонизма используются преимущественно идеи Плотина.

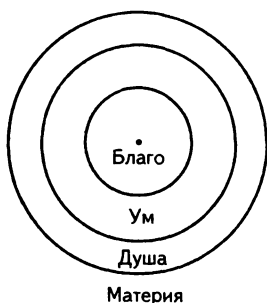

Рис. 3. Сферы бытия, по неоплатонизму

Неоплатоники стремились дать философскую картину всего существующего, в том числе Космоса в целом. Нельзя понять жизнь субъекта вне Космоса, равно как и жизнь Космоса без субъекта. Существующее устроено иерархически: Единое-Благо, Ум, Душа, Материя. Высшее место в иерархии принадлежит Единому-Благу.

Единое — это подлинно первосущее, охват всего в одной точке. Если, считают неоплатоники, вы признаете существование разного, например, разумного и неразумного, то выше его есть предел того и другого, что уже не является ни тем, ни другим. Единое-Благо достигается не рациональным путем, а лишь в результате сверхразумного экстаза. Само собой разумеется, что в результате такого экстаза субъект уходит от различного рода земных трудностей.

Единое как бы переполнено собой, оно “изливается”, образуя Ум, Мировой Ум. Это “изливание”, или эманация, не является неким вещественным процессом. Речь идет о сущностной связи; сущность находится везде, но реализуется через другое. Единое существует посредством Ума.

Мировой Ум включает числа и идеи в их системном взаимосвязанном виде. Ум есть первообраз всех вещей.

Эманация Ума в свою очередь приводит к Мировой Душе, которая выражает собой все одушевленное. Душа производит все живые существа. Все, что движется, образует Космос. Низшей

формой бытия выступает материя. Сама по себе она не активна, косна, она — восприимница возможных форм и смысла.

Основная задача человека состоит в том, чтобы глубоко продумать, прочувствовать свое место в структурной иерархии бытия. Добро (Благо) идет сверху, от Единого, зло — снизу, от материи. Зло — не сущее, оно никак не связано с Благом. Человек может избежать зла в той мере, в какой ему удастся подняться по лестнице нематериального: Душа—Ум—Единое. Лестнице Душа—Ум—Единое соответствует последовательность чувство — мысль — экстаз. Здесь, конечно, обращает на себя внимание экстаз, который стоит выше мысли. Но экстаз, следует заметить, включает в себя все богатство мысленного и чувственного.

Неоплатоники везде видят гармонию и красоту, за них ответственно фактически Единое-Благо. “Все идущее от Блага, — не без пафоса замечает Плотин, — прекрасно, само же оно — выше прекрасного, выше даже высочайшего — царственно содержит в себе весь умопостигаемый мир, являющийся уже областью умного Духа”. Даже хаос гармоничен (обратите внимание, что в современной науке хаос описывается математическими уравнениями). Что же касается жизни людей, то она также в принципе не может противоречить всеобщей гармонии. Люди — актеры, они лишь осуществляют, каждый по-своему, сценарий, который заложен в Мировом Уме.

Неоплатонизм, став довольно популярным учением, тем не менее вызвал нарекания со стороны как философов, так и теологов. Первые относились весьма подозрительно к тому, что Плотин называл экстазом, и обвиняли его в отходе от философии в сторону мистики, т.е. недостоверного, произвольного знания. Теологи недоумевали по другому поводу: неясно, почему Единое-Благо, некоторое *оно*, называется Он и считается божеством.

С христологическими проблемами античная философия не могла справиться. Она не была даже в состоянии их правильно поставить. Любые, в том числе самые смыслоемкие теории, неизбежно достигают своего предела. Эта участь постигла и античную философию.

Характерные черты античной философии

Античная философия развивалась на протяжении XII–XIII веков, с VII в. до н.э. по VI в. н.э. Речь идет о философии особого типа.

В историческом плане античную философию можно разделить на пять периодов: 1) натуралистический период, где основное внимание уделялось проблемам природы (фюзиса) и Космоса (милетцы, пифагорейцы, элеаты, короче досократики); 2) гуманистический период с его вниманием к проблемам человека, прежде всего к этическим проблемам (*Сократ*, софисты); 3) классический период с его грандиозными философскими системами *Платона* и *Аристотеля*; 4) период эллинистических школ (стоики, эпикурийцы, скептики), занятых моральным обустройством людей; 5) неоплатонизм, с его универсальным синтезом, доведенным до представления о Едином-Благе. Поле проблемных вопросов постоянно расширялось, а их разработка приобретала все более детальный и углубленный характер. Так, проблемой Космоса занимались не только натурфилософы, в частности милетцы, но и *Платон*, и *Аристотель*, и *Плотин*. То же относится к проблемам этики и логики. Наиболее зримо в античной философии выделяются три части: физика, понимаемая в данном случае как философское учение о природе; этика (философское учение о человеке) и логика (учение о слове, понятии). Перечислим характерные черты античной философии.

1. Античная философия *синкретична*, это означает, что для нее характерна большая слитность, нерасчлененность важнейших проблем, чем для последующих видов философствования. В современной философии проводится обстоятельное расчленение мира, например на мир человека и мир природы, для каждого из этих двух миров характерны свои черты. Современный философ вряд ли назовет природу доброй, для него добрым может быть лишь человек. Античный же философ, как правило, распространял этические категории на весь Космос.

2. Античная философия *космоцентрична*: ее горизонты всегда охватывают весь Космос, в том числе и мир человека. Это означает, что именно античные философы выработали самые универсальные категории. Современный же философ, как правило, занимается разработкой “узких” проблем, например проблемы времени, избегая рассуждений о Космосе в целом.

3. Античная философия исходит из Космоса, чувственного и умопостигаемого. В этом смысле она в отличие от средневековой философии не теоцентрична, т.е. не ставит на первое место представление о Боге. Впрочем, Космос в античной философии часто считается абсолютным божеством (не личностью); это означает, что античная философия *пантеистична*.

4. Античная философия многого достигла на понятийном уровне — концепция идей *Платона*, понятие формы (эйдоса) *Аристотеля*, понятие смысла слова (лектона) у стоиков. Однако она почти не знает законов. Логика античности — это преимущественно *логика общих имен*, понятий. Впрочем, в логике Аристотеля весьма содержательно рассматривается и логика предложений, но опять же на уровне, характерном для эпохи античности.

5. Этика античности — это по преимуществу *этика добродетелей*, а не этика долга и ценностей. Античные философы характеризовали человека в основном как наделенного добродетелями и пороками. В разработке этики добродетелей они достигли необычайных высот.

6. Обращает на себя внимание поразительное умение античных философов находить ответы на кардинальные вопросы бытия (смотрите, например, тексты, посвященные стоицизму, скептицизму и эпикуреизму). Античная философия по-настоящему *функциональна*, она призвана помочь людям в их жизни.

Античные философы стремились найти для своих современников дорогу к счастью. Можно спорить о том, в какой степени им это удалось. Бесспорно другое: они обеспечили собственным творениям долгую жизнь в веках. Античная философия не канула в историю, она сохранила свое значение и поныне. Подобно тому, как математики не думают отказываться от геометрии *Евклида*, философы с почтением относятся к этике *Платона* или логике *Аристотеля*. Более того, сплошь и рядом современные философы обращаются к своим великим предшественникам в поисках решений злободневных актуальных проблем.

Глава 1.2

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философия и теология

Длительный исторический период, начавшийся с укрепления христианства (II в.) и падения Западной Римской империи в 476 г. и продолжавшийся вплоть до конца Восточной Римской империи (Византии), отмеченного взятием Константинополя турками в 1453 г., называется средневековьем. В философском отношении для указанного периода характерна существенная трансформация

античной, по преимуществу греческой, философии. Эта трансформация имела два главных исторических вектора эволюции — арабский и западноевропейский.

Арабские завоевания привели к образованию цивилизации, охватившей территорию от Индии до Испании, включавшей также и южную Италию. Она просуществовала с VII по XIII в. В средние века арабы были в религиозном отношении значительно менее ортодоксальны, чем абсолютное большинство европейцев. Во многом это было обусловлено молодостью ислама, возникшего лишь в VII в., т.е. на шесть веков позже христианства, и лишенного вплоть до XIII в. организационно-цензурных по отношению к философии и науке структур. В мусульманском мире допускалась своеобразная независимость философии от богословия (концепция двойственной истины, развитая *Ибн Рушдом* и рядом других мыслителей).

Необычайная восприимчивость арабов к культуре завоеванных ими народов, прежде всего греков и индийцев, привела к тому, что очагами философии и науки стали именно арабские города. В философии арабы считали своими главными учителями Аристотеля, в математике — Евклида, в астрономии — Птолемея, в медицине — Галена. В течение семи веков именно арабы были хранителями философской мудрости. Не латинский, а арабский язык стал всемирным языком философии, равно как и науки. Основной массив греческой философской литературы был первоначально переведен на арабский язык, а лишь позднее с арабского на латинский, доступный большинству европейцев.

Достижения арабов в математике, особенно алгебре и тригонометрии, астрономии, оптике, медицине были весьма значительными. В частности, им следует поставить в заслугу широкое развитие экспериментального метода в астрономии, медицине, оптике, алхимии. Однако в нашем учебнике нет необходимости анализировать арабскую философию и науку в деталях. И вот почему.

Нам в первую очередь важно уяснить логику развития мировой философии, коперникианские повороты средневековья. Арабская философия и наука имеют, бесспорно, мировое значение. Но в концептуальном отношении ситуация схожа с той, что имела место в Греции и Египте, в частности в Афинах и Александрии. Во всех трех случаях происходило интересное развитие союза философии (как метанауки) и конкретных наук. Средневековая арабская философия, при всех ее особенностях, представляет собой прежде всего свидетельство плодотворности

и мощи античной философии. До философской революции арабы не дошли, они развивали потенциал, содержащийся в античной философии, в первую очередь в философии Аристотеля.

Чтобы понять логику развития мировой философии, необходимо обратиться к соотношению философии и теологии. Именно в этом известном противостоянии философии довелось выдержать суровейшие испытания. Указанное противостояние имело место во всех трех теистических культурах — иудаистской, христианской и исламской. Наибольшего же апогея оно достигло в христианстве западноевропейского региона. Именно поэтому в дальнейшем тексте основное внимание уделяется трансформации философии в западной Европе, где в средневековье весь уклад жизни считался христианским, а главной книгой стал “Новый Завет”.

В указанный период основные баталии развернулись вокруг вопроса об истолковании Ветхого и Нового Завета. Уже древние греки осознавали, что человек не просто воспринимает нечто происходящее, но, как они выражались, видит его, причем не в произвольной манере, а определенным образом. Специфический способ видения, осознания происходящего они называли теорией (феорией). Итак, вопрос в том, каким образом люди осознают христианский образ жизни, каноны которого изложены в Библии. Именно в этой связи неизбежно возникает вопрос о соотношении философии и теологии.

Философия и теология — это две разновидности теории с весьма различными установками, своеобразными границами, которые их разделяют.

Теология (буквально: учение о божестве) всегда авторитарна, догматична, потусторонна, мистична. По сути, выше перечислены четыре главные метапреференции теологии как теории (ни одна теория не может обойтись без преференций предельной значимости, т.е. метапреференций). В философии упомянутые метапреференции не признаются. Философия не авторитарна, а критична, не догматична, а руководствуется принципами и законами, толкует не о потустороннем, а о посюстороннем мире, не таинственно-мистична, а чувственно-рациональна. Она руководствуется метакритериями непротиворечивости, подтверждаемости и эффективности. Эти три критерия могут отчасти признаваться в теологии, но и их нарушение считается вполне каноническим и абсолютно правильным, никакая критика не способна поколебать его истинность. Согласно философии, христианство, в том числе и Библия, должно осмысливаться в научной, а не в тео-

логической теории, которая, в свою очередь, осмысливается в философии, а именно в философии религии. С этих позиций теология по отношению к религиоведению и философии религии выступает как эрзац-теория, т.е. теория с крайне низким научным потенциалом. Впрочем, это утверждение нуждается в дополнительном комментарии.

С высот сегодняшнего дня эрзац-научный потенциал теологии достаточно очевиден. Но в период средневековья дело обстояло по-другому. Абсолютное большинство философов, не видя альтернативу христианству, считало его наиболее эффективным, т.е. морально оправданным, образом жизни. Именно поэтому они не выступали с критикой христианства, а, наоборот, стремились способствовать его развитию и становились... теологами. Кстати, в средневековье теологов нередко называли философами. Очень часто философия просто-напросто подменялась теологией. В этой связи возникала большая путаница, в силки которой то и дело попадают даже современные мыслители.

Интересно, что христианские апологеты лишь на первых порах отрекались от философии. Вскоре они стали использовать философский потенциал неоплатонизма (Августин и др.) и аристотелизма (Фома Аквинский и др.) для придания теологическим построениям большей стройности. Однако на высшие этажи теологии, в царство “истин откровения”, философия не допускалась.

В средневековье философию часто понимали как служанку богословия, и только. Современные исследователи, имея в виду место средневековой философии в мировой культуре, используют такой способ анализа: во-первых, они четко различают теологические и философские суждения, их отождествление недопустимо; во-вторых, теологические суждения не отвергаются “с порога”, в них стремятся выявить философский смысл, иначе говоря, теологические выводы *переводятся* на язык философии. В дальнейшем читателю предстоит обращать особое внимание на философское понимание, истолкование теологических принципов.

Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности

В соответствии с принципом *теоцентризма* источником всякого бытия, блага и красоты является Бог. Высшую цель жизни видят в служении Богу. Античному признанию существова-

ния многих богов, т.е. политеизму, приходит конец. Иудаизм, христианство, мусульманство настаивают на единобожии. Такого рода учения являются монотеистическими. Каков же философский смысл теоцентризма? Надо полагать, отнюдь не случайно культура приобретает теоцентрический вид. Главная наша задача и состоит в том, чтобы понять смысл теоцентризма, его жизненные корни.

Теоцентризм — это историческая форма выражения субъекта, его особого места в мироздании. В условиях, когда человек еще связан теснейшими узами со всеми природными реалиями и родовыми отношениями, но уже начинает осознавать свою специфичность, единственным приемлемым принципом оказывается принцип абсолютной личности, принцип Бога. Роль субъекта уже выделена, но не настолько, чтобы ее в полной мере относить к отдельным людям. Принцип абсолютной личности — это результат более глубокого, чем в античности, понимания субъективного.

Показательно, что античные мыслители, современники христианства, не воспринимали последнее. Им казалось чудовищным считать иудея Христа сыном Божьим. Они находили в том же христианстве (напомним, что Ветхий Завет был написан еще до нашей эры, а Новый Завет — в I–II вв. н.э.) много противоречий. Но даже действительное наличие последних не могло приостановить главного — усиления принципа субъекта, что как раз и нашло свое воплощение в теоцентризме. Кстати, выяснилось, что именно античные мыслители подготовили основу для теоцентрических представлений. Это, в частности, выработка достаточно строгого стиля мышления, умения развивать единый логический принцип, без которого монотеизм, как очевидно, не может обойтись, а также понимание единого как блага. Когда теологи стали придавать христианству строгую логическую форму, то они обратились непосредственно к арсеналу идей античной философии.

Разумеется, принцип субъекта не мог проводиться в средневековье иначе как в соответствии с содержанием жизненных реалий: даже в ученых трактатах Бог появляется как господин, феодальный сеньор, царь. *Августин* считал, что “творец зовется творцом по отношению к своим тварям подобно тому, как господин зовется господином по отношению к своим слугам”. Многократно воспроизводилась мысль, что ангелы, монахи, миряне — вассалы Бога. На золотом французском эюк (XIII в.) изображение Христа сопровождалось надписью: “Христос — победитель, Христос — царь, Христос — император”. Вместе с тем Бог-Сын

ближе мирянам, чем его могущественный отец. Христос выступает как Богочеловек, как человек, учитель, наставник, удивительно тонко понимающий смиренную душу необразованного крестьянина. Человеческая природа Христа — это подлинная основа средневекового гуманизма.

Принцип теоцентризма с его всеохватностью вынуждал средневековых философов рассматривать и уточнять такие понятия, как бытие, сущность, существование, свойство, качество.

Креационизм

Креационизм — учение о сотворении мира Богом из ничего. Бог не нуждается ни в мире, ни в чем-либо другом для того, чтобы творить. Античная философия привязывала человека к миру, теперь эта связь разрывается и перед человеком открываются новые горизонты изменения своего бытия. Если творит Бог, то, пусть в меньшей, но все-таки вполне определенной степени, способен творить и человек. Энергично начинается обсуждаться идея творения, восходящая в своих истоках к античным представлениям о мастере, демиурге. В античности мастером был ремесленник, а не господин. Теперь творчество становится прерогативой Бога, верховного господина, и соответственно нижестоящих субъектов. Актуализация идеи творчества еще не означает ее неперемutable и постоянное воплощение мирянами. Дело в том, что идея творчества не всегда, но довольно часто противопоставлялась концепции авторитета. В таком случае творение — прерогатива Бога, а изобретения со стороны людей считаются богохульством. Такого рода представления были весьма и весьма распространены, они существеннейшим образом сдерживали становление инженерной мысли.

Но каким образом творит сам Бог? В народе на этот счет существовали самые вульгарные представления. Теологи же представляли себе это творение не столько как физический, сколько как сущностный акт, по подобию эманации Единого-Блага у *Плотина*, с той существенной разницей, что эманация плотиновского Единого приводила к тождеству всего с Единым. Бог же не тождествен сотворенному. В средневековье выявляют множество таких различий, которые античности просто не были известны. Так, дьявол (падший ангел) — не божествен, но в стратегическом плане все есть благо. Максимально добродетелен лишь сам Бог. Отсюда, между прочим, возникает проблема от-

ветственности каждого за себя, во многом чуждая античному мировоззрению.

Как понять рациональное творение мира Богом из ничего? Простой логический ход состоит в высмеивании идеи творения из ничего: из ничего, мол, можно получить лишь ничто. Между тем путь навешивания ярлыка глупости на содержание принципа креационизма довольно бессодержателен. Креационисты по своему логичны: если Бог — это основной принцип, то ему нельзя противопоставлять, например, материю как материал для творения. Научного подтверждения принцип креационизма не имеет.

Провиденциализм. Время

Провиденциализм — понимание истории как осуществления заранее предусмотренного Богом плана спасения человека. Августин понимал исторический процесс как путь к “Царству Божию”. Применительно к космологии провиденциализм приводил к идее мировой гармонии, соразмерности всего природного. Провиденциализм фиксирует факт несвободы человека, но несвободы человека не столько со стороны природных, сколько со стороны непривиденных сил: то ли общественных, то ли сосредоточенных в самом субъекте, в динамике его жизни. Провиденциализм — это средневековое издание античного логоса, того, что сейчас называют законами функционирования и развития общества и природы.

Если Бог творит мир, то мир временен. Но что означает время? Начиная с *Августина* над этим вопросом буквально бились многие средневековые философы. *Платон* считал время образом вечности. Вечность — идея, время выступает как реализация идеи; если время очень долгое, то в пределе оно есть вечность (это соответствует тому, что идея вещи вообще есть ее предел). *Аристотель* считал время числом движения, любого движения, независимо от его специфики. Измерение же времени осуществлялось циклическими процессами. В античности вообще процессы считались в основном циклическими и в этом смысле неизменными: имеет, мол, место “вечное возвращение”.

В средние века, когда доминировали сельскохозяйственные ритмы, цикличность не изымалась из центра внимания философов, но туда неизбежно попадала и Святая история, а здесь не было уже ставшей столь привычной цикличности. Рождение,

смерть и воскресение Христа не могли повториться. Образно выражаясь, античное циклическое время как бы растягивалось, выделялись его особо значимые пункты. Все, что касалось деятельности Бога-Отца и жизни Христа, получало временное измерение. На какой день Бог сотворил Адама? Эквивалентно ли божественное время земному? В каком году родился Христос? Сколько часов пребывал Христос в смерти? Почему Адам и Ева находились в раю только 7 часов? Все это — типичные для средневекового человека вопросы. Начинают изобретаться особые устройства для измерения времени. Если вначале о времени возвещали колокола, то в XIII в. на зданиях городских радуш появились часы.

Средневековое время прежде всего было религиозным и церковным. Каждый год воспринимался как воплощение Иисуса Христа. Так или иначе, но возникала проблема соотношения “святого” и земного времени. Абсолютное большинство людей были твердо уверены, что шесть дней Божественного творения мира не эквивалентны обычным, рядовым земным шести дням, часто считали, что один день творения эквивалентен тысяче земных лет. Впоследствии в силу того, что вычисленный по этим пропорциям день Страшного суда (в России он ожидался в 1491 году) не наступил, пришлось от пропорции 1:1000 отказаться, но при этом и не переходили к пропорции 1:1.

Средневековая концепция времени — это переход к линейному времени и к связанному отчасти с ним понятию прогресса. Время считается чем-то многообразным, оно не сводится только к природным процессам, что уже само по себе замечательно.

Символизм. Средневековая герменевтика

Средневековый человек везде видел символы. У греков символ (цимболон) означал знак благодарности, две половинки предмета, разделенного между людьми. Символ — намек на утраченное единство. В средние века символ — это своеобразный вызов умению человека находить скрытое значение того или иного предмета. Выше мы уже видели, как за природным временем стремились распознать “святое” время. Аналогичным образом действовали всегда и везде. При этом, конечно, простые люди и философы достигали разных высот в символическом восприятии мира.

Простой люд обходился магическими образами, в этом духе он осуществлял таинства, молился, считал яблоко символом зла, белую розу — символом Девы, прозрачный берилл, пропускающий свет, — образом христианина, красный сардоникс — образом, символом пролившего свою кровь за людей Христа. Весь мир предстал как огромное многообразие символов.

Что касается ученых мужей, то они стремились выработать особый инструментарий для постижения скрытых значений символов. Символизм, конечно же, не был чужд и античности, достаточно вспомнить, как тогдашние философы стремились в вещах рассмотреть идеи, как стойки в своем подчинении року считали его неочевидным смыслом. Но только в средневековье благодаря успехам философии символизм становится принципом философии, ее существеннейшей характеристической чертой. Впоследствии эта черта философии в значительной степени утрачивается, сходит на нет, что достойно сожаления, и вот почему. Дело в том, что специфически человеческое всегда является символом, само по себе, вне природных процессов оно просто не существует. Следовательно, так или иначе надо научиться видеть за предметами их скрытое содержание. Символизм оказывается по существу своему необычайно важным принципом философии. В религиозной форме это было впервые обозначено средневековыми философами. Им, следовательно, суждено было стать нашими первыми учителями в деле символизма.

Заметим еще, что недостаток символизма не проходит безнаказанно. Об этом недвусмысленно свидетельствуют технические аварии, взрывающиеся газопроводы, неудобные для жизни человека дома и города — все то, что было создано без учета их символической природы, их предназначенности для человека. Без символизма невозможен гуманизм.

Каков же путь нахождения скрытых символов, как их обнаружить? С этой целью использовали некоторые приемы толкования религиозных текстов (экзегеза), равно как и вообще любых текстов (герменевтика). Понятно особое внимание к текстам. Ведь считалось, что все тайны бытия содержатся в священных писаниях, особенно в тексте Библии. Текст, слово — главный объект анализа. Обычно анализ проходил четыре стадии: этимологический, семантический, концептуальный и спекулятивный. На стадии этимологического анализа обсуждалось происхождение слов, их привычные, первоначальные значения. Семантический анализ, особенно если это касалось священных текстов, был нацелен на морализование, выяснение морального смысла жизни.

Концептуальный анализ претендовал на выяснение хода мыслей автора текста. На спекулятивной стадии выясняли следствия из усвоенного, комментатор занимался системотворческой деятельностью, между прочим рискуя войти в противоречие с воззрениями авторитетов.

Средневековая философия была особенно внимательна к символике слов. Это и понятно, ибо средневековая символика началась с текстов Библии, т.е. со слов. Для *Данте* слово было всеобщим знаком, символом. Отсюда становится более понятным библейское “Вначале было Слово”. Но что есть слово? Что оно означает? В этой связи и разгорелся знаменитый “спор об универсалиях” между номиналистами и реалистами, позволивший значительно уточнить восходящий к *Платону* и *Аристотелю* вопрос о соотношении единичного и общего.

Реализм, номинализм, концептуализм

Для реалиста общее существует, причем для *Фомы Аквинского* трояким образом: в Боге, в вещах, в головах (т.е. мыслях) людей. Слово в таком случае обозначает общее. Позиция средневекового реалиста — это продолжение линии *Платона*.

Номиналист же продолжает линию софистов, которых *Сократ* критиковал за непонимание общего. Номиналист считает, что общее не существует, а понятия есть имена, ноумены, знаки. Тут все дело, считал *Оккам*, в направленности субъекта, его души на предмет познания. Такое устремление, по определению, есть *интенция*. По природе души ее интенция такова, что она скажется во многих вещах, но общего в самих вещах нет, оно приписано к душе, точнее, к голове человека. Знаменитая “бритва Оккама” не допускает преумножения сущностей без необходимости. Если для объяснения достаточно допустить существование единичных вещей, то нет оснований еще постулировать действительность общего (реалий), псевдокопий действительных вещей.

Рассматриваемый спор можно представить в понятиях сущности и существования. Для реалиста существование есть проявление сущности, они совпадают, согласно *Бозцию*, только в Боге. Для номиналиста допустимо обойтись без сущности (вот и сработала “бритва Оккама”).

В споре средневековых реалистов и номиналистов несколько особняком держались *концептуалисты* (*Абеляр* и др.). Они,

как и номиналисты, считали, что общие понятия (универсалии) сами по себе не существуют. В то же время концептуалисты обвиняли номиналистов в “сотрясении воздуха”: имелось в виду, что они считают понятия всего лишь словами, не раскрывая их подлинной природы. Концептуалисты расценивали общие понятия как концепты — допытные мысленные образования, необходимые для понимания мира.

Спор реалистов, номиналистов и концептуалистов тянется до наших дней, точка в нем так и не поставлена. Бесспорно одно: в определенном отношении были правы как первые, так и вторые и третьи. В современной философии весьма значимыми считаются следующие представления об общих именах, концептах и общих признаках. *Имя* — это языковое выражение (либо одно слово, либо сочетание слов). *Собственное имя* обозначает один предмет (“этот стол”). *Общее имя* обозначает класс предметов той или иной природы. Общими именами являются, например, выражения “студент”, “лес”, “действительное число”, “мысль”, “чувство”. Предметы данного класса (множества) составляют именно класс (множество) в силу обладания каждым из этих предметов *общим признаком* (свойством или отношением).

Использование одного и того же общего имени “студент” для обозначения многих людей правомерно постольку, поскольку все они обладают схожим свойством — учатся после окончания школы в техникуме, институте или другом учебном заведении. *Концепт* отличается от общего имени, ибо он есть форма мысли, форма обобщения, своеобразная *интерпретация* общих признаков, а не просто их констатация. Концепт раскрывает смысл общего имени. Так, рассуждая о концепте “студент”, мы не удовлетворяемся констатацией того, что тот или иной человек учится в учебном заведении, а начинаем интерпретировать: быть студентом означает любить учиться, стремиться к совершенству в таких-то и таких-то областях. Обычно для определения концепта используют теории. Итак, общие признаки предметов обозначаются общими именами, а содержание тех и других интерпретируется в концептах (понятиях, ценностях, логико-математических конструктах). Реалисты абсолютизировали общие признаки; номиналисты концентрировали свое внимание на общих именах, отказав в существовании общим признакам; концептуалисты фактически занимались преимущественно концептами. Все вместе делали общее дело, над проблемными аспектами которого продолжают работать современные философы.

Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа

Те отношения, в которых состоят Бог и человек, выступают как откровение. Откровение есть непосредственное волеизъявление Бога по отношению к человеку, адресату этого волеизъявления. Информация, исходящая от Бога, принимается субъектом безоговорочно как абсолютный критерий человеческого поведения и познания, принимается на веру, т.е. она для человека абсолютно убедительна. Бог — и соответственно Ветхий Завет, Новый Завет, писания святых — открывает человеку тайны мира и божественную волю, человек обязан верить Богу. Иного не дано.

Концепция откровения и веры имеет два, казалось бы, противоположных по содержанию источника. Один ориентирует на сверхчувственную реальность, идеальное, которое в соответствии еще с *Платоном* не может быть эмпирическим и вообще непосредственно познаваемым. Другой источник настаивает на неопосредованности откровения. Откровение столь же неопосредованно, как и чувство. Соотношение опосредованного и неопосредованного в откровении и вере, в духовной жизни человека всегда привлекало внимание средневековых философов.

Широко известно изречение *Тертуллиана* “Верую потому, что абсурдно”. Здесь отрицается сама необходимость рационального осмысления откровения. В XI в. *Ансельм* приходит к формуле “Верю и понимаю”, а в XIII в. *Фома Аквинский* стремится достичь гармонии между верой и разумом, но при приоритете веры. Соединить мысль и чувство оказывается очень непростым делом, их часто разводили, приходя к концепции двойственной истины. *Ибн Рушд* считал, что истинное в философии и науке может быть ложным в теологии и наоборот. Концепция двойственной истины обычно используется для автономного развития теологии и религии, философии и науки. В средние века эта концепция использовалась для борьбы с суевериями и засильем церкви. Позднее бывало и наоборот: например, *Канту* “пришлось ограничивать область знания, чтобы дать место вере”. Между тем вряд ли можно найти оправдание каким угодно произвольным ограничениям. Поэтому современные философы не стремятся к противопоставлению веры и знания. Современный философ склонен понимать веру как личностное самоопределение человека по отношению к миру на основе имеющегося у него знания. Здесь выражено то главное в средневековой концепции веры, что вы-

нуждает нас рассматривать ее на страницах учебника философии. Это — необходимость личностного самоопределения человека в своем духовном мире, в том числе в мире знания. Основательность этого самоопределения в средние века сплошь и рядом была — с позиций сегодняшнего дня — совершенно недостаточной, авторитарной и догматичной. Но в данном случае нас интересует сама направленность средневековых философских исканий относительно феномена веры, которая и ныне сохраняет свою актуальность. Веры бывают разными: и религиозными, и, как утверждал немецкий экзистенциалист *К. Ясперс*, философскими, и научными. *А.Эйнштейн* подчеркивал, что он верит в существование объективности физических явлений. Для нас важно сейчас не различие вер, а сам факт их наличия, необходимость их философского осмысления. Сказанное по другому поводу *И. Бродским* “Неверье — слепота, но чаще — свинство” способно взбудоражить философское самосознание. Именно средневековое мировоззрение выработало идею веры.

В понимании человеческой реальности, своеобразия человеческого средневековая философия была по-настоящему оригинальной. Особенно следует поставить ей в заслугу открытие и развитие таких феноменов, как откровение, вера, любовь, угрызения совести, сострадание. Казалось бы, привычные человеческие чувства поднимаются на новые, религиозно-философские высоты. Это уже не просто чувства, а то, что начинают писать с заглавной буквы, — Любовь, Вера, Сострадание. Речь идет о феноменах особой значимости, которые выступают высшими образцами личностного самоопределения человека. Если античная философия, разрабатывая понятия о Космосе, поднялась до уровня философских категорий, то средневековая философия проделала аналогичное в сфере человеческого существования. Она поднялась до уровня особых феноменов, которым в современной литературе и названия-то подходящего не подобрали. Это не просто чувства, а чувства-эйдосы. Мы не случайно присовокупили к термину “чувство” термин “эйдос”, показывая, что речь идет о сущностных, сущностно-экзистенциальных определениях человека.

Средневековые философы везде видели иерархию; стремление подняться выше по этой лестнице довольно часто приводило к интереснейшим результатам. Обратимся в данной связи к нравственной проблематике. Напряженность религиозной жизни так или иначе приводила к необходимости трансформации религиозных установок в правила поведения, в практическую философию.

фию. Здесь, конечно же, всегда была возможность сослаться на авторитеты, на откровения, следуя Нагорной проповеди Христа, где он говорил: “Итак, будьте совершенны, как совершен Отец небесный”. А это значило: не убей, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего и врага, делай другим, что хотел бы, чтобы они делали тебе, и т.п. Вроде бы, следуя этим правилам, христианин мог искать меру и оценку своих прегрешений и заслуг вовне, у других людей, особенно у священника, который налагал наказание в виде поста, длительных молитв. После того как наказание было исполнено, человек считал себя примиренным с Богом, но его собственное Я при этом было задействовано слабо. Это отметили средневековые философы, которые подготовили переворот, заключающийся в необходимости погружения в самые глубокие пучины своего собственного Я; ведущую роль стало играть самосознание субъекта. Особая заслуга в открытии индивидуальности морального поведения человека принадлежала *Абеляру*. В последние века средневековья покаяние, все связанные с ним страдания и слезы выступают как результат напряженной внутренней духовной жизни субъекта. Этические нормы, правила выступали как необходимое продолжение чувств-эйдосов. Это были отнюдь не рядовые правила поведения, а достижение высоко нравственных идеалов. Но тогда становится понятным, почему Нагорная проповедь Христа и поныне сохраняет свое значение. Христианство принесло новые нравственные принципы. Список этих принципов не оставался неизменным, что-то отвергалось, что-то видоизменялось, число критиков христианства росло, но на почве непредвзятого анализа нельзя не признать, что субъективизация духовной жизни человека и выработка на этой основе нравственных принципов — огромный шаг вперед в понимании человека и общества.

Средневековые философы — в соответствии с содержанием монореигии — при осмыслении общества ставили на первое место не политику и не экономику, а нравственность, точнее, нравственные принципы. Не в этом ли следует видеть основания многовековой жизненности христианства, равно как и иудаизма, и ислама?

Общество и природа

Что касается средневекового общества, то здесь господствуют папа и император, оба претендуют на божественное предна-

значение. Земной порядок признается продолжением небесного, все расписано — в символах, должностях, сословиях. “Тело” общества составляют три сословия — священники, воины (аристократия приобрела рыцарский характер), крестьяне. Свободным считается тот, кто имеет могущественного покровителя. Поскольку вершина феодального общества была двуглавой — папа и император, между последними происходила упорная борьба, нередко папа стремился присвоить власть короля (императора), а тот в свою очередь был равнодушен к власти папы. Но превыше всего и всех — Бог. Земное рассматривается как символ небесного; логически отсюда следует, что земное, его своеобразие чаще всего недооценивается. В философии так обычно и было, хотя, как уже отмечалось, номинализм выступал против этой традиции. Что же касается реалий жизни, то здесь было больше разнообразия, чем в философии. Жизнь всегда богаче философии. Рыцари исповедовали культ физической силы. Удовольствие доставляла и еда, и питье, и сон, и любовь. Авторитет телесного был характерен для средневекового ощущения. Пристрастие к краскам, свету было всеобщим. Красивым считалось разноцветное, блестящее, роскошное. Все это еще раз показывает, что средневековье является прямым продолжением античности, где телесному и красивому (художественному) также уделялось особое внимание.

Что касается природы, то она в значительной степени тоже представлялась в традициях античности. Космическое целое — шар, в середине которого находится Земля, вокруг нее движутся девять сфер из неразрушимой субстанции, на которых укреплены светила. За последней сферой — область света и пламени, которую невозможно вообразить себе, ибо она находится за пределами мира. Эта область определяет границы конечного мира, и там — место Бога. Приведенная картина показывает, насколько неубедительна картина мира тогда, когда для ее построения нет достаточных научных данных.

Средневековое отношение человека к природе определялось ее предполагаемым статусом как сотворенной Богом. В иерархии божественных творений природа стоит ниже человека. В этой связи к ней допустимо относиться со снисходительностью, даже с презрением. Но последнему нет места в том случае, если упор делается на божественное происхождение природы, ибо все, что произошло от Бога, в данном случае природа, выше критики.

Средневековая теодицея

Теодицея буквально означает оправдание Бога. Ясно, что в средние века, в эпоху теоцентризма, стремились обосновать правомерность представлений о Боге. Обыденное религиозное сознание считало бытие Бога очевидным постольку, поскольку каждый человек имеет понятие о нем. По *Августину*, Бог постигается в глубинах человеческой души, стоит только погрузиться в них, и вы обретете Бога неминуемо. *Дамаскин* исходил из того, что понятие о Боге укоренено в сердце каждого человека. Рассматриваемые воззрения получили свое обобщение в так называемом *онтологическом доказательстве* Ансельма. *Ансельм* считал, что идеи существуют реально. Если есть идея Бога, то есть и сам Бог. Он приводит стих одного из псалмов: «Сказал безумец в сердце своем: “Нет Бога”». Но даже безумец понимает смысл слова “Бог”, а именно — это наисовершеннейшее существо. Безумец тем самым фактически признает существование Бога. Уже современник Ансельма монах *Гаунилон* выступил “в защиту безумца”: совершенно неубедительно, справедливо заметил монах, делать заключение от понятия к бытию. Опровергая в свою очередь *Ансельма*, классик средневековой схоластики *Фома Аквинский* стремился идти от мира к Богу и приводил на этот счет ряд “доказательств”.

Первое “доказательство” повторяет рассуждения *Аристотеля* о перводвигателе: каждый предмет движим другим, кроме перводвигателя. Во втором “доказательстве” утверждается, что мир — а здесь много случайного — должен иметь абсолютно необходимые причины. В третьем “доказательстве” Бог понимается как исходная основа всего существующего, отсутствие которой считается бессмысленным. В четвертом “доказательстве” Бог понимается как вершина совершенства, в пятом “доказательстве” — как последняя цель, гармонизирующая все целесообразные процессы. Мы всякий раз брали слово “доказательство” в кавычки, ибо приведенные нами в тезисной форме утверждения, даже если их представить в развернутом виде, не являются подлинными доказательствами. Надеемся, что читатель сам способен должным образом оценить “доказательства” *Фомы*. Укажем еще, что в свое время *Кант* рассмотрел “доказательства” существования Бога и отметил, что они не являются подлинными доказательствами. Приводимые в теологии аргументы в пользу действительности Бога неубедительны. Впрочем, верующему в существование Бога человеку они, пожалуй, и не нужны. Ведь Бог открылся лю-

дям с возгласом “Я — сущий”. А тут и доказывать нечего. Нам же хочется выделить следующую мысль. В любом случае — существует Бог или нет — представление о теоцентризме является органичной стадией развития культуры человечества. Тот, кто не признает существования Бога, может в духе средневекового символизма утверждать, что в монотеизме и теоцентризме скрыты мощные пласты философского знания.

Вопрос о существовании Бога вызывает ожесточеннейшие споры. Было бы неверно уклоняться от него на страницах учебника философии. Философствование всегда требует известного мужества. Итак, наша позиция по вопросу о существовании Бога, открытая для критики читателя, состоит в следующем.

Во-первых, в науке отсутствуют достоверные доказательства существования Бога. Наиболее наглядно это проявляется в том, что нет ни одной научной теории, в которой бы утверждалось реальное существование Бога. Часто утверждают, что, дескать, в принципе невозможно доказать отсутствие Бога. Такое утверждение с научной точки зрения бессмысленно, ибо никак не учитывает статус науки. Что именно существует, в науке доказывается посредством теорий. Для ученого нечто, не включенное в контекст теории, *по определению* не существует.

Во-вторых, нет оснований приписывать ученым какой-либо в высшей степени пагубный религиозный негативизм. Большинство ученых расценивает, например, христианство как культурное явление эпохального значения. Они, однако, отказываются признать его абсолютную истинность. Ученые утверждают, что в определенную эпоху, а именно в средние века, монорелигии находились на вершине человеческого знания. Но рост потенциала знания изменил ситуацию. Появились науки, которые превзошли религию.

В-третьих, ученые, признавая за религией относительную, а не абсолютную, истинность, выступают... в ее защиту, следовательно, имеет место нечто вроде теодицеи в научном смысле. Теология рассматривается как разновидность теории. Далее определяется ее статус. Ясно, что теология не относится ни к классу логико-математических теорий, ни к учениям о природе. Остается третье — раздел моральных теорий. Далее утверждается, что в качестве моральной теории, например, христианская теология, заслуживая многих добрых слов, не является на сегодняшний день наилучшей. Для современной жизни характерны такие многочисленные моральные коллизии (связанные с проблемами аборта, клонирования, высоких технологий), для разрешения ко-

торых христианство просто-напросто не обладает достаточным потенциалом.

В-четвертых, ученые отнюдь не отрицают, что для многих людей христианские воззрения являются в моральном отношении наилучшими. Таков их выбор, который следует уважать. Сколько-нибудь сведущий в религиозном отношении ученый никогда не выступит против свободы морального выбора.

В-пятых, не правы те авторы, которые, ссылаясь на верующих ученых, делают выводы, что наука доказывает абсолютную истинность религии. Каждый ученый, как правило, является специалистом узкого профиля, за пределами своей компетентности он может совершать весьма грубые ошибки. Решающим обстоятельством является не вероисповедание ученого, а его аргументация. Да, многие ученые пытались доказать существование Бога, но все потерпели фиаско.

В-шестых, отметим простодушность тех, кто противопоставляет атеистов теистам. Невежество рядится в различные одежды. Его излюбленным приемом является упрощенное: “Да или нет? Отвечай! Третьего не дано”. Отметим еще раз, монорелигии представляют собой культурные явления планетарного масштаба. Для их оценки требуется большой объем знаний, в том числе и философских, разносторонняя чувственная и мыслительная работа. Все это игнорируется теми, кто выступает с обвинениями от имени либо атеистов, либо теистов. Ортодоксальный атеист считает теистов глупцами и глубоко ошибается, ибо демонстрирует свою некомпетентность относительно достоинств религии. Ортодоксальный теист обвиняет атеистов в святотатстве и ошибается не менее грубо, ибо не способен признать достоинства критики религии. От искушения навешивания ярлыков есть замечательное лекарство, а именно углубленная философская работа.

Патристика и схоластика

До сих пор речь шла в основном о главных принципах христианской теологии и связанной с ней философии. Обратимся теперь к исторической эволюции двух последних, т.е. к патристике (II–VI вв.) и схолистике (VII–XIV вв.).

Патристика (от греч. *pater* — отец) — период создания христианской теологии, в которой очень активны были так называемые отцы церкви, ее основатели. Им пришлось занять определенную позицию по отношению к философии. Среди первых

апологетов христианства было немало таких, которые настаивали на несовместимости христианства с философией. Особенно резко по отношению к философии занимал *Квинт Септимий Тертуллиан* (ок. 160–230), прославившийся своим изречением “верю, потому что нелепо”.

Вскоре, однако, выяснилось, что защита христианства требует не только энтузиазма и звучных выражений, но и рационального хода мысли. Именно в этой связи богословы стали все чаще обращаться к философии. Решающего теологического успеха добился *Аврелий Августин* (354–430). Именно ему удалось создать теологическую теорию, которая вплоть до XIII в. считалась образцовой.

Августиновский метод осмысления материала очень прост. При анализе любой проблемы он “замыкает” ее непременно на Бога. Космос, личность, общество — все они таковы, что символизируют Бога, вечного, всемогущего и всеблагого. Бог как подлинное бытие вечен, а весь остальной мир временен. В этой связи Августин высказывает немало интересных мыслей о природе времени, привлекает к нему философское внимание.

Осмысливая природу человека, Августин делает упор не на чувства или разум, а на свободу воли. Наличие у человека свободной воли объясняет существование зла в мире. Воля Бога направляет человека к добру. Согласно Августину, главная добродетель человека не справедливость греческих философов, а любовь к Богу. Обращаясь к нему, Августин восклицает: “Даровано Тобой воспламениться и стремиться вверх: пылаем, идем”. Те, кто заслужили у Бога спасение, образуют Божий Град, который противостоит Земному Граду. В соответствии с шестью днями творения Августин выделяет шесть возрастов человечества: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелый возраст, старость. Второе пришествие Христа должно ознаменовать собой конец Града Земного.

В философском отношении самое интересное у Августина — анализ проблемы времени, суждения о свободе воли и концепция эволюции человечества.

Для периода христианской *схоластики* характерен так называемый схоластический (от лат. *scholasticus* — ученый, школьный) метод, согласно которому от лекции переходили к вопросам, от вопросов к диспуту, от диспута к заключительному слову, которое произносил учитель (магистр). Ограниченные возможности схоластического метода были связаны не с его структурой, а с чрезмерной ориентацией на богословие.

В схоластике принято выделять четыре фазы: VI–IX, X–XII, XIII и XIV вв.

Первая фаза схоластики открывается трудами *Бозция* и заканчивается произведениями *Эриугены*. *Северина Бозция* (480–524) часто называют учителем средневековья, он перевел на латинский язык логические работы Аристотеля, написал учебники по предметам квадривия: арифметике, геометрии, астрономии, музыке. *Скот Эриугена* (810–880) предпринял неудачную попытку вывести из философии теологию.

Вторая фаза схоластики отмечена талантами *Ансельма Кентерберийского* (1033–1109) и *Пьера Абеляра* (1079–1142). Ансельм горячо защищал онтологическое доказательство существования Бога. У каждого человека есть представление о наилучшем существе и, надо полагать, не случайно. Следовательно, Бог существует. Ошибка Ансельма заключалась в отождествлении наилучшего существа именно с Богом. Центральное место в учении Ансельма занимает вопрос о воле. Добрая воля дана человеку Богом, она является предпосылкой свободной воли. Важно не допускать отклонения свободной воли от доброй. Абеляра часто называют лучшим методологом XII века. Он настаивал на тщательном выяснении значения слов. Анализ достигает точности лишь тогда, когда выясняет отношение между словами и вещами. В этой связи Абеляр, возражая реалистам и номиналистам, развивает концептуализм. Анализ Абеляра — подступ к научному анализу.

Третья фаза схоластики считается ее золотым веком, она развивалась под сенью аристотелизма. Символом третьей фазы схоластики считается *Фома Аквинский* (1221–1274). Он тщательно строит теологическую систему, ориентируясь не столько на Платона и Плотина, сколько на Аристотеля. По Августину, Бог — высшая сущность. Фома же считает Бога актуальным бытийствованием. Он переносит акцент с сущности на существование. Фома полагает, что в Боге существование совпадает с сущностью, т.е. он существует необходимо. Мирское же не необходимо, а случайно. В философском отношении ход мысли Фомы интересен выделением и вынесением на первый план проблемы существования. Проходят века, и появляются философские системы (*экзистенциализм* и *фундаментальная онтология*), в которых размышления начинаются с проблемы существования. О пяти “доказательствах” Фомы существования Бога см. раздел “Средневековая теодицея”.

Четвертая фаза схоластики отмечена трудами *Уильяма Оккама* (1280–1349). Он — последовательный номиналист. Мыс-

ли представляют собой знаки, которыми человек замещает объекты. Любая наука имеет дело со знаками и единичными вещами. Естественное познание не идет дальше знаков. Теология иррациональна. Симпатии Оккама находятся явно на стороне философии и науки. Теологию он не отрицает, но характеризует ее не без явного скепсиса. Оккамовская критика нанесла по традиционным формам схоластики, в частности августинианству и томизму (учению Фомы), сильнейший удар. Все они были поставлены под сомнение ввиду их иррациональности.

Характерные черты средневековой философии

История средних веков преподавала людям немало поучительных уроков. Во-первых, культура не может обойтись без философии. Во-вторых, без опоры на науку философия слабеет. В-третьих, губителен отрыв морали от логико-математических наук и естествознания. Имеется в виду, что в средние века из всех наук только логика развивалась более или менее успешно, но для успеха моральных теорий, в том числе теологии, этого оказалось недостаточно. Вся история средневековья — это тщательнейшая проверка возможностей теологии, которая показала, что теология не в состоянии предложить более действенный, чем философия, способ осмысления мира. В заслугу средневековым философам следует поставить следующие достижения.

1. Развитие проблемы универсалий, что способствовало упрочению рационального мышления.

2. Включение в познавательный процесс знаковых, т.е. семиотических, представлений, в том числе в форме символизма.

3. Дальнейшее развитие логики силлогизмов (мы не останавливались специально на этом вопросе).

4. Развитие средневекового метода истолкования текстов — герменевтики.

5. Развитие схоластического метода, своеобразного варианта средневековой диалектики, спора.

6. Первые обоснования тезиса о доброй и свободной воле.

7. Выделение в составе ментальности человека наряду с телом и душой (психеей) духовной составляющей. В религиозном смысле дух есть со-весть с Богом. В светском понимании дух есть прежде всего этическая, а также эстетическая устремленность человека.

8. Развитие этических представлений, христианской этики.

9. Осмысление истории человека в эволюционном плане как прохождение одного возраста за другим.

Средневековая философия ныне оценивается как органичное продолжение античной, как своеобразный подъем над греческим горизонтом, переоценка былых достижений и подготовка к философии эпохи Возрождения. Философы средневековья, проделав гигантскую работу, создали объемный арсенал проблемных идей, причем достоинства многих из них, по авторитетному мнению специалистов, и в наши дни еще не оценены по достоинству.

Глава 1.3

ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Антропоцентризм — принцип возрожденческой философии

Средневековая философия глубоко и последовательно продумала принцип абсолютной личности, когда везде и во всем видели примат не природы, не человека, а Бога. Такого рода философское мировоззрение наиболее органично соответствует всему социальному и хозяйственно-политическому укладу средних веков, основывавшемуся на сельском хозяйстве. По мере перехода к городскому образу жизни и развития промышленности выявляется особая значимость человека, его своеобразия, его творческой активности. Стала ощущаться острая потребность в новых воззрениях, которые не заставили себя долго ждать. Разумеется, новые воззрения развивались не на пустом месте, они сохранили самую тесную преемственность и со средневековьем, и с античностью. Многим мыслителям представлялось, что возрождается античное культурное наследие, которое в средневековье было предано забвению. Это представление дало название целой эпохе, эпохе Возрождения или, что то же, если использовать французское выражение, эпохе Ренессанса (приблизительно XIV–XVI вв.). В эпоху Возрождения было выработано новое философское мировоззрение прежде всего благодаря творчеству целой плеяды выдающихся философов, таких как *Николай Кузанский*, *Марсилио Фичино*, *Леонардо да Винчи*, *Микеланджело*, *Джордано Бруно* и др. Каковы же основные принципиальные установки возрожденческой философии?

В эпоху Возрождения формально остается в силе центральное положение Бога, но действительным объектом философского интереса становится человек. А это означает, что происходит существенная трансформация главенствующих в культуре ориентаций. О направленности этой трансформации дает наглядное представление приводимая ниже таблица.

Итак, *основная принципиальная установка эпохи Возрождения — это антропоцентризм.*

Человек — творец, художник

Специфика человеческого — жизнь. “Там, где есть жизнь, — пишет *Пико делла Мирандола*, — там есть душа, где есть душа, там есть ум”. Признавая это, нужно отдать должное всем характеристикам человека. Причем далеко не всегда ясно, какая из них является преобладающей.

В эпоху Возрождения человеческая личность по преимуществу является творческой, она как бы перенимает на себя творческую функцию Бога и способна овладеть и собой, и природой. Человек олицетворяет собой творческое начало, будь это искусство, политика, религия и даже техническое изобретение. Человек могуществен подобно Богу, считает *Фичино*. Если так, то он способен реализовать предел всякой разумности и красоты. Но как? Каким образом добиться этого?

Свои творения человек реализует в телесном. Здесь возрожденцы возобновляют античную тенденцию рассмотрения в единстве духовного и телесного. Причем имеется в виду, что творение является максимально совершенным. Но совершенное есть

Таблица 1. Сравнение основных принципов философии средневековья и Возрождения

Средневековье	Возрождение
Теоцентризм	Антропоцентризм
Потусторонность	Посюсторонность, реабилитация земной жизни
Любовь к Богу	Любовь к человеку, т.е. гуманизм
Морализирование и монашество	Эстетическая деятельность и артистизм

красота. Человек эпохи Ренессанса — это не просто творец, а творец и художник одновременно. Он и художник в искусствоведческом смысле, т.е. живописец, музыкант, и творец в эстетическом смысле вообще, т.е. технический работник. Довольно часто многие таланты присущи одному и тому же человеку. Так, *Леонардо да Винчи* был живописцем и изобретателем, *Микеланджело* — живописцем и поэтом. И оба они внесли существенный вклад в развитие философии.

Эстетическое — доминирующий аспект философии Возрождения. И это, конечно же, в противовес не знавшей предела средневековой моралистике, где подозрительно относились к телесно-природному, способному, возможно, умалить достоинство божественного: если в церкви петь слишком благозвучно и приходиться туда в нарядах, то внимание от божественного, мол, будет отвлечено. Возрожденческое мировоззрение выдвигает прекрасное на первый план. Причем таким образом, что первым ставится не столько подражание природе — как это имело место в античности, — сколько творчество художника. Объектом этого творчества является человеческое тело, безмерное любование его красотой. Как видим, торжествует антропоцентризм в его лично-материальном значении, но без утраты духовного.

В искусстве большинство сюжетов берут из Библии, а наиболее излюбленным сюжетом живописи Возрождения является Богородица с младенцем; на смену этим картинам приходят изображения мадонн. Уже сам выбор библейских мотивов указывает на присутствие духовного в картине, оно выражается прежде всего красотой человеческого тела — будь то мужественный Давид, приготовившийся к схватке с Голиафом, или красивая, изнеженная лежащая Венера. Для эстетики Ренессанса характерна слитность духовности и лично-материального. Максимального эстетического эффекта можно достичь двумя путями. Первый путь — опора на библейские сюжеты. Грандиозное впечатление производит серия картин сотворения Мира, которое *Микеланджело* изображает на потолке Сикстинской капеллы в Ватикане: “Отделение света от тьмы”, “Сотворение Солнца и Луны”, “Сотворение Адама” и т.д. Второй путь достижения эстетического эффекта — это изображение самого себя. Ведь автопортрет художника наиболее ярко выражает его духовность, его отношение к эпохе. Именно начиная с эпохи Возрождения почти все известные художники оставили нам свои портреты. *Леонардо да Винчи* рисует себя в преклонном возрасте, а *Дюрер* — в возрасте 13 лет. В XVII в. *Рембрандт* создает целую галерею своих портретов.

Но исходным учителем живописца является не только Библия, а прежде всего он сам. Художник должен быть образован во всех смыслах: философском, богословском, математическом. В античности математика была основой пифагоризма и платонизма, теперь она широко используется в эстетических и одновременно анатомических целях. Античность делила рост человека на шесть, семь частей, *Альберти* — на 600, а *Дюрер* — на 1800 частей (!). Речь идет о достижении математически строгой красоты. Но не в смысле современной математики, которая в поиске объективного стремится дистанцироваться от субъективного. В возрожденческой интуиции дело обстоит принципиально по-другому. Здесь математика оформляет субъективное. Наиболее зримо это проявляется в выработке геометрической концепции линейной перспективы.

Метод линейной перспективы состоит в том, что предметы изображаются на плоскости так, как их видит субъект. Параллельные линии нам кажутся сходящимися в одну точку, отдаленное видится малым. Метод линейной перспективы был разработан именно в эпоху Возрождения и искусно использовался великими художниками. Перспектива создает объективный порядок зрительного восприятия, которое в процессе художественного творчества играет активную роль. Это вполне соответствует лично-материальному принципу возрожденческой эстетики, тому факту, что основная наглядная информация идет через глаза и оценивается с точки зрения субъекта. Само творение понимается как процесс, контролируемый зрением и осуществляемый рукой. Все, что реализуемо, реализуется рукой. Творчество по-настоящему является рукотворным процессом — и в искусстве, и в литературе. Доверие к понятиям растет не столь быстро, как доверие к искусству и возможностям руки. “Все, — пишет Леонардо, — что существует во Вселенной как сущность, как явление или как воображаемое, он (человек. — В.К.) имеет сначала в душе, а затем в руках”. Ему вторит *Микеланджело*: “И высочайший гений не прибавит единой мысли к тем, что мрамор сам таит в избытке, — лишь это нам рука, послушная рассудку, явит”.

Рука, послушная рассудку, — это ли не один из принципов инженерного отношения к действительности? Может быть, правы те, кто считает Леонардо первым инженером на Земле? Леонардо оставил после себя многочисленные проекты технических устройств, гидротехнических сооружений, записи по механике и оптике. Технические идеи Леонардо по большей части не реализованы. И это тоже показательно, ведь речь идет о заре инже-

нерной мысли. Для нас важно, что сама направленность философской мысли на материально-личностное приводит к одобрению творчества и изобретательства. В результате создаются необходимые предпосылки для становления — пока еще только для становления — инженерного подхода.

Гуманизм

Антропоцентризм, да еще в таком артистическом виде, в каком он существовал в эпоху Ренессанса, конечно же, не мог не способствовать развитию *гуманизма*, воззрения, признававшего ценность человека как личности, его права на свободу, счастье и развитие. Гуманизм имел длительную предысторию в античности и средневековье, но как широкое общественное движение он складывается впервые именно в эпоху Возрождения. Принцип гуманизма знаменует собой переворот во всей культуре и соответственно мировоззрении человечества. Одной из форм выражения этого переворота было противостояние схоластике, которая подвергалась критике и осмеянию. Спор шел принципиальный — о новом нравственном идеале и путях его воплощения в жизнь. Традиционная христианская этика видела вершину нравственного совершенства в сопричастности Богу, во имя чего превозносится аскетический подвиг подавления природных устремлений человека.

Согласно итальянским гуманистам, природа человека достойна всемерной реабилитации, она даже становится высшим критерием для оценки человеческих страстей. Гуманисты возрождают идеалы античных эпикурейцев, но без их спокойного и пассивного отношения к жизни. Эпоха Возрождения была этикой нарождавшейся активной молодой буржуазии в первую очередь. Вопрос стоит о благородстве человека, об истинном благородстве. Этот вопрос поставил еще *Данте*. Благородство человека заключается не в чужой славе, даже если этой славой является слава Бога, не в величии рода и не в скоплении богатства, а в доблести духа. Все люди равно получают от природы, каждый не меньше, чем сыновья царей и императоров, дело же состоит лишь в том, чтобы довести свою доблесть и благородство до совершенства, будь то в науке, искусстве или производственной деятельности.

Схоластической религии противопоставляется право на истину и поиск ее; догматизм, преклонение перед авторитетами подвергаются резкой критике. Монашеским подвигам все чаще про-

тивопоставляется самый обыкновенный труд. Но тот, кто трудится, имеет право на богатство. *Валла* резонно задает вопрос: "...Если я могу жить непорочно в богатстве, зачем мне обрекать себя на бедность?" Обет бедности гуманисты отрицают, не собираются прославлять и богатство, роскошь, но они последовательно защищают частный интерес, индивидуализм.

Многие гуманисты отстаивают идеалы умеренного *утилитаризма*. Под утилитаризмом понимается учение, согласно которому цель жизни и добродетель отождествляются с пользой. До крайностей утилитаризма возрожденческие гуманисты доходят редко. Они ищут пути согласования личного интереса с интересами других. Люди должны, считают гуманисты, быть друг для друга источником радости, а это невозможно без того, чтобы основу человеческих отношений составляли любовь и дружба.

Таким образом, гуманизм Возрождения ориентируется на свободомыслие и соответственно справедливое устройство общественно-государственной жизни. Последнее чаще всего предполагалось достигать на демократических началах, в рамках республиканского строя. Но самые благие намерения не всегда гармонируют с действительностью. Стремясь к преодолению раздробленности, выступая против феодальных междоусобиц в тогдашней Италии, *Никколо Макиавелли*, автор знаменитого "Государя", допускал для достижения цели использование варварских средств, что уже вряд ли согласуется с передовыми идеалами этики возрожденческого гуманизма.

Не видя перспектив для скорейшей реализации своих идей в существующей социально-политической обстановке, некоторые мыслители стали обращаться к утопиям. Так появился утопизм *Т. Мора* и *Т. Кампанеллы*. Кампанелла выступает с позиции утопического коммунизма. Само появление произведений утопистов, а это были отнюдь не рядовые писатели, указывает на то, что идеалы Возрождения не были лишены внутренних противоречий.

Философы эпохи Возрождения

Николай Кузанский (1401–1464) — представитель раннего Возрождения. Будучи папским кардиналом, он развил интересную теорию предельного перехода, которую проиллюстрировал математическими примерами. Часть окружности (дуга) при увеличении ее радиуса максимально приближается к ее касательной (прямой) и, наконец, совпадает с ней; две стороны треуголь-

ника при уменьшении угла между ними объединяются в одну прямую и т.д. Во вселенском масштабе абсолютным пределом всего является Бог, в нем максимум и минимум сливаются воедино. Фактически Кузанский приходит к *пантеизму*, учению, отождествляющему Бога с мировым целым. Позитивное значение философии Николая Кузанского состоит в его попытке судить о мире на основе принципа посюсторонности, причем опираясь на вроде бы очевидные истины математики (математическим понятием предела он, конечно же, не владел). Папский кардинал проявлял явное свободомыслие.

Марсилино Фичино (1433–1499) возглавлял во Флоренции академию Платона, которого почитали наравне с Христом. В академии высоко ценились дискуссия и литературный вкус. В качестве центральных философских тем выступали: достоинство человека, его стремление к нравственному совершенству, платоническая любовь, литературное мастерство.

Леонардо да Винчи (1452–1519) — чрезвычайно разносторонний мыслитель, превосходивший своих современников во многих отношениях, но особенно в понимании философии естествознания. Леонардо указывал на необходимость выявления динамических причин явлений в опыте, их математическое описание в соответствии с определенной теорией. Практика “должна быть воздвигнута на хорошей теории”, при этом ученый руководствуется нормами этики. Леонардо отказывался обнародовать свои изыскания по изготовлению подводных аппаратов “из-за злой природы людей, которые этот способ использовали бы для убийств на дне морей, проламывая дно кораблей и топя их вместе с находящимися в них людьми”.

Мишель Монтень (1533–1592), автор знаменитых “Опытов” — этик, стремился обнаружить наипростейшие истоки человечности. Не доверяя различного рода теориям, в том числе эпикуреизму и стоицизму, он занимает по отношению к ним скептическую позицию. Титула человечности у него достойны такие добродетели, как нравственная простота и чистота, порядочность, благородство, отвага, милосердие. В качестве возрожденца он придает этике прежде всего земное, посюстороннее, измерение.

Характерные черты возрожденческой философии

1. *Антропоцентризм*: внимание философов направлено в основном на человека.

2. *Гуманизм*, признание человека личностью, его права на творчество, свободу и счастье. Имелось в виду, что этого можно достичь прежде всего за счет возрождения характерного для античности интереса к гуманитарному, а не к знанию о природе.

3. Постулирование *творческой сущности человека*: он никому не подражает, ни Богу, ни природе, он сам по себе деятелен, он творит, в основном рукотворно, ремесленно.

4. *Личностно-материальное понимание мира*: все существующее понимается в проекции на человека при максимальном интересе к телесному началу.

5. Идея доминирования *эстетического понимания* действительности над моральными и научными представлениями.

6. *Антисхоластика*: стремление развенчать мнимые авторитеты и пропагандируемые ими догмы. С этой точки зрения особенно важное значение имела Реформация, движение в пользу религиозных реформ, героями которого стали *Я.Гус, М.Лютер, Т.Мюнцер, Ж.Кальвин*.

7. *Геометрически-структурное понимание мира*, дополненное диалектикой перехода, характерного для бесконечно малого и бесконечно большого и их соотношения между собой.

8. *Пантеизм*.

9. *Посюсторонность*, акцент на земной, а не потусторонней жизни человека.

Философия эпохи Возрождения, безусловно, имеет самостоятельное значение, но вместе с тем это и подход к новому философствованию, к философии Нового времени, которой суждено было сыграть одну из ведущих ролей в развитии индустриальной цивилизации.

Глава 1.4 **ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVII в.**

Философия Бэкона

Выше были проанализированы философские воззрения трех исторических эпох: античности, средневековья, Возрождения. Уже здесь философия являет собой пеструю картину имен, школ, направлений. Новое время принесло (не в последнюю очередь благодаря быстрому развитию наук) еще большее разно-

образии, все чаще стали выдвигаться значимые философские идеи. Чем ближе к современности, тем более детально приходится структурировать историю философии. Именно поэтому в следующей главе рассматривается не вся философия Нового времени, а ее первый этап — философия XVII в.

При всех своих достоинствах философия Ренессанса, равно как и любая другая философия, естественно, имела исторический характер. Эпоха ранних буржуазных революций достигла новых философских идей. В этом смысле весьма показательна философия англичанина *Фрэнсиса Бэкона*. Главные философские интересы Бэкона сосредоточены на практике и науке. И это при том, что он — философ, литератор, политик. Казалось бы, тяготеющего к литературе и политике философа не должны интересовать вопросы сугубо практико-экспериментального характера. Но интерес к этим вопросам стимулировался быстрым развитием капиталистического производства. Всякая философская система — философия Бэкона не является исключением — соотносится с вполне определенной исторической эпохой.

Бэкон резко критикует созерцательный идеал знания. Знание — сила, а сила эта выражается прежде всего в стимулировании ею человека к действию. Бэкон стремится к максимальному воссоединению философии с результатами практической деятельности человека. “Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно”. Таким образом, знание замыкается на действии, а действие — на знании. Знания нет без науки, особенно фундаментальной, а действия, поскольку оно опирается на науку, нет без эксперимента. Бэкон — гуманист и поэтому склонен к тщательному анализу того, что действительно способствует развитию человека. Пустое морализирование, в том числе и на различные религиозные темы, в указанном смысле не плодотворно. Напротив, данные естественных наук крайне важны для развития человеческого общества и каждого человека. Поэтому, будучи философом и литератором, Бэкон развивает проблематику естественных наук.

В чем выразилось новаторство Бэкона? Пожалуй, прежде всего в понимании практико-экспериментальной обусловленности знания. Казалось бы, эта идея весьма проста и известна каждому. Но дело обстоит не совсем так, в противном случае не имел бы места существующий разрыв между знанием и практикой. В XVII, как и в XXI в., мало кто желал пользоваться знанием, не пригодным для осмысления жизни, но избежать этого удавалось менее часто, чем хотелось бы. Бэкон понимает ситуа-

цию глубоко и содержательно. Совершенно справедливо он указывает на необходимую связь знания с экспериментом. Здесь философ прав на все сто процентов. Однако далее он делает весьма обязывающий в философском отношении шаг: он утверждает, что научное знание следует за экспериментом, выводится из него непосредственно. Но действительно ли знание получается непосредственно из эксперимента или, возможно, оно, как считали *Декарт* и *Кант*, объясняется особенностями человеческого интеллекта? Может быть, следует каким-то образом комбинировать то, что связано с интеллектом, с одной стороны, и то, что связано с экспериментом, — с другой?

По Бэкону, знание не возникает в голове человека само по себе, его нужно получить в результате осмысления данных эксперимента. Раз так, то он вполне последовательно утверждает, что эксперимент индуцирует знание, “наводит” на него. Латинское “индукцию” означает выведение, наведение. Но Бэкон имеет в виду не просто наведение на новое знание, а конкретный философский метод *индукции*, логическое умозаключение от частных, единичных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщениям (заметим, что в противоположность индукции *дедукция* есть умозаключение от общих суждений к частным).

Итак, по Бэкону, надо сравнивать данные эксперимента, находить в них общие черты и в результате получать знание общего характера, на основе которого уже без затруднений можно объяснить новые случаи, которые не противоречат общим положениям. Бэкон сознает, что у метода индукции есть пределы применимости. Уже в силу своей конечной природы человек может иметь контакт лишь с какой-то частью явлений, следовательно, индукция будет неполной. В то же время, может случиться так, что одни данные будут подчиняться общему правилу, а другие — противоречить этому правилу. Даже из-за одного отрицательного результата придется отказываться от применения общего правила. Рассмотренные ограничения не поколебали веру Бэкона в силу метода индукции. Да, считает Бэкон, метод индукции имеет свои пределы применения, но это не недостаток, а его особенность. Метод индукции дает знание таковым, каким оно является.

Несомненно, в рассуждениях Бэкона содержится много актуального. Зачастую на самом деле действенным приемом является сравнение данных эксперимента и получение на этой основе знаний законообразного характера. Философы говорят в таких случаях об экспериментальных законах, которые отличаются от

теоретических законов. Так, сравнивая многие ситуации, Бэкон установил, что теплота всегда связана с движением частиц. Это экспериментальный закон. Различного рода социологические опросы также приводят к закономерностям экспериментального характера. Таким образом, метод индукции позволяет обнаружить экспериментальные зависимости.

Но метод индукции не всесилен. Это выясняется, если обратиться к проблеме идеализаций, в которой, скажем прямо, Бэкон был отнюдь не силен. В теоретических законах используются идеализации типа “точка”, “прямая”, “абсолютно твердое тело” и т.п. В эксперименте вроде бы нет ни точек, ни бесконечно сохраняющегося прямолинейного движения, ни математических понятий. Никакое бэконовское сравнение не может привести к понятию точки. Метод индукции бессилен там, где получают идеализации. Философы, превосходившие Бэкона в уровне владения математическим знанием, видели односторонность бэконовской философии и стремились ее преодолеть. В этой связи особый интерес представляют философские воззрения французского философа, математика, физика и физиолога *Рене Декарта*, которого многие считают самым влиятельным мыслителем XVII в. Бэкон олицетворяет собой философию перехода от Возрождения к Новому времени. Декарт же относится всецело к Новому времени, по утверждению *Гегеля*, именно он явился родоначальником философии Нового времени.

Философия Декарта (картезианство)

Рене Декарт, подобно Бэкону, резко критически относился к схоластическому наследию средних веков и эпохи Возрождения. В понимании эксперимента он далеко превосходит Бэкона. Но подход Декарта к философской проблематике во многом принципиально иной, чем у Бэкона. Декарт очень силен в математике, не в последнюю очередь отсюда, надо полагать, развивается у него склонность к обобщениям максимально универсального философского характера. Декарт сравнивает философию с корневой системой дерева науки, стволом которого является физика, а ветвями — прикладные науки. Реконструируем последовательно основные положения декартовской философии.

Философская пронизательность Декарта требует от него прежде всего обоснования достоверности знания. Ему слишком хорошо известны доводы скептиков на этот счет. Сам Декарт стре-

мится использовать сильные стороны скептицизма, поэтому он считает, что *методическое сомнение* не только уместно, но и вообще является эффективным приемом в научных исследованиях. Впрочем, Декарт не останавливается на методическом сомнении, он ищет основания достоверности знания. Простое бэконовское утверждение относительно достоверной силы эксперимента Декарту — в силу уже указывавшихся оснований — не подходит. Искать надо не в области эксперимента, а где-то в другом месте. Где? В области человеческого интеллекта, конкретнее, с учетом недостоверности чувственных восприятий, в уме человека, в его разуме. Но прежде чем обратиться к человеческому интеллекту, есть настоятельная философская необходимость обратиться к человеку, носителю этого интеллекта. Отсюда знаменитое картезианское: “Я мыслю, следовательно, существую”. Основание всякой достоверности суждений — наличие размышляющего субъекта. *Центр и одновременно исходная точка философии Нового времени — размышляющий субъект.* Философия Нового времени от принципа абсолютной личности средних веков и принципа чувственно-материальной личности Ренессанса пришла к концепции *человека разумеющего*.

Итак, началом картезианской философии является данная новая концепция. Даже скептик должен признать факт своего собственного бытия в качестве разумеющего человека. В самом субъекте основанием достоверности знания является ум. Какой ум? Очевидно, не тот, который склонен попадать в сети беспорядочных рассуждений. Речь идет об уме ясном, отчетливом и внимательном, умеющем проходить все ступени непрерывной дедукции, замыкаемой на экспериментальные факты. Особое внимание должно быть уделено исходному пункту цепи дедукций, ее началу. Началом дедукции является *интеллектуальная интуиция*. Интеллектуальная интуиция выступает как прямое, непосредственное, рациональное постижение сути дела. Конечно же, в правомерности такой интуиции тоже приходится сомневаться, но на эти сомнения накладываются оковы, ибо содержательность интуиции выясняется в процессе успешно осуществляемой дедукции (движения от общего к частному) и использования соответствующего знания на практике и в эксперименте. Метод Декарта включает: 1) признание истинным только того, что познается с предельной очевидностью и отчетливостью; 2) выделение максимально простых элементов знания; 3) восхождение от простого к сложному.

Выше отмечалось, что философия Бэкона “спотыкается” там, где речь идет о теоретическом знании. Обходит ли возникающие

трудности картезианство? По крайней мере отчасти: мы не можем видеть точку, прямую, плоскость, но мы можем вообразить их себе. То же относится к постулатам и аксиомам философии, математики и логики. Если одни идеи человек получает из чувственного опыта, то другие — в результате интеллектуальной интуиции, проясняющей то, что есть в нас от рождения. Теоретические идеи являются врожденными, их основания невозможно обнаружить в эксперименте. Декарт стремится объяснить существование теоретических идей исходя исключительно из реальности обособленного от опытно-экспериментального мира субъекта. Пожалуй, это философская крайность, указывающая на слабости позиций философского гения XVII в. То же самое относится к дуализму философии Декарта, противопоставлению материальной субстанции духовной.

Выделив ум человека и обособив его от всего телесного, Декарт постулирует наличие двух субстанций: материальной (телесной) и духовной, их главными атрибутами являются, по Декарту, соответственно протяженность и мышление. Соответствие субстанций друг другу объясняется наличием Бога. У Декарта две субстанции, что вполне соответствует состоянию науки XVII в., когда внутренняя разнородность соответственно материальных и духовных явлений была почти неизвестна. Еще не было достаточных оснований для обособления друг от друга, например, физических и химических явлений. Поэтому Декарт говорит о единой телесной субстанции, причем главным ее неизменным свойством, атрибутом считает не время, а протяженность, что соответствует геометрическим наклонностям эпохи философа. Духовный мир человека XVII в. характеризовали упрощенно. Но положительно уже то, что четко видели его своеобразие, преодолевая тем самым ограниченность гилозоизма, бывшего весьма популярным еще в эпоху Возрождения.

Итак, приведем основные черты философии Декарта.

1. Постулирование исходным пунктом философии реальности *мыслящего* субъекта.
2. Принцип методического сомнения; интеллектуальная интуиция и следующая за ней дедукция.
3. Деление изучаемого явления на составные, мельчайшие части.
4. Восхождение от простого к сложному.
5. Поиск рационального порядка во всем.
6. Развитие концепции врожденных идей.

7. Дуалистичность: представление мира состоящим из двух субстанций.

Декарт был не только философом, но и выдающимся математиком и физиком. В данном случае мы, однако, не рассматриваем физико-математические заслуги Декарта. В нашу основную задачу входит характеристика философии XVII в. Безусловно, развитие математики и физики в XVII в. необычайно способствовало развитию философии. В силу особой значимости физики абстрагироваться от ее влияния на философию в XVII в. нельзя. И лучше это сделать в процессе анализа трудов непосредственно тех великих ученых, которые внесли максимальный вклад в развитие новой естественно-научной картины мира. Среди них по праву числится и Декарт. Но первыми лицами являются *Галилео Галилей* и *Исаак Ньютон*.

Галилей и Ньютон: создание теоретической механики

Читатель, наверное, знает, что *Галилей* прославился своими физическими экспериментами и астрономическими наблюдениями. Но особенно философски содержательными явились его теоретические открытия, в первую очередь *принцип относительности*, установленный им в 1636 г. Галилей доказывает, что никакими механическими опытами нельзя определить, покоится ли данная так называемая инерциальная система отсчета или движется равномерно и прямолинейно с некоторой скоростью. Все инерциальные системы отсчета физически равноправны в том смысле, что все законы механики применительно к ним одинаковы. Что касается равномерного прямолинейного движения, то оно может сохраняться сколь угодно долго. Утверждая это, Галилей фактически пользуется идеализацией. В реальной действительности равномерное движение в силу постоянных возмущений, воздействующих на любое тело, наблюдать невозможно. В теории же просто необходимо использовать идеализации.

Программа, намеченная Галилеем, была систематически развита *Ньютоном* в его книге “Математические начала натуральной философии”. Отметим в этой связи четыре наиболее существенных аспекта механики Ньютона: 1) метод принципов; 2) математический язык; 3) законы и начальные условия; 4) гипотетико-дедуктивную структуру механики.

Ньютон считал, что надо исходить из двух-трех принципов и уже на их основе объяснять все явления. Именно таким методом строятся важнейшие физические теории. В механике Ньютона главным принципом является *первый закон Ньютона*, который представляет собой переформулировку принципа относительности Галилея. Принцип всегда выражается положениями максимально общего характера. Другими словами, он фиксирует как раз то единое во многом, что так интересовало древних мыслителей. Древние представляли себе это единое очень наглядно, а на самом деле оно состоит в применимости одних и тех же законов к различным явлениям.

Но принципы желательно формулировать математически: книга природы, утверждает Галилей, написана математическим языком. Математическое описание удивительно эффективно. Почему? Прежде всего потому, что в адекватной форме фиксируется своеобразие физических теоретических конструкций. Широкой применимости физических принципов соответствуют математические преобразования, которые оставляют неизменными уравнения, выражающие физические законы. Физик-теоретик в своем стремлении обнаружить физические принципы ищет такие уравнения, которые, с одной стороны, описывали бы экспериментальные факты, а с другой — подчинялись бы определенным преобразованиям, оставляющим их инвариантными. Если это удастся, то принцип найден.

Наряду с принципами теория содержит законы. Закон описывает определенный класс явлений. Далее. В теории структура мира как бы разбивается на законы и на начальные условия. Закон всегда один и тот же, а начальные и последующие условия весьма изменчивы. В итоге оказывается “схваченным” сложное многообразие мира. В механике Ньютона законы справедливы при любых начальных условиях. В наши дни выяснена зависимость законов от начальных условий. Незыблемым остается стремление к математическому отображению законов, но при этом всегда сохраняется и представление о начальных условиях.

Рассмотренное нами строение ньютоновской механики фиксирует то, что в современных выражениях называют *гипотетико-дедуктивной структурой научной теории*. От принципов на путях дедукции — к эксперименту. Принципы изобретаются и опровергаются, а потому целесообразно, избегая доктринерства, не отрицать их в определенной степени гипотетического, предположительного характера. Ньютон дал гениальный образец ги-

потетико-дедуктивного построения теории. Усилиями философов, математиков, физиков XVII в. гипотетико-дедуктивный метод был тщательно разработан, что имело решающее значение для прогресса науки. Начиная с XVII в. наука стала развиваться так быстро, как никогда ранее.

Можно смело утверждать, что важнейшим достижением философии XVII в. является выработка гипотетико-дедуктивного метода. Со стороны философии решающий вклад сделан Декартом, а со стороны физики изящное решение сложнейшей проблематики было найдено Галилеем и Ньютоном, создавшими механическую картину мира. Оценивая содержание философии XVII в., нужно иметь в виду, что, конечно же, не везде и не всегда удавалось пользоваться рецептами математического естествознания. Тем не менее философия XVII в. по своей основной направленности была рациональной.

Выработка нового юридического мировоззрения. Правовые идеи философии Локка

Европейская философия XVII в. поставила в центр своей системы ценностей мыслящего субъекта. Такой обязывающий в философском отношении шаг не мог не привести к существенному пересмотру всей совокупности воззрений на роль личности, общества, государства, религии. Далеко не случайно в результате мощного церковного реформаторского движения, возглавлявшегося *Мартином Лютером*, протестантизм завоевал свои права в борьбе с католицизмом. Протестантизм объявил религию культивированием личной веры, раскрытием высшего разума в человеке. Рука об руку шли, с одной стороны, обращение к ясным и разумным началам познания, а с другой — возвращение к предполагаемой простоте первоначального христианства. Соответствующий процесс был характерен и для осмысления общественного строя.

Для передовых философов XVII в. стала нормой опора на понятие естественного права каждого человека, дополняемого понятием общественного договора. Тому и другому стремились дать глубокое рационалистическое объяснение на путях защиты и развития юридического мировоззрения во всей его возможной чистоте. В отличие от своих античных и средневековых коллег правоведы Нового времени стремились защитить права каждой личности, в юридическом отношении все люди признавались рав-

ноправными. Совершенно непонятная для юристов старых школ новая идея состояла в желании установить “равенство без уравнивания”. Юридическое равенство состоит в равенстве возможностей разных личностей. Эту идею развивали, в частности, английские философы *Томас Гоббс* и *Джон Локк*. Если физики XVII в. постулировали одинаковость для всех физических явлений одних и тех же законов при различных значениях физических переменных, то правоведа, реализовав новый стиль философского мышления, настаивали на подчинении всех людей одним и тем же юридическим законам при естественном несходстве разных индивидов.

Гоббс широко известен как защитник концепции общественного договора, без которого, по мнению философа, люди в силу своей естественной вражды друг с другом не способны к мирному сосуществованию. Наиболее полное выражение новые юридические возможности нашли в трудах *Джона Локка*, автора конституции Северной Каролины.

Свои рассуждения Локк начинает с рассмотрения изолированных индивидов, ищущих частной выгоды. Личность от рождения обладает тремя основными правами: на жизнь, на свободу и на собственность. Тройственная правовая формула Локка вошла во многие раннебуржуазные конституции. Самому Локку не составило труда показать, что все три права взаимосвязаны друг с другом и взаимоопределяют друг друга.

Основные права гражданина и человека не могут быть обеспечены без терпимости друг к другу, ибо терпимость есть теоретически осознанный всеобщий смысл права. Локковская концепция права ставит во главу угла уважение и соблюдение гражданской самостоятельности индивида, уважение к конституции, мощному оружию социального прогресса. Итак, новый стиль философского мышления привел к выработке развитого юридического мировоззрения.

Философия Лейбница

XVII век одарил человечество целой плеядой выдающихся философов. Это, разумеется, не только Бэкон и Декарт, Гоббс и Локк, но и *Паскаль* и *Гассенди*, *Спиноза* и *Бейль*. К сожалению, мы не имеем возможности в рамках данного учебника рассмотреть философские воззрения указанных философов. Надеемся, что читатель сам, по своей инициативе, не оставит без внимания

их замечательные труды. Своеобразное исключение делается для философии *Готфрида Лейбница*. Его философия фактически явилась вершиной философских изысканий XVII в. Философия Лейбница представляет также особый интерес постольку, поскольку принадлежит человеку с самыми разносторонними знаниями и способностями: философу, математику, логику, теологу, государственному деятелю. Лейбниц — подлинный энциклопедист в точном смысле этого слова. Но философия по самому своему содержанию энциклопедична. Поэтому вершин в философии достигают именно энциклопедисты.

Лейбниц следовал рационалистической традиции Декарта, но он существенно углубил многие принципы рационалистической философии, благо его детальная осведомленность относительно тонкостей логики, математики, физики позволяла ему это сделать.

Прежде всего Лейбниц постарался уяснить себе и другим вопрос о началах философии, равно как и любого другого знания. Он стремился конкретно назвать, перечислить те интуиции, о которых писал Декарт и о которых всегда столь пространно рассуждают рационалисты. Лейбниц имеет в виду: принцип непротиворечия или тождества (A есть A и не может быть не равно A); принцип необходимости достаточного основания (все случается согласно определенному основанию); принцип тождества неразличимых (нет и не может быть даже двух тождественных вещей); принцип идеальности монад (сущностей); принцип предустановленной гармонии; принцип непрерывности и т.д.

Тождества не нуждаются в доказательствах, поэтому принцип тождества изначально приемлем. Опытные же факты в силу принципа необходимости достаточного основания должны обосновываться, факты зависят от законов. Вещь не представляет собой просто сгустка телесной материи, а есть внутренне активная сущность — *монада*. В известном соответствии с платонизмом эта сущность понимается как духовное, идеальное, которое выражается в экспериментально фиксируемых фактах. Лейбниц стремится здесь одним философским выстрелом “убить двух зайцев”. Идеальность монад ему нужна для рационально-теоретического объяснения опытных фактов. А духовность монад выражает их динамическую суть, активность, постулирование которой позволило Лейбницу дистанцироваться от вульгарно-механистических воззрений, явно недостаточных для объяснения биологических и социальных явлений.

Между монадами существует предустановленная Богом гармония, системность. Абсолютное время и абсолютное простран-

ство не существуют, ибо они лишены, по определению, указанных системных связей. Наконец, следует учесть все те изменения, которые происходят с монадами. Они непрерывны, ибо подружому их невозможно себе представить в рационально оправданной форме. Здесь Лейбниц фактически дает философский перевод математического смысла дифференциального исчисления, одним из создателей которого он являлся. Что же касается сложного мира физических фактов, чувств, эмоций и желаний людей, то все это находит свое полное рациональное обоснование в идеальности монад. Монады сотворены Богом. Сам Бог реален в силу невозможности отказаться от всегда ясной идеи нашего ума о совершенном божестве.

Перед нами тезисы один из наиболее развитых философских концепции XVII в. При всей своей умозрительности она позволяет давать приемлемые объяснения самым сложным явлениям.

Спор Локка и Лейбница по вопросам теории познания

Главное произведение Локка “Опыт о человеческом разумении” показалось Лейбницу столь проблематичным и вместе с тем интересным, что он написал книгу со сходной структурой “Новые опыты о человеческом разумении”. Лейбниц вел (заочно) острую дискуссию с Локком по вопросам теории познания. Эта дискуссия представляет интерес и для нас.

Локк критикует теорию врожденных идей Декарта. Сознание новорожденного — это “чистая доска”, оно наполняется содержанием благодаря в первую очередь ощущениям. На основе чувственного опыта образуется внутренний опыт человека. Способы наблюдения за внутренним опытом Локк называет *рефлексией*. Опыт, по Локку, есть совокупность идей, под которыми он понимал чувственные впечатления, представления, понятия различного рода, например волевые, акты души. Исходным, первым, является чувственное знание, где выделяются первичные и вторичные качества. Первые — протяженность и фигура — существуют в вещах реально, а вторые — цвет, запах, вкус и т.д. — присущи субъекту, а не внешним для него вещам. Умственная активность субъекта позволяет ему соединять, проводить обобщения *простых* идей, в результате получают самые разнообразные *сложные* идеи. Для развитой Локком теории познания характерен *эмпиризм* (“все из опыта”) и *сенсуализм* (т.е. все формы познания сводятся в конечном счете к чувствам). Мало-

сведущим в философии людям концепция Локка обычно представляется ясной и очевидной. Между тем, как учили великие философы, за кажущимся очевидным, как правило, скрываются самые сложные проблемы. Применительно к Локку на это указывал Лейбниц.

Формулу сенсуализма “нет ничего в интеллекте, чего бы не было раньше в чувстве” Лейбниц опровергает добавлением: “кроме самого интеллекта”. Сознание новорожденного — это не “чистая доска”, не “пустое помещение”, а — речь идет об образе — глыба мрамора с прожилками, которые намечают фигуру будущей статуи. Из чувств нельзя вывести интеллект, рациональное мышление. Лейбниц — *рационалист*, он не против эмпиризма, но стремится осмыслить эмпирические данные на основе абстрактного мышления (способность человека к которому и есть “прожилки”).

Комментарий к идеям Локка и Лейбница мог бы занять сотни страниц. Для нас важно, что оба мыслителя пытаются разрешить сложнейшие философские проблемы, например выяснить характер взаимоотношений между чувствами и понятиями. Локк редуцирует, сводит понятия к чувствам, Лейбниц чувства понимает как проявление духовности субъекта. Оба поступают сходным образом: для начала чувства и понятийные формы мышления противопоставляются друг другу, а затем это противопоставление полностью преодолевается, одно начинает доминировать над другим. Так рассуждали гении XVII века.

В заключение данной главы перечислим основные идеи философии XVII в., начала эпохи Нового времени.

1. Принцип *автономного мыслящего субъекта*.
2. Принцип *методического сомнения*.
3. *Индуктивно-эмпирический метод*.
4. *Рационально-дедуктивный метод*, включающий интеллектуальную интуицию.
5. *Гипотетико-дедуктивное* построение научной теории.
6. Выработка нового *юридического мировоззрения*. Обоснование и защита прав гражданина и человека.

Глава 1.5 ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XVIII в.

Историческая справка

Философия XVIII в. в не меньшей степени, чем ей предшествующая, отмечена духом новаторства. В идейном отношении непосредственно примыкая к философии XVII в., новая философия существенно конкретизировала ее традиции. При этом выявились интересные особенности эволюции философской мысли. Восходящая к именам английских мыслителей Бэкона и Локка философия нашла своих талантливых продолжателей во Франции, в частности в лице *Дидро* и *Гольбаха*. Идеи француза Декарта вдохновили немца *Иммануила Канта*. Такое своеобразное перераспределение философских пристрастий отчасти объясняется общественно-политическим климатом эпохи. Франция шла навстречу буржуазной революции, насущные вопросы требовали активной деятельности философов, ясных и быстрых опровержений устаревших феодальных и клерикальных идей. Философия выходила за стены университетов и кабинетов ученых, она перемещалась в светские салоны Парижа, на страницы десятков и сотен запрещенных изданий. Философия становится делом идеологов и политиков. В этих условиях простые и ясные рецепты бэконовско-локковской философии используются весьма эффективно. По-другому обстоит дело в феодально-раздробленной Германии, где философией занимаются преимущественно университетские профессора в тиши и уединении своих рабочих кабинетов. Здесь разрабатываются рафинированные философско-рационалистические схемы. С учетом того что в XVIII в. центр философских изысканий переместился из Англии сначала во Францию, а затем в Германию, мы рассмотрим в первую очередь французскую, а затем немецкую философию данной эпохи. Разумеется, как и ранее, нас интересуют не столько философские персоналии, сколько принципиальные черты нарождавшихся новых философских миропониманий.

Философия французского Просвещения. Вольтер, Руссо, Гольбах

Во Франции философия выступала в XVIII в. как сердцевина, ядро Просвещения, сама в свою очередь получая от Просвещения — а оно являлось мощным общественно-культурным движением — конкретные импульсы к развитию. Философы-просветители считали философский разум базисной инстанцией при разрешении самых сложных вопросов. Это строго соответствовало центральному положению в философии принципа разумеющего субъекта. Все ставилось под критический свет разума при готовности принять любую альтернативу (если она только может быть разумно обоснована) существующему положению дел. Показательна в этой связи философская деятельность *Вольтера* и *Жана-Жака Руссо*, двух, пожалуй, главных идеологов Великой французской революции.

Вольтер без устали атакует религиозный фанатизм, различного рода суеверия и заблуждения, феодальный абсолютизм, произвол властей, в том числе и правовой. Выступления Вольтера способствовали не только Великой французской революции, но и реформам в Англии, Германии, России, где он провел часть своей жизни.

Основной предмет атак Вольтера — различные предрассудки, клерикализм, который он мечтал раздавить усилиями философов. Вольтер — не атеист, он деист, а это означает, что Бог признается творцом мира, но отвергается его участие в жизни общества. Вольтер выступает сторонником “естественной религии”. Под естественной религией он понимает принципы морали, общие для всего человечества. Содержание морали Вольтер интерпретирует рационалистически. Главный принцип морали, считает Вольтер, сформулирован уже мудрецами древности: “Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой”.

Философская деятельность Вольтера, не достигающая особых высот в формулировке новых принципов, вместе с тем свидетельствует, что было бы неверно считать философию только умозрением, только утехой кабинетных ученых. Творчество Вольтера показывает, что философия не менее других наук может иметь прикладной характер, добиваясь на этом поприще заслуженных успехов. Отнюдь не случайно по решению Учредительного собрания гроб с прахом Вольтера был в 1791 г. помещен в созданный в Париже Пантеон великих людей Франции.

Руссо так же, как и *Вольтер*, является представителем первой волны французских философов-просветителей. Он существенно развил гоббсовскую концепцию “общественного договора”. *Руссо* не хотел допустить порабощения свободного по природе своего человека. А это, считает он, произошло и происходит по причине невежества части населения, вследствие его обмана и насилия над ним. Молодой *Руссо* видел истоки неравенства в частной собственности и государственном устройстве, он советовал людям вернуться к природе, деревенскому уединению в том числе. Позднее философ встает на несколько иную точку зрения: общественный договор позволит преодолеть неравенство. При этом *Руссо* сохраняет свою заинтересованность в счастливом будущем всех людей. *Руссо* провозглашает суверенным народ, суверенитет народа неотчуждаем и неделим, законодательная власть должна принадлежать народу. Исполнительная власть лишь представляет народ. Провозглашенные *Руссо* политические требования в наши дни кажутся вполне очевидными и весьма привычными. В свое же время они были далеко не очевидными социально-философскими новациями, которые весьма ограниченно гармонировали с концепцией человека разумного. *Руссо*, подобно *Вольтеру*, проявил себя как мастер прикладного использования философии.

Своей вершины французская философия XVIII в. достигла в работах *Дени Дидро* и *Поля Гольбаха*. Под руководством *Дидро* издавалась знаменитая энциклопедия, в которой на суд человеческого разума ставились достижения “во всех областях знания и во все времена”. 35 томов энциклопедии явились зримым торжеством просветительских идей.

Гольбах, как и *Дидро*, был одним из философских лидеров энциклопедистов. Его салон в Париже был фактически их штабом. Глубокий знаток философских, социально-политических, естественно-научных воззрений, *Гольбах* склонен к последовательному систематическому мышлению. Его главное произведение “Система природы” (1770) стало своеобразным итогом усилий энциклопедистов по развитию философских идей. Не случайно “Система природы” была воспринята как “библия материализма”.

Как всякий последовательный материалист, *Гольбах* начинает анализ с материи, с того, что существует изначально, независимо от духовной жизни человека. Далее делается попытка дать объяснения самым сложным феноменам вплоть до сознания человека. По *Гольбаху*, “природа есть причина всего”, она всецело материальна. Сама же природа есть не что иное, как моди-

фицируемая движением материя. Материя есть причина самой себя, она состоит из частиц. Способом существования материи является движение, которое может быть механическим, химическим, биологическим. Природа есть целое, и в этом качестве она выступает как цепь причин и следствий, религиозному чувству здесь нет места (Гольбах — атеист). Все явления необходимы, это — следствие объективности законов. Случайность в природе отсутствует. Согласно необходимому порядку вещей, в природе самопроизвольно зарождается жизнь, вершиной которой является человеческая жизнь.

Что касается идей, то они возникают из опыта человека, в результате воздействия внешнего мира на его органы. Опыт и размышления всегда наставят в конечном итоге человека на истинный путь. Люди способны разобраться во всех хитросплетениях существующих явлений, сознательно противиться страданиям, выпадающим на их долю. В этой связи Гольбах уделяет большое внимание этике и концепции общественного договора. Как и другие французские материалисты XVIII в., Гольбах доказывает необходимость коренных социальных преобразований, без которых невозможно утвердить гуманистические отношения между людьми. Философия Гольбаха, подобно идеям Вольтера и Руссо, подготовила Великую французскую революцию.

В заключение данного параграфа целесообразно привести некоторые критические замечания в адрес французского материализма XVIII в., дабы он не выглядел как истина в последней инстанции. Безусловно, у рассматриваемой философии были свои достижения и недостатки. Те и другие выступают следствием развития философского принципа автономной разумной личности. Философы того времени гордились тем, что человек разумен: разум, считали они, есть вершина интеллекта человека. Но вопрос в том, как развивать обозначенную программу рационалистических воззрений. Путь, избранный французскими материалистами, не единственный, это станет ясным при рассмотрении в следующем параграфе философии *Канта* и *Фихте*. Там же будет уместен сравнительный анализ двух наиболее значимых философских систем XVIII в.

Философия в Германии. Кант и Фихте

Иммануил Кант (1724–1804) — гениально одаренный философ. Он полагал, что совершил коперниканский переворот в

философии и науке. Крайне важно понимать суть совершенных им новаций.

Кант желает объяснить самое трудное для понимания — возможность научного и философского знания. Для него очевидны две вещи. Во-первых, существует знание априорное, изначально данное, и апостериорное (от лат. *a priori* — изначально и *a posteriori* — из последующего). Источником первого вида знания являются познавательные способности души (рассудок, способность суждения о прекрасном, разум), а второго — опыт, эмпирия. Во-вторых, все суждения делятся на аналитические и синтетические. В аналитическом предложении предикат (признак) содержится в субъекте. Так, в суждении “Тело протяженно” субъект “тело” содержит в себе предикат “протяженный”. Истинность аналитического суждения следует из него самого, простой анализ убеждает в этом. В синтетическом предложении предикат не содержится в субъекте, он к нему присоединяется. Так, в суждении “Тело обладает весом” предикат “вес” может и не принадлежать телу (вспомните о невесомости). Присоединение предиката к субъекту обеспечивает рост знания, что как раз и характерно для предложений науки. Научное знание и априорно, и синтетично. Желаящему понять природу науки следует объяснить, насколько это возможно, *априорные синтетические* предложения. Итак, проблема сформулирована. Как ее разрешить? Отвечая на этот вопрос, Кант предлагает следующее решение им же сформулированной проблемы.

Связь априорного и апостериорного знания обеспечивается продуктивным воображением субъекта. Сам субъект вынуждает априорное знание выходить за свои пределы, перешагивать их и объединяться с эмпирическим знанием. “Выходящий за пределы” на латинском языке есть *transcendens*. Следовательно, научное знание трансцендентально не само по себе, а лишь в качестве объединяемого с эмпирическим знанием. Таким образом, почему возможно априорное синтетическое знание? Потому, что благодаря активности субъекта априорное знание как бы накладывается на эмпирическое.

Выше выделен главный ход мысли Канта, согласно которому желание понять какую-либо науку, в том числе и философию, предполагает: 1) выделение априорных принципов; 2) запрещение их обособления от эмпирического материала; 3) объединение априорных основоположений с эмпирией. Любая наука, по определению, должна быть априорно-трансцендентальной. В русле кантовских рассуждений приведем характерные примеры на этот счет.

Естествознание начинается с априорного принципа *закономерности*, который накладывается на эмпирический материал.

Эстетика базируется на априорном принципе *целесообразности* (мир человека таков, что приходится различать чувства удовольствия и неудовольствия, он в этом смысле целесообразен).

Этика открывается принципом *конечной цели* (твори добро).

Обратимся теперь к логике, которой Кант уделял особое внимание. Он отличает формальную логику от трансцендентальной. Философская логика (от гр. *logos*) не формальна, а трансцендентальна. Формальная логика дистанцируется от эмпирии, поэтому она не может претендовать на трансцендентальный статус. Итак, научная логика — это трансцендентальная логика, причем с позиции наиболее развитой познавательной способности души, рассудка.

Выделив трансцендентальную логику, Кант делит ее на трансцендентальную аналитику и диалектику. Априорный уровень трансцендентальной *аналитики* представляет суждения, относящиеся к четырем основополагающим категориям: количеству, качеству, отношению, модальности (возможность — невозможность, существование — несуществование, необходимость — случайность). Трансцендентальную аналитику Кант как раз и считает научной. По своему статусу аналитика ничем не отличается от науки, ее содержание в конечном счете априорно-трансцендентальное, она состоит из априорных синтетических предложений.

А за *диалектикой* Кант не признает научно-философского статуса, и вот почему. Она, дистанцируясь от практики, приходит к противоречивым суждениям типа: мир имеет и не имеет начала, человек свободен и несвободен, мир прост и сложен. Диалектический, или чистый, разум стремится к безусловному, вводит понятия Космоса, души, Бога. И попадает впросак. Чтобы избавиться от противоречий чистого разума, необходимо перейти к *практическому* разуму. Практический разум выше чистого разума. Диалектика — это видимость философии.

Изложив существо философии Канта, обратимся к трудным местам ее понимания. Многие люди считают, что принципы науки выводятся непосредственно из эмпирического материала. Выше, например при анализе творчества Ф. Бэкона, уже отмечалось, что такое мнение ошибочно. Следовательно, Кант имел все основания развивать тему априорного знания. Но он не объяснил, откуда берется априорное знание. Господствующее философское мнение состоит в том, что знание, называемое Кантом

априорным, есть не что иное, как определенные *гипотезы*. Вопреки Декарту научные принципы не рождаются вместе с нами, они изобретаются людьми.

Коперникианский поворот Канта состоял в выделении познавательной активности субъекта. Мы узнаем каков мир благодаря нашему познанию. Канту часто приписывают две несуразницы — идеализм (мир существует благодаря идеям) и агностицизм (мир непознаваем). Что касается идеализма, то Кант отрицал его. Он никогда не утверждал зависимость существования мира от идей человека. Его мысль правильна: люди познают мир посредством идей, т.е. принципов и законов. По стратегическому счету неправомерно также обвинять Канта в агностицизме. Вещи, не включенные в процесс познания, он называл вещами-в-себе, т.е. они *пока* непознаваемы, а в принципе они познаваемы, но, согласно Канту, в первую очередь благодаря априорным принципам. Последние он рассматривал в качестве незыблемых, абсолютных истин, но они, вопреки Канту, гипотетичны и изменчивы.

Философскую систему Канта часто называют также *критическим идеализмом*. По Канту, философия есть форма критики, но критику он понимает весьма своеобразно. В своих основных произведениях, в названиях которых, как правило, присутствует термин *критика* — “Критика чистого разума”, “Критика способности суждения”, “Критика практического разума”, — Кант не столько критикует в привычном смысле этого слова, сколько выясняет границы соответственно рассудка, способности суждения, разума.

Рассудок выполняет функцию подведения многообразия чувственного мира под единство понятия. Но рассудок не реализует ценностное отношение человека к миру. Последнее осуществляет способность суждения (осуждения). Теперь речь идет не о познании, а об оценках. Способность суждения позволяет подвести явления внешнего мира, с которыми контактирует человек, под единство, лишенное и познавательного, и морального интереса. На основе способности суждения развивается эстетический вкус. Но и эстетическая по своей природе способность суждения имеет свои пределы применимости.

Как рассудку, так и способности делать оценки недостает конечной цели, которая определяла бы направление деятельности человека. Выработка цели — прерогатива разума. Разумная воля — это практический разум. Религия разума — это чистая вера в добро, в собственные моральные устои. Бог — это просто аб-

солютно нравственный закон. Практическому разуму открывается абсолютный, всеобщий и необходимый нравственный закон, категорический императив: “Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства”.

Человек, следующий категорическому императиву, избегающий соблазна его нарушения во имя мнимой любви к ближнему, поистине свободен. Он свободен не от моральных обязательств, он свободен постольку, поскольку абсолютные нормы морали присущи именно ему, субъекту, так как они априорны. Кант не признает каких-либо исключений из сферы абсолютно нравственного закона, человек вынужден действовать в соответствии со своим долгом. Этика Канта устремлена на должное, она априорна и абсолютна. У Канта, следует отметить, априорность вообще везде сопровождается абсолютностью. Такая жесткая связь, как выяснилось впоследствии, не обязательна. Согласно Канту, идеализации, например евклидовой геометрии, априорны и абсолютны. Но когда, уже после смерти Канта, были созданы неевклидовы геометрии, то последователи кантианской философии были вынуждены отказаться от признания абсолютного характера евклидовой геометрии, сохранив, однако, представление о ее априорности. Рассматривая различные душевные и познавательные способности человека, границы между ними, Кант стремится сохранить их единство. Это единство Кант видит в самом трансцендентальном субъекте, который изначально един. Альфа и омега философской системы Канта — принцип трансцендентального субъекта. Философия Канта — это философия трансцендентального субъекта.

Без малого два века нет Канта среди живущих на Земле, но число сторонников его философской системы (либо полностью, либо некоторых существенных ее черт) все увеличивается. В чем секрет силы философии Канта? Пожалуй, в системности и научной утонченности. Кант рассмотрел в системе основные стороны человеческой жизни и всем им отдал должное. Там, где вступал в действие могучий интеллект Канта, неизменно вскрывались россыпи важнейших в философском отношении положений. Кант гордился тем, что он сделал в философии, и по праву. Он имел все основания надеяться на то, что его философия “потребуется человечеству для высоких помыслов”.

Концепция трансцендентального субъекта Канта еще при жизни философа подвергалась критике со стороны тех мыслителей, которые стремились, как им казалось, к более последо-

вательной точке зрения. Так, *Иоганн Фихте* желал продолжить дело Канта и вместе с тем прийти к более основательной точке зрения. На место трансцендентального субъекта Канта он ставил абсолютное Я, исходя из деятельности которого Фихте хотел бы объяснить всю полноту реальности, весь объективный мир — его самостоятельность вне Я весьма рискованно ставится философом под сомнение. Абсолютное Я Фихте — это деятельное Я, реализующее себя в преодолении различных препятствий, в свободном творчестве. Философия Фихте — это деятельная философия, философия свободы, желание освободить человека от внешних оков. Фихтевское Я абсолютно самодеятельно, не определено через вещи, а само определяет их, Я реализует себя согласно определенному философскому проекту, который достигается в результате интеллектуальной интуиции. Исходя из этого Фихте не без претенциозности называл свою систему наукоучением.

Философия Фихте интересна прежде всего тем, что она показывает возможности философии, принципом которой является философски понятый субъект. В противоположность созерцательному материализму субъективный идеализм Фихте развивает деятельную сторону, мир берется как деятельность человека. И хотя эта деятельность осмысливается в весьма абстрактном виде, тем не менее налицо значительный шаг вперед в понимании природы человека и общества, их отличия от природных явлений.

Сравнение двух главных философских направлений XVIII в.

Мы рассмотрели два главных философских направления философии XVIII в., эпохи Просвещения. Одно сложилось во Франции, другое — в Германии. Эти два направления часто излишне резко противопоставляют друг другу. Для этого нет достаточных оснований: у сравниваемых философских направлений есть много как различного, так и общего, что видно из приведенной ниже таблицы.

Французские материалисты добились успехов в объяснении природных явлений, выработали в противовес теологическому юридическое мировоззрение, идеологически подготовили Великую французскую революцию, проанализировали природу социально-политических, этических и педагогических явлений. Со-

ответственно Кант и Фихте существенно продвинули вперед понимание человека, его самосознания, активности, свободы и творческой деятельности.

Как видим, каждое из двух основных философских направлений XVIII в. имеет свои достоинства, которые дополняют друг друга. Их желательным было бы обобщить, синтезировать. Эта задача решается уже за пределами XVIII в., на новых этапах развития философии.

Таблица 2. Сравнение воззрений французских и немецких философов

Философский вопрос	Ответ французских философов	Ответ немецких философов
Каков исходный пункт философствования?	Человек разумный	Человек разумный
Что значит быть разумным?	Следовать естественному порядку, природе, ибо именно она порождает различных людей	Жить в соответствии с разумом, который автономен от природы
Отличаются ли законы природы от законов разума?	Нет, не отличаются в том смысле, что законы природы переходят в законы разума	Да, ибо законы природы непереводимы в законы разума
Чем является философия в первую очередь?	Искусством жить в соответствии с законами разума	Искусством жить в соответствии с законами разума
Является ли философия основанием всех наук?	Да, является	Да, является
Как понимается суть теории познания?	Как теоретико-познавательный сенсуализм	Как априорный схематизм (Кант) или наукоучение (Фихте)
В чем заключается главная причина неудач человека?	В недостатке морального сознания (Руссо)	В недостатке морального сознания (Кант)
Свободен ли человек в своих действиях?	Нет, ибо он включен в систему необходимых связей	Да, ибо он сам устанавливает себе свои ценности
Совместимы ли религия и мораль?	Нет, не совместимы. Совместимы атеизм и мораль	Да, совместимы, ибо религия есть форма морали
Является ли революция необходимостью для торжества дела просвещения?	Да, является	Нет, не является (Кант, поздний Фихте)

Об изъяне проекта Просвещения

Любая философия характеризуется некоторыми границами своей эффективности. Это относится и к философии XVIII в., развивавшейся под флагом Просвещения. Согласно Канту, девиз Просвещения таков: “Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком!” (*Sapere aude!*). На первый взгляд совершенно непонятно, почему проект Просвещения не достиг желаемой цели. Разве не должны люди руководствоваться в своих делах в первую очередь доводами рассудка и разума?!

Сколько прекрасных надежд сулило торжество *Homo sapiens*'а. Во Франции, Англии, Германии изобретаются естественные (читай: разумные) право, мораль, религия. Просвещенцы предпринимают героические усилия к освобождению всех теорий, даже теологических, от каких-либо тайн. Английский философ *Джон Толанд* издает книгу “Христианство без тайн” (1696), спустя век ему вторит И. Кант: “Религия в пределах только разума” (1793). В моду входит социальное проектирование. Кажется, что наконец-то после многовекового периода несовершенности человечество научилось управлять самим собой, обеспечивать себе наилучшее будущее. Но Великая французская революция заканчивается террором, а походы Наполеона приводят не к демократии, а едва ли не к повсеместному расцвету властолюбия. Идеалы Просвещения уже не воспринимаются с былым энтузиазмом. Философия человека разумного подвергается резкой критике. Она считается скучной, игнорирующей народную традицию, не учитывающей полове чувств, характерных особенно для искусства. В результате облик философии существенно обновляется. Философия XIX в. иная, чем философия XVIII в. Доверие к разумно-индивидуальному началу резко падает. *Гегель* провозглашает абсолютную (мировую) разумность. *Маркс* развивает материалистическое понимание истории, согласно которому не разум человека, а производительные силы общества являются решающим фактором развития. *Ницше* подчиняет разум аффектам, воле к власти, за которой признается тотально-мировой статус.

В чем же состоял основной изъян философии Просвещения? В ее исторической ограниченности. Подлинным субъектом философии являются не отдельные авторы, а человечество в целом. Поступь истории такова, что она не терпит ни малейшего перебива в философском творчестве или даже его замедления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что выявились пределы

действенности философии Просвещения. Следует учитывать, что, во-первых, она не стала достоянием широких масс, а потому ее потенциал оказался отчасти нереализованным; во-вторых, история Просвещения ни в коей степени не ставит под сомнение рационализм как важнейший атрибут философии. Эта история актуализировала вопрос о новом рационализме, но она, вопреки убеждению многих, отнюдь не перечеркивает достижения философского разума. Разумеется, несостоятельно дистанцирование последнего от поводов чувств и эмоций. Итак, нас ожидает философия XIX в.

Глава 1.6 ОТ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ

Философия Гегеля

Кантовская философия дала мощный импульс развитию немецкой философии. Кант исходил из противопоставления субъекта внешнему миру, объекту. Уже Фихте стремился преодолеть эту двойственность, считая, что субъект — это единственная основа и мира в целом, и правильной философии. *Фридрих Шеллинг* также стремился к преодолению двойственности субъект-объект. Он строит свою систему на базе философии тождества субъекта и объекта. Такой подход, который был детально развит *Георгом Гегелем*, привел к абсолютному идеализму.

Гегель стремился приблизить философию к науке. Это означало построение философии в форме взаимосвязанных идей. О чем бы ни рассуждал Гегель, он везде видел идеи, им нет преград. Но что такое идея? Разъясняя природу идей, Гегель максимально критически относится к способу философствования, при котором идеи считаются плодом всего лишь субъективной деятельности человека. Идеи Гегеля — это суть вещей, любых, в том числе и понятий. Это суть и объекта, и субъекта. Вот и получается, что противопоставление субъекта и объекта в идее преодолено.

Обратим внимание на особенности изменчивости идей. Идеи “самодвижутся”. Каждая отдельная идея переходит в свое иное,

в другую идею. Это — диалектическое отрицание. Тезис переходит в антитезис, затем они сливаются в новое единство. Синтезирующая идея содержит тезис и антитезис как свои моменты. Гегелевская триадичность “тезис — антитезис — синтез” многократно и, надо полагать, не без оснований ставилась под сомнение в том смысле, что не везде она имеет место. Более неуязвимыми для критики являются констатируемые Гегелем взаимосвязи идей, присущие им моменты отрицания и преемственности. Философия Гегеля выступает как чистая стихия мышления, восхождение от абстрактного к конкретному.

По Гегелю, идеи существуют на трех уровнях: 1) идеи сами по себе; 2) идеи в природе; 3) идеи в духе. Соответственно этому тройственному делению Гегель пишет книги: “Наука логики”; “Философия природы”; “Философия духа”. Эти книги образуют “Энциклопедию философских наук”. Тотальность идей Гегель называет абсолютной идеей или просто идеей. Речь идет о саморазвивающейся тотальности, с которой философия имеет дело как наука о всеобщем. Рассмотрим последовательно гегелевские науки логики, философию природы, философию духа.

Наука логики содержит: учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии.

Учение о бытии начинается с рассмотрения содержания чистого бытия, понятий *ничто* и *становление*. Затем анализируется главная триада бытия: качество — количество — мера. Качество и количество являются характеристиками нечто. Если изменится качество, то нечто перестанет существовать. Количество при данном качестве может изменяться в некоторых пределах, при этом сохраняется старое качество, а следовательно, и само нечто. Единство качества и количества образует меру. Переход от одной меры к другой, новой, есть скачок.

В *учении о сущности* Гегель выделяет в нечто решающее, главное: это сущность и определяемое сущностью явление. Сущность в силу своей внутренней противоречивости сама себя отталкивает и переходит в явление, в существование. Таким образом, источником движения является противоречие сущности, наличие в ней противоположностей.

Учение о понятии — название еще одного раздела “Науки логики”, но оно не должно вводить в заблуждение. Речь идет не только о субъективных понятиях. Субъективное понятие, по Гегелю, есть лишь самая бедная форма понятия. Субъективное понятие, развиваясь, достигает объективного понятия, объекта; дальнейшее развитие приводит, наконец, к понятию субъекта-объекта.

Гегель рассматривает в “Философии природы” последовательно механику, физику, органику; в “Философии духа” — субъективный дух (личность), объективный дух (семью, гражданское общество, государство), абсолютный дух (тремя ступенями развития которого выступают искусство, религия и философия). Система закончена.

На страницах своих произведений Гегель демонстрирует всю мощь своего философского разума. В начале XIX в. не было человека, который мог бы самостоятельно составить энциклопедию всех наук, но был гений, который сумел представить энциклопедию философских наук. То, что сделал Гегель, по праву считается философским подвигом. Схематически гегелевская энциклопедия философских наук выглядит следующим образом (рис. 4).

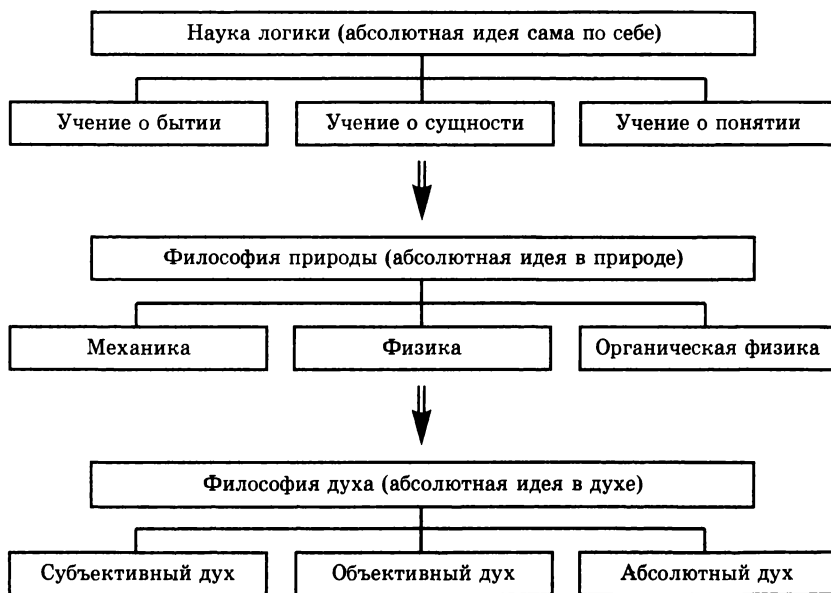

Рис. 4. Философия Гегеля

Главными особенностями гегелевской системы обычно называют абсолютный идеализм и диалектику. В отечественной философской литературе советского периода идеализм Гегеля ругали, а диалектику хвалили. Считалось, что если идеализм заменить материализмом и соединить его с диалектикой, то получается передовая философия, диалектический материализм.

О диалектическом материализме разговор впереди. Сейчас же отметим, что критика идеализма Гегеля обычно носила вульгарный характер. Главное в идеализме Гегеля — это уразумение наиболее содержательных аспектов системного знания касательно философии. Применительно к условиям начала XIX в. Гегель выполнил дело своей жизни блестяще. За прошедшие после него чуть ли не два века, естественно, идеализм системы Гегеля нуждается в коррективах.

Многие исследователи считают, что вопреки мнению Гегеля идеи, или, иначе говоря, сущностно-общее в вещах (материальных объектах, чувствах, понятиях), всегда причастны им, этим вещам. Если же говорить, как Гегель, об идеях самих по себе, вне единичных вещей, то реальность мистифицируется.

Рассмотрим теперь более подробно содержание гегелевской диалектики. У *Сократа* и *Платона* диалектика выступала как искусство вести философскую дискуссию. Гегель же понимает диалектику как логику идей, как восхождение от абстрактных (бедных, односторонних) идей ко все более конкретным (многообразным). Диалектика Гегеля выступает как дедуцирование, вывод одних идей из других. Гегель полагал, что в исходной идее содержится все то, что из нее дедуцируется. Идея содержит в себе свои противоположные определения, поэтому она внутренне противоречива; диалектика как движение идей по своей внутренней природе есть противоречие. Здесь Гегель вступил на тропу войны с формальными логиками, которые, подобно *Аристотелю*, считают: "...Невозможно, чтобы противоречащие утверждения были вместе истинными...". Гегель, конечно же, понимал, что рассуждать следует логически, тем не менее формальной логикой он был не доволен.

По Гегелю, формальные логики рассматривают рядоположенными такие определения, которые следовало бы понять в их единстве. В соответствии с этим Гегель выступает, например, против признания качества и количества двумя самостоятельными, рядоположенными определениями. По Гегелю, качество *переходит* в количество, *количество есть снятое качество*. Формальный логик обвинит Гегеля в ошибке, он расценит утверждение "количество есть снятое качество" как неправильное, ибо, согласно ему, количество не есть качество (ибо это *снятое* качество) и есть качество (ибо количество признается *качеством*, хотя и снятым); налицо противоречие. Логические воззрения Гегеля оцениваются по-разному. Одни авторы хвалят его за создание диалектической логики, другие ругают за непонимание глубины и

состоятельности формальной логики. На наш взгляд, Гегель был весьма неосторожен в критике формальной логики, многие его определения не корректны. При более детальном анализе всегда выясняется, что достоинства гегелевских размышлений и открытий согласуются с содержанием формально-логических операций.

Гегель выработал особый вариант философского стиля мышления. Он в большей степени, чем кто-либо другой, придал философии системный характер, акцентируя свое внимание на процессах изменения и развития. В произведениях Гегеля находят буквально россыпи гениальных догадок, прозрений. В силу этого приобщение к его творчеству является делом и необходимым, и благодарным.

От антропологического материализма Фейербаха к диалектическому материализму Маркса

Идеализм Гегеля содержит сложную для понимания сферу идеального. Для Гегеля идеальное — объективно. Всегда находятся люди, которые с этим не согласны, и в результате такого несогласия идеальное переводится в голову человека, т.е. считается его мыслью или чувством. В таком случае основу идеального составляет природа и человек как ее венец. Именно так рассуждал *Людвиг Фейербах*, видный немецкий философ XIX в., создатель одного из вариантов антропологического материализма. Недовольный как абстрактным мышлением, так и диалектикой Гегеля, Фейербах отбрасывает то и другое. Он ставит в центр мира чувствующего человека. Среди многих чувств человека определяющим является любовь. Фейербах в отличие от Гегеля концентрирует свое внимание не на тонкостях научного знания, а на вопросе о правомерности религии. Его самая знаменитая книга называется “Сущность христианства” (1841). В соответствии со своими исходными философскими постулатами Фейербах видит тайну христианства в объектировании человеком своих собственных сил, придании им потустороннего, отчужденного от него характера. Религия — это не просто результат невежества людей, она обладает многими достоинствами — к примеру, в религии нельзя не видеть предписания к благоговейному отношению к человеку, особенно к чувству любви. Однако при всех своих относительных достоинствах христианская религия есть форма мистификации действительной жизни человека.

Освобождаясь от догм религии и советуя сделать то же самое другим, Фейербах акцентирует свое внимание на человеке, его чувствах дружбы и любви прежде всего. Он хотел бы создать справедливое общество. Не случайно всего за два года до смерти Фейербах вступает в ряды социал-демократической партии, проповедует идеалы общественной справедливости. Безусловно, выяснение Фейербахом антропологического содержания христианской религии имело положительное значение. Но, конечно же, содержание христианства намного шире достаточно узко понятых Фейербахом принципов антропологизма. Как и всякий материализм, фейербаховская философия настаивает на восхождении от материального к идеальному. В определенной форме такое восхождение в мире осуществляется, и, следовательно, оно должно осмысливаться. Материализм в отличие от идеализма пытается понять это восхождение, не абстрагируется от него.

Намного более развитой формой материализма, чем антропология Фейербаха, является диалектический материализм *Карла Маркса* и *Фридриха Энгельса*. Молодой Маркс упрекал Фейербаха в непонимании конкретно-общественной природы человека и вообще роли практики, особенно революционной практики как основы и критерия истины. Таков исходный пункт философствования Маркса, который, подчеркивая преемственность своих воззрений по отношению к философии Гегеля и Фейербаха, тем не менее решительно дистанцируется от них обоих.

Маркс, подобно Гегелю, понимает философию как науку и потому стремится построить ее строго по научному методу. Он полностью отдает себе отчет в том, что следует методу Гегеля, переходя от абстрактного к конкретному. Маркс подчеркивает, что на стадии выработки научных воззрений восходят от чувственно-конкретного к абстрактному, на стадии собственно научного изложения восхождение осуществляется от абстрактного к конкретному. Таким образом, Маркс понимает суть движения научных понятий как путь от абстрактного к конкретному. Подлинные расхождения Маркса с Гегелем начинаются по поводу интерпретации природы идеального. Маркс решительно занимает материалистические позиции: для него идеальное есть “материальное, переосмысленное в человеческой голове и преобразованное в ней”.

В науке идеальное — это концепт в форме мысли. Но как получить концепт, о сложной природе которого мы уже писали? Маркс здесь ссылается на практику, на самое массовидное, часто встречающееся отношение. Так, Маркс строит свою политэко-

номическую теорию товарного производства начиная с категории товара. Почему в политэкономии исходят из понятия товара? Потому что товар есть самое массовидное, сердцевина товарного производства.

Отметим сразу, что воззрения Маркса по поводу природы идеального вряд ли способны удовлетворить мыслителей масштаба Канта и Гегеля. Дело в том, что на практике нет прямых аналогов идеальных конструкторов, нет аналогов, например, точек. Товар есть, а точек, функций нет. Непонятно поэтому, как можно, следуя методу Маркса, получить идеализации, особенно характерные для таких наук, как философия, математика, физика.

Вместе с тем Маркс вполне справедливо рассматривает практику как критерий истины. Если те или иные воззрения не согласуются с практикой, то тем самым их правомерность ставится под сомнение. Вопрос о практике как критерии истины был глубоко продуман диалектическими материалистами.

Что касается гегелевской диалектики, то она диалектически материалистами переносится непосредственно в сферу материального. *Энгельс* говорил об объективной диалектике и субъективной диалектике. Субъективная диалектика лишь отображает объективную. Что касается набора диалектических категорий и законов, то он почти без изменений был перенесен из философии Гегеля в философию диалектического материализма.

Особо следует остановиться на диалектико-материалистических воззрениях применительно к обществу. Речь идет о *материалистическом понимании общества*. Маркс сознательно стремился к созданию науки об обществе. Науки нет без научных законов. Но возможны ли законы с их всеобщностью и необходимостью в условиях индивидуальной и общественной жизни людей, когда каждый человек обладает сознанием и, следовательно, регулирует свою деятельность согласно собственным установкам? Поставленный вопрос не способен смутить Маркса, ведь он рассматривает внутренний духовный мир как что-то вторичное по отношению к внешнему миру. При этом, считает Маркс, следует четко понимать двойственную природу внешнего мира. Внешний мир — это, во-первых, природа, а во-вторых, то, что создано людьми из природы, т.е. продукты труда, труда как социальной деятельности, т.е. общественного труда. В общественном труде человек покидает свой внутренний мир, тем самым спонтанность сознания отсекается. Но это означает, что сферу общественного труда человека можно описать научно, посредством научных законов, ко-

торые дает пролетарская политическая экономия. Экономические отношения, полагает Маркс, определяют все другие общественные отношения, в том числе правовые, политические, религиозные, нравственные. Энгельс, уже после смерти Маркса, уточняет, что различные сферы общественной жизни — экономика, политика, искусство, нравственность — образуют целое, диалектически взаимодействуют между собой, лишь в конечном счете экономическое имеет главенствующее значение.

Огромной заслугой Маркса перед научным сообществом явилось выделение мира социального. До Маркса в фактуальном мире все видели только противостояние духовного мира субъекта и природы. Неприродное выступало исключительно как субъективно-духовное. Маркс обнаруживает третий мир, мир *общественного*. Существо дела Маркс рассматривает на примере товара. Всякий товар есть потребительная и меновая стоимость. В качестве потребительной стоимости товар не отличается от других природных объектов. В качестве же меновой стоимости товар есть нечто чисто социальное (в природе нет меновых стоимостей). Меновая стоимость существует в довольно специфической форме, не иначе как опосредованно — через потребительную стоимость. Обобщая марксовы воззрения, можно констатировать, что всякое социальное, в том числе и сознание, существует через иное, через природное.

Обратимся теперь к революционной стороне диалектического материализма. Надо полагать, читатель наслышан о революционной деятельности творцов диалектического материализма — Маркса, Энгельса, а также Ленина. Нас интересует в данном случае вопрос о том, в какой мере содержание диалектического материализма определяет революционные воззрения.

Маркс был блестящим критиком пороков капиталистического общества. Эта критика уже сама по себе как-то стимулировала мысль о смене капитализма социализмом. Но именно стимулировала — не более того. Нас же интересуют возможные теоретические основания революционной теории марксизма и ленинизма. В этой связи часто вспоминают марксову теорию отчуждения труда.

Тот, кто трудится, овеществляет свою деятельность. Если результаты труда присваиваются кем-то не в соответствии с его индивидуальным трудовым вкладом, то можно утверждать, что произошло отчуждение труда, часть его результатов досталась не непосредственному производителю, а, например, капиталисту. Налицо эксплуатация капиталистом рабочего. До сих пор логика

реконструируемых нами воззрений Маркса не вызывает возражений. Но из нее не следует излюбленный Марксом тезис о необходимости замены частной собственности общественной. Ведь известно, что сложное дело справедливого распределения по труду не получило должного разрешения и при социализме. Таким образом, марксова концепция отчуждения труда не приводит к выводу о необходимости социалистической революции. Есть основания считать, что, по крайней мере в зрелые годы, Маркс прекрасно понимал недостаточно доказательную силу концепции отчуждения труда применительно к тезису о необходимости социалистической революции. Тем не менее он не отказался от этого тезиса, считая его даже выводом, следующим из законов политической экономии. Суть дела виделась Марксом в том, что в соревновании капиталов капиталисты будут просто вынуждены резко нарушать права рабочих, относительное обнищание которых и приведет к социалистической революции. Гипотеза Маркса до сих пор не нашла своего практического воплощения. Естественно, что в этих условиях воззрения Маркса подвергаются критике. *Поппер*, например, обвинял Маркса в историцизме, в убеждении, что наука дает непреложные законы развития общества, причем на довольно длительные сроки. *Поппер* считает, что в науке мы пользуемся правдоподобными гипотезами, которые следует применять весьма осторожно, осуществляя дело научного предвидения мелкими шагами.

Основные достижения диалектико-материалистического способа мышления мы видим: 1) в талантливой критике недостатков капитализма; 2) в разработке проблемы практики; 3) в уяснении природы общественного.

Разработка марксизмом природы общественного стала его большим триумфом. Но особое внимание к сфере общественного иногда приводило к абсолютизациям и, как следствие, к казусам отнюдь не локального значения. В свете доминирующей роли социального все, имеющее отношение к человеку и обществу, стало рассматриваться исключительно как проявление непременно общественного, в том числе борьбы классов. Преувеличение роли общественного сопровождалось зачастую умалением человечески-индивидуального, личностного, потерей человека.

Односторонняя и политически жестко ориентированная философская концепция *Ленина* привела к негативным результатам. Ленин сводил едва ли не все достижения мировой философии к философии Маркса и Энгельса. Для *Ленина* философия Маркса всегда была орудием в той сложной политической борь-

бе, которую он вел. Отсюда ленинское “развенчание” религии, тезис о том, что нравственно все то, что служит делу строительства коммунизма.

Сталин не менее сознательно, чем Ленин, придерживался крайних позиций философско-политической непримиримости. Видимо, вполне искренне он считал, что абстрактные философские положения позволяют адекватно оценивать и общественную жизнь, и состояние наук — от специальной теории относительности и генетики до языкознания и кибернетики. Игнорирование единства философии и наук, грубая политическая позиция привели к отрицанию новых философских идей и направлений, что не могло не сказаться на развитии ряда гуманитарных наук и общества в целом.

После XX съезда КПСС, в 60-е годы советские философы получили возможность более свободно и продуктивно заниматься своим профессиональным делом. Идеологические органы ЦК КПСС продолжали осуществлять философскую цензуру, но не столь предвзято, как прежде. Абсолютное большинство философов, воспитанных в основном на трудах классиков марксизма-ленинизма, стремились к дальнейшему развитию их наследия, имеющихся в нем потенциалов.

Наиболее смелые и оригинальные философы ограничились приведением только таких положений марксизма-ленинизма, которые согласовывались с их собственной позицией. Предпринятые усилия привели к сокращению разрыва, который существовал между отечественной и мировой философией. О философии советского периода см. гл. 1.11.

Глава 1.7 ОТ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ К ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Философия жизни

При всем обилии философских школ и направлений многие из них обладают общими чертами, что позволяет проводить определенную классификацию. Выше уже приводились различия

между материализмом и идеализмом, эмпиризмом и рационализмом. Начиная с середины XIX в. в философских исследованиях появились существенные новации, давшие основания в противовес *классической философии* ввести понятия *неклассической философии*. Классическая философия от античности до Гегеля и Маркса была “разумной”, она опиралась на силу разума и считала определяющим моментом действительности сущность. Учение о воле, например у Канта, о практике у Маркса дополняло разумно-рассудочное существо философских построений. Классические философские построения не удовлетворяли многих философов ввиду, как они считали, потери в них человека. Специфичность, многообразие субъективных проявлений человека, полагали новые философы, не “схватываются” методами разума, науки. В противовес рационализму стали развивать неклассическую философию, в которой в качестве первичной реальности стали представлять жизнь (философия жизни), существование человека (экзистенциализм). Когда обращаются к феномену жизни, имеется в виду некий органический процесс. Поэтому поворот от классического рационализма к философии жизни стал еще и реакцией на преимущественно механическое объяснение явлений в классической философии. В основе возникновения неклассической философии находится интерес к тем сторонам жизни и жизнедеятельности человека, которые не выражались ставшими традиционными к середине XIX в. философскими тенденциями. В этом смысле появление неклассической философии было вполне закономерным явлением.

Во многих отношениях начало новому типу философствования положил немец *Артур Шопенгауэр*. Все, что существует, Шопенгауэр понимает как волю, волю к жизни. Воля понимается как универсально-космический феномен, а каждая сила в природе — как воля. Всякая телесность есть “объективность воли”, инстинкты и порывы животных — это тоже действие воли, наконец, и человек есть проявление воли, его природа поэтому не рациональна, а иррациональна. Разум вторичен по отношению к воле, она безосновна, истоки всего остального находятся именно в ней. Мир есть воля и ее манифестация. Все, в том числе и человек, навеки приковано к вертящемуся колесу воли. Шопенгауэр, очевидно, видел мир под весьма специфическим углом зрения, что позволяло ему создавать противовес чрезмерно рационалистической философии.

Французский философ *Анри Бергсон* понимал жизнь в космологическом плане. В основе всего он видел творческий порыв, раз-

вертывание жизненного процесса, поток непрерывных качественных изменений, творение, длительность, бренность. Осмысливаемый в науке, этот творческий процесс, считает Бергсон, огрубляется, разбивается на отдельные стадии, якобы предсказуемые, в результате вместо длительности получаем время науки, нечто опространствованное и обезжизненное. Так, в специальной теории относительности время начинают толковать как всего лишь еще одну четвертую координату пространственного континуума. Обладавший математическим образованием Бергсон считал научные методы недостаточными для действенного разрешения познавательных задач. Где же выход? Способ постижения длительности, бренности — интуиция. Интуиция выступает как род интеллектуальной симпатии, непосредственное знание. Интуиция — общая основа философии и науки. От интеллекта невозможно идти к интуиции, а вот обратный путь — от интуиции к интеллекту — возможен. Философия идет от интуиции к понятиям, тем самым она выявляет их подлинное значение. Философия, а она есть в первую очередь интуитивное знание, похожа больше на искусство, чем на науку. Ясно почему.

Для немца *Фридриха Ницше* в основе всего находится не воля к жизни, как у Шопенгауэра, а воля к власти. Он сторонник сильных личностей, таких как герой его книги “Так говорил Заратустра”, живущий высоко в горах, т.е. выше обычных людей, со своими ближайшими друзьями — мудрой змеей и гордым орлом. Чем дальше от природы до человека, тем больше затухает импульс к жизни, а сам человек — это уже прямое проявление болезни. Выход один — воспитывать сильных личностей, способных вести за собой слабовольные массы людей. Лозунг Ницше — “Живи опасно”.

Ницше прекрасный филолог и музыкальный импровизатор, к тому же страдающий от недугов. Все это переплавляется у него в своеобразную философскую форму, где яркие литературные эссе, проповеди, афоризмы, декларации, написанные подчас в музыкальных ритмах, то и дело противоречат друг другу. Ницше принято считать декадентом, т.е. представителем, причем ярчайшим, того направления в культуре конца XIX в., которое отмечено индивидуалистическим пессимизмом, аморальностью, эстетизацией кризисных явлений. Ницше считают также нигилистом, т.е. человеком, отрицающим все устоявшееся и не предлагающим новых позитивных ценностей. Впрочем, немало и таких авторов, кто обвиняет Ницше в культивировании фашизма, ибо, мол, “белокурая бестия” Ницше — это прообраз фашистского молодчи-

ка. В таком случае Ницше уже не столько нигилист, сколько приверженец фашизма. Думается, все приведенные характеристики страдают явной односторонностью.

Ницше, подобно любому философу, занимается переоценкой существующих идеалов, но делает это во многих отношениях ярче и резче других. Для Ницше философия есть форма критики устоявшегося, традиционного, которое игнорирует становящееся, органичное по своему характеру стремление к власти. Это стремление не поддается научному изучению, а лишь истолковывается человеком. Науку, в которой, кстати, Ницше не силен, он не любит. Наука — это в основном средство стремления к власти, то и дело ведущее к заблуждениям. Довольно часто “воля к истине” есть лишь выражение бессилия “воли к творчеству”. Само понятие истины Ницше ставит под сомнение. Откуда известно, что истина есть? Человек интерпретирует настоящее, но здесь понятие истины малопригодно.

Ницше решительно выступает против “малокровных” идеалов христианства, морали, науки. Но он поддерживает мораль и религию инстинкта (воли к власти). В этом весь Ницше со всей его неординарной философией. Отрицая, Ницше утверждает, но то, что он утверждает, он тут же готов отрицать. Вечные порядки, в том числе и фашистские, он не собирается устанавливать. Конечно же, по Ницше, “бог умер: и мы хотим — пусть живет сверхчеловек”, но идеал сверхчеловека довольно неопределен. По Ницше, все умирает и все расцветает вновь, только в этом смысле можно говорить о чем-то вечном.

Но Ницше мечтал, как об этом свидетельствует одно из его писем, “о неслыханном синтезе”. Осуществить его философу не удалось. В целом философия Ницше — яркий вариант философии жизни, противопоставляемой рационализму.

Экзистенциализм и фундаментальная онтология

Философия жизни к 30-м годам нашего столетия постепенно стала сходить на нет, уступая свое место экзистенциализму, в котором более органично, нежели в философской жизни, описываются многообразные стороны бытия человека в мире. Философия жизни, считают экзистенциалисты, перегружена психологизмами.

Экзистенция в позднелатинском языке буквально означает существование. Само это существование понимается в экзистен-

циализме как непосредственное единство субъекта и объекта, направленность субъекта вовне, открытость перед иным и движение к этому иному. В религиозном варианте экзистенциализма (*Ясперс, Марсель*) этим иным является Бог, к нему движется личность в своей свободе. В атеистическом варианте экзистенциализма (*Сартр, Камю*) иное выступает как ничто, это означает, что человек спонтанно самосоздает себя, осуществляя свою свободу. Перед человеком — бездна последствий, он вынужден сделать свой выбор. Осуществляя его, человек творит свободу. Он ответствен за свой выбор прежде всего перед самим собой, и совсем нелегко постоянно нести бремя этой ответственности, сознавая, что, “самосозидаю” себя, ты тем же самым актом творишь других, мир в целом. В своем подлинном существовании человек “заброшен” в мир, он постоянно находится перед лицом будущего, в том числе смерти, в ситуации ответственности за свои действия. Экзистенция выступает как страх, экзистенциальная тревога, ожидание, иначе говоря, как пограничная экзистенциальная ситуация, в которой, по *Камю*, основным философским вопросом является вопрос о самоубийстве. Быть или не быть в условиях, когда и страшно, и скучно, и абсурдно?

Экзистенциализм — это онтология, учение о бытии, о существовании. Для экзистенциалиста человек существует в мире, вопрос о самостоятельном существовании природы для него малоинтересен. Природа дана человеку изначально. Исходная реальность целостна, она не делима на субъект и объект. И поскольку наука делит мир на объект и субъект, она не способна выразить существование, которое постигается в особом акте экзистенции. Экзистенция — это не просто переживание, а переживание бытия-в-мире.

Уже отмечалось, что в экзистенции человек свободен. Быть свободным — это значит быть самим собой, не ориентироваться на “посторонних”.

Значение общества для личности состоит в том, что в лучшем случае оно может дать предпосылки экономических, политических и других свобод. Чаще же общество ограничивает личность. По *Хайдеггеру*, общество есть сфера безличного, усредненного. Прорыв этой усредненности совершается опять же в экзистенции, применительно к которой неуместны содержательные нравственные критерии. Будь подлинным — вот главный призыв экзистенциализма. Во внешнем мире, по отношению к другим, это вряд ли вообще возможно, но чем отношение к другим является более личностным, тем оно подлиннее. То же от-

носится и к художественному, религиозному, философскому творчеству, в котором человек разрывает путы внешности, объективности.

Обратим особое внимание на особенности философской позиции Хайдеггера. Главные представители экзистенциализма, в частности Ясперс и Сартр, видели инстанцию бытия человека прежде всего в его сознании. Они превыше всего ставили субъективность человека. Хайдеггер считал субъективность производной от бытия человека в мире. В деятельности человека ему открывается истина, потаенность вещей. В результате этого человек *понимает* мир и реализуется это понимание в языке. В этом смысле язык — дом бытия и жилище человека. Философию Хайдеггера часто называют *фундаментальной онтологией* (читай: учением о бытии человека в мире). На фоне философии Хайдеггера экзистенциализм выступает в качестве учения о бытии человека как существа, обладающего сознанием.

Экзистенциализм сумел обратиться к таким интимным сторонам человеческого бытия, которые отчасти невыразимы на языке науки. Важное значение имели предупреждения экзистенциализма против безоглядной веры в науку и технику, против недобросовестности приспособляющегося к реалиям сознания (т.е. против конформизма). Экзистенциализм по-новому и весьма продуктивно поставил и разрешил проблему свободы человека, выбора жизненных путей. Экзистенциалисты разработали новый способ философствования, который усвоен новейшей философией.

Феноменология Гуссерля

Одним из основных философских направлений XX в. является феноменология, что буквально означает учение о феноменах. Основателем феноменологии в том виде, в котором она культивируется в XX в., считается немец *Эдмунд Гуссерль*. Под *феноменом* в философии обычно понимают явление, постигаемое в чувственном опыте. Гуссерль же понимает под феноменом возникающие в сознании смыслы предметов. Такова исходная установка, на которой строится философская система.

Гуссерль стремится внести полную ясность в вопрос о постижении сущности вещей, реализуемом посредством научных понятий. Каким образом удастся человеку постигнуть суть вещей? На этот вопрос не дают вразумительного ответа представители как

натурализма, так и субъективизма. Натуралисты понимают знание и сознание как пассивное отражение действительности, что противоречит активности человека. Субъективисты забывают о внешнем по отношению к сознанию человека мире, для них все знание относительно, между тем как наука выявляет общезначимые истины. Существенно обедняют процесс познания и те, которые считают, что научные понятия образуются благодаря абстракциям, отбрасыванию несущественного. Такое непозволительное игнорирование исконно человеческого недопустимо. Преодоление всех трудностей Гуссерль видит в последовательной философии, в феноменологии.

Внешний мир дан субъекту в потоке *феноменов* и философ должен строить все свои выводы исходя из этого факта. Следовательно, на время анализа нужно “заклЮчить в скобки” как внешний мир, так и различного рода некритически принимаемые в качестве истинных воззрения типа натурализма и субъективизма. Феноменолог временно воздерживается от суждений о внешнем мире; он осуществляет *epoché* (это греческое слово как раз и означает воздержание от суждений). Тем самым осуществляется так называемая *феноменологическая редукция*, т.е. сведение поля анализа к потоку феноменов, где только и можно обнаружить подлинные смыслы. Кажется, что в результате феноменологической редукции мы потеряли из виду предметы внешнего мира. Но это не так, ибо, по Гуссерлю, сознание всегда направлено на предмет, оно *интенционально* (латинский термин “интенцио” означает стремление). Опирируя феномена, философ интендирует, т.е. имеет дело не только с внешним, но и с внутренним миром человека. Гуссерль желает иметь дело непременно с основополагающими для философа вещами. Отсюда его призыв: назад, к вещам! Смысл призыва состоит в последовательном проведении анализа феноменов. Рассмотрим этот анализ на примере восприятия и осмысления того, что есть яблоныя.

Допустим, мы имеем два или более феномена, акта сознания, нацеленных на один и тот же предмет, в нашем случае на яблоныю. Исходные феномены дополняются конструированием многообразия переживаний, осуществляемым благодаря воображению и фантазии человека. Это многообразие принадлежит одному и тому же человеку, следовательно, оно определенным образом синтезируется. В синтезированных переживаниях всегда есть нечто идентичное, инвариантное, ибо нацеленность сознания на осмысливаемые вещи не допускает произвольные вариации, а

лишь такие, которые согласуются с исходными феноменами (в нашем случае речь идет об “этой яблоне” либо о “любой яблоне”). Решающий момент познания состоит в постижении идентичного, инвариантного, одним словом, *эйдоса* (идеи, понятия). В результате достигается *эйдотическое описание*. Эйдос усматривается. Речь идет о категориальной интуиции (интуиция и означает усматривание). Имеется в виду, что сама деятельность по конструированию синтетического многообразия непременно, как бы автоматически, приводит к эйдосам, научным понятиям. Категориальная интуиция не представляет собой тайну, ибо ее механизм разъясняется: желаешь обнаружить сущность вещей, конструируй многообразие переживаний о них. Не выдумывай небылицы о каких-то загадочных процессах абстракции, осуществляемых в головах людей, будь то ученые или студенты.

Феноменологический метод весьма популярен в мировой философии и науке. Считается, что он гарантирует от сползания в крайности науки, оперирующей понятиями, за которыми не видно красок, тонов, запахов жизненного мира, что, мол, характерно для европейских наук, находящихся поэтому в кризисе, в тисках формализма, сциентизма и техницизма. Гуссерль рассматривал научные идеализации (типа точки, прямой) как некоторые предельные субъективные творения. Наиболее полно жизненный мир дан субъекту не в идеализациях и вообще в понятиях, а в эйдосах, образующих поток сознания. Феноменология предостерегает от *забвения жизненного мира*. Гуссерль считал, что преодоление кризиса наук возможно не иначе как на основе феноменологических рецептов.

Что касается недостатков феноменологии, то их в основном видят в узком понимании проблемы практики, которая во многом сводится к сопоставлению феноменов сознания. Действительно, в марксизме, в прагматизме, в фундаментальной онтологии Хайдеггера проблема практики получила более обстоятельную разработку, чем в феноменологической философии. Часто феноменологов критикуют за “эклектичность” — имеется в виду, что они недостаточно четко отделяют друг от друга чувственные и рациональные формы познания.

Герменевтика

Рассмотрение феноменологии подвело нас вплотную к герменевтике. Согласно древнегреческим мифам, посланник бо-

гов Гермес должен был разъяснять людям смысл божественных вестей.

Герменевтика — способ философствования, центром которого является процесс понимания.

Философы с незапамятных времен видели свое призвание в разъяснении себе и другим глубинного смысла существующего и происходящего. В этой связи вполне справедливо, что каждый философ занимается проблемой понимания. Но не каждый философ является герменевтиком. По определению, герменевтиками являются лишь те философы, которые именно понимание считают первопринципом философии. Для них человек есть существо понимающее. Все остальное человеческое вторично и выступает то ли как сторона процесса понимания, то ли как его спецификация.

Интересно, что русское слово “понимание” наводит на существенные для философии размышления. Нечто *по-(н)-имать* означает его *по-иметь* (*н* всего лишь соединяет приставку и корень рассматриваемого слова), “схватить” в слове, дать имя. Более детальные сведения о процессе понимания дают соответствующие философские концепции. В XX в. в основном культивируются две формы философской герменевтики. Это, с одной стороны, герменевтика сознания (*Шлейермахера—Дильтея*); с другой стороны, герменевтика бытия (*Гадамера*, ученика Хайдеггера). Между ними существует принципиальное различие. Согласно герменевтике сознания, понимание есть вживание в психологический мир другого, форма сопереживания (конгенности, психологической родственности субъектов). Согласно герменевтике бытия, понимание есть смысл человеческого опыта, реализующегося в делах и языке индивидуумов.

Рассмотрим на конкретном примере различие между герменевтиком сознания и герменевтиком бытия. Предположим, в их поле зрения попала Эйфелева башня. Чтобы понять ситуацию, герменевтик сознания стремится проникнуть в сознание ее создателей. Его интересуют их мнения, мысли, переживания. Принципиально в другой манере осуществляет процесс понимания герменевтик бытия. Для него Эйфелева башня есть символ, напоминание, зов некоторого дела, традиции; в башне открывается истина французской нации, башня — свидетельство потаенного, ставшего непотаенным. Герменевтик бытия стремится быть внутри герменевтического дела, сознание людей он оставляет в покое. Герменевтик сознания в отличие от своего коллеги стремится проникнуть в психику людей, творцов тех или иных пред-

метов, вещей, в том числе технических устройств, книг, театральных постановок, музыкальных произведений.

И герменевтик сознания, и герменевтик бытия считают важнейшей особенностью понимания так называемый *герменевтический круг*: для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Понимание начала текста предполагает понимание всего текста, понимание середины или конца текста в значительной степени определяется его началом.

И герменевтик сознания, и герменевтик бытия считают важнейшим герменевтическим приемом налаживание продуктивного диалога между собеседниками. Герменевтик сознания стремится за счет диалога проникнуть в психику собеседника. Герменевтик бытия видит в диалоге путь постижения сути, дела, выходящей из потаенности в свет истины. Герменевтик бытия, с одной стороны, и герменевтик сознания, с другой — всегда неодинаково, по-разному истолковывают сам процесс понимания.

В различного рода книгах герменевтику часто определяют как философию понимания *текстов*. Такое определение герменевтики явно страдает известной односторонностью. Большинство современных герменевтиков считают, что пониманию доступно все исконно человеческое, т.е. вовлеченное в жизнь человека. Согласно герменевтике бытия, возможен разговор даже с камнями, если они выступают символом, делом, праздником, игрой человеческого. Разве не задают нам свои вопросы статуи? Это немые вопросы, но мы ищем на них ответы в языке, в диалоге и общении с другими людьми.

Довольно старая герменевтическая идея состоит в том, что область торжества герменевтики являются исключительно гуманитарные науки, “науки о духе”. Теперь так уже мало кто считает. Понимание присутствует в любой науке. Для герменевтика сознания любая наука есть форма технической жизни человека, но сознание как раз и подвластно пониманию. Для герменевтика бытия всякая наука есть деяние, дело, герменевтический опыт сообщества ученых, но дело познается опять же в понимании. Как видим, обе ветви новейшей герменевтики приходят к выводу о герменевтическом содержании любой науки.

Сопоставим содержание двух основных форм герменевтики (табл. 3), а в заключение сравним герменевтику с феноменологией. Феноменологи детально анализируют работу сознания по выработке эйдосов (понятий). Они стремятся к полноценному на-

Таблица 3. Сравнение герменевтики сознания и бытия

Философский вопрос	Ответ герменевтика сознания	Ответ герменевтика бытия
Каков предмет понимания?	Сознание человека	Дело человека
Понимание субъективно?	Конечно	Нет, оно есть суть герменевтического опыта людей
Что такое понимание?	Перенос себя в душевное состояние другого человека, автора чего-либо	Построение перспективы, в рамках которой человек (автор) пришел бы к своему мнению
Можно ли понять автора лучше, чем он сам себя понимал?	Вполне, если основательнейшим образом вчувствоваться в его сознание	Вопрос некорректен, мы познаем истину факта, дела. В этом отношении можно превзойти автора
Как познается прошлое?	Перенесением себя в прошлое	Расширением своего нынешнего горизонта понимания, который в результате охватывает и ситуацию прошлого.
Каковы главные авторитеты понимания?	Разум, конгениальность, традиция, проблемы	Герменевтический опыт, открытие себя навстречу ему в логике вопросов и ответов
Что такое язык?	Выражение сознания человека	Среда герменевтического опыта, на нем говорят даже вещи
Что в философском отношении более образцово, наука или искусство?	Искусство	Искусство

учному философствованию. Герменевтиков сознания интересует не сознание как таковое, а соперничество личностей, их диалог, своеобразие, уникальность этого диалога. Их интересует не столько общее, это излюбленное блюдо ученых, сколько единичное. Герменевтики бытия сдвигаются от сферы сознания в область деяний и языковой практики, при этом наблюдается дальнейший отход от идеалов науки и переход к идеалам искусства.

Герменевтика как одно из влиятельнейших философских течений XX в. обладает значительным нереализованным потенциалом. В этой связи нас, несомненно, ожидают новые философские сюрпризы.

Глава 1.8 АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Основатели движения: Фреге, Рассел, Витгенштейн

Неклассический этап развития философии включает в себя не только те ее направления, которые с известным предубеждением относились к научно-ориентированной философии (например, философия жизни и экзистенциализм). Грандиозные успехи науки, особенно математики и физики в начале XX в., не могли остаться незамеченными для философов. Более того, последствия оказались весьма впечатляющими, к их рассмотрению мы как раз и переходим.

Немецкий математик *Готтлоб Фреге* был одним из многочисленных исследователей, стремившихся средствами логики усовершенствовать математику, особенно математическое доказательство, которое изобиловало различного рода парадоксами и противоречиями. Но в подходе Фреге была одна важнейшая особенность: согласно его интуиции, следовало существенно развить саму логику, создать формализованный язык, который служил бы достойной заменой естественного языка с его многочисленными недостатками. По Фреге, тогдашняя формальная логика и естественный язык страдали одним и тем же недостатком — допущением, что все предложения имеют субъект-предикатную форму.

Разделение на субъект и предикат правомерно лишь в отношении самых простых предложений типа “Петр спит”. Здесь “Петр” — субъект, а “спит” — предикат. Но если взять более сложное предложение “Петр играет с Агнией”, разделение на субъект и предикат становится делом затруднительным; ведь субъектом в равной степени могут быть названы как Петр, так и Агния. Выход из ситуации Фреге увидел в различении аргумента и функции. “Петр” и “Агнией” — это высказывания аргумента, а “играет с” — высказывание функции. В данном случае “играет с” представляет собой функциональное выражение первого порядка. Фреге вводит также функциональные выражения второго порядка: “все”, “никто”, “некоторые”, которые требуют введения в логику переменных. Изобретения Фреге буквально преобразили логику, которая получила доступ не только к математике и различного рода формализованным языкам, но и к естественному языку, а значит, и к философии.

Английский логик, математик и философ *Бертран Рассел* был убежден, что новая логика позволит более адекватно, чем когда-либо ранее, найти окончательные философские истины, обнаружить природу основных элементов реальности, которые не сводятся к фикциям идеалистов (Лейбница, Гегеля, Брэдли). Рассел руководствовался тремя идеями. Во-первых, здравая философия является логикой, ибо она начинается с объяснения предложений того, что может быть истинным или ложным, а это — задача логики. Во-вторых, знание наиболее достоверным образом дано нам непосредственно, прежде всего в чувственных данных. Редукция к предельным элементам реальности позволяет избегать ложных представлений. В-третьих, он использовал свой вариант приема, называемого им “бритвой Оккама”: предметное содержание следует сводить к изначальным сущностям, неопределимым в терминах чего-либо еще. Для Рассела философия совпадает с наукой, не имеющей ничего общего со старой одурманивающей метафизикой.

Кульминацией первого этапа развития аналитической философии явилась книга кембриджского философа *Людвига Витгенштейна* “Логико-философский трактат”, опубликованная в Германии в 1921 г., в Англии в 1922 г., в России в 1958 г. Витгенштейн более настойчиво, чем Рассел, концентрирует свое внимание на языке. Мысль выражается в языке, а значит, именно язык есть граница мышления.

Есть только один мир — мир фактов, событий, который описывается совокупностью всех естественных наук. Предложение — картина мира, она имеет с последним одну и ту же логическую форму. Если бы мир был нелогичным, то его нельзя было бы представить в форме предложений. Смысл предложений выражают факты. Все предложения являются обобщениями элементарных предложений, которые в качестве моделей соотносятся непосредственно с фактами. Итак, “то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно”. Обо всем остальном, например мистическом, лучше *молчать*. Молчать, потому что мистическое, равно как и этическое, нельзя выразить ясно в логическом смысле, так, чтобы можно было проверить высказывание на истинность/ложность. Если кто-то утверждает, что ему больно, то никто другой не сможет установить истинность этой боли.

Философия не может состоять из научных предложений, ибо в отличие от наук она не имеет доступа к фактам. Следовательно, философские предложения не истинны и не ложны: они *бессмысленны*. Цель философии — не особые философские пред-

ложения, а логическое прояснение мыслей. Поэтому философия — это не учение, а деятельность.

Итак, для первого этапа аналитической философии характерны логико-лингвистический акцент, своеобразный поворот, а также пересмотр статуса философии, которая подвергается суровому логико-лингвистическому экзамену. Правомерность старых философских систем ставится под сомнение. Философия понимается либо как наука (Рассел), либо как путь к науке, деятельность по прояснению мыслей (ранний Витгенштейн).

Логический позитивизм

Если местом становления аналитического направления по праву можно считать Англию (Кембридж), где работали *Мур* (его труды мы не рассматривали), Рассел и Витгенштейн, то позднее центр движения переместился в Вену и Берлин. В “Венский кружок философов” входили *М.Шлик*, *Ф.Франк*, *О.Нейрат*, *Р.Карнап*, *К.Гёдель*. Берлинское “Общество научной философии” украшали такие первоклассные философы, как *Г.Рейхенбах* и *К.Гемпель*. Представители этих двух групп не придерживались согласованных философских позиций, но всех их объединял интерес к научному постижению мира, прежде всего на основе данных математики, логики и физики. Много внимания уделялось “Логико-философскому трактату” Витгенштейна. Вторая мировая война вынудила абсолютное большинство континентальных философов эмигрировать в США, где они продолжали работать весьма продуктивно. Эмиграция способствовала превращению аналитической философии в англосаксонский феномен. Рассмотрим основные идеи логического позитивизма (его еще называют *неопозитивизмом*).

1. *Отрицание метафизики* как учения о первых принципах философии. Представители Венского кружка отрицали значимость метафизики. Так, *Карнап* считал, что она преодолевается науками в результате логического анализа языка. С одной стороны, логические позитивисты опираются на выдвинутое *Витгенштейном* понимание философских предложений как бессмысленных, с другой — они продолжают традицию позитивизма XIX в., прежде всего француза *О.Конта* и австрийца *Э.Маха*. Позитивизм претендует на звание положительного учения, т.е. науки. Каждая область действительности изучается определенной наукой; для метафизики не остается поля приложения.

2. *Аналитические и синтетические предложения.* Разделение на аналитические и синтетические предложения имело важное значение в неопозитивистском понимании науки. Аналитическое предложение — это такое предложение, истинность которого определяется его собственным содержанием, чего нет в случае синтетического предложения. Примеры аналитических предложений: “В квадрате все углы прямые”, “Тела протяженны”. По определению в квадрате все углы прямые, а тела представляют собой нечто протяженное. Примеры синтетических предложений: “На столе лежит книга”, “Студенты любят смеяться”. По определению стол не является чем-то таким, на чем непременно лежит книга. Истинность синтетических предложений устанавливается эмпирическим путем.

Неопозитивисты считали, что все предложения науки являются либо аналитическими, либо синтетическими. Аналитические предложения априорны и логически необходимы, а синтетические — эмпиричны и логически не необходимы. В соответствии с этим все науки можно разделить на экспериментальные (физика, химия, психология, история, социология) и неэкспериментальные (логика и математика). Предложения философии не аналитичны и не синтетичны, они *бессмысленны*. Допустим, я рассматриваю философское предложение: “Материя первична, сознание вторично”. Из понятия материи нельзя вывести сознание, поэтому наше предложение не является аналитическим. В то же время экспериментально я не могу иметь дело с материей как таковой, а следовательно, наше предложение нельзя проверить эмпирическим образом, т.е. оно является синтетическим. Итак, рассматриваемое философское предложение бессмысленно.

Рассматриваемые воззрения очень интересны и их всегда следует иметь в виду тогда, когда речь идет о содержании науки и философии. Тем не менее они не бесспорны. Критики неопозитивистов, особенно американский философ *Куайн*, обвиняли их в абсолютизации разделенности аналитических и синтетических предложений. В действительности следует учесть их взаимосвязанность. А это означает, что в эксперименте проверяется теория в целом, в том числе и правомерность аналитических, равно как и философских предложений; если философские предложения действительно полезны, то они истинны. Критика Куайна была воспринята многими неопозитивистами. *Карнан*, однако, возражал, подчеркивая, что во многих случаях деление на аналитические и синтетические предложения должно быть сохранено, например, при конструировании искусственных языков, где

главной задачей является работа исключительно с аналитическими предложениями.

3. *Верифицируемость (проверяемость)*. Согласно принципу верификации, научная достоверность синтетических предложений подтверждается в эксперименте. Вслед за Витгенштейном неопозитивисты использовали представление об элементарном предложении (его называли предложением наблюдения, протокольным предложением), которое проверяется фактами непосредственно. Сложное синтетическое предложение (часто это текст) должно быть сведено к элементарным предложениям, а последние сопоставляются с фактами. Допустим, мне надо удостовериться в истинности утверждения: “Все студенты этой группы ростом выше 160 сантиметров”. Предложение будет сведено к элементарным предложениям типа “Рост студента А выше 160 сантиметров”.

На первый взгляд следование принципу верификации гарантирует в случае оперирования с синтетическими предложениями достижение достоверного знания. Но, как обнаружили сами неопозитивисты, процедура верифицируемости не всегда достигает цели. Начнем с того, что сам принцип верифицируемости не может быть проверен. Невозможно доказать, что любое признающееся истинностным синтетическое предложение должно быть проверено. Принцип верификации нельзя свести и к аналитическим предложениям, ибо в отличие от них он соотносится с экспериментом. Выходит, что требование верификации, представляющееся столь очевидным, является сугубо умозрительным. А ведь именно от такого рода предложений неопозитивисты желали освободить науку. С принципом верифицируемости неопозитивисты попали в сложную ситуацию. Наука представляла бы собой весьма строгое мероприятие, если бы можно было все проверить очевидным и однозначным образом. Но все положения максимально общего характера, а таковы теоретические законы, не поддаются верификации. Вроде бы все люди смертны, но как это проверить? Не поддаются прямой верификации и гипотезы, т.е. предположительное знание. Выходит, что неопозитивисты придали принципу верификации слишком большое значение.

Анализ принципа верификации показывает, что по сути он является философским и отнюдь не бессмысленным. А это означает, что неопозитивисты в своем критическом отношении к философии были слишком суровы.

4. *Физикализм*. Желание неопозитивистов последовательно использовать принцип верификации привел их к физикализму.

Физикализм — это убеждение в том, что в эмпирических науках все предложения должны в конечном счете сводиться к предложениям физики. Почему выдвигается это требование? В силу мнения, что все экспериментальные науки имеют один и тот же общий базис — физику; в этом смысле экспериментальные науки едины. Это во-первых. Во-вторых, данные физики всем доступны, т.е. они интерсубъективны. Следует отметить, что еще никому (присмотритесь, например, к работе психологов, химиков, экономистов) не удалось последовательно осуществить программу физикализма.

5. *Эмотивизм в этике.* Неопозитивисты считали моральные предложения не поддающимися верификации, и следовательно, ни истинными, ни ложными. Значение их состоит в выражении моральных эмоций (отсюда термин “эмотивизм”). Как утверждал британский неопозитивист *А.Айер* мораль — это чувство, а не познание; она не может быть обоснована научным образом. В то же время неопозитивисты не отрицают, что можно изучать моральные, политические, эстетические установки, желания, чувства конкретных людей, социальных групп. Этим, среди других, занимаются социологи, психологи, историки. Тем не менее, считали неопозитивисты, идеалы подлинно научного знания гуманитарным наукам чужды. Спустя годы позиция эмотивистов будет существенно скорректирована, моральные суждения привлекут не меньший интерес, чем предложения естественных наук. Англичанин *Р.Хэар* покажет, что этика начинается с предписаний (“делай так”, “не делай это”, “это хорошо, а это плохо”). Когда предписания даны, в силу вступают законы логики: руководствуясь правилами, можно из одних предложений выводить другие.

Итак, неопозитивизм, или логический позитивизм, существенно прояснил содержание научного знания, вызвал к жизни многие новые проблемы, в том числе и философского порядка. Что касается философского знания, то оно было существенно реабилитировано уже в работах постпозитивистов.

Постпозитивизм.

Поппер, Лакатос, Фейерабенд, Кун

Постпозитивизмом называют множество концепций, которые пришли на смену неопозитивизму. Сторонники различных постпозитивистских концепций во многом не согласны друг с другом, критикуют устаревшие представления неопозитивизма, но

сохраняют по отношению к нему преемственность. Как и неопозитивисты, постпозитивисты уделяют основное внимание рациональным методам познания. Одним из самых видных постпозитивистов являлся английский философ *Карл Поппер*.

Для Поппера неудачи концепции верификации (проверяемости) научных предложений отнюдь не случайны. Методология верификации строится на убеждении, что знание может быть абсолютно истинным. Это иллюзорное представление. Рано или поздно на смену старой теории приходит новая, то, что казалось истинным, признается заблуждением. Поэтому задача *эпистемологии*, т.е. философии научного познания, состоит не в поиске теории, а в разрешении проблемы роста знания. Рост знания достигается в процессе рациональной дискуссии, которая неизменно выступает критикой существующего знания. Поэтому свою философию Поппер называл *критическим рационализмом*.

Но какова логика научного открытия? Вопреки мнению индуктивистов Поппер считает, что ученые делают открытия, восходя не от фактов к теориям, а переходя от гипотез к единичным высказываниям. Ученые пользуются гипотетико-дедуктивным методом. Из гипотез общего характера выводятся предложения, которые сравниваются непосредственно с протокольными предложениями. Если относительно теории и протокольных предложений, а также их совпадения ученые пришли к согласию, то теория считается временно подтвержденной. Так как ни одна теория не может быть подтверждена окончательно, то она, по определению, имеет гипотетический характер, т.е. ее образуют не законы, а *правдоподобные утверждения*. Всякая теория ненадежна, подвержена ошибкам (*принцип фоллибилизма*). Окончательно подтвердить теорию нельзя, зато ее можно опровергнуть (фальсифицировать). Теория фальсифицирована, если она противоречит опытным данным, иногда всего лишь одному опытному факту. Фальсифицированная теория заменяется новой, на которую обрушивается новый залп рациональной критики.

Рост научного знания можно выразить следующей схемой:

$$P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2$$

где P_1 — исходная проблема; TT — пробные теории; EE — устранение ошибок, содержащихся в TT ; P_2 — новая проблема.

Различные гипотетико-дедуктивные структуры отличаются своей выживаемостью. В мире организмов выживают наиболее приспособленные к среде, в мире науки — самые непротиворечивые концепции.

Научной теорией признается лишь та концепция, которая поддается сопоставлению с опытными данными, и, следовательно, в любой момент она может оказаться фальсифицированной. В отличие от науки философия не поддается фальсификации, т.е. философия не имеет научного характера. Но, не обладая научным статусом, философия обладает смыслом, без нее не обойтись. Так Поппер разрешает проблему демаркации (разграничения) науки и философии. Философия выступает у него как осмысление роста научного знания и включает, в частности, принципы рационально-критической дискуссии, фоллибилизма, фальсификационизма.

Попперу удалось выразить многие тонкости роста научного знания. Но его концепция также подвергается критике. В основном за то, что Поппер свел рост научного знания к дуэли гипотез и фактов наблюдений. Но кроме гипотез и фактов наблюдений есть еще социальный и технический миры, совокупность многих других факторов, которые также влияют на рост научного знания. Взять, например, тот же принцип фальсификации. Надо иметь в виду, что в результате научной критики ученые, даже обнаружив факты наблюдений, не описываемых данной теорией, отнюдь не спешат полностью отказаться от ее услуг. Например, механика Ньютона, несмотря на наличие огромного числа противоречащих ей фактов, широко используется современными учеными. Требования, выдвигаемые Поппером, имеют, таким образом, нормативный характер, а это означает, что не всегда нужно следовать им.

Рассмотрим воззрения ряда других постпозитивистов, которые разработали свои собственные концепции. Английский философ *Имре Лакатос* выдвинул методологию *научно-исследовательских программ*. По Попперу, на смену одной теории приходит другая, старая теория отвергается полностью. Лакатос подчеркнул важность сравнения теорий друг с другом. К тому же, сравнивать следует не просто теории, а научно-исследовательские программы. Каждая научно-исследовательская программа содержит несколько теорий. "Твердое ядро" программы переходит от одной теории данной программы к другой, а защитный пояс, состоящий из вспомогательных гипотез, может частично разрушаться. "Твердым ядром" научно-исследовательской программы Ньютона являются три закона механики и закон тяготения. На этой базе было развито множество теорий, относящихся, например, к астрономии, учению о свете и т.д. Только тогда, когда будет разрушено "твердое ядро" программы, необходи-

мым окажется переход от старой научно-исследовательской программы к новой. Новая прогрессивная научно-исследовательская программа должна быть более насыщена эмпирическим содержанием, нежели ее предшественница.

Подчеркивая необходимость сравнения теорий и научно-исследовательских программ, Лакатос сумел выделить важные моменты в процессе развития знания. Существенно здесь — различие теорий и научно-исследовательских программ. Для каждого, кто осваивает разнообразные учения, важно осознавать, в рамках какой научно-исследовательской программы и теории он находится. Такое осознание требует сравнения теорий и программ. Если исследователь либо студент сведущ только в одной научно-исследовательской программе или, что еще хуже, только в одной теории, то эта программа или теория невольно принимается за абсолютную истину (сравнивать-то не с чем!). А это означает, что у субъекта отсутствует осознание своего действительного научного статуса, который фактически очень жестко соотношен с одной научно-исследовательской программой, достоинства же других программ не осознаются и не понимаются.

Постпозитивисты справедливо обратили внимание на необходимость тщательного изучения истории развития научного познания. Изучение наук, не сопровождающееся изучением их истории, ведет к одностороннему знанию, создает условия для догматизма.

Отметим, что в нашем учебнике делается попытка учесть эти обстоятельства. Вы, наш читатель, знакомитесь с проблематикой основных философских программ, ни одну из которых, как нам представляется, не следует возводить в абсолют. Вернемся, однако, к воззрениям постпозитивистов.

Американский философ *Пол Фейерабенд* критикует *кумулятивизм*, согласно которому развитие знания происходит в результате постепенного накопления знаний. Фейерабенд — ярый сторонник тезиса о несоизмеримости теорий. Теории дедуктивно не связаны друг с другом, для них характерны разные тезисы и понятия. Согласно Фейерабенду, плюрализм должен господствовать не только в политике, но и в науке. Существует множество равноправных типов знания. Возможность универсального метода познания Фейерабендом отрицается. Иногда он даже высказывался в том смысле, что все позволено, т.е. любая теория приемлема, если только она принимается сообществом ученых. Критерии рациональности не абсолютны, они относительны. Нет таких критериев рациональности, которые были бы приемлемы

везде и всегда. Анархизм, считает Фейерабенд, не является слишком привлекательной политической доктриной, однако он служит прекрасным лекарством для философии познания и науки, для тех, кто склонен ограничивать себя одним универсальным методом. Но если нет жестких критериев научности, то естественно предположить связь научных фактов с ненаучными. Последние влияют на науки и обладают самостоятельной ценностью. Наука, философия, религия и даже магия — все уместно, все обладает самостоятельной ценностью.

Заслуга Фейерабенда состоит в настойчивом отказе от приобретенных устойчивых черты идеалов классической науки, наука предстает как процесс размножения теорий, здесь нет единой линии. Создается, однако, впечатление, что Фейерабенд недостаточно внимания уделял устойчивым тенденциям развития науки, а они ведь также существуют.

Томас Кун, американский философ, как и Фейерабенд, критически относится к попперианской схеме развития науки. Основная его мысль состоит в том, что в развитии научного знания особую роль играет деятельность научного сообщества. Определяющее значение принадлежит не нормам логики, методологии, а *парадигме*, т.е. совокупности убеждений, ценностей, технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих научную традицию. Парадигма по своему содержанию шире теории и шире научно-исследовательских программ. Если та или иная парадигма господствует безраздельно, то налицо период нормальной науки. Разрушение парадигмы приводит к научной революции. Каждая парадигма обладает своими критериями рациональности, они не являются универсальными. Парадигмы несоизмеримы друг с другом, между ними нет сколько-нибудь непосредственной логической преемственности. Новая парадигма отменяет старую. Многие считают, что в своей концепции несоизмеримости парадигм Кун недооценивает преемственность научного знания. Подчеркивая, что наука есть результат деятельности научных коллективов, Кун справедливо обращает внимание на особую значимость в науке социальных и психологических моментов.

Лингвистическая философия Витгенштейна

Людвиг Витгенштейн, австрийского философа, много лет преподававшего в Кембриджском университете (Англия), довольно часто называют на Западе самым выдающимся философом XX века. Если в этом утверждении и присутствует элемент

преувеличения, то вместе с тем несомненно, что для него есть основание.

Исследования Витгенштейна неизменно находились в центре философских изысканий тогда, когда предметом анализа становился язык. Лингвистический поворот, характерный для философии XX в., во многом был осуществлен благодаря аналитической философии языка, разработанной Витгенштейном.

В ранний период своего творчества Витгенштейн написал уже рассматривавшийся выше “Логико-философский трактат”, который при желании можно квалифицировать как пособие по логическому позитивизму, т.е. по неопозитивизму. В поздний период своего творчества Витгенштейн существенно пересматривает свои воззрения. Опубликованные впервые в 1953 г., уже после смерти философа, “Философские исследования” содержат новый подход к анализу языка. Именно этот подход, нашедший среди современных философов многочисленных сторонников и находящийся в центре курсов философии, преподающихся во многих английских университетах, и является предметом следующего далее рассмотрения.

В “Философских исследованиях” Витгенштейн весьма критически относится к “традиционному” пониманию языка, дань которому он отдал в “Логико-философском трактате”. Простая, наивная концепция языка базируется на определенном понимании значения имени (слова). Считается, что слову соответствует тот объект, на который оно указывает. Из слов строятся предложения, а их совокупность, как считается, образует язык. Слова и предложения что-то обозначают. Когда мы говорим “этот стол”, “моя рука”, “планета Земля вращается вокруг своей оси”, “существует электрон”, мы всякий раз считаем значением слова или предложения некоторые объекты или процессы, происходящие с ними. Развиваемые представления кажутся вполне строгими — к чему здесь можно “придаться”? Но поздний Витгенштейн их резко критикует.

Дело в том, что постулирование соответствия между именем и его значением не является очевидным. По Витгенштейну, *значение слов определяется их употреблением*. Значение слова есть его употребление, а отнюдь не то, что слово якобы обозначает. Допустим, слово действительно обозначает, в таком случае мы быстро придем к противоречиям. Ведь стоит начать сравнивать употребление слов детьми и взрослыми, неучеными и учеными, как сразу же выясняется известная несогласованность. *Что есть рука человека? Что есть электрон?* На такого рода вопро-

сы последуют самые различные ответы, но раз так, то нет слов, которые бы обозначали что-то устойчивое, известное. Когда настаивают на том, что слово обозначает объект, то с самого начала считают объект известным, но этого-то как раз и нет.

Люди пользуются словами, при этом они убеждают друг друга в своей правоте, доверяют или не доверяют друг другу. Словами пользуются в соответствии с некоторыми правилами, которые нельзя свести к правилам грамматики или даже логики. Речь надо вести еще и о правилах жизни. *Язык — это форма жизни.* Жизнь реализуется в языке. И язык — это форма игровой деятельности. Конкретная языковая игра непредсказуема. Слова в языковых играх, используемые для описания данного явления, не обладают полной общностью, для них характерно лишь “семейное” сходство, они похожи друг на друга, как похожи братья и сестры в семье, не более того. Это означает, что Витгенштейн отрицает реальность общих понятий. И так, *язык есть деятельность, форма жизненной игры.* Правила игры не заданы изначально, они формируются в сообществе. Значение слов конструируется в процессе жизни, в языковой игре. В процессе языковой игры особое значение имеют такие феномены, как вера, доверие, уверенность, убежденность. Верим мы не в отдельные предложения, а в систему предложений. Лишь постепенно обозначается целое, каким является жизнь, реализуемая в языковых играх.

Жизнь, язык, вера — вот главные феномены человека, они изначально, они несводимы к чему-либо иному. То, что называют законами науки,— это тоже не более чем момент языковой игры, жизни человека. Если математика имеет дело с правилами математических исчислений, то философия имеет дело с правилами языковых игр. Не знающий правил игры ошибается, он терпит в жизни неудачу. Философская деятельность выступает как анализ жизни в форме языка. Философия должна прояснять способы употребления слов, возвращая им ясность, изымая из языка различного рода бессмыслицы. Подлинным предметом философского анализа является естественный язык, который превосходит по своему содержанию “совершенный” язык логики и математики. Здесь слово “совершенный” взято в кавычки не потому, что Витгенштейн сколько-нибудь высокомерно относится к логике и математике. Отнюдь. Витгенштейн неплохо разбирался в тонкостях логико-математических и технических наук. Совершенство языка логики и математики не следует преувеличивать. Язык логики и математики представляет собой некоторые правила игры, конструируемые в основном

учеными. Правила логики и математики могут быть изменены, что и происходит периодически, когда, например, изобретают очередную систему (читатель, очевидно, знает, что существует большое число логических и математических систем).

Витгенштейн предложил новый способ философствования, который определил на многие годы характер западной философии. Тщательный анализ языковой практики (а через нее и целого ряда философских проблем), выяснение близости научных предложений и предложений повседневной жизни, подчеркивание конструктивного, творческого характера языковых игр, критика догматических представлений о соотношении языка и реальности, субъекта и объекта — все это должно быть зачислено в актив философии языка Витгенштейна.

Вместе с тем Витгенштейна много критиковали и критикуют, обвиняя его в неправильности сведения всей сферы человеческой жизни к языковой практике, в игнорировании наших знаний об объективной реальности как таковой и, следовательно, в сползании на позиции агностицизма, игнорировании связи между субъектом и объектом.

Выводы

Выше рассматривались различные течения аналитической философии, характерной чертой которой является тщательный анализ оснований науки и научно ориентированной философии. Главный метод аналитической философии — анализ языковых средств и выражений. Это обеспечивает общезначимость лингвистического анализа, но оставляет в тени то, выражением чего является язык. По мере развития аналитизма нарастают определенные тенденции, обзор которых дает представление о будущем философии.

1. Постепенно происходит отказ от ориентации только на логику, и философы обращаются к истории науки. В этом отношении показательны работы Поппера, Лакатоса и особенно Куна и Фейерабенда. Логика и история научного знания образуют неразрывное целое.

2. Постепенно происходит отказ от жесткого противопоставления фактов и теории. Теперь уже не считают, что факты дают надежное, обоснованное знание, а теория, напротив, ненадежное, изменчивое. Выясняется, что понимание фактов невозможно без теории, т.е. они теоретически нагружены.

3. Существенно ослабевает антифилософская направленность идеологии аналитизма. Мало что остается от бывшего желания первых позитивистов ограничиваться лишь обобщением данных наук: теперь ставится задача философствовать так, чтобы не противоречить науке. Постпозитивизм уже не видит жесткой границы между философией и наукой, признается неотстранимость философии от науки, а Фейерабенд вообще отказывается видеть различие между наукой и философией.

4. Происходит отказ от кумулятивизма в понимании развития знания. Считается, что накопление знания происходит не постепенно, не линейно, а в результате революционных преобразований. Теории, парадигмы несоизмеримы друг с другом.

5. От преимущественного анализа искусственных языков переходят к анализу естественного языка.

6. От атомарных представлений переходят к целостным воззрениям. Показательны в этом отношении воззрения Витгенштейна: слово имеет значение лишь в рамках целого, каковым является язык как форма жизни.

7. Естественно-научная установка постепенно размывается, в основном за счет прагматизма, когда во главу угла ставят практический успех.

8. От анализа внутринаучных отношений все чаще переходят к обсуждению связей науки и философии с внешними для нее социальными институтами типа политики, государства, религии; философия и наука — это органические части жизнедеятельности общества.

Эволюция аналитической мысли показала, что невозможно философствовать вне широкого мировоззренческого контекста. К тому же не существует одного-единственного, от века данного способа разрешения философских проблем. Витгенштейн выразил это в своем понимании языка как деятельности, деятельности по правилам, но не по неизменным правилам. Несмотря на то что нормы и идеалы аналитического философствования изменялись весьма существенно, неизблемым оставалось требование мыслить ясно, разумно, рационально, максимально аргументированно и доказательно, с учетом всех тонкостей языковой сферы. Выделенный инвариант многолетних философских исследований объясняет главное содержание аналитической философии, комплекса разнообразных путей философствования с опорой прежде всего на анализ и язык.

Придание философии аналитических черт явилось значительным достижением. Отказ от аналитичности философии пред-

ставляется в наши дни анахронизмом, возвратом к давно преодоленному этапу философского знания.

Глава 1.9 ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Структурализм

В этой главе будет рассмотрена французская философия от середины до конца XX в. Если в XX в. в Германии доминировали феноменология и герменевтика, а в Англии и США аналитическая философия, то во Франции структурализм, постструктурализм и постмодернизм. Начнем наш анализ с рассмотрения структурализма.

Латинское слово *структура* переводится на русский язык как строение, порядок, упорядоченное расположение, относительно устойчивый способ организации системы, ее внутренних отношений. Философский подход, в основе которого лежит идея структуры, и называется *структурализмом*. В философском отношении структурализм противостоит *атомизму*.

Допустим, атомист и структуралист дают ответ на вопросы: что такое человек? и что такое общество? С точки зрения атомиста человек — атом общества, а общество есть совокупность этих атомов. С точки зрения структуралиста следует начинать с рассуждений об обществе. Общество выступает как совокупность отношений между людьми; отдельный человек есть выражение, узел этих отношений. Не потому я русский, что народился таковым, а потому, что вовлечен в систему отношений, характерных для России.

Для судеб философского структурализма важнейшее значение имели разработки швейцарского лингвиста *Фердинанда де Соссюра*. *Соссюр* рассматривал язык в качестве знаковой системы. Языковые знаки имеют смысл лишь во взаимоотношении друг с другом и, следовательно, в силу их отличий. Слово приобретает смысл в языке благодаря отличию от других слов. Важно отношение слов друг к другу, а не их материальность. Между языковыми знаками и тем, что они обозначают, нет естественной, необходимой связи. Корову, домашнее животное, русский называет коровой, а англичанин *cow*. Выбор слов, звуков и букв условен

и произволен. Это значит, что лингвисту нет необходимости интересоваться соотношением “обозначающее—обозначаемое”, обозначающее никак не зависит от обозначаемого. Следовательно, лингвист должен интересоваться языком как таковым, рассмотренным в качестве знаковой (семиотической) системы в самом себе и для себя. Разумеется, в любом естественном языке существуют многочисленные закономерные связи, т.е. структуры. Именно они должны привлекать внимание в первую очередь.

Идеи *Соссюра* оказались весьма плодотворными для философии. Имелось в виду, что социальные феномены не являются ни вещами (на чем настаивали материалисты), ни идеями (как считали идеалисты), а знаковыми структурами. Говорили даже, что человек умирает — остаются структуры. Любые социальные отношения стали рассматриваться в качестве структур, при этом образцовым семиотическим образованием считался естественный язык. Знаковые структуры искали (и находили) в языке, политике, экономике, психически бессознательном, отношениях родства, массовой культуре. Крупнейшими французскими структуралистами были *К.Левин-Строс* (изучил отношения родства в примитивных обществах) и *Ж.Лакан* (исследователь психически бессознательного). В 60-х годах на смену структурализму пришел так называемый *постструктурализм*. В этом отношении решающее значение имели работы *Мишеля Фуко* (1926–1984).

Мишель Фуко: философия дискурсивных практик

Фуко настаивает на конкретно-историческом подходе к анализу совокупности высказываний, т.е. дискурсов. Его главный девиз: дайте осуществиться богатству дискурса и детальнейшим образом освойтесь в нем. Дело философа показать, как в дискурсах кристаллизуются и рассеиваются слова, вещи, структуры. Деятельность философа предполагает работу историка, весьма кропотливую и всестороннюю. В своих книгах *Фуко* показал как на протяжении нескольких веков практика дискурсов вырабатывала воззрения относительно недуга безумия, понятия медицины, феномена сексуальности. Все, что мы узнаем, вырабатывается в дискурсах.

Итак, философия изначально — это дискурсы. Дискурсы — это практики, далеко не всегда подчиняющиеся строгим правилам науки. Они часто имеют игровой характер, перекрещиваются друг с другом, вступают в конфликты. Будучи вовлеченны-

ми в дискурсивные практики, люди формируют свою волю к желанию, знанию, власти, эстетическим и моральным ценностям. Человек рождается в практике дискурса не автоматически, а в силу своей активности, переоценки правил и установлений.

Наука, чувственность, мораль — все это присутствует в практике дискурсов в форме некоторых принципов их связности, которые, раз возникнув, не остаются неизменными, а рассеиваются игрой случая. Все философское скрыто в дискурсах, которые могут достигать стадии научности. Когда появляются жесткие, малоизменяющиеся структуры, чаще всего они достойны рассеивания. Таков универсальный рецепт Фуко по борьбе с самыми различными формами тоталитаризма. По Фуко, каждый призван жить за тем порогом моральности, который ему доступен. Осуждения достоин лишь тот, кто в страхе перед объемом дискурсивной работы скрывается в железобетонные окопы несотрясаемых знаний, привычек, убеждений, власти, предписаний.

Жак Деррида: деконструктивизм

Знаменитый *Жак Деррида* (р. 1930) — один из самых эксцентричных философов современности. Его творчество занимает видное место в новейшей французской философии. Довольно часто философствование Дерриды обозначается термином *деконструктивизм*.

Обратите внимание на многозначность термина “деконструкция”. В нем присутствует и указание на определенные структуры, и желание к конструированию, но и к разрушению, деконструированию. Подобно многочисленным современным философам, Деррида полагает, что философствование осуществляется в языке, прежде всего в тексте. Философствование означает освоение языка. Но что значит освоиться в языке? Осуществить работу деконструирования.

Что такое деконструкция в более конкретном плане? Нескончаемое замещение слов и предложений цепочкой заместителей. Это замещение, которому противопоказана какая-либо механистичность или однозначность, реализует нечто вроде формулы: “*S есть P*”, “*S не есть P*”, “*S не есть P и не есть не P*” и т.п. Допустим, наше внимание привлек вопрос о природе любви. Выясняется, что дать однозначное определение любви невозможно. Любовь — это благосклонность, но и симпатия (но симпатия — это уже не просто благосклонность); любовь — это и

нежность, и восхищение (но нежность не является восхищением, а восхищение не есть нежность). Наше представление о любви нарастает вместе с продолжением работы деконструирования. При этом всегда уместно творчество и всегда присутствует некоторая незавершенность, указывающая на тайну. Постоянно дает о себе знать требование красоты. Переписывать предложения надо таким образом, чтобы последующее предложение было красивее предыдущего. Что такое любовь? Напишите об этом с максимальной страстностью и нежностью. И еще, не останавливайтесь на окончательной формулировке.

В философствовании Дерриды привычная логика, особенно характерная для науки, опрокидывается и изничтожается, а эстетики явно больше, нежели этики. Деконструктивизм Дерриды оказался весьма востребованным в литературе. Дискуссионным остается вопрос о достоинствах деконструктивизма Дерриды в области науки и этики.

Жан Лиотар: постмодернизм

Жан Лиотар (1924–1998) после опубликования им книги “Состояние постмодерна” (1979, русское издание 1998 г.) стал многими характеризоваться как основатель постмодернизма. Лиотар считает, что во второй половине XX века в силу ряда причин, в первую очередь благодаря широкому распространению информационных технологий, возник новый тип культуры — постмодерн. Латинское *modo* переводится как недавно. Постмодерн, следовательно, можно перевести на русский язык как то, что наступило вслед за недавним.

Согласно Лиотару, для постмодерна характерно окончательное разрушение принципа универсального языка, “никто не владеет целым”. Возникло много новых языковых игр, кибернетических, логических, математических, так называемых теорий игр и катастроф. Изменился характер знания, старое знание, функционирующее в форме больших рассказов (толстых книг) и занятое по преимуществу проблемой истины, вызывает недоверие. Теперь ценность научной информации определяется по степени ее операциональности, это означает, что на первый план вышли критерии эффективности и прибыльности. Люди в качестве “атомов” общества расположены на пересечении прагматических, т.е. жизненно важных для них связей. Эти связи осуществляются в условиях противоборства, агонистики. На смену ло-

гике универсальных, незыблемых принципов пришла паралогика (греческое *para* означает отклонение).

Паралогика Лиотара это — обращение к агонистике многообразных языковых игр и “маленьких рассказов”, позитивная оценка дисконсенсуса, без которого невозможно творчество и научное воображение, замена замкнутой системности открытой, стимуляция производства новых идей, установка на свободу и воображение, принятие ответственности на себя, отказ от единства, идентичности и безопасности, стремление к возвышенному.

Наряду с уже упомянутыми доминантами философского постмодернизма укажем также следующие: дисконсенсус (а не консенсус), дискретность (а не непрерывность и прогресс), нестабильность (а не стабильность), случайность (а не необходимость), игра (а не цель), анархия (а не иерархия), рассеивание (а не центрирование), неопределенность (а не определенность), эстетика парадоксально-возвышенного (а не прекрасного), виртуальное (а не устойчивое вещно представимое), ирония по поводу утопий и признающихся устоявшимися ценностей.

Несколько рискованно сжимая характеристику философского постмодернизма, можно указать, что он культивируется в наши дни в основном в двух вариантах — умеренном и авангардистско-анархическом. В своем умеренном варианте постмодернизм является, пожалуй, вполне оправданной реакцией на реалии конца XX в., на всемерное возрастание многообразия. Что касается авангардистско-анархического постмодернизма, то в нем преобладает эпатаж, отрицание всего и вся. Такая философия приветствуется немногими из числа профессиональных философов.

Выводы

Нетрудно заметить, что между структурализмом, постструктурализмом и постмодернизмом существует вполне определенная преемственность.

Структуралисты интересовались в первую очередь закономерностями естественных языков и аналогичных им образований. Фуко инициировал внимание к процессу возникновения, становления и трансформации дискурсивных (языковых) практик. Деррида стремится выразить саму динамику создания новых дискурсов, которую он видит в деконструкции. Лиотар эту же динамику характеризует как паралогическую, ядром которой является не деконструкция Дерриды, а интуиции теории игр и теории катастроф.

Отметим также, что постструктурализм и постмодернизм в наши дни неправомерно характеризовать как сугубо французское явление. Они стали достоянием всего философского сообщества. Наконец, предостережем читателя от одного весьма распространенного заблуждения. Неправомерно считать, что выдающиеся французские философы сводили регион философии исключительно к естественным языкам. Речь должна идти о другом: философствование осуществляется в языке. Язык — среда философии. Материальные вещи такой средой не являются. Знания о всех известных человеку явлениях вырабатываются в языковой практике.

Глава 1.10 РУССКАЯ (НЕСОВЕТСКАЯ) ФИЛОСОФИЯ

Историческая справка

Всякая форма философии несет на себе печать национально-культурного своеобразия. С этой точки зрения выделяют национальные типы философии, в том числе русскую философию. Мировое значение имеет не только отечественная литература и музыка, но и философия. Рядом с именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Глинки, Чайковского, Мусоргского по праву должны быть помещены имена философов *Чаадаева, Хомякова, Герцена, Чернышевского, Соловьева, Бердяева, Флоренского, Лосева* и многих других.

Принятие христианства русским народом в 988 г. явилось поворотным пунктом в его развитии. Процесс христианизации потребовал от тогдашних мыслителей теоцентрических представлений. В процессе христианизации Древней Руси был выбран византийский вариант христианства, и в соответствии с этим выбором русская философия стала развиваться под влиянием византийской философии, в которой преобладали неоплатонические теоцентрические тенденции. Вплоть до реформаторской деятельности Петра I русская философия осваивала теоцентрические представления, что соответствует приблизительно периоду западноевропейской средневековой философии.

Реформы Петра I способствовали более полному ознакомлению русских интеллектуалов с западноевропейской философи-

ей. Началось энергичное усвоение ее потенциала. Среди русского дворянства распространилось вольтеррианство с его вольнодумством. Были популярны, особенно среди масонов, мистика француза Сен-Мартена и немца Якоба Бёме. Многие увлекались идеализмом Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Продолжались поиски философской сути христианства.

Начало последовательного развития философии относится ко второй четверти XIX в. Без малого через век произошла социалистическая революция. Многие философы оказались в эмиграции, где часть из них продолжила свои изыскания. В то же время в социалистической России был насильно положен конец бывшему многообразию философских систем. Соответствующие государственные органы позаботились о том, чтобы возобладала одна философская линия — марксистско-ленинская.

От славянофильства к религиозно-этическому искательству

В 40–50-х годах XIX в. идейные споры велись в основном о будущих путях развития России. Западникам, ориентировавшимся на европейские модели, противостояли славянофилы, выступавшие за самобытность России, которую они видели в крестьянской общине, в православии и в соборности русского народа. Славянофилы, среди которых выделялись своим значительным философским потенциалом И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и особенно А.С. Хомяков, стремились опровергнуть немецкий тип философствования и выработать на основе исконно отечественных идейных традиций особую русскую философию.

В центр новой философии *Иван Васильевич Киреевский* ставил принцип непротиворечивой цельности, устранения болезненных противоречий между умом и верой, истиной духовной и естественно-жизненной. Религии, несмотря на достижения западноевропейского либерализма и рационализма, должны быть возвращены все права духовного лидера.

Алексей Степанович Хомяков считал истинной христианской религией православие: в католицизме есть единство, но нет свободы, в протестантизме, напротив, свобода не подкрепляется единством. Только для православия характерна соборность, или общинность, сочетание единства и свободы, опирающееся на любовь к Богу. Соборность, единство, свобода, любовь — вот ключевые и наиболее плодотворные философские идеи Хомякова.

Ранние славянофилы, выдвинув ряд новых идей, не сумели создать целостной философской системы. Не удалось добиться в этом деле успеха, уже в 70–80-е годы, также поздним славянофилам, в частности Н.Я. Данилевскому и Н.Н. Страхову. *Н.Я. Данилевский* прославился своей книгой “Россия и Европа”. Вслед за немецким историком Рюкертом, но ранее Шпенглера, автора книги “Закат Европы” и других получивших широкую европейскую известность работ, Данилевский развивал концепцию культурно-исторических типов: общечеловеческой цивилизации нет, а есть определенные типы цивилизаций, всего десять, среди которых выделяется своим будущим славянский историко-культурный тип.

Под влиянием славянофильства сложилось почвенничество, общественно-литературное движение 60-х годов XIX в. *А.А. Григорьеву* и *Ф.М. Достоевскому* была близка идея приоритета искусства — с учетом его “органической” силы — над наукой. “Почва” для Достоевского — это родственное единение с русским народом. Быть с народом значит иметь в себе Христа, предпринимать постоянные усилия по своему моральному обновлению. Для Достоевского на первом месте стоит постижение последней правды человека, истоков действительно положительной личности. Вопрос о смысле жизни выходит на первый план, и решает он его не на путях рациональных рассуждений, а в лоне глубоких переживаний, экзистенций, сказал бы современный философ. Именно поэтому Достоевский — мыслитель экзистенциального склада, путеводная звезда экзистенциалистов XX в., но в отличие от них он не профессиональный философ, а профессиональный писатель. Может быть, поэтому в творчестве Достоевского едва ли просматривается сколько-нибудь четко сформулированная философская концепция.

Последнее характерно и для гениального русского писателя *Л.Н. Толстого*. Толстой также занят религиоискательством. В отличие от Достоевского Христос для Толстого не Бог, а человек, научивший других, как применять любовь, а именно непротивлением злу насилем — принципу, который восходит к конфуцианству, буддизму и даосизму. Для Толстого на первом месте стоит не философия, а этика в ее религиозной форме.

Подытоживая, можно констатировать, что подлинный нерв философии славянофильства — это религиозно-этическое искаительство, надежда, что на этом пути славянам повезет больше, чем другим.

Философия западников

Славянофилы всячески стремились подчеркнуть самобытность русской философии. Западники, напротив, были убеждены, что россиянам надо учиться философии у Запада. В московском кружке *Н.В. Станкевича*, например, в 30-х годах XIX в. изучали Гегеля. Уже здесь в полную силу проявила себя тенденция, которая стала весьма характерной чертой многих российских мыслителей XIX в.: стремление придать философским идеям прикладной характер, использовать их для быстрейшего преобразования российской действительности. В этой связи абстрактная система Гегеля постепенно уходила на задний план под натиском более прозаичных фейербахианских, материалистических и нигилистических идей.

К ранним западникам обычно относят П.Я. Чаадаева, Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, А.И. Герцена. Из этой плеяды русских мыслителей широтой и глубиной своих философских воззрений выделялся *Александр Иванович Герцен*, философ, писатель, политический деятель, наконец, политический изгнанник.

Герцен прекрасно знал учения Шеллинга, Гегеля, Сен-Симона, других западных философов. Диалектику Гегеля он оценивал как “алгебру революции”. Быстрое философское развитие Герцена привело к тому, что уже в начале 40-х годов (1842–1846) он достигает философского уровня наиболее видных западных мыслителей своего времени. При этом для философии Герцена характерны многие типичные для отечественной философии черты: синтетичность, народность, всеохватность.

Герцен — знаток философии, логики, литературы, истории, он имеет физико-математическое образование. Весь комплекс знаний Герцен стремится объединить в единое жизненное целое, развивая при этом значительно рельефнее, чем это делали славянофилы, рационалистические аспекты философии. Все философские построения Герцена пронизывает *идея единства*. Он подчеркивает единство природы и человека, материи и сознания, эмпирического опыта и рационального мышления, сознательной и бессознательной деятельности, индивида и народа, естествознания и философии, науки и жизни. В политической области Герцен стремится к достижению общества без насилия и антагонизмов. Российское будущее он связывал с идеалами народного социализма. Не случайно, а в силу своих исходных философских установок, Герцен стал одним из родоначальников русского народничества. Незадолго до своей кончины Герцен адресует Бакунину

письмо “К старому товарищу”, в котором он выступает против крайностей революционного нигилизма, призывов к немедленному свержению государства, к бунту — без должной научной и нравственной подготовки социальных изменений.

Если среди ранних западников своими философскими талантами выделялся Герцен, то позднее одним из лидеров западников стал *Николай Гаврилович Чернышевский*, современник М.А. Бакунина, Д.И. Писарева, И.М. Сеченова.

На Чернышевского значительное влияние оказала философия Фейербаха. Чернышевский, подобно Фейербаху, — антропоцентрист, материалист и атеист. Философское внимание Чернышевского направлено на человека. В этом он следует Фейербаху, но в отличие от последнего Чернышевский дополняет философскую характеристику человека экономическим, социально-политическим и этическим анализом. Чернышевский разрабатывает проблемы экономики, определяет материальные условия быта как имеющие первостепенное значение для жизни человека. Здесь Чернышевский близок к воззрениям Маркса. Но удельный вес экономизма в учении Чернышевского не столь высок, как в марксизме. Чернышевский в отличие от Маркса основное внимание уделяет не экономике, а эстетике и этике.

В этике Чернышевский — сторонник “разумного эгоизма”, согласования поступков с внутренними убеждениями и рациональным выбором, который может быть сопряжен и с жертвами. Но жертва должна быть осмысленной. В противном случае она превращается — по словам Лопухова, героя романа Чернышевского “Что делать?”, — в “сапоги всмятку”.

В эстетике Чернышевский также близок к материализму, для него прекрасное есть полнота жизни. Если речь идет о производстве искусства, то оно должно оцениваться прежде всего в его связи с реальной, повседневной жизнью.

Безусловно, философия Чернышевского способствовала развитию русской культуры второй половины XIX в., привнеся в нее ряд жизнеутверждающих мотивов.

Евразийство

В проблемном поле самобытности России вместе со славянофилами и западниками находились также евразийцы (*Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин* и др.). Снова, теперь уже после 1917 г., обсуждалось своеобразие русского народа.

“Отец” евразийства Н.С. Трубецкой утверждал единство русской и туранской культуры. Во-первых, в ней нет разлада между мыслью и действительностью, которые объединяются не в детализированных рациональных западных, в том числе византийских, схемах, а в “подсознательной философской системе”. Во-вторых, русский царь — наследник монгольского хана. Не случайно, а в силу отмеченного выше своеобразия русской культуры именно монархия — лучшая форма государственного устройства для русских людей.

Неожиданную трактовку получило евразийство в конце XX в. в работах историка и географа *Л.Н. Гумилева*. Он полагал, что этнос активен благодаря “энергетическим импульсам” биокосмического происхождения.

Как можно расценить философскую силу трех идеологий: славянофильства, западничества и евразийства? По сути, речь идет об определенных этико-исторических концепциях. В каждой из них акцент делается на определенных ценностях. В славянофильстве это православие (византийских корней), соборность, земское устройство; в западничестве — свобода личности, научная рациональность, правовое государство; в евразийстве — православие (туранских корней), подсознательное единство мысли и внешнего мира, монархия. Соотносительные силы ценностей определяются в конечном итоге постоянно иницилируемым прагматическим выбором, который в рассматриваемом случае является уделом россиян. На наш взгляд, серьезная проработка этической проблематики неминуемо потребует от россиян выхода за пределы как славянофильства и западничества, так и евразийства.

Революционаризм: революционные демократы, народники, анархисты, марксисты

Идея самобытности России нашла свою острейшую постановку в вопросе “что делать?”. На него в России часто отвечали категорично: “Делать революцию”. Ниже рассматриваются философские основания революционаризма в России. В этой связи в типологическом отношении выделяются наряду с революционными демократами (*А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский* и др.), воззрения которых рассматривались выше, анархисты, народники, марксисты.

Революционный демократ Н.Г. Чернышевский полагал, что политика главенствует над философией. Этическая цель — поль-

за для всех — в России может быть достигнута только в результате революции.

Анархист *М.А. Бакунин* превыше всего ставил ценность свободы, во имя ее он был готов разрушить и государство, и религию, и науку, которая, дескать, не учитывает своеобразия реальной жизни. Но свободы нельзя добиться без всенародного бунта. Другой видный российский анархист *П.А. Кропоткин* отрицает научный и философский характер анархистских идей. Анархизм — идея народная. Он хотел бы развить цельную философию свободы, но ему это не удалось.

Наиболее философски значимой фигурой среди народников был *П.Л. Лавров*. Он ставил на первое место идеал справедливости. Этот идеал пропагандировался народниками в процессе их хождения в народ (1847–1878), но в конечном счете, после убийства Александра II (1881), привел к террору против них.

После разгрома народничества революционная инициатива перешла к марксистам (*Г.В. Плеханов, А.А. Богданов, В.И. Ленин*). Все они делали акцент на производительных силах общества. Революция должна была открыть дорогу их развитию, что привело бы к социальной справедливости: кто не работает, тот не ест. В марксистской версии этике была уготовлена роль Золушки, она была подчинена громаде экономики, а вслед за ней и политики.

Революционаризм в России выступал как поиск новых ценностных ориентиров, среди которых чаще других называли справедливость и свободу. С высот сегодняшнего дня отчетливо видны слабости революционаризма. Во-первых, господствовали весьма смутные представления о прагматическом методе социальных наук, как раз и имеющем дело с ценностями. Во-вторых, едва начав этико-философскую проблематизацию, идеологи революции тут же ее обрывали. В-третьих, доминировали весьма поверхностные представления о превращении новых ценностей в действительные социальные ориентиры. Предполагалось, что для этого достаточно перевернуть Россию, поставить ее с ног на голову. Вместо многотрудных длительных действий предлагался переворот.

Констатируем: актуальная задача состоит в том, чтобы сделать правильные выводы из революционаризма.

Философия В.С.Соловьева

Владимир Сергеевич Соловьев — автор оригинальнейшей философской системы, в которой основные черты русской философии

фии представлены особенно рельефно. Достаточно перечислить главные философские работы Соловьева, чтобы составить первое представление о его философской системе. Судите сами: “Кризис западной философии (против позитивистов)”, “Философские начала цельного знания”, “Критика отвлеченных начал”, “Оправдание добра”, “Чтение о Богочеловечестве”.

Прекрасный знаток разнообразных философских систем, как западных, так и восточных, Соловьев недоволен их частичностью, отвлеченностью. Рационализм берет общее, эмпиризм — частное. Как в том, так и в другом случае занимаются чем-то частичным, а не единым, сущим. Вне единого предикаты (свойства) понять невозможно. Именно единое целое есть смысл всех предикатов. Но что же является абсолютно сущим, абсолютно единым? Для Соловьева очевидно, что на эту роль может претендовать только Бог. Соловьев вопреки многим своим современникам, настроенным сугубо научно, не мог допустить отсутствие принципа абсолютной личности. Сама полнота бытия требует, чтобы сущее было личностью, — всеблагод, любящей, милостивой, волевой. Но это и есть Бог, который олицетворяет собой положительное всеединство. Философию Соловьева так и называют: *философия положительного всеединства*.

Всякое многообразие скреплено божественным единством. Материальное многообразие тоже одухотворено божественным началом, и в этом смысле оно выступает мировой душой, или Софией. Греческий термин *софия* означает мастерство, знание, мудрость, философы же под “софией” обычно понимают смыслонаполненность вещей. Поскольку Соловьев видит во всех вещах именно род смысла, божественного смысла, то материальное многообразие и выступает как “софия”, как результат божественного мастерства и творчества. Однако речь идет не только о том, что сущее реализует свои потенции в материальном многообразии, в “софии”, но и о том, что “софия” восстанавливается до органической целостности с абсолютом. Такое восстановление может иметь место в процессе эволюции человечества. В этом случае человечество становится Богочеловечеством и реализует единство добра, истины, красоты.

В сущем и причастных к нему вещах заключены в единстве благо (как реализующаяся воля), истина (как реализующееся размышление) и красота (как реализующееся чувство). Отсюда следует “формула” Соловьева: “Абсолютное осуществляет благо через истину в красоте”. Три абсолютные ценности — благо, истина и красота — всегда образуют единство, смыслом

которого является любовь. Любовь — это та сила, которая подрывает корни всякого эгоизма, всякой отдельности. Благотворна уже физиологическая любовь, соединяющая разнополюые существа. Но истинная любовь — это воссоединение в Боге, это платоническая любовь по преимуществу, это истинная духовность, что, собственно, и обеспечивает спасение, воскресение человека и вместе с тем приобщение его к вечности, то есть преодоление им смерти.

Для Соловьева гарантом спасения человечества является любовь, единение добра, истины и красоты. Истину добывает высоконравственный человек. Безнравственная наука служит силам разрушения, войны в том числе. То же самое относится к искусству, если оно не наполнено нравственным смыслом.

Жизнь всякого человека есть творчество, свободное движение к добру. Жизнь — это подвиг одухотворения. Пигмалион сотворил статую — и она ожила; так истинный человек, подобно талантливому скульптору, одухотворяет свои деяния. Соответственно жертва Христа открыла путь к спасению человечества — как человечества в целом, так и каждого отдельного человека.

Философия, согласно Соловьеву, по своему содержанию антропоцентрична. Это соответствует тому, что человек — вершина творения Бога. Общество — это расширенная личность, личность же есть сосредоточенное общество. Все общественные и личностные коллизии разрешаются при стремлении к совершенному добру. Что касается права, то оно необходимо, ибо оно не допускает крайних проявлений зла. Но право обеспечивает достижение лишь минимального добра, идеалы же совершенного добра открывает христианская религия. Требования нравственности, политики, экономики проводят определенные организации, соответственно церковь, государство, земство. Нравственность имеет первенство над политикой и экономикой. Именно следование совершенному благу позволяет преодолеть разобщенность людей, народов, религий, человека и природы, материального и идеального. Разрушительные силы не всемогущи, Богочеловечество способно справиться с любыми задачами, в том числе и космического масштаба.

Как в наши просвещенные дни, спустя без малого век после смерти Владимира Соловьева, относятся к его философии? Атеисты порицают Соловьева за теизм, ортодоксальные богословы — за элементы пантеизма, которые они видят в учении о “софии”, государственники — за теократизм, предпочтение церкви государству. Есть философы, которые считают, что в системе Соловь-

ева недостаточно разработана проблематика свободы и индетерминизма. Другие полагают, что вся философия Соловьева слишком возвышенна и неприменима к конкретной действительности. Но может быть, высокий нравственно-духовный потенциал философии Соловьева не есть недостаток, а преимущество? Обогащенный этим потенциалом, читатель произведений Соловьева обретет один из философских ключей, который позволит ему понять и преодолеть те проблемы, которые разделяют людей, вместо того чтобы их объединять.

Русская философия в XX в.

Судьба русской философии в XX в. оказалась во многом драматичной и даже трагичной, тесно связанной с перипетиями русских революций 1905 и 1917 г. В 1922 г. большая группа русских интеллигентов, среди которых находились философы Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин, И.И.Лапшин, С.Л.Франк, Л.П.Карсавин, Н.О.Лосский, была выслана за границу. Многие философы, подобно отцу Павлу Флоренскому, погибли в тюремных застенках. Покинувшие пределы России философы занимались в основном разработкой философско-религиозной проблематики. Что же касается философов Советской России, то они работали преимущественно в марксистско-ленинской традиции.

В рамках данного учебника нет возможности дать достаточно подробную характеристику творчества многочисленных представителей русской философии XX в. Мы сделаем исключение для двух выдающихся философов, Н.А.Бердяева и А.Ф.Лосева. Н.А.Бердяев является, пожалуй, наиболее известным из всех русских философов XX в., проживавших вне России. А.Ф.Лосев — наиболее крупная философская фигура внутрirosсийского масштаба.

Философия *Николая Александровича Бердяева* глубоко экзистенциальна, ярко персоналистична. Центральной темой философии Бердяева является человек, человек свободный, творческий, а таким он является лишь в свете божественного, точнее, божественного “ничто”. Бердяев следует концепции немецкого мистика Майстера Экхарта, который проводил различие между божеством и Богом. Богу предшествует первичный принцип, не предполагающий какой-либо дифференциации, какого-либо бытия. Этот принцип — “ничто”, принцип свободы. Свобода не может корениться в чем-то уже определившемся, в бытийном, она

содержится в “ничто”. Сотворение мира Богом — вторичный по отношению к “ничто” факт. Бог помогает воле стать добром, но он не в состоянии контролировать “ничто”, принцип свободы. Бог свободен в своих действиях. Свободен в своих действиях и человек. Бог творит, творит и человек. В своей подлинной свободе человек божествен. Бог и человек есть Дух. Бог вполне реально присутствует в жизни людей высокой духовной силы, в добродетельной творческой деятельности человека. Ясно, что философ с таким мировоззрением не мог не быть противником тоталитарных режимов, лжи, зла, насилия и террора. Бердяев, которого, случалось, критиковали за романтизм и обилие далеко идущих и представлявшихся утопичными идей, убежден, что человек, будучи по природе своей существом свободным и творческим, преобразует мир именно в соответствии с принципами свободы и творчества. Всеобщее воскресение достигается не в революциях, не в технике, а в божественной духовной жизни.

Алексей Федорович Лосев соединил в своей системе три философские составляющие: феноменологию, диалектику и символизм. По Лосеву, самым благодатным объектом философского анализа и конструирования является не понятие, а эйдос, пронизанное смыслами живое бытие предмета. Понятие не “схватывает” сущность живой конкретности, это под силу только эйдосу, что впервые было постулировано в феноменологии Гуссерля. Однако мир состоит не из неподвижных эйдосов, он наполнен движениями, диалектикой. В соответствии с этим истинная философия неминуемо приобретает конструктивно-диалектический характер. Но Лосев в отличие от Гегеля использует диалектический метод для конструирования не только понятийного, но и эйдетического ряда. Движение, изменение эйдоса приводит к его инобытию, существованию в ином, а это есть символ. Диалектическая феноменология оказывается символизмом. В качестве сфер бытования символов Лосев рассматривает язык, миф, религию, искусство и философию. С неподражаемым мастерством использует Лосев созданный им метод — его можно назвать диалектико-феноменологическим или символическим методом — для анализа античной и возрожденческой эстетики. Особое внимание уделяет Лосев неоплатонизму, в том числе тому его варианту, который фактически составляет философскую основу православия. Лосеву удалось создать весьма своеобразную философскую систему, достоинства которой изучены пока недостаточно.

Характерные черты русской философии

Для многих русских философов характерен идеал цельности, рассмотрение в единстве всех духовных сил человека: чувственных, рациональных, эстетических, нравственных, религиозных. Таково творчество славянофилов, В.С. Соловьева, С.Н. и Е.Н. Трубецких, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского и др.

Но мир — это не просто целостность, а положительное единство (В.Соловьев). Чаще всего положительное единство понимается в русской философии как приоритет нравственных ценностей, религиозно-нравственного опыта жизни. Известный знаток русской философии отец *Василий Зеньковский* считал наиболее характерной чертой русской философии ее этический персонализм.

Этический персонализм, понятый в общественном контексте, приводит к принципу соборности. Соборность означает единство людей на основе их любви к Богу и предпочтения нравственных ценностей. Принцип соборности использовался многими русскими мыслителями в качестве основы для развития политических и правовых воззрений.

Принцип цельности в русской философии применительно к проблемам теории познания конкретизировался в сочетании чувственного, рационального и мистического. Часто основу познания видят в интуиции. Речь идет не об интеллектуальной интуиции Декарта, а о реальной интуиции, таком постижении внешнего, когда оно сливается с внутренним, психическим. В этой связи можно отметить, что в русской философии всегда достойнейшим образом было представлено интуитивистское направление. Интуитивистами были Н.О. Лосский, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, В.А. Кожевников и др.

В вопросе об истинности русские философы стремились соединить теоретический и нравственно-религиозный опыт. Истинность сближается с праведностью.

Русский космизм в наши дни часто оценивают как визитную карточку русской философии в целом. Это справедливо в том смысле, что концепция русского космизма довольно органично объединяет такие характерные для русской философии идеи, как идея мирового всеединства человека, человечества и физического космоса, идея жизненности правильных ценностей и их действительности для науки, искусства и даже повседневной практики. По сути дела концепция русского космизма является конкретизацией характернейшей идеи русской философии,

идеи всеединства, которая занимала умы и сердца Соловьева и Флоренского, Федорова и Циолковского, Вернадского и Чижевского. Русские космисты видят едва ли не основную задачу человека в “распространении совершенства” (Циолковский) по Вселенной. Эта идея поражает своей масштабностью и смелостью, но для ее научного анализа все еще не хватает данных.

Итак, важнейшими характерными чертами русской философии являются принципы целостности, положительного всеединства, этического персонализма, соборности, реальной интуиции, истины-праведности, космизма. Разумеется, в данном случае перечислены лишь главные, основополагающие принципы русской философии. Нет оснований считать этот список исчерпывающим суть русской философии.

Ныне часто говорят и пишут о необходимости возрождения русской философской традиции. Безусловно, такого рода идеи заслуживают всяческой поддержки. Но возрождать отечественную философию на новом этапе российской действительности нужно не иначе, как с использованием достижений современной мировой науки и философии.

Глава 1.11 ФИЛОСОФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Подъем знамени ленинизма (1917–1930)

После октября 1917 г. партия большевиков, обеспокоенная размахом идеологической борьбы, поставила задачу всемерного развития марксистской философии. В результате был дан старт трудному пути эволюции философии советского периода. Восьмидесятилетний путь эволюции философских воззрений в России в послеоктябрьский период состоит, как нам представляется, из следующих этапов:

- 1917–1930 гг. — подъем знамени ленинизма;
- 1930–1956 гг. — сталинизм в философии;
- 1957–1975 гг. — расцвет марксистско-ленинской философии;
- 1976–1991 гг. — застой в развитии марксистско-ленинской философии;
- 1991–2000 гг. — увядание марксистско-ленинской философии.

Обращаясь к первому этапу, отметим, что задача развития марксистской философии оказалась намного более масштабной, чем казалось на первый взгляд. Ощущался острейший дефицит в кадрах философов-марксистов, это во-первых. Во-вторых, оставалась значительная неясность относительно действительного философского содержания марксизма.

Основное произведение марксизма — “Капитал” *К. Маркса*. Но это политико-экономическое произведение. Относительно его философского потенциала существовали значительные различия. Главное философское произведение *Ф. Энгельса* — “Анти-Дюринг”, написанное в полемическом задоре, изобилует не столько научными положениями, сколько популярными очерками. В сложившихся условиях основные надежды возлагались на авторитет *В.И. Ленина*, руководителя государства, который еще в 1909 г. издал книгу “Материализм и эмпириокритицизм”, а в 1922 г. опубликовал программную статью “О значении воинствующего материализма”. Лишь в 1929–1930 гг. были опубликованы “Философские тетради” *В.И. Ленина*, главным образом конспекты и выписки. Выступая от имени диалектического материализма, Ленин настаивал на: а) союзе с естествоиспытателями (считалось, что они в отличие от обществоведов являются стихийными материалистами), б) развитии диалектики, в) борьбе против религии как формы идеализма с позиций воинствующего материализма. В условиях нараставшего идеологического диктата абсолютное большинство философов стало оценивать творчество *К. Маркса* и *Ф. Энгельса* с позиций ленинских установок. Образно говоря, в России состоялся подъем философского знамени ленинизма.

Следует отметить, что, будучи политическим деятелем, *В.И. Ленин* весьма неплохо ориентировался в ряде философских вопросов. Но до гениев философии масштаба *Канта* ему было далеко. В период написания “Материализма и эмпириокритицизма” актуальная философия представлялась Ленину довольно простой вещью. Он полагал, что: материя первична, а сознание вторично; все существующее познаваемо; благодаря практике мир отображается теоретическим знанием; все философы, кроме *Маркса* и *Энгельса*, грубо заблуждались. Ленин был не в курсе многочисленных проблемных точек философии, о ряде великих философов он знал лишь понаслышке (в разговоре с *М. Горьким* он сокрушался, что сумел более или менее детально познакомиться с философией *Гегеля* лишь в зрелом возрасте). Слабость философии *В.И. Ленина* определялась также тем, что ему был

весьма мало известно о развитии наук. О естествознании он говорил в самых общих чертах. Из общественных наук он лучше других знал, пожалуй, политическую экономию К. Маркса, но как исследователь существенно уступал последнему. Ленин — по преимуществу политик, а отнюдь не профессиональный философ.

Исходя из установок Ленина, советские философы стремились реализовать союз диалектики и частных наук. Именно в этой связи разгорелись яростные дискуссии между так называемыми диалектиками (*А.М. Деборин, Я.Э. Стэн* и др.) и механистами (*А.А. Скворцов-Степанов, Л.И. Аксельрод* и др.). Первые обвиняли вторых в незнании диалектики. А механисты ругали диалектиков за схоластичность, непонимание содержания наук. Увы, обеим группам философов так и не удалось достигнуть сколько-нибудь явного успеха во внедрении диалектики в науку. На их беду, *И.В. Сталин* сделал ставку на молодых философов, новых партийцев (*М.Б. Митин, П.Ф. Юдин* и др.). В 1937 г. все члены группы *А.М. Деборина*, за исключением его самого, были репрессированы и уничтожены. Механисты пострадали от репрессий значительно меньше, чем диалектики.

Сталинизм в философии (1930–1956)

В 1930 г. официально-государственная философия вступила в сталинский этап. Вождь, однако, не поддерживал предложение по обнародованию этого факта. Он придумал зловещую игру. Сам Сталин всю расхваливал Ленина, остальным же предлагалось догадаться превозносить Сталина. Философы, не участвовавшие в этой игре, подвергались репрессиям, и так вплоть до смерти вождя.

В 1938 г. в “Краткий курс истории ВКП (б)” включается раздел “О диалектическом и историческом материализме”, написанный Сталиным. Этот очерк начинают превозносить как вершину марксистско-ленинской философии. Вся страна заучивает его наизусть. Под прессом сталинизма изнемогали как философы, так и ученые. Идеализм и метафизику искали и находили везде: в философских работах, математических теориях, специальной и общей теориях относительности, квантовой механике, генетике, теории химического резонанса.

Сталинизм имел в истории развития отечественной философии исключительно негативное значение. К середине 50-х годов

советская философия оказалась заключенной в полутюремные стены канонических положений сталинской философии (так называемых четырех основных черт диалектического метода и трех основных черт марксистского философского материализма). Талантливые философы либо писали “в стол”, либо вообще замолкали, либо стремились творить в пределах тех скудных возможностей, которые допускались сталинской цензурой. Политиканство и философское творчество несовместимы друг с другом.

Опровергнем достаточно широко распространенное, причем, к сожалению, даже среди ученых, мнение относительно роли советских философов в развитии науки. Утверждается порой, что именно философы олицетворяли собой сталинизм в науке. В качестве доказательства этого тезиса указывают на критику генетики от имени диалектического материализма (сессия ВАСХНИЛ 1948 г.) и характеристику кибернетики в одном из философских словарей как “лженауки”. Авторы этих “доказательств” плохо владеют историческим материалом. Врагами генетиков были не философы, а выходцы из биологических наук *Т.Д. Лысенко* и *И.И. Презент*. По числу репрессированных в сталинские годы ученых философы уступали лишь генетикам. Среди философов было много в высшей степени мужественных людей, кстати, поддерживавших и генетиков, и кибернетиков. Бациллы сталинизма проникли во все науки. Нет абсолютно никаких оснований противопоставлять философов другим ученым.

Расцвет марксистско-ленинской философии (1957–1975)

После XX съезда КПСС (1956), осудившего культ личности Сталина, ситуация вокруг философии стала существенно меняться к лучшему. В условиях изоляции от западной философии для наметившихся прогрессивных тенденций оставалась, по сути, одна дорога: назад от сталинизма к Ленину и Марксу (Энгельс всегда пребывал в тени Маркса). Партийные функционеры, как правило, выступали от имени ортодоксального ленинизма, но вопреки ему появлялось все больше таких философов, которые обращались непосредственно к “Капиталу” К. Маркса. Философское шестидесятничество начиналось как возрождение марксизма. Обструкциям со стороны ортодоксов подвергались *А.А. Зиновьев*, *Э.В. Ильенков*, *Г.П. Щедровицкий*, *М.К. Мамардашвили*, знаковые фигуры нарождавшейся новой философии.

Зиновьев по мере углубления в Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному придавал ему все более формально-логический характер. В итоге он стал выдающимся формальным логиком. Диалектика ему была не нужна. Именно формальные логики были теми людьми, которые первыми поставили под огонь критики диалектическую логику с ее учением о противоречии.

Ильенков в отличие от Зиновьева увлечен именно диалектикой. Вскоре он, гонимый официальными властями, становится наиболее ярким представителем диалектического материализма.

Щедровицкий преобразует философию в методологию. Для него философия — это системомыследеятельностная методология, пронизанная практическими импульсами.

Мамардашвили, увлеченный поиском глубинных пластов сознания, сдвигается в сторону картезианства, трансцендентализма, метафизики.

На примере исследований Зиновьева, Ильенкова, Щедровицкого, Мамардашвили отчетливо заметна известная тенденция: обстоятельный анализ оснований марксизма непременно приводит к его “размыванию”. Из четырех авторов в границах марксизма-ленинизма удержался только Ильенков (но и его официальные лица считали диссидентом от философии).

В указанный период было высказано много критики в адрес идеализма (*Т.И. Ойзерман, И.С. Нарский* и др.). Создавались разнообразные системы категорий диалектики (*Е.П. Ситковский, М.М. Розенталь, А.П. Шептулин* и др.). Развивалась теория отражения (*В.А. Лекторский, А.Г. Спиркин* и др.). Разрабатывались философские проблемы естествознания (*И.Т. Фролов, В.С. Готт, В.С. Степин, Э.М. Чудинов* и др.). Все менее предвзято интерпретировалось содержание западной философии (*П.П. Гайденок, Н.В. Мотрошилова, М.С. Козлова* и др.).

В 1960–1970 гг. издается пятитомная философская энциклопедия — результат творчества философских шестидесятников. Ее издание было, безусловно, прогрессивным явлением. Энциклопедия свидетельствовала о том, что оказалось достижимым для отечественных философов в рамках марксизма-ленинизма.

Застой в развитии марксистско-ленинской философии (1976–1991)

С середины 70-х годов развитие марксистско-ленинской философии существенно замедляется. Продолжают появляться ин-

тересные работы, но главным образом в философских вопросах естествознания, формальной логике и истории философии. Что же касается оснований марксизма-ленинизма, то в их интерпретации не наблюдаются сколько-нибудь существенные новации. Системы диалектических категорий созданы, но что с ними делать, не известно.

Явный застой наблюдается в области исторического материализма. Здесь стараются обосновать законы развитого социализма — якобы вполне реального явления. А между тем реальный социализм явно трещал по всем швам. Философы, выступающие от имени марксизма-ленинизма, уже не способны были создать столь масштабное произведение, как упомянутая в предыдущем разделе пятитомная энциклопедия.

Увядание марксистско-ленинской философии (1991–2000)

Крушение в 1991 г. социалистической системы привело к решающему надлому марксистско-ленинской философии и двух ее главных составляющих — диалектического и исторического материализма. Процесс освобождения от догматических установок марксистско-ленинской философии идет трудно, нельзя утверждать, что он близок к завершению. Но уже произошли решающие изменения. Ярчайшее свидетельство этого — издание в 2001 г. “Новой философской энциклопедии” в четырех томах (научно-редакционный совет: *В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов*). “Новая философская энциклопедия” разительнейшим образом отличается от “Философской энциклопедии”, марксистско-ленинской философии в ней просто-напросто нет, если она и упоминается, то в критическом плане.

Философия в постсоветской России

События 90-х годов открыли перед отечественными философами новые перспективы, они все более органично вливаются в мировую философскую культуру. Разумеется, этот процесс происходит не безболезненно. Отечественное философское сообщество вступило в третье тысячелетие недостаточно консолидированным. Это проявляется прежде всего в том, что возникло известное равновесие между всеми философскими направлениями, от феноменологии и аналитизма до религиозной философии

и марксизма. Поле отечественного философского дискурса находится в состоянии новой структурализации.

В России была и есть философия. Ее многовековой путь включает множество точек философского роста и неожиданных проблематизаций, лишь малая часть которых оказалась в рамках нашего обзора. Отечественная философия представляет собой школу гражданственности и человечности. В этой школе всегда открыты двери для всех россиян. Вопрос в том, кто из них проявит волю к философскому творчеству и в какой мере.

Глава 1.12 **ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ**

О философии Запада и Востока

Под восточной философией обычно понимают философию Индии, Китая и Японии. Непредвзятый анализ показывает, что хотя различия между восточной и западной философией существуют, они не являются чрезмерными. Многие знатоки философии считают, что нет как таковой западной или восточной философии. Нет единого «духа» западной или восточной философии, который определялся бы характером соответствующих народов. Говорят, что западная философия рациональна, научна, натуралистична, ориентирована на прогресс и активную преобразующую деятельность, а восточная философия религиозна, мистична, интуитивна, нацелена на эстетико-этическую просвещенность. Но детальное сопоставление философских воззрений Запада и Востока всякий раз показывает, что введенные различия имеют не регионально ограниченный, а универсальный характер. Так, мистик — это универсальная фигура. В средневековой философии и ее современных модернизациях мистики сколько угодно; иначе говоря, мистика характерна не только для индийских философских систем. В то же время, индийские и китайские философы много занимались изучением логических вопросов, отнюдь не всегда проигрывая в этом своим коллегам с Запада.

В философском отношении Запад интересен Востоку, а Восток Западу. Былой обособленности нет больше места. В своем единстве они призваны сформулировать планетарное философское мышление будущего.

Индийская философия

Для индуса характерен интерес как к человеку, так и к целостности мира. То и другое выливается в единство, которое лучше всего выражается формулой: «Атман есть Брахман».

Атман — это всепроникающее духовное начало, Я, душа. Брахман — безличный духовный абсолют, из которого происходит все остальное. Решающая мысль состоит в том, что Атман и Брахман совпадают. Атман — это самосознание Брахмана, они совпадают, всякой двойственности приходит конец. Многие индусы считают, что на Западе слишком резко противопоставляют Бога человеку и природе, в то время как весь мир одушевлен одним и тем же духом, одним и тем же Богом.

Совпадение Я-Атмана с безличным Брахманом открывает человеку путь к высшему блаженству. Для этого человеку следует преодолеть иллюзию эмпирического мира, земного, освободиться от него. Достижение человеком вечного Я есть *мокша*.

Представление об абсолютном бытии создается путем сведения всех вещей к единому целому. Эту задачу нельзя разрешить рациональным образом, ибо интеллект всегда пребывает в мире множества. Есть более могущественная сила в постижении абсолютного бытия, чем абстрактное мышление, — это интуиция, выступающая как погружение во всеобщее сознание и сопряжение со всем существующим. В результате человек совпадает с Богом, с абсолютным бытием.

Индийская мысль довольно мистична. С мистикой органично связана сосредоточенность индусов, которая также признается одним из необходимых достоинств человека. Индусы считают, что именно искусство мистики, духовных переживаний и медитаций (сосредоточенных размышлений) не раз позволяло им противостоять превратностям истории.

Медитация ведет к состоянию нирваны, к избавлению от земных желаний и привязанностей, боли, страданий и удовольствия. В этой связи очень показателен разработанный йогами специальный комплекс приемов и упражнений для достижения состояния нирваны.

Индийскую философию (см. приложение 1, табл. 8) часто обвиняли в пессимизме, догматизме, излишнем традиционализме, переходящем в консерватизм, чуждости идее прогресса, абсолютизации психического, равнодушии к этике. Эти обвинения не многого стоят в свете того, что на протяжении двух с половиной

тысячелетий индийская философия достойно выполняет свое назначение — направляет деятельность своих почитателей.

Индусы всегда относились к своим философам с почтением. Отнюдь не случайно одним из первых президентов независимой Индии стал философ *С. Радхакришнан*.

Китайская философия

Главный интерес китайской философии (см. приложение 1, табл. 9) — это отношения между обществом и человеком, правителем и его подчиненными. Не теория познания, не логика, не эстетика, а этика стоит на первом месте в размышлениях основных представителей китайской философии. Возраст китайской философии тот же, что у индийской — более 2,5 тысяч лет.

Китайские философы, равно как и их коллеги из других регионов, пристальное внимание уделяли единству мира. В этой связи вводилось представление *тянь* (небо) и *дао* (закон изменения вещей). В учении о *тянь* и *дао* существовало два подхода: в одном случае им придавалось надмировое значение (*Лао-цзы*), в другом — по преимуществу этическое (*Конфуций*). *Тянь* — безличная, сознательная, высшая сила. *Дао* — закон изменения вещей, вызываемого этой силой. В *тянь* и *дао* явственно слышны религиозные мотивы, тем не менее по сравнению с западной и индийской философией они приглушены.

Состояние всеобщего благоденствия требует подчинения *дао*, следования его универсальным правилам, подчинения ритмам природы. Человек должен избавиться от личных стремлений, почувствовать *дао*.

Соблюдать *дао* — это означает, по *Конфуцию*, быть не низменным человеком, пренебрегающим общими интересами во имя ложных, а совершенным мужем, для которого характерны пять добродетелей: *жэнь* — человечность, спокойно-уравновешенное уважение и любовь к другим: будь благопристойным, ненавязчивым; *чжи* — мудрость, интеллект; *и* — следование этике справедливости, долга, честности. Особенно это касается отношений в семье (отец — сын, муж — жена, старший брат — младший брат) и на службе (старший — младший; начальник — подчиненный); *ли* — послушание, деликатность, учтивость, уравновешенность; *сяо* — покорность воле родителей.

Конфуций видел осуществление своей программы в умело организованном процессе образования и воспитания молодых. Его

влияние на китайскую историю часто сравнивают с влиянием *Сократа* на Западе.

Закljučая наш краткий обзор философии Востока, отметим роль традиции в философии. Сколь бы причудливым образом не изменялись окрашенные в национальные тона философские системы, устоявшиеся философские традиции в той или иной форме дают о себе знать. Вот характерный пример. Конфуцианство как философское учение сложилось за пять веков до нашей эры. В XI–XII веках достигает расцвета неоконфуцианство. А в наши дни среди китайских философов много сторонников так называемого нового конфуцианства. Похоже, что философские традиции не умирают.

Заключение к курсу “История философии”

Представленная панорама истории философских идей всего лишь вводит в круг философии, дает первое представление о ней. За две с половиной тысячи лет своего осмысленного развития человечество приобрело довольно солидный философский опыт, который описывается и обобщается в многотомных произведениях. История философских идей показывает, что ход истории сопровождается изменением стилей, парадигм философствования. Для каждой из исторических эпох — античности, средневековья, Ренессанса, Нового времени, современности — характерны особые способы философствования, между которыми сохраняется преемственность. Даже в одну и ту же историческую эпоху существуют различные философские школы и направления, представители которых во многом не согласны друг с другом. Философы делают, по сути, одно и то же общее дело, но к успеху ведут различные пути, которые способно освоить лишь человечество в целом, даже гениям философии это не под силу. Аналитическая философия, герменевтика, феноменология, постмодернизм — вот лишь некоторые составляющие современных философских воззрений, сильные и слабые стороны которых рассматривались выше. Как мы видели, ни у одного из современных направлений философии нет оснований претендовать на абсолютную истину, красоту, добро. Вследствие этого благородным делом является стремление усвоить положительные стороны самых различных философских направлений и школ.

Можно констатировать, что история философии выступает как школа мысли и чувства, школа ума и сердца. Философия всегда

есть освоение ранее неизведанных вершин духовного творчества человека. Человек становится философом тогда, когда он, собрав воедино все самое лучшее в себе, объединив и синтезировав его, совершает духовный подвиг, достигает ранее недоступное ему, обретает новые ориентиры своей жизни, в том числе практической. Философия независимо от того, кто философствует, студент или профессор, всегда есть творчество, атака на неизведанное, достижение более глубокого понимания себя и других, мира в целом. Философствование есть подвиг объединившихся в благородном порыве ума и сердца, постижение новых целостных смыслов. Каково расстояние между философским подвигом и подвигом как геройским поступком? Мы предлагаем читателю выработать на этот счет собственные оценки. Во избежание всяких недоразумений отметим: философия не добивается приоритета над наукой, искусством, религией. Скромная в своих притязаниях философия, однако, имеет все основания утверждать, что в ее собственных границах, в достижении положительного единства ей нет альтернативы.

После определения в курсе истории философии основных философских проблем, которые в данных рамках рассматривались односторонне, в основном с позиций определенного типа философствования, открываются возможности для построения систематического курса философии, к чему мы и приступаем. В этой связи будут выделены те вопросы философии, которые актуальны в наши дни. Каждый из этих вопросов постараемся проанализировать уже более разносторонне, нежели это делалось в курсе истории философии. Рассматриваемые вопросы будут объединены в систему, и начнем мы с анализа того, с чего начинается философия — с проблемы бытия.

Часть 2

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КУРС ФИЛОСОФИИ

Глава 2.1

УЧЕНИЕ О БЫТИИ

Проблема существования

Многие сложнейшие философские вопросы так или иначе приводят к проблеме существования. Что существует? Что такое существование? Почему люди так часто пересматривают свое мнение относительно того, что именно действительно существует? Что из существующего зависит и что не зависит от человека? Найти удовлетворительные ответы на поставленные вопросы довольно непросто.

Лишь на первый взгляд вопрос о существовании кажется чрезвычайно простым: существует, мол, все то, что я вижу и слышу; я вижу Солнце, значит, оно есть, существует. Увы, философия не сводится к очевидностям, более того, она постоянно лишает их ореола самодостаточности. Солнце кажется нам по своим размерам небольшим, а оно огромное. Нам кажется, что оно обращается вокруг Земли, в действительности же Земля обращается вокруг него. Из физики известно, что на Солнце происходят ядерные реакции, но знаем мы об этом в первую очередь отнюдь не благодаря нашим глазам.

Почему вопрос о существовании выглядит проблематичным? Прежде всего потому, что наши знания относительно, изменчивы. Вместе с развитием знания изменяются наши представления о существующем. Человек не способен рассуждать о чем-либо иначе как на основе своих знаний, выработанных им концепций, теорий. Отсюда, разумеется, не следует вывод, что все существующее есть всего лишь производная от нашего знания. Правильное высказывание гласит: о существующем человек способен судить лишь благодаря своим познаниям, которые выступают как те или иные теории, способы интерпретации, более или менее удачные. Таким образом, всякая теория выступает как учение

о бытии, онтология (греч. *ontos* — сущее + *logos* — учение); любая онтология есть теория. Отсюда следует весьма значимый вывод: что именно существует и каким образом, выясняется на основе теорий.

Наивное желание судить о существующем вне теорий абсолютно несостоятельно, его никому не дано реализовать. Каждый человек независимо от того, идет ли речь о школьнике или профессоре, формулируя свои высказывания, некоторым образом интерпретирует природу тех явлений, о которых он рассуждает, следовательно, он использует теорию. Совсем не обязательно соотносить слово «теория» с рафинированным научным знанием, доступным только докторам наук. Первые философы, рассуждая весьма мудро, называли теорией всякий способ интерпретации. Разумеется, развитое научное знание обладает многими преимуществами по сравнению с любым другим знанием. Это обстоятельство учитывается в дальнейших рассуждениях. Высказываясь о существующем, всегда желательно использовать развитую научную теорию и тем самым избегать ловушек расхожих, грубых мнений.

Виды бытия

Из предыдущего следует, что свое исчерпывающее обоснование проблема существования получает в науках (в том числе в философии). Обратившись к ним, мы встречаемся с различными видами бытия, число которых в точности соответствует числу наук. В данном случае предполагается, что все виды бытия так или иначе попали в сферу внимания современных наук.

Согласно физике, существуют элементарные частицы, вакуум, атомы и молекулы. Согласно астрономии, существуют звезды, планеты, диффузная материя. Согласно биологии, существуют ДНК, РНК, белок, клетка, различные биоособи. Согласно общественным наукам, существуют экономические, политические и социальные отношения между людьми. Согласно психологии, существуют чувства, эмоции, мысли людей. Согласно информатике, существует информация. Согласно математике, существуют числа, геометрические фигуры, функции, кольца, поля. Согласно философии, существуют идеи (*Платон*), формы (*Аристотель*), Бог (*Христос*), априорные принципы (*Кант*), эксплуатация одних людей другими (*Маркс*), переживания и их сущности (*Гуссерль*), понимание (*Гадамер*), дискурсы (*Фуко*). Во всех случаях существование не есть отдельное свойство вещей, нечто по-

добное цвету, массе или запаху. *Существовать* — значит иметь определенность, выражаемую концептами (в том числе понятиями и ценностями) теории. Человек обладает знаниями о существовании лишь того, о чем толкует теория. Сведения, в чем-то противоречащие теории либо вообще не представленные в ней, считаются несостоятельными. Нечто признается существующим лишь в том случае, если сведения о нем удовлетворяют критериям науки, в том числе таким, как непротиворечивость положений теории и их подтверждаемость фактами. Рассмотрим в качестве иллюстрации к сказанному вопрос о существовании кентавров, мифологических образов полулюдей-полулошадей.

Согласно нашим знаниям, существуют чувства, эмоции, мысли, высказывания, мифы о кентаврах, но сами они как таковые не существуют, ибо в противном случае их давно уже представили бы взору любопытных. Подобно кентаврам не существуют лешие, домовые, сказочные герои и многие другие выдуманные существа.

Итак, разновидностей существования, видов бытия достаточно много. В этом смысле не будет преувеличением утверждать, что восторжествовали плюралистические (лат. *pluralis* — множественный) концепции бытия, мир не единообразен, а многообразен. Наряду с плюралистическими в ходу также монистические и дуалистические концепции бытия. Монизм (греч. *μονος* — один) признает один тип реальности, например материю, дух, Бога. Дуализм (лат. *dualis* — двойственный) толкует о двух реальностях, избирая в качестве таковых чаще всего материальное и идеальное. По сравнению с плюралистическими монистические и дуалистические концепции бытия представляются весьма обыденными, не лишенными наивного желания свести многообразие всего существующего к одному или двум определениям.

Многообразие и единство бытия

Обосновывая положение о многообразии бытия, мы руководствовались плюралистическим характером данных современной философии и науки. Далеко не всегда эти данные должным образом учитываются. В таких случаях, причем якобы от имени философии, строятся довольно простенькие схемки. В частности, это касается весьма распространенного убеждения, что мир состоит из материального и идеального. Чтобы понять суть обсуждаемого вопроса, рассмотрим историю его возникновения.

На заре философии *Платон* разработал концепцию идей. Совокупность идей назвали идеальным, а все остальное — материальным. В Новое время вопреки Платону идеальное приравнивали к содержанию сознания (мыслям и чувствам), в результате чего пришли к дуальной схеме материя — сознание. Впоследствии, как читатель знает из первой части книги, были разработаны различные направления философии, а также научные концепции, в которых вообще нет речи о материальном, идеальном и сознательном. Так, герменевтики рассуждают о бытии и его понимании в языке, аналитики рассматривают слова, их значения и употребление. Те и другие обходятся без представлений, например, об идеальном. Итак, главная мысль: проблемное содержание философии меняется от одного направления к другому. Вопрос о соотношении материального и идеального вновь и вновь инициируется платониками, гегельянцами, различного рода материалистами, но он мало интересует герменевтиков, аналитиков, постструктуралистов. Читателю, которому интересен вопрос о материальном и идеальном, следует обратиться к тем философским концепциям, где он считается актуальным. Разумеется, чрезвычайно полезно составить себе представление о том, насколько упомянутый вопрос актуален в наши дни.

На наш взгляд, представление об идеальном несет на себе груз устаревших философских представлений. Крупнейшие философы современности существеннейшим образом преобразовали концепцию идей, восходящих в первую очередь к именам *Платона*, *Гегеля* и *Маркса*. Современные философы толкуют о высказываниях, понятиях, ценностях. Они выражаются намного более строго, чем сторонники концепции идей и, следовательно, идеального.

Что касается материального, то его обычно понимают как противоположность идеального. Там, где ставится под сомнение понятие идеального, та же участь постигает и понятие материального. Часто под материальным понимается просто-напросто природа, точнее, совокупность физических, химических, геологических, биологических и других природных явлений. Пикантность ситуации состоит в том, что упомянутые природные явления не однородны, именно поэтому они изучаются различными науками. В силу этого неправомерно утверждать реальность материи. Существует физическая, химическая, биологическая, но не материальная реальность. Обращаем внимание читателя на то, что, делая определенные выводы, следует ориентироваться на данные науки и философии и не поддаваться искушению при-

слушиваться к расхожему мнению о так называемом упрощении этих данных. Именно последние не позволяют делить мир всего на две составляющие — материальную и идеальную.

Обратимся теперь непосредственно к вопросу о взаимосвязи, единстве видов бытия. На этот счет современная наука и философия предоставляют многочисленные свидетельства, относительно которых справедлив следующий вывод: виды бытия взаимосвязаны, образуют сложную иерархию, но не теряют присущего им своеобразия. Единство видов бытия не означает их однородность. Показательна в этом смысле природа человека, выступающего разом представителем многих видов реальностей, в том числе физической, биологической, социальной, которые определенным образом согласуются друг с другом.

Очень многое в становлении иерархии видов реальности стало ясным благодаря успехам бурно развивающейся науки синергетики (греч. *synergeia* — сотрудничество, совместное действие). В книгах по синергетике ее обычно определяют как теорию самоорганизации открытых систем, т.е. систем с источниками и стоками энергии, вещества и информации.

Главное содержание синергетики состоит в следующем. Открытые системы часто оказываются в точках неравновесия, где их поведение описывается вероятностным образом, нелинейными уравнениями, куда переменные входят в степени, не равной единице. Из точки неравновесия система попадает на одну из возможных историй своей эволюции. Тут-то и происходит самоорганизация, возникают устойчивые структуры, появляется ранее отсутствовавший порядок, к которому тяготеет система. Такие структуры называются аттракторами (лат. *attrahere* — притягивать, привлекать).

Согласно синергетике, все виды реальностей содержат в себе возможность появления нового типа бытия. Способность к самоорганизации — органичайшая черта всего существующего. Вновь возникшие виды бытия сохраняют преемственную связь со своими предшественниками. Хорошо известно, что социальная реальность не может существовать иначе как на базе биологического. Биологическое, в свою очередь, базируется на физическом.

В рамках данной книги нет возможности детально рассмотреть вопрос о характере взаимосвязей различных видов реальностей. Эти взаимосвязи изучаются в междисциплинарных исследованиях, например физико-химической, биофизической, психогенетической направленности.

Пространство и время

Каждый вид реальности состоит из определенных вещей, обладающих теми или иными свойствами и находящихся друг с другом в некоторых отношениях. Вещь — относительно самостоятельный фрагмент реальности. Физические вещи — это, например, элементарные частицы. Биологические вещи — особи, для которых характерно дыхание, питание, размножение, адаптация к среде. Социальные вещи — люди с их понятиями, ценностями, языком, в соответствии с которыми они преобразуют себя и природу. При характеристике реальностей важное значение придается их пространственным и временным характеристикам.

Совокупность пространственных характеристик вещей типа длин, площадей, объемов, угловых размеров, отношений «слева», «справа» называется пространством. *Пространство* есть выражение сосуществования вещей (явлений, процессов). Совокупность временных характеристик вещей типа длительностей, отношений «раньше», «позже», «одновременно» называется временем. *Время* выражает сменяемость вещей (явлений, процессов). Наиболее привычной единицей измерения пространственных характеристик является *метр*. Время обычно измеряется в *секундах*.

Если бы существовал только один вид реальности, то и присущие ему пространство и время наличествовали бы в единственном числе. Но выше мы пришли к выводу, что существует много видов реальности. В этой связи логично ставить вопрос о различных видах пространства и времени. Обсудим этот сложный философский вопрос.

Часто о пространстве и времени рассуждают безотносительно к научным данным, вне теории. В таком случае, как правило, приходят к выводам, которые их авторам кажутся очевидными, а в действительности являются ошибочными. Так, утверждается, что пространство и время представляют собой самостоятельные, ни от чего не зависящие сущности, субстанции. Пространство — это, мол, пустота, а время — безостановочный космический режим, реальность которого не зависит от вещей. Рассматриваемые представления наивны и ошибочны, они не находят подтверждения в науках. Так, учеными было выяснено, что пустота как объект физического исследования не существует. Нет такого насоса, который мог бы обеспечить существование пусто-

ты, нет ее и в космосе. То, что древние называли пустотой, в действительности является особой физической средой, вакуумом, которому присущи различные характеристики, в том числе и пространственные. Безмолвствует наука также относительно времени как независимого от всех явлений космического феномена. Таким образом, сведения о пространстве и времени следует черпать из наук, осмысливая и при необходимости корректируя их данные. Тот, кто отказывается от наук, обрекает себя на вненаучные измышления со всеми вытекающими отсюда последствиями. Итак, какие наиболее важные сведения о пространстве и времени выработаны в науке, в том числе и в философии?

Интересные сведения о пространстве и времени накопили физические науки. Уже в ньютоновской механике были выявлены трехмерность, однородность и изотропность макрофизического пространства и одномерность, однородность и необратимость макрофизического времени. Трехмерность пространства означает, что для описания пространственных характеристик вещей достаточно использовать всего три переменные (x , y , z). Для описания одномерности времени достаточно одной переменной (t). Однородность пространства означает, что характер физических явлений не зависит от места их наличествования. Однородность времени фиксирует одинаковость физических явлений, их независимость от того, когда они произошли. Изотропность пространства означает, что определенность физических явлений не зависит от того, в каком направлении они происходят. Необратимость времени означает, что длительность явлений нарастает. Речь идет о так называемой стреле времени, время, как часто говорят, не может повернуть вспять.

Благодаря *специальной* теории относительности были обнаружены релятивистские пространственные эффекты типа сокращения длин. *Общая* теория относительности позволила выявить особые свойства пространства в гравитационных явлениях, где, как выражаются, пространство искривлено. Квантовая механика показала особо тесную связь пространственных и импульсных характеристик физических объектов (обычно пространственным характеристикам присуща некоторая степень неопределенности). Новейшая физика элементарных частиц дает веские основания считать пространство в микромире не трехмерным, а, например, девятимерным.

Много интересного выявила физика относительно времени. Не существует абсолютная одновременность. События, которые в одной системе отсчета одновременны, в другой могут быть не-

одновременными. Если скорость перемещения объектов увеличивается, то время для них замедляется. С этим связан парадокс близнецов, из которых тот моложе, который в отличие от своего брата участвовал в космическом путешествии на быстрых ракетах. Согласно общей теории относительности, время замедляется при увеличении гравитационных потенциалов. Согласно квантовой механике, время органично связано с энергией.

Приведенные данные показывают, что физические пространство и время — проявления физических взаимодействий. Меняется характер взаимодействий, меняются и свойства пространства и времени. Таково основное содержание так называемой реляционной концепции пространства и времени.

В последние годы была выдвинута привлекательная идея: нефизическим явлениям присущи особые пространства и времена. Состоятельна ли идея о существовании особых нефизических — например, биологического и социального — пространства и времени?

Прежде всего отметим, что в каком бы виде ни существовало биологическое и социальное, оно всегда обладает соответствующей физической основой. Физическая основа, в том числе ее пространственные и временные характеристики, свидетельствует о биологическом и социальном. Физическое не является биологическим и социальным, но вместе с тем оно выступает основой двух последних и свидетельствует о них. Физическое пространство и время определенным образом взаимосвязаны с биологическими и социальными, равно как и с любыми другими, нефизическими, явлениями. В этой связи можно говорить о семиотическом, знаковом (семиотика — наука о знаках), например биологическом и социальном, бытии физического пространства и времени.

С семиотическим бытием физического пространства мы встречаемся на каждом шагу, особенно выразительны в этом отношении произведения скульптуры и живописи, архитектурные сооружения. Пространственная архитектура церкви Покрова на Нерли способна вызвать многочисленные положительные эмоции у православного. Но в данном случае пространственные характеристики имеют семиотическое (символическое) значение, они присущи сооружению, а не мыслям и чувствам верующих. Физическое время также обладает семиотическим бытием. Люди не случайно стремятся к экономии физического (календарного) времени, они осознают его как важнейшее условие своего биологического и социального бытия.

Итак, до сих пор нам не удалось обнаружить какие-либо особые нефизические формы пространства и времени. Но зато в поле нашего зрения попал новый феномен — семиотическое бытие физического пространства и времени. Разумеется, сохраняется возможность дальнейшего поиска. Может быть, существуют нефизические формы пространства и времени как таковые? Этот вопрос считается остродискуссионным. Приведенное ниже мнение автора не должно считаться беспорным.

На наш взгляд, доводы в пользу существования особых нефизических пространств довольно неубедительны. Таковые пока не обнаружены. В случае с биологическим и социальным временем ситуация выглядит несколько по-иному. Время выражает изменчивость явлений. Так как биологические и социальные явления изменчивы, то вполне логично ожидать, что они временны, т.е. обладают адекватными их сути временными характеристиками. Этими временными характеристиками не могут быть физические параметры. На самом деле, за 45 минут учебных занятий можно добиться и малого, и большого эффекта. Но это значит, что 45 минут, а это физическая характеристика, не является адекватной характеристикой существа учебных занятий. Возьмем другой пример. Люди одного календарного возраста обычно находятся в различных биологических состояниях. И здесь физическое время не является адекватной характеристикой теперь уже биологических процессов.

В поиске характеристики, адекватной природе биологических явлений, биологи выдвинули концепцию биологического возраста. Для организма человека этот возраст задается вероятностью смерти. Чем она больше, тем выше биологический возраст. В случае развития зародыша его биологический возраст задается числом клеточных делений. Биологическое время есть адекватная природе биологических процессов количественная характеристика. Биологический возраст указывает степень удаления организма от момента рождения.

В области социальных явлений также целесообразно вводить особые параметры социального времени. В общественных науках о социальном возрасте говорят редко, но он есть. Время существования социальных организмов количественно можно задать не иначе как посредством параметра социального возраста. Что касается хода общественного развития, то его ускорение означает, что единице календарного времени соответствуют, по мере развития общества, все большие промежутки социального времени.

Итак, весьма сложный пространственно-временной аспект видов реальности нуждается в дальнейшем изучении. В этом деле очень важен союз философии и нефилософских наук, их взаимобогащение.

Диалектика, диалог, диспут, дискурс

Когда размышляют о различных видах реальности, часто подчеркивают их диалектическое содержание. Что такое диалектика? Поиск ответа на поставленный вопрос приблизит нас к пониманию так называемой *диалектики бытия*.

Термин греческого происхождения *dialektiké* был введен в философию элеатом *Зеноном* и *Сократом*, он означал искусство выяснения истины в столкновении противоположных мнений. Речь идет о том, что там, где имеется много слов и смыслов, противоречащих друг другу, необходимо прийти к одному смыслу, истинному, который уже ничему не противоречит. Если диалог есть разговор между двумя или несколькими людьми, а диспут — публичный спор, то диалектика в отличие от диалога и диспута предполагает непременно философскую утонченность, использование определенных методов. Но если диалектика оперирует противоречивыми (противоположными) мнениями, то означает ли сие, что и бытие во всех его видах противоречиво?

По этому поводу существуют два широко распространенных мнения. Согласно первому из них, диалектический спор (размышление) для того и ведется, чтобы преодолеть противоречивость суждений. Второе мнение состоит в том, что после несуразиц и достижения истины выясняется, что противоречивость — органичная черта всех видов бытия. Так считал, например, *Гегель*, согласно которому идеи противоречивы, они выступают по отношению друг к другу в качестве противоположностей. Мир — это тотальность идей и, следовательно, все существующее противоречиво. Диалектический материалист *Энгельс* уточнял позицию Гегеля следующим образом: субъективная диалектика относится к миру идей (понятий), а объективная диалектика имеет дело с материальными явлениями.

Что касается современной философии, то в ней термин «диалектика» все более и более вытесняется термином «дискурс». Под дискурсом понимается процесс получения нового знания на основе философски и научно состоятельных суждений, представленных в языковой форме. Имеется в виду, что, как прави-

ло, дискурс осуществляется в форме языковых игр, в которых вырабатываются знания о различных видах реальности. Каково это знание? Подтверждает ли оно вывод диалектиков о противоречивости бытия? Об этом ниже.

Изменение и развитие. Закономерности

Чтобы судить о характеристиках видов реальности, придется обратиться к тем данным, которыми оперируют современные философские и нефилософские концепции (теории). Все наши выводы должны быть четко согласованы с этими данными.

При рассмотрении самых разнообразных теорий во всех них обнаруживается целый ряд общих черт. Всякая теория, во-первых, имеет дело с многими явлениями, которые, это во-вторых, представляют собой одно и то же. Единичные явления тождественны друг другу. Эта тождественность представлена в естествознании в *понятиях*, а в гуманитаристике в *ценностях*. Все электроны тождественны друг другу; в этой связи используется понятие «электрон». Все справедливые поступки тождественны друг другу, т.е. представляют собой одно и то же; в этой связи используется ценность «справедливость». На первый взгляд единичные явления кажутся несоизмеримыми друг с другом, но, как мы видели, в научном знании удается вскрыть их тождественность, или, как часто выражаются, однокачественность. Любая теория имеет дело не только с понятиями (или ценностями), но и с их взаимосвязью. Связь понятий или ценностей называется *закономерностью*, или просто *законом*. Не все законы равнозначны друг другу, главные из них называются *принципами*.

Любой закон можно записать посредством символов

$$f(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0,$$

где x_1, x_2, \dots, x_n — обозначения понятий или ценностей в форме переменных, которые пробегают ряд значений, характерных для единичных явлений. Переменные появляются в символической записи законов науки не случайно, а в силу изменчивости тех явлений, с которыми имеет дело данная наука. Изменение, его также называют движением, — органическая черта всех явлений.

Если изменение не выходит за пределы данного качества, то оно называется *эволюцией*, в противном случае оно выступа-

ет как *развитие*, изменение качества. В наши дни известно много таких наук, которые изучают не только изменение, но и развитие явлений. Так, в физике элементарных частиц изучают их взаимопревращения; химия описывает взаимопревращения веществ, происходящих в результате химических реакций; эмбриология рассматривает качественные метаморфозы, происходящие с зародышами организмов; общественные науки объясняют процессы перерождения, например феодального общества в капиталистическое. Следует, однако, отметить, что всегда находятся такие качественные преобразования, которые выводят за пределы данной науки. В силу этого факта людям приходится иметь дело с многообразием наук, а не с одной наукой, которая описывала бы все возможные качественные превращения.

Так как с явлениями происходят самые различные преобразования, то вполне резонно ставится вопрос об их истоках, или, как часто выражаются, причинах. Согласно принципу *детерминизма*, все явления причинно обусловлены. Отрицание же этого принципа называют *индетерминизмом*. Индетерминизм отказывается от идеала научного описания и видит во всех метаморфозах слепую игру случая. В этой связи указывается, например, на случайное поведение частиц или свободу воли человека.

Достижения науки свидетельствуют в пользу детерминизма. Элементарные частицы видоизменяются из-за своих взаимодействий, присущих им свойств типа электрического заряда. Животные приспосабливаются к среде благодаря рефлексам и инстинктам. Люди предпринимают самые различные действия вследствие своих мотиваций, интересов, ценностей. Современная наука не признает беспричинных явлений. Не противоречит этому выводу и наличие так называемых случайных явлений. Случайные явления происходят не беспричинно, а в силу особой вероятностной детерминации. Свобода воли человека состоит в том, что он поступает так, как ему за-благо-рассудится, т.е., предпринимая определенные действия, он в любом случае желает достичь блага. Человек поступает по-разному потому, что он руководствуется не одной, а многими ценностями.

Довольно часто полагают, что современные науки не в состоянии ответить на злободневный вопрос: что было до Большого взрыва, обусловившего известную историю нашей Вселенной? Такое мнение является заблуждением. Понятие «ранее» (до чего-то) имеет смысл не иначе как в рамках определенной теории. Приведенный выше вопрос игнорирует это обстоятельство, а потому

он лишен смысла, и это вопреки тому, что, на первый взгляд, он представляется вполне осмысленным.

В понимании определенности различных видов реальности важное значение имеет учет специфики так называемых динамических и статистических закономерностей. Для динамических закономерностей характерны однозначные, а для статистических — многозначные, вероятностные связи. В философии науки часто противопоставляют друг другу два воззрения. Согласно первому из них, самые сложные многозначные связи обуславливаются однозначными, строго необходимыми отношениями (такое воззрение господствовало вплоть до XX века). Согласно второму воззрению, явления многообразны, а потому для них характерны вероятностные связи, которые в принципе несводимы к динамическим отношениям. Что же касается динамических закономерностей, то они являются предельным случаем статистических связей, их особого сочетания. Научные данные свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Как видим, в очередной раз наука обеспечивает рост наших знаний о видах реальности: для последних характерны не однозначные, а многозначные связи.

Рассмотрим три закона так называемой объективной диалектики. С ними знакомы многие наши соотечественники, изучавшие некогда или являющиеся сторонниками диалектического материализма *Маркса, Энгельса, Ленина*. Речь идет о законе единства и борьбы противоположностей, законе перехода количественных изменений в качественные и законе отрицания отрицания.

Согласно закону единства и борьбы противоположностей, во всех видах реальности друг другу противостоят противоположности, которые находятся в противоречивых отношениях. На наш взгляд, рассматриваемый закон является весьма неуклюжей попыткой свести многообразие отношений, которые описываются той или иной наукой, к одному универсальному закону. Рассмотрим, например, данные физики. Физика имеет дело с большим многообразием частиц. Это частицы разные, но их невозможно втиснуть в узкое ложе постулируемых противоположностей. Часто утверждается, что частицы с отрицательным электрзарядом являются противоположностями по отношению к частицам с положительным зарядом. Допустим, но как в таком случае быть с частицами нейтрального электрзаряда? Не ясно. Не удалось физикам обнаружить и какие-либо противоречия. Частицы взаимодействуют между собой, только и всего. Нет никаких оснований для того, чтобы классифицировать взаимодействие частиц как диалектические противоречия.

Рассмотрим закон количественно-качественных преобразований, согласно которому количественные изменения неминуемо приведут к качественным преобразованиям. На наш взгляд, этот закон весьма удачно отображает большой массив научных данных. Действительно, любое явление сохраняет свою качественную определенность не при всяких количественных параметрах. Пример: нагретая до определенной температуры жидкость испаряется (превращается в газ).

Согласно закону отрицания отрицания, изменения происходят в два этапа: сначала исходное явление превращается в свою противоположность (так, посеянное зернышко «вытягивается» в стебель), затем происходит возврат к исходному явлению, но на более высоком уровне (на стебле появляется не одно, а несколько зерен). Рассматриваемый закон, видимо, характерен для процессов с циклическим характером развития. Однако развитие не всегда идет по циклу (вряд ли современное общество вернется, в том числе и на так называемой более высокой основе, к первобытному обществу). А если развитие имеет циклический характер, то его разумно описывать в точных терминах соответствующих наук, которые прекрасно обходятся без таких довольно непроясненных понятий, как «превращение в свою противоположность» и «отрицание отрицания».

Наш анализ трех законов объективной диалектики показывает, что тому, кто выступает от имени философии, следует быть очень осторожным в обобщении научных данных. Всякое их игнорирование, сколько бы их автор не восхвалял философию, вредит последней. В союзе философии с другими науками нет первичного и вторичного, здесь торжествует сотрудничество, разумеется, высокоинтеллектуальное.

Выводы

✓ Мир не единообразен, а многообразен. Каждая наука имеет дело с определенным видом бытия. Следовательно, число видов бытия в точности равно числу наук.

✓ Виды бытия образуют сложную иерархию.

✓ Пространство есть выражение сосуществования вещей.

✓ Время есть выражение сменяемости явлений.

✓ Свойства пространства и времени зависят от специфики тех явлений, которым они присущи.

✓ Диалектика — искусство выяснения истины в условиях столкновения противоположных мнений.

✓ Дискурс — процесс получения нового знания на основе философских и научно состоятельных суждений, представленных в языковой форме.

✓ Интерпретируемые на основе теории единичные явления изменчивы, но также и тождественны друг другу, что находит свое выражение в концептах понятий (в естествознании) и ценностей (в гуманитаристике).

✓ Связь понятий или ценностей образует закон.

✓ Развитие — это преобразование качества.

✓ Современная философия и науки свидетельствуют в пользу не индетерминизма, а детерминизма, согласно которому любое явление причинно обусловлено.

✓ Согласно современным воззрениям, все закономерности имеют статистический, многозначный характер. Динамические (однозначные) закономерности являются предельным случаем статистических закономерностей.

После общей характеристики бытия разумно приступить к конкретному анализу тех проблем, которые возникают в связи с обсуждением специфики видов бытия. Дальнейшее изложение начинаем с того, что интересует нас более всего, — с проблемы человека.

Глава 2.2

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Философия о природе человека

Под философией человека, или философской антропологией, понимают учение о природе человека. Что такое человек?

Философы античности длительное время рассматривали человека как образ Космоса, как “малый мир”, микрокосм. Человеческое и природное, знания о которых были весьма фрагментарны, то и дело отождествлялись. Но вот уже платонизм делает существенный шаг вперед в понимании человека. Платонизм понимает человека как комбинацию души и тела. Душа принад-

лежит к бестелесному, к миру идей. Человек выступает носителем внеличного духа. *Аристотель* настаивает на единстве души и тела. Душа принадлежит телу. Итак, природа человека двойственна, она состоит из двух различных частей — души и тела.

В средневековой философии главное размежевание происходит не столько между телом и душой человека, сколько между “плотским” и “духовным” человеком. Природа человека понимается как *трехчастная*: тело—душа—дух. Духовность человека состоит в его совести, со-вести с Богом, реализующейся в высоких чувствах Веры, Надежды и Любви.

В Новое время *Декарт* рассматривает мышление как единственное достоверное свидетельство человеческого существования. Специфика человека усматривается в разуме, в мышлении. Разум важнее сердца, он господствует над страстями. Человек — это разумное существо. Тело и душа не имеют ничего общего. Тело простирается, душа мыслит. Ясное содержание души — это сознание.

Для *Канта* человек тройственен, он реализует единство трех способностей души, познавательной, чувственной и функции желания. Главные особенности человека определяются трансцендентальными принципами, способностью к эстетическим суждениям и этикой долга.

Маркс считает определяющим в понимании человека трудовую деятельность. Общественное бытие определяет сознание человека. Общество детерминирует свойства личности.

Последнее изобретение философии Новейшего времени — это сверхчеловек *Ницше*. Теперь разум понимается как заблуждение, болезнь, омертвляющая человека. Во главу угла ставится лидерство, страсть, буйство фантазии и импровизации, протест против послушания и всякой хилости.

Философия XX в. продолжает поиск подлинности человека. Феноменолог *Гуссерль* провозглашает природой человека феноменологический опыт его сознания. Этот опыт избавляет от забвения жизненного мира человека и позволяет преодолевать различные рода кризисы, в том числе и связанные с неосторожным развитием науки и техники.

Экзистенциалисты обеспокоены подлинностью индивидуального человеческого существования. Их девиз: живи свободно, но ответственно.

Герменевтики бытия считают, что истинность человека реализуется в его существовании в мире, понимании мира, преодолении потаенности вещей, построении перспектив, в которых на-

ходит воплощение собственное человека. Человек реализует себя в герменевтическом деле, опыте и языке.

Философы-аналитики видят в человеке существо, активно реализующее свои прагматические способности, в этой связи проводится тщательный анализ речевых актов.

Согласно постмодернистам, человек — существо, бунтующее в поисках возвышенного и избавления от удушающих объятий однообразного, одномерного, скучного, коллективного, тоталитарного. Все, что закрепощает, достойно безотлагательного деконструирования, вовлечения в агонистику языковых игр.

Подведем итоги рассмотрения проблем человека в различных философских направлениях, для чего необходимо философски обобщить собранные довольно разноречивые сведения о человеке.

1. Человек и уникален, и универсален. Человек — венец природы, которому нет равных, он обладает уникальными способностями. Но он и универсален, ничто ему не чуждо — ни космос, ни грубые инстинкты, ни утонченная, возвышенная деятельность.

2. Человек — это соотношение внутреннего и внешнего, или, иначе говоря, интерналистского и экстерналистского. Духовный мир человека — это его внутренняя доминанта, но она символизируется в различных формах его деятельности, в игре, труде, художественном творчестве. В итоге он оказывается существом социальным, общественным.

3. Человек есть единство, но он еще и состоит из частей. Человек биологический, действующий, разумный, чувственный, рациональный, этический — все это объединено в каждой конкретной личности.

4. Человек — существо историческое, и в качестве такового он стремится органично внедриться в будущее. Человек обеспокоен своим будущим, ибо его везде ожидают кризисы, он и есть существо кризисное.

5. Человеку не избежать бремени ответственности перед самим собой. Понимая это, он видит выход из ситуации в синтезе гуманистических позиций и идеалов, равно как и в их обновлении.

Человек столь многообразен, что постижение его природы не может быть сиюминутным. Здесь больше подходит метод длительной осады крепости, имя которой человек. Начинаем “осаду” с рассмотрения природы психических функций человека.

Четыре сферы бытия человека

Своеобразие человека достаточно отчетливо проявляется по крайней мере в четырех областях: природной, психической (или ментальной), языковой и предметно-деятельностной. Разумеется, все эти четыре сферы бытия человека определенным образом взаимосвязаны и образуют некоторое единство, мир человека.

В качестве *природного существа* человек подчиняется законам физики, химии, биологии.

Как *ментальное существо* человек обладает ощущениями (эмоциями, аффектами, восприятиями, представлениями), а также различного рода рациональными концептами (логико-математическими конструктами, понятиями естествознания, ценностями гуманитаристики). Чувственный и рациональный уровни психики (ментальности) человека тесно взаимосвязаны.

Как *существо, владеющее языком*, человек реализует себя в речи и письме, в различного рода языковых играх (диспутах, дискуссиях, дискурсах). Осмысленные речь и письмо состоят из высказываний. При этом различают высказывания сингулярные (о единичном) и универсальные (об общем).

В качестве *предметно-деятельностного существа* человек выступает субъектом действий с предметами, т.е. особого рода поступков, не чисто словесных. Речь идет об опредмечивании ментальных и языковых устремлений человека.

Крайне важно понимать, что каждая из четырех сфер бытия расщеплена надвое, состоит из двух частей, из которых одна выступает представителем единичного, а другая — общего. Наибольшие трудности обычно связаны с познанием общего.

Относительная самостоятельность сфер бытия и вместе с тем их взаимосвязанность приводят, как правило, к доминированию одной из них. Впрочем, ошибаются те, кто представляет субординацию сфер бытия человека линейно: внешний мир → психика → язык → предметная деятельность. В зависимости от конкретной ситуации может доминировать любая из сфер бытия человека. В философии Нового времени само собой разумеющимся считалось, что преваляющие установки вырабатываются человеком в его психике, а затем фиксируются в языке и осуществляются в действии. В XX в. философы стали придерживаться другого мнения. Очень многое, что определяет поведение человека, зарождается первоначально в его языковой, а порой и предметной деятельности.

Итак, в дальнейшем предстоит обсудить в первую очередь содержание сфер бытия человека. Самое кратчайшее определение человека гласит: *человек — это существо, которое, оперируя понятиями и ценностями, вырабатывает на их основе жизненные установки и осуществляет их.*

Природа психических функций человека, способность познавать мир

Отличие человека от природы изначально определяется его психикой. Животные тоже обладают психикой, но лишь ее низшими формами. Какова же природа психического? Она весьма своеобразна. Психическое не существует в виде отдельного предмета, чего-то такого, что можно сфотографировать, взвесить, подвергнуть рентгеновскому анализу. Психическое нематериально. Вместе с тем психическое не существует без своего материального носителя, головного мозга. Нейропсихология соотносит психические функции с конкретными мозговыми структурами как целостного, так и локального порядка. Известно, например, что левое полушарие головного мозга оперирует словами, знаками, правое полушарие оперирует образами и продуцирует сновидения. К этому нужно добавить, что нет прямого соответствия между нейрофизиологическими и психологическими процессами. Самые опытные специалисты не в состоянии восстановить — даже имея разносторонние сведения о физиологических процессах головного мозга — ход мышления человека, посещающие его фантазии и воображения. Нематериальная природа психического, его связь, да еще к тому же неоднозначная, с мозгом как своим носителем характеризуют своеобразие психического. Для выражения природы психического из числа метафилософских категорий лучше всего подходит категория знака, символа. Психическое — это косвенно-символическое, знаковое отображение человеком воспринимаемого им мира, опирающееся на психофизиологические процессы и структуры нервной системы. Психика человека выступает как множество процессов и состояний, которые символически представляют внешний мир.

Символическая природа психического часто кажется непривычной и вследствие этого малопонятной. Чтобы дать о ней некоторое дополнительное представление, приведем пример. Вы видите “Сикстинскую мадонну”, она выступает для вас символом творчества *Рафаэля*. Если даже краски на полотне имеют сим-

волическое бытие, то тем более можно ожидать богатого символического содержания от мозга, состоящего из множества клеток и других образований, которые “специализируются” на выработке символов. Но вот к нашей картине пристально присматривается таможенник, он озабочен, картина неподлинна, она выступает у него символом преступной деятельности каких-то людей. Те же самые краски на том же самом рисунке могут быть символами различных явлений. Нечто аналогичное имеет место с нейрофизиологическими процессами. При сходных нейрофизиологических процессах нигериец увидит пустыню, русский — березку в поле, а индеец — водопад. Все это и означает, что нет однозначности соответствия между символическим бытием мозга и его материальным содержанием.

Так как специфика человека изначально определяется его психикой, а она имеет символическую природу, то и специфически человеческое имеет символическое содержание. Человек — это символическое существо. Именно в качестве символического существа человек действует, мыслит, чувствует. Разумеется, психика человека во многом определяется социальными обстоятельствами.

В своей относительной самостоятельности человек выступает субъектом, которому противостоит объект. Естественно, возникает вопрос о познании человеком окружающего мира. “Что я могу знать?” — задает свой знаменитый вопрос *Кант*.

Противостояние субъекта и объекта доводит вопрос о самой возможности познания до парадокса. Человек отличен от субъекта, он не может стать объектом — как же он познает объект? В связи с *парадоксом познания* были разработаны различные концепции. Согласно *эмпирической теории познания* (Бэкон, Локк, Гоббс), все человеческое знание проистекает из опыта. Внешний опыт обуславливает ощущения, а внутренний опыт — в результате осуществления человеком посредством соединения, сопоставления, абстрагирования простых идей, рефлексии — образует более сложные идеальные конструкты. Декартовские врожденные идеи не существуют. Душа человека — чистая доска. Все познание вырастает из ощущений. Это *сенсуализм*.

Согласно *рационалистической теории познания* (Декарт, Лейбниц, Кант), субъект накладывает на поступающую от органов чувств информацию априорные идеи и схемы (Кант) познания.

Обе концепции основаны на первоначальном жестком противопоставлении объекта субъекту и последующем желании это про-

тивопоставление преодолеть. Но не лучше ли в таком случае вообще не противопоставлять, по крайней мере так резко, как это делалось в Новое время, субъект объекту? Это обстоятельство было глубоко продумано феноменологами, а вслед за ними экзистенциалистами и аналитиками. Гуссерль считал, что все акты сознания по своему изначальному смыслу направлены на мир предметов. Экзистенциализм рассматривает человека как “бытие-в-мире”. Аналитики рассматривают человека в семиотическом плане, как творца знаковых конструкций (языка в первую очередь), которые выражают изначальное единство человека и всего того, что его окружает. Вопрос о проблематичности познания существенно смягчается, ибо человек в философских размышлениях сближается со своим окружением, он находится с ним в органической взаимосвязи. В этой взаимосвязи проявляется особая способность человека сформировать на базе системно-организованных нейрофизиологических процессов символические образы всего того, что ему доступно. Человек обладает уникальными познавательными возможностями.

Чувственное познание

Чувственное познание осуществляется в трех формах: ощущениях, восприятиях, представлениях. *Ощущение* — это наиболее элементарная форма чувственного познания. *Восприятие* есть целостный и вместе с тем структурированный символ (образ), состоящий из нескольких ощущений. *Представление* — образ ранее воспринятого или созданного воображением явления.

Физиологически ощущение и восприятие детерминируются энергией, которая в результате воздействия внешних предметов на органы чувств передается от последних в мозг. По утверждениям специалистов, информационная пропускная способность органов чувств человека распределена так: зрение, осязание, слух, вкус, обоняние. Видов ощущений больше, чем органов чувств, ибо некоторые ощущения возникают в результате взаимодействия различных органов чувств. Существуют многообразные виды ощущений: зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, обонятельные, вибрационные, температурные, болевые, равновесные, органические (ощущения процессов, происходящих в теле человека).

Восприятие предполагает синтетическую деятельность мозга. Динамика процесса восприятия описывается так называемым за-

коном перцепции: сначала выделяется лишь первоначальное представление об объекте, которое затем сменяется детальным восприятием. Было выяснено, что некоторые компоненты восприятия сохраняются неизменными. В результате этого восприятие обладает константностью. Если сходные восприятия встречаются индивиду вновь, то они познаются относительно быстрее. Для процессов обучения в отдельных случаях требуются месяцы и годы (например, при формировании навыков чтения или игры на музыкальных инструментах).

В последующем на опознание ставших привычными восприятий могут понадобиться лишь доли секунды.

Представления возникают на основе припоминания или же воображения, часто они относятся к прошлому и будущему. Обычно представления отличаются от восприятия значительно меньшей степенью ясности и отчетливости.

Выше воспроизведено традиционное воззрение, что чувственное познание осуществляется исключительно в трех формах: ощущениях, восприятиях и представлениях. Это мнение нуждается в корректировке. К миру чувств относятся также эмоции (переживания, обычно связанные с волнениями), аффекты (особо сильные эмоции) и страсти (эмоции, как правило, сопряженные со страданиями). Почему традиция соотносит с познанием только три его наиболее “спокойные” формы? Потому что первоначально содержание чувственного познания интерпретировалось в основном исходя из материала естествознания. При этом ошибочно считалось, что естествознание лишено эмоционального содержания. Между тем в любой науке дело не обходится без сильных переживаний.

Рациональное познание. Мышление

Рациональное познание осуществляется в форме понятия, суждения и умозаключения.

Понятие — это элементарная форма мысли, результат обобщения, проведенного по совокупности признаков, присущих данному классу предметов. Субъект имеет теперь дело не с единичным, как в чувственных формах познания, а с общим. Вопрос о механизме выработки понятий считается одним из самых острых дискусионных. Феноменологи полагают, что человек усматривает общее тогда, когда он имеет дело с чувственным многообразием. Это мнение не разделяется большинством герменевтиков и

аналитиков, которые видят путь к понятиям в деятельности людей и их языковой практике. Видимо, правомерно считать, что свою лепту в процесс выработки понятий вносит и чувственная, и предметно-практическая, и языковая деятельность человека. Понятие — мысль, соотносящаяся с отличительными признаками исследуемого объекта. *Суждение* — мысль, не только соотносящаяся с некоторой ситуацией, но и являющаяся утверждением или отрицанием наличия этой ситуации в действительности. И понятие, и суждение выражаются повествовательными предложениями. Разница в том, что суждение как высказывание в отличие от понятия как высказывания должно быть непременно истинным или ложным. Сравним два выражения: “Электропроводность всех металлов” и “Все металлы проводят электрический ток”. Только второе выражение является суждением.

Суждение есть связь понятий. Очень часто связь понятий фиксируется формулами. Так, высказывание “железо есть металл” подходит под формулу P есть C .

Умозаключение есть вывод нового знания. Умозаключением будет, например, такая операция:

Все металлы — проводники.
Медь — металл.

Медь — проводник.

Наш пример очень прост. В сложных случаях умозаключение предполагает четкую фиксацию правил вывода нового знания. Умозаключение предполагает доказательство, в процессе которого правомерность появления новой мысли обосновывается с помощью других мыслей. В логике, математике, философии разработаны различные способы доказательств. Все три формы рационального познания в их единстве образуют некоторую целостность, ее как форму способности человека называют *умом*, а как нечто процессуальное — *мышлением*. При анализе ума и мышления часто выделяют их уровни, ступени развития. Философская традиция состоит в различении *рассудка* и *разума*, где разум — высшая ступень логического понимания, преодолевающая недостатки рассудочного мышления. Рассудок менее гибок, менее теоретичен, чем разум. Согласно Фейербаху, “испорченность рассудка влечет за собой испорченность сердца”. Античный афоризм гласит: “Глупость — мать всех зол”. Прав, видимо, и Лихтенберг: “Мы живем в мире, где один дурак создает много дураков, а один мудрый — очень мало мудрых”.

Элементарная форма мысли выше была названа *понятием*. Такова многовековая логическая традиция, принятая в русском языке. Традиции следует уважать. Но иногда в их пределах становится тесно, и тогда приходится вводить те или иные новации. Именно так обстоит дело с термином “понятие”.

Все дело в том, что в различных науках используются неодинаковые элементарные формы мысли. Если иметь в виду различие трех типов дисциплин — логико-математических, естественно-научных и гуманитарных — то для обозначения элементарных форм мысли требуется три слова. Тщательно продумав ситуацию, мы предлагаем называть элементарную форму мысли концептом (от лат. *conceptus* — мысль), а концепты, используемые в науках конструктами (логико-математические дисциплины), понятиями (естественные) и ценностями (гуманитаристика).

Логико-математические концепты названы *конструктами* потому, что они конструируются, не фиксируются в качестве природных или социальных реалий, а изобретаются. Концепты естествознания названы *понятиями* потому, что изначально концепты в качестве понятий интерпретировались именно в связи с определенностью естествознания (математика при этом включалась в естествознание, а гуманитарные науки строились по подобию естественно-научных). Концепты гуманитаристики наименованы *ценностями*, что соответствует истории ее становления и развития. Кстати, в англоязычном мире элементарные формы мысли как раз и называют *концептами*, или же *идеями*.

Итак, концепты бывают трех видов: конструкты, понятия, ценности. Рациональное познание имеет дело с концептами. Оно называется рациональным, потому что концепты непостижимы чисто чувственным образом. Что касается чувств, то и они отличаются друг от друга в регионах логико-математических наук, естествознания и гуманитаристики.

Единство чувственного и рационального познания

До сих пор мы тщательно избегали темы единства чувственного и рационального познания. Внимание было направлено на своеобразие того и другого, их относительную изолированность друг от друга. Однако многочисленные данные свидетельствуют в пользу взаимосвязанности и, более того, взаимообусловленности чувственного и рационального. Психика человека выступает как сложное системное образование с многочисленными це-

пами взаимоопределения. В силу этого, например, содержание ощущения определяется не только внешним раздражителем, но и состоянием мышления, памяти, воображения. Чувственное и рациональное “пронизывают” друг друга.

Допустим, нас интересует психический образ “этого яблока”, желтого, круглого и сладкого. Налицо три понятия: понятие цвета, понятие геометрической формы и понятие вкуса. Понятие цвета охватывает собой различные цвета, среди которых в данном случае имеется лишь желтый. Соответственно понятие вкуса в данном случае представлено вкусом “сладкий”. Психический образ яблока выступает как пересечение многочисленных понятий и их чувственных показателей.

В точке пересечения чувственные и рациональные формы познания образуют нечто целое. Исчерпывающим психическим образом “этого яблока” выступает синтез понятия “яблоко” и восприятия яблока. Понятие яблока не есть исчерпывающий психический образ именно “этого” яблока. Восприятие яблока не дает образ яблока. Только вместе, в согласовании друг с другом, понятие и восприятие яблока дают адекватный психический образ “этого яблока”.

Вопрос о единстве чувственного и концептуального считается одним из самых трудных (вспомните античные споры об идеях и средневековые дискуссии об универсалиях). Суть дела состоит в том, что чувственное и концептуальное пронизывают друг друга, они, строго говоря, не разъединимы. Любой концепт имеет смысл лишь как принадлежность к единичным чувствам.

Есть конструкт *число*, и есть чувственное постижение отдельных чисел. Есть понятие *масса*, и есть чувственное восприятие отдельных масс. Есть ценность *свобода*, и есть чувственное уяснение свободолюбивых поступков.

Единичное и общее образуют единство, причем независимо от области их наличия (природы, поступков людей, языка или ментального познания). Речь идет о фундаментальном факте, обнаруженном философами и учеными. Отметим особо, что определенность концептов ни в коей мере не ограничивает богатство чувственного мира. Многие люди полагают, что концепты образуются за счет абстракций от мира чувств и, следовательно, они беднее последних. Как показали лучше других феноменологи, теория абстракции неправильна.

Психические образования, выступающие синтезом чувственного и рационального, обладают целостностью и соответственно интегральным качеством. Так, мелодия воспринимается как це-

лое, совсем не обязательно она структурируется субъектом на чувственную и рациональную составляющие.

Для обозначения единства чувственного и рационального необходим особый термин. В этой связи нам представляется наиболее удобным и точным термин античной философии и литературы “эйдос”, что буквально означает “вид, образ”. В античной философии под *эйдосом* часто понимали то, что *дано в мышлении и вместе с тем видимо*. Термин “эйдос”, как правило, используется именно тогда, когда речь заходит о единстве чувственного и рационального.

Познание имеет не только чувственный и рациональный, но и *эйдетический* характер. Максимально целостный психический образ явления есть эйдос.

Творчество. Интуиция. Память. Воображение

Психика человека выступает как постоянный процесс выработки новых форм чувственного, рационального и эйдетического познания. Психика как деятельность по выработке нового есть духовное творчество. Английский ученый *Г. Уоллес* выделил четыре стадии процессов духовного творчества: подготовка, созревание, озарение и проверка. Центральный момент творчества — озарение, интуитивное схватывание нового.

Интуиция — это непосредственное неосознанно полученное знание. Интуитивное знание может быть чувственным (созерцательным), рациональным или же эйдетическим. В первом случае интуиция выступает как мгновенное чувство. Во втором случае мы имеем дело с *интеллектуальной* интуицией, обсуждение которой занимало видное место в философии Декарта, Спинозы, Лейбница. В третьем случае речь идет об *эйдетической* интуиции.

В философских течениях, которые обычно зачисляют по рубрике *интуитивизма* (*Бергсон, Лосский*), интуиция есть скорее данность, чем постижение непознанного. По Лосскому, мир есть органическое целое, поэтому между субъектом и объектом всегда есть гносеологическая координация, даже тогда, когда нет познания. Вместе с тем при характеристике интуиции как акта познания интуитивисты не склонны структурировать этот акт и чаще всего подчеркивают целостность интуиции. Фактически речь идет об эйдетической интуиции в ее нерасчлененном виде.

Поскольку пути возникновения интуиции не осознаются, постольку есть соблазн видеть тайну интуиции либо в глубинах

бессознательного (З.Фрейд), либо, наоборот, в “сверхсознании”, под которым К.С.Станиславский понимал высший этап творческого процесса, отличный как от бессознательного, так и от осознанного. Но творчество, интуиция детерминируются не только бессознательным, но и сознательным. Это ставит под сомнение отнесение интуиции исключительно к области бессознательного и иррационального (т.е. недоступного разуму).

Огромное значение для процесса познания имеют память и воображение. Память — это способность человека относительно быстро воспроизводить ранее выработанную информацию. Различают кратковременную и долговременную память. Для кратковременной памяти типично вербальное акустическое кодирование, для долговременной — концептуальное (смысловое), часто связанное к тому же с большими переживаниями. Использование компьютера позволяет существенно расширить возможности памяти человека. Существуют особые приемы развития памяти, базирующиеся, в частности, на повторении информации и ее обобщении.

Репродуктивное воображение функционирует в соответствии с ранее известным. В отличие от него продуктивное (творческое) воображение является основным источником нового знания. Согласно устаревшему воззрению, познание реализуется в следующей последовательности: чувства — процесс абстракции — концепты. В этой схеме едва ли найдется место продуктивному воображению, которому в современных теориях познания уделяется одно из центральных мест. Имеется в виду, что все концепты вырабатываются благодаря продуктивному воображению, а затем в соответствии с их определенностью осмысливаются чувства.

Быстрое развитие всей сферы человеческого ставит задачу обучения творчеству. Науку по изучению творческой деятельности и методов обучения называют *эвристикой*. Сократические беседы, обмен мнениями, дискуссии, анализ проблемных ситуаций — все это способствует развитию духовных, творческих способностей личности. Интересно отметить, что эти способности могут быть усилены в процессе использования ЭВМ: когда построение системы правдоподобных моделей позволяет более эффективно вести поиск нового знания.

Интуиция и творчество не поддаются формально-логическому описанию, но существуют методы, их называют эвристическими, следуя которым ведется поиск нового, требующий мобилизации таланта, памяти, внимания, воображения субъекта. *Индуктивное* рассуждение — перенос знания, полученного на основе исследования части явлений, на весь класс в целом — яв-

ляется эвристическим приемом. *Рассуждение по аналогии* также есть яркий пример эвристического рассуждения, не гарантирующего достижение истины, но вместе с тем не являющегося произвольным предположением. *Математическое моделирование* — это опять же эвристический прием.

Эвристическим содержанием обладают все принципы науки. Так, в физике используется принцип соответствия: должно быть соответствие между старой и новой теорией, в некотором пределе математический аппарат новой теории должен совпадать с математическими аппаратами старой теории. Когда Лобачевский создавал свой знаменитый вариант неевклидовой геометрии, то в качестве эвристического принципа он использовал постулат об обусловленности свойств пространства в микромире взаимодействиями молекул, вследствие чего для описания этого пространства необходима особая неевклидова геометрия. При введении выше представления об эйдетическом познании как единстве чувственного и рационального познания в качестве эвристического принципа использовалась метафилософия части и целого: эйдетическое есть целое, его частями являются чувственное и рациональное. Но, отметим специально, философские ориентиры в процессе поиска нового имеют всего лишь эвристическое значение, т.е. они не гарантируют достижения истинно нового. В годы застоя марксистской идеологии часто рассуждали по такой схеме: согласно принципам диалектического материализма должно быть так-то и так-то. Но принципы диалектического материализма не определяют должное. Это эвристические принципы, они могут привести, а могут и не привести к успеху. Использование любых эвристик всегда связано с риском неудачи и, следовательно, требует осторожности.

Философия имеет эвристический характер, поэтому овладение ее высотами является одним из действенных средств постижения тайн интуиции и творчества.

Сознательное и бессознательное, надсознательное.

Фрейдизм

Мы уже коснулись деления психики на сферы бессознательного, сознательного и надсознательного. Речь идет о различных стадиях развития психического. В случае *бессознательного* субъект не дает себе отчета о содержании и природе происходящих процессов, их значение остается невыделенным, непояснен-

ным. Если же это случилось, то налицо *сознание*. Наконец, творчество на базе сознания иногда называют *надсознательным*. Если сравнить психику животного и человека, то выясняется, что у животного развита в основном сфера бессознательного (подсознательного).

Сфера подсознательного частично охватывает все формы познания — чувственные, рациональные, эйдетические. Непроизвольное запоминание, испуг, сновидения — это типичные формы бессознательного. Обычно бессознательное выступает как “комок” психических актов, причины которых остаются непознанными. Известно, например, что после выхода из гипнотического состояния субъект попадает во власть бессознательного, он не может объяснить свое поведение.

Бессознательное может быть переведено в сферу сознательного после его анализа, методы и способы которого разрабатываются *психоанализом*. Если поняты истоки и причины, например, сновидения, то оно перестает функционировать в памяти человека в качестве бессознательного.

Значительную роль в усвоении природы бессознательного сыграло учение австрийского психолога и философа *Зигмунда Фрейда* и его многочисленных последователей. Фрейд считал, что бессознательное, главной силой которого является сексуальное влечение — *либидо*, находится в конфликте с сознанием, вынужденным постоянно реагировать на окружающую социальную среду с ее моральными стандартами и запретами. Запреты социальной среды неминуемо наносят душевную травму индивиду, вследствие чего энергия бессознательных влечений прорывается в виде неврозов, сновидений, ошибочных действий, часто агрессивных. От невыносимого напряжения конфликтных ситуаций индивид спасается с помощью вытеснений: неприемлемые для индивида мысли, переживания “изгоняются” из сознания и переводятся в сферу подсознательного, продолжая, однако, оказывать влияние на поведение индивида. Задача психотерапии состоит в освобождении личности от травмирующих переживаний. По Фрейду, сфера бессознательного формируется главным образом в детстве, которое поэтому преимущественно определяет характер взрослой личности. Недостатки фрейдизма видят в неправомерном желании слишком многое свести, редуцировать к бессознательному и его проявлениям.

Сознание есть уяснение субъектом природы определенных явлений и процессов. Оно выступает как результат познания, и способом его существования является знание. Если субъект выде-

лил объекты, выявил различия между ними, различает общее и единичное, причину и следствие, то он обладает сознанием. Сознание человека развито тем более, чем больших высот достиг человек в развитии чувственного, рационального и эйдетического познания. Разумеется, сознание человека может существовать и в чувственной, и в рациональной, и в эйдетической форме. Совсем не обязательно сознание есть непременно мышление, оно может осуществляться и в чувственной форме, например при мгновенном осознании чувства боли. Есть все основания считать, что уже животное обладает неразвитыми формами сознания. Так, домашние животные усваивают простейшие формы поведения в сообществе людей, что невозможно без уяснения ими сущности некоторых ситуаций и отношений. Другое дело, что высшими формами сознания животные не обладают. Попугай потому и является попугаем, что он не способен усвоить те многообразные связи, которые выражаются в языке.

Сознание присуще субъекту, и в этом смысле оно субъективно. Сознание не присуще зданиям, дворцам, скульптурам, фотографиям. Как и любая форма психики, сознание не есть материальный объект, а выступает символическим бытием мозговых структур. Сознание нематериально, но оно объективно. Быть объективным для сознания означает существовать — наряду с другими сознаниями и материальными объектами. Независимо от прихотей Петра Павел обладает сознанием, которым он волен распоряжаться по своему усмотрению. Объективность (реальность) сознания позволяет изучать его.

Сознание человека может быть обращено на него самого. В таком случае человек обладает *самосознанием*, он является не просто человеком, а личностью, более или менее разносторонней. Самосознание есть знание самого себя, которое, как очевидно, является основой успешного самовоспитания и достижения намечаемых субъектом целей. Древний призыв “Познай себя” по-прежнему звучит актуально, благородно и мудро.

Очень часто указывают на общественную природу сознания. Каков рациональный смысл этого тезиса? Развитие сознания субъекта определяется многими обстоятельствами, это очевидно. Детиныши людей, попавшие к волкам, лишь в немногих отношениях превосходят последних по характеристикам своего сознания. Находясь же в обществе людей, ребенок усваивает сознание членов данного общества. От общения с другими, участия в различных формах кооперативной деятельности индивид получает мощные импульсы для развития своего сознания. В этом

смысле правомерно подчеркивать общественную природу сознания. Разумеется, общественная природа сознания не отменяет значимость индивидуального, личностного и никак не отменяет необходимость самовоспитания.

Что касается сферы *надсознательного*, то, как отмечалось в предыдущем параграфе, она соотносится с процессами духовного творчества. Бессознательное (подсознательное) напрочь лишено осознанных элементов. Надсознательное же базируется на сознательном.

Выделение надсознательного наряду с бессознательным отрицается многими философами и психологами. В таком случае психическое понимается лишь как бессознательное и сознание. Другие отрицают и реальность бессознательного как психического феномена, для этих философов психика и сознание тождественны. Как нам представляется, в данном случае читатель имеет отличную возможность пофилософствовать и разобраться в существе ситуации.

Что есть истина?

Чем детальнее анализируется психика человека, тем чаще приходится обращаться к ее связям с внешним для субъекта миром. Все формы познания субъекта как-то соотносятся с внешним миром. Для выражения этого соотношения в философии используется категория *истины*. В качестве заголовка мы вынесли знаменитый вопрос Пилата, который был задан им в презрительном тоне. Надо постараться найти на него достаточно точный ответ. Как свидетельствует история, забвение вопроса об истине приводит к разрушительным последствиям бездуховности.

В современной философии особенно отчетливо выделяются три концепции истины: концепция соответствия (корреспонденции), когеренции и прагматичности.

Концепция корреспондентной истины, по определению, устанавливает соответствие между формами психики и определенным объективным содержанием. *Аристотель* считал, что истинное и ложное находятся не в вещах, а в мысли. *А.Тарский* дал ставшее популярным уточнение аристотелевских воззрений. Знаменитое определение Тарского гласит: высказывание "*P* есть *C*" истинно, если *P* есть *C*. Высказывание "снег бел" истинно, если снег на самом деле бел; оно ложно, если снег не бел. Тарский показал, что, хотя высказывания, которым приписывается

функция истинности/ложности, формулируются в рамках *объектного* языка, последний должен интерпретироваться в терминах *метаязыка*, где метаязык превосходит по своим средствам объектный язык. Высказывание “снег бел” относится к объектному языку, который используется для фиксации фактического состояния дел. Однако приходится учитывать, что обоснование высказывания “снег (действительно) бел” потребует обращения к теории, в таком случае язык теории и есть метаязык. Дальтоник и недальтоник признают снег белым не в силу одинаковых чувственных впечатлений (они-то как раз у них разные), а на основании одной и той же теоретической интерпретации. Снег бел, ибо он в равной степени отображает все лучи видимого человеческими глазами участка спектра света; что дело обстоит именно так, фиксируется определенными приборами.

В концепции корреспондентной истины указывается *соответствие* чувств, мыслей и высказываний некоторым фактам. Не следует, однако, это соответствие понимать слишком прямолинейно, например аналогично соотношению фотографии и того, что на ней запечатлено. Высказывание “снег бел” не похоже на белый снег, оно представляет собой *знаковую*, условную конструкцию. Под соответствием знаковых конструктов фактам понимается действенность этих конструктов, возможность их эффективно использовать в деле описания фактов и в своей практической деятельности.

Довольно часто тема истинности/ложности проблематизируется там, где учитывается последовательность, связность, системность рассуждений и высказываний. В этой связи говорят о *когерентной концепции истины*. Под когерентностью понимается взаимосоответствие высказываний. Когда утверждают, что $2 \times 2 = 4$ истинно, а $2 \times 2 = 5$ ложно, не имеется в виду соответствие высказываний фактам, о фактах вообще нет речи. Имеется в виду, что первое высказывание находится, а второе, наоборот, не находится в полном согласии с системой высказываний, характерной для арифметики. Кстати, можно было бы сказать, что $2 \times 2 = 4$ *непротиворечиво*, а $2 \times 2 = 5$ *противоречиво*. Значительный вклад в развитие когерентной концепции истины внесли *Лейбниц, Спиноза, Гегель*, а также *Нейрат и Гемпель*.

Концепция, в которой критерием истинности выступает практика, называется *прагматической концепцией истины*, которая берет начало в греческой софистике и древней китайской философии. Значительный вклад в развитие прагматической концепции истины внесли сторонники марксизма и американ-

ского прагматизма (*У.Джемс, Дж.Дьюи*). Марксисты используют критерий практики для дальнейшего развития концепции соответствия, они считают, что истина отображает объективное положение дел. Прагматики же понимают истину как работоспособность чувств, мыслей, идей, их полезность в деле достижения желаемой цели.

Представляется весьма ценной мысль американского философа *Н.Решера*, согласно которой три концепции истины не отменяют, а дополняют друг друга (рис. 5). Все попытки исключить из философии проблематику одной из концепций истины оканчиваются неудачами.

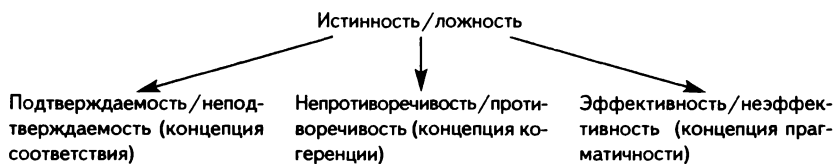

Рис. 5. Три критерия истинности

Читателю, видимо, понятно, почему физики, особенно экспериментаторы, широко используют достоинства концепции соответствия. Логики и математики, привыкшие к многозвенным рассуждениям, склоняются к когерентной концепции истины. Инженерно-технические работники часто ориентируются в своих действиях на прагматическую концепцию истины.

В трех рассмотренных выше концепциях истины реализуются различные воззрения. Это наводит на мысль заменить слово “истинность” тремя словами (очевидно, то же самое следует сделать со словом “ложность”). Как выясняется, такая замена слов позволяет весьма существенно прояснить содержание проблемы истинности/ложности.

Истинно и ложно — слова из многовекового словаря человечества. За ними тянется шлейф устаревших представлений и непроясненной должным образом многозначности. Как показывает наш анализ, в случае корреспондентной концепции истины под истинно/ложно понимается подтверждаемость (нефальсифицируемость)/неподтверждаемость (фальсифицируемость) мнения, сформулированного в высказывании. В случае когерентной концепции истинно/ложно интерпретируется как соответствие/несоответствие высказывания той системе высказываний, в которую оно входит. Здесь вместо истинно/ложно целесообразнее го-

ворить о непротиворечивости/противоречивости. Наконец, в случае прагматической истины речь, по сути, идет об эффективности/неэффективности высказываний в деле достижения поставленных целей.

Истинность как характеристика психических форм личности подвержена качественным градациям (рис. 6). Когда эта градация производится в грубой форме, то говорят либо о полном соответствии форм психики объектам познания (*абсолютная истина*), либо об их полном несоответствии (*абсолютное заблуждение*), либо о чем-то среднем между абсолютной истиной и абсолютным заблуждением (*относительная истина* или *относительное заблуждение*).

Рис. 6. Шкала истинности

Истинность — это характеристика психики личности, и до тех пор, пока она не получила выражение “для других”, она не является общезначимой. Между тем люди живут в обществе, следовательно, для успешных совместных действий нужны *общезначимые истины*. Общезначимость истины достигается при переводе психических форм в форму высказываний. Высказывание становится достоянием многих, всех, кто с ним ознакомлен.

Индивидуум может заблуждаться. Он может преднамеренно искажать истину, т.е. лгать, попросту говоря. Как в первом, так и во втором случае высказывания индивидуума не выдержат проверки на истинность. Общезначимость истины как информации для многих, естественно, не исключает ситуаций, когда один прав, а многие не правы. И в индивидуальной, и в общезначимой форме истина имеет градации от абсолютной истины до абсолютного заблуждения.

Истина — процесс, своеобразное перемещение по шкале истинности, причем чаще слева направо, т.е. по направлению к абсолютной истине. По мере развития процесса познания становится известным ранее неизвестное. Человек изучил ядерные реакции, генную основу наследственности, формы государственного устройства и многое другое. Но по большому счету абсолютная истина остается недостижимой, она манит вперед, подобно миражам в пустыне. На самом деле, наиболее полное знание полу-

чают на основе теорий, но теории одна за другой сменяются своими более удачными конкурентами. После каждого появления новой теории приходится признавать, что абсолютная истина в очередной раз оказалась недостижимой. А ведь в условиях господства прежней теории казалось, что абсолютная истина уже достигнута. *Карл Поппер*, имея в виду указанные выше сложности процесса познания, считал, что теоретические рассуждения являются правдоподобными. Невозможно доказать, являются они истинными или неистинными. По Попперу, рост знания не позволяет зафиксировать истину, однако многие философы не согласны с ним. Оппоненты Поппера утверждают, что он абсолютизирует момент относительности знания и на этом основании неправомерно отвергает истину.

Рост знания действительно имеет место. Старое знание оценивается с позиции нового, и только в этой связи возможно нарастание по шкале истинности. Человечество сегодня знает больше, чем оно знало вчера. Именно в этом смысле справедливо утверждение, что наше знание становится все более истинностным.

Ни в малом, ни в большом дух наш не сталкивается с абсолютной границей, везде он находится в пути. Неклассическая современная философия пришла именно к этому выводу. Она обвиняет классику в том, что та без достаточных на то оснований проводит абстракцию бесконечности, считая бесконечность достижимой. Постулирование реальности абсолютной истины — это пример устаревшего философского мышления. Современный философ, оценивая многообразие истин и рост знания, предсказывает, что впереди человечество ожидают новые открытия. Но каково это неизведанное, философ не знает, а поэтому предусмотрительно не берет на себя смелость судить о нем.

Объяснение, вчувствование, интерпретация, действие, понимание

Продолжим линию философствования по поводу вопроса “Что такое истина?”, но уже в более конкретном плане и с учетом той полемики, которой в философии посвящено множество содержательных публикаций. Истина — это процесс, путь, который должен быть пройден.

Объяснение раскрывает существо явлений и процессов посредством мыслей. Очень часто используется *дедуктивное объяснение*: факты подводятся под понятия, понятия под законы, зако-

ны под принципы (далее идти некуда). Весьма популярна среди философов теория дедуктивно-номологического объяснения *Гемпеля — Оппенгейма*. Некоторое явление считается объясненным, если описывающее его предложение логически выводится из законов или законообразных высказываний и начальных условий. Когда студент решает задачу по физике, электротехнике, инженерным дисциплинам, то от него требуют, чтобы он подвел переменные под закон. Это и есть конкретный случай дедуктивно-номологического объяснения.

Наряду с дедуктивно-номологическими объяснениями широко используются структурные и генетические объяснения.

Структурное объяснение характеризует сложные объекты на основе знания структуры (строения) этих объектов. Так, макро-явления в физике и химии объясняются на основе микроявлений, генетика и молекулярная биология, имеющие дело с микробиологическим, дают ключ к явлениям наследственности.

Генетические объяснения представляют собой описание событий и процессов в их исторической последовательности, от причин к следствиям. В различного рода исторических дисциплинах широко используются генетические объяснения.

Неошибочные рассуждения считаются *рациональными*. *Нерациональные рассуждения* — это ошибочные рассуждения. *Иррациональным* считается то, что в принципе не схватывается мышлением и вследствие этого невыразимо рассуждениями.

Объяснение является мыслительным процессом. Но возможно ли постижение истины прямо противоположным способом, чувственным образом? На этот вопрос положительно отвечали прежде всего философы, которые в центр своего внимания ставили феномен жизни (*Дильтей, Зиммель, Риккерт*) и считали, что живую жизнь понятиями не познать. Философы жизни противопоставляют наукам о природе науки о духе, жизни. В науках о природе, считают они, применимо объяснение, в науках же о духе методом познания является *понимание*, выступающее как “вживание”, “сопереживание”, “вчувствование”. Движение чувств и переживаний, сопереживания — это один из методов познания. Мышление в высказываниях дает объяснение. Но чувства тоже переводятся в высказывания, доказательная сила которых отнюдь не равна нулю, что хорошо известно в искусстве, юриспруденции, психологии.

В одной из книг приводится свидетельство глухонемой женщины о том, как она в возрасте семи лет поняла, что есть вода. Учительнице никак не удавалось объяснить ей значение слова

“вода”. Но вот она поместила руку девочки в струю воды; глухонемая спустя годы свидетельствует: “Внезапно я почувствовала смутное ощущение чего-то забытого — трепет возвращающейся мысли, и каким-то образом тайна языка открылась мне. Тогда я и узнала, что “в-о-д-а” означает нечто чудесное, холодное, текущее по моей руке. Живое слово разбудило мне душу, вселило в нее свет, надежду, радость, освобождение!” Женщина объяснила, как она узнала значение слова “вода”. Объяснение это довольно специфично, с очевидной ссылкой на чувства и переживания. Но разве оно не убедительно? Оно убедительно прежде всего потому, что описание чувства маленькой девочки близко каждому человеку. Наши руки тоже попадали под струи воды, которые вызывали своеобразные ощущения. А это означает, что высказывания о чувствах и переживаниях также обладают общезначимостью.

Впрочем, “вчувствование” как метод познания то и дело опровергается. Критики считают, что оно не учитывает объективных критериев истинности, и говорят о необходимости преодоления психологизма. Эти доводы явно бьют мимо цели. Вчувствование — это важнейший метод познавательной деятельности, который соответствует требованию общезначимости. Подлинная задача состоит не в том, чтобы всячески ставить под сомнение метод вчувствования, а в том, чтобы овладеть его тайнами.

Развитие метода вчувствования привело к герменевтике. Как уже известно читателю, герменевтики сознания (*Дильтей* и др.) называли вчувствование, перемещение в психический мир другой личности *пониманием*. По контрасту с герменевтиками сознания герменевтики бытия считали, что понимание — это интерпретация бытийной ситуации в языке. Философский поиск герменевтиков, безусловно, заслуживает всяческого внимания. Впрочем, есть резон в том, чтобы учитывать достижения не только герменевтиков, но и феноменологов, аналитиков, постмодернистов. Прodelав это, мы приходим к следующему интересному выводу. Человек познает мир в чувствах, мыслях, языке, поступках. Каждой сфере познания соответствует определенный процесс (рис. 7).

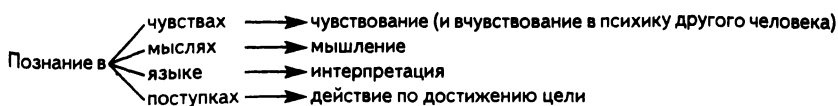

Рис. 7. Сферы познания

В свете приведенной схемы объяснение есть мышление по поводу тех или иных фактов. Максимально всестороннее познание целесообразно назвать пониманием. В данном случае термин “понимание” использован иначе, чем у герменевтиков. Это вполне позволительно, значения философских терминов приходится постоянно уточнять. Как именно осуществляется понимание, зависит от используемого способа философствования.

Знаменитый спор “физиков” с их ориентацией на объяснение и “лириков” с их чувственно-эмоциональными приоритетами не может выявить победителя. В конечном счете и первые, и вторые не справляются с тем целым, имя которому *понимание*. Познавательный процесс многомерен, он содержит все свои степени свободы.

Истина многомерна, многолика, но она есть и нечто целое. На это неоднократно указывал *В.С.Соловьев*. Современный человек часто за деревьями не видит леса, он утерял в науке и в искусстве, разлагающих непосредственную действительность на односторонние определения, органическую связь, единое и целостное. “Нужно выучиться представлять себе предметы...— писал *П.А.Флоренский*,— сразу со всех сторон, как знает наше сознание”. Неправомерно, как иронизировал *Гессе*, “для пресечения трений” отказываться “от лишних измерений”. Насыщенная многими измерениями истина теряет односторонность, сухость, нежизненность. С незапамятных времен люди пришли к убеждению, что истина включает в себя аспекты добра и красоты, без чего невозможна подлинная духовность.

Истина без красоты нежизненна, а без добра она вообще превращается в ложь. Кант поэтому и не допускал правомерность лжи, ибо в таком случае истина преднамеренно искажается и органическая связь истины и добра нарушается. Канту возражали, что во имя любви к человеку лгать допустимо. Философ же доказывал, что ложь приводит к мнимой любви к человеку. Может, великий философ действительно ошибался?

Ценность. Философия как аксиология

Человек своим существованием выделен из мира. Это вынуждает человека дифференцированно относиться к фактам своего бытия. Человек едва ли не постоянно находится в состоянии напряженности, которое он пытается разрешить ответом на знаменитый вопрос Сократа “Что есть благо?”. Человека инте-

ресует не просто истина, которая представляла бы объект таким, каким он является сам по себе, а значение объекта для человека, для удовлетворения его потребностей. Индивид дифференцирует факты своей жизни по их значимости, дает им оценку, реализует ценностное отношение к миру. Общеизвестным фактом является различная *оценка* людьми, казалось бы, одних и тех же ситуаций. Вспомните притчу о строителях собора в Шартре. Первый считал, что он совершает трудную работу, и только. Вторым сказал: “Зарабатываю хлеб семье”. Третий промолвил с гордостью: “Я строю Шартрский собор!”

Ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. Количественной характеристикой этого смысла является *оценка*, которая часто выражается в так называемых лингвистических переменных, т.е. без задания числовых функций. Чем занимается жюри на кинофестивалях и конкурсах красоты как не оценкой в лингвистических переменных. Ценностное отношение человека к миру и себе приводит к ценностным ориентациям личности. Для зрелой личности обычно характерны достаточно устойчивые ценностные ориентации. В силу этого пожилые люди часто медленно перестраиваются даже тогда, когда этого требуют исторические обстоятельства. Устойчивые ценностные ориентации приобретают характер *норм*, они определяют формы поведения членов данного общества. Ценностное отношение личности к себе и миру реализуется в эмоциях, воле, решимости, целеполагании, идеалотворчестве. Философское учение о ценностях называется *аксиологией*. В переводе с греческого “аксиос” означает “ценность”.

Учение о ценностях (аксиология) не сразу стало достоянием философов, а лишь после того, как удалось развести понятия бытия и блага. Это произошло в философии *Канта*, который противопоставил сферу нравственности сфере природы, а практический разум — теоретическому разуму. Выделение феномена значимости бытия для человека и привело к философии ценностей с ее основным вопросом “А что, собственно, есть ценность, в чем скрыты ее истоки?” Как обычно, поиск ответа на новый содержательный философский вопрос затянулся.

Одни философы видели источник ценности в субъекте, в воле, в чувстве, в особенностях трансцендентального субъекта. Неокантианцы обнаружили источник ценностей в разумной воле, обеспечивающей акты выбора. *Брентано* обвинял неокантианцев в интеллектуализации понятия ценностей и считал, что ис-

точником ценностей являются эмоциональные акты любви и ненависти.

Философы материалистического направления видели источник ценностей в не зависящих от субъекта реалиях, в материальных благах. Марксизм выдвинул на первый план ценности общественного порядка.

Строго говоря, ценность в качестве концепта соответствует специфике технических и гуманитарных наук. В их объективном значении ценности — смыслы наших поступков. Когда эти смыслы осознаются, то речь как раз и идет о ценности как концепте.

Иногда научный статус дисциплин, имеющих дело с ценностями, оспаривается, и совершенно напрасно. Надо иметь в виду, что естествознание и гуманитаристика отличаются друг от друга. Первое использует понятия и корреспондентную концепцию истины, вторая — ценности и прагматическую концепцию истины. Отличие гуманитаристики от естествознания не выводит ее за пределы науки.

Часто проблему ценностей понимают в самом общем плане, тогда в качестве ценностей выступают истина, добро и красота. При большей детализации выделяют экономические, политические, эстетические, нравственные, религиозные ценности. Шеллер считал, что ранг ценности тем выше, чем она долговечнее и чем большее удовлетворение она вызывает. В этой связи он ставил на первое место ценность приятного, связанного с удовлетворением чувственных склонностей человека.

Учет проблематики ценности позволяет понять, что есть воля, эмоции, сомнение, вера, цель, идеал.

Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал

Ранее чувства рассматривались как нейтральные к ценностным аспектам феномены. Обычно эта нейтральность отсутствует. В таком случае чувства выступают как *переживания*, позволяющие субъекту понять личностный смысл происходящего. Непосредственные переживания значимости явлений и ситуаций выступают как *эмоции*. Положительные эмоции — удовольствие, радость, восторг, любовь и т.п. Отрицательные эмоции — боязнь, испуг, страх, ненависть, горе и т.п. Эмоциональный мир человека очень сложен, его в подробностях изучает психология. В философском отношении наиболее содержательно мир эмоций изу-

чал экзистенциализм, где под экзистенциалом чаще всего понимаются не ситуативные эмоции (аффекты, страсти), а устойчивые структуры бытия человека. На эмоции человека сложнейшее влияние оказывает весь опыт его жизни. Известно немало случаев, когда краткое известие, порой выраженное одним словом, вызывало смерть человека.

Среди разнообразных ценностных форм психики человека важнейшее значение имеет *воля*, сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности, проявляющаяся как целеустремленность, решительность, самообладание. Для *Канта* и *Фихте* воля является источником осуществления нравственных принципов, основой практической деятельности человека. Для *Шопенгауэра* же, как и для *Ницше*, воля есть иррациональный импульс бытия, его саморазвертывания. Воля фактически выводит за пределы психики.

В мире ценностных ориентаций человека непреходящее значение имеет *вера*, субъективный акт принятия чего-либо как истинного. Вере предшествует *сомнение*, которое переводится в веру в результате целого ряда психологических актов. Философы в отличие от теологов традиционно уделяют значительное внимание соотношению сомнения и веры. Религиозная вера обычно рассматривается как непосредственный результат откровения, она, мол, не нуждается в обосновании. Прогрессивный швейцарский теолог *Карл Барт* считал, что обоснование веры состоит в ней самой. Для философа *Карла Ясперса* философская вера — результат философствования.

Великий *Декарт* был вполне последовательным, когда рассматривал приверженность философов к сомнению как принципиальную черту успешного философствования. Прежде чем вслед за *Лютером* воскликнуть “Я здесь стою и не могу иначе!”, философу необходимо провести определенную работу, прийти к убеждению. От веры — один шаг до уверенности, убежденности.

Кант справедливо подчеркивал, что вера не сводится к деятельности разума, о ней нельзя дать отчет исключительно на языке понятий. Вера — это эйдос. Вера есть некоторый смысл субъективного ориентирования человека в его предрасположенности к действию. Итак, вера — один из наиболее значимых феноменов духовной жизни человека.

Когда говорят о феномене веры, то часто утверждают, что он связан с невозможностью достаточных обоснований тех ценностных предположений, которые реализуются в вере. Здесь обоснование понимается чрезмерно узко, как нечто вроде рацио-

нального доказательства. Веру можно обосновать, но для этого придется привести не только рациональные, но и чувственно-эмоциональные доводы. Другое дело, что веру не надо связывать с абсолютной достоверностью, которая, как следует из анализа проблемы абсолютной истины, вряд ли достижима. *Кант* приводил в пример врача, который чаще всего лечит, не будучи абсолютно уверенным в достоверности своего диагноза. От всякого рода действий предохраняет не только отсутствие веры, а наоборот, ее присутствие, полновесность, полномасштабность тех актов, которые ведут к ней.

Без веры не обойтись. *Эйнштейн* как-то выразился в том смысле, что для него Бог — это вера в существование объективной реальности как независимой от человека. Казалось бы, кто-кто, а физик должен меньше других быть подверженным феномену веры: экспериментирую, мол, и делаю выводы. Но в том-то и дело — *Эйнштейн* прекрасно понимал и чувствовал это, — что физик, равно как и любой другой человек, верит, в частности, он верит в существование объективной реальности.

Вера — это тот мост, который связывает человека с миром. Это непрменная характеристика личности, она требует веры в себя, веры, переходящей в уверенность в своих возможностях. На этот счет можно привести тысячи примеров — от выздоровления, казалось, безнадежно больных до превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя (читай: заурядной личности в гения).

Вера как ценностный феномен имеет свои градации, на высшей ее отметке мы находим *идеал*. Проблематика идеалов пронизывает всю нашу жизнь, ее поверхностное прочтение приводило, приводит и, видимо, еще долго будет приводить к различного рода бедствиям.

Человек в силу своей способности связывать в цепи чувства, мысли, эйдосы продуктивного воображения создает образ желаемого результата. Это означает, что он осуществляет целеполагание. *Цель* есть регулятивная идея, образ требуемого будущего. *Идеал* — это признающийся максимально целостным образ (эйдос) желаемого будущего. Ясно, что содержание идеала зависит от жизненного опыта субъекта, степени его образованности, уровня культуры.

Немаловажное значение имеет устремленность идеала в будущее. Вплоть до XX в. классическая философская традиция устремляла идеал, впрочем, не вполне сознавая это, в бесконечно далекое будущее. Выработка идеалов была сопряжена с абстракциями, идеализациями и сильными переживаниями. Идеальное

государство *Платона*, всемерная святость средневековья, универсальное эстетическое совершенство эпохи Возрождения, всезнание науки Нового времени — все это идеалы, связанные с доведением положительной оценки того или иного явления человеческой жизни до предела. Своеобразие феномена идеала недостаточно осмысливалось в философском отношении. Поэтому неудивительно, что считалось вполне возможным за короткий промежуток времени осуществить свой идеал. В СССР создание материально-технической базы коммунизма намечалось достигнуть к 1980 г. Политические деятели то и дело рассуждают по схеме: сегодня — плохо, завтра будет хорошо. Удивительным образом это “завтра” затем отодвигается в далекое будущее.

Идеал — это отнюдь не просто конкретный образ конечного будущего, а совокупность направленных в будущее различных теоретических и других представлений, которые могут быть пересмотрены. *Далеко не всегда идеал сводится к примату конечной цели.* Примат конкретной конечной цели, особенно если она находится в туманном будущем, — путь к утопизму, о судьбе которого написаны и еще будут написаны тома. Мир утописта всегда разделен пополам, его мир — это черно-белый мир, мир забвения одних ценностей и выпячивания других. Одни утописты признают примат свободы, другие на это место ставят справедливость, третьи признают исключительно общественную собственность, четвертые, напротив, насаждают везде частную собственность.

Таким образом, идеалотворчество, если оно проводится недостаточно ответственно, приводит к утопиям, превращается в идеалотворчество. Вместе с тем идеалотворчество — неперемнное основание достижений человека. Интересно, где было бы сейчас человечество, если бы оно не занималось идеалотворчеством. Но для успешного идеалотворчества необходима развитая философия, современная философия. Правильные философские ориентиры предохраняют от утопизма. В неклассической философии, являющейся в основном достоянием XX в., с идеалами обращаются более осторожно, чем когда бы то ни было ранее.

В нашем кратком эссе об идеалотворчестве невозможно было дать конкретный анализ эстетических, моральных, научных и других идеалов. Идеалов много, их по-разному классифицируют. Что касается современного гуманизма, то он ориентируется на такие ценности-идеалы, как свобода, справедливость, демократия, ответственность, непримиримость к насилию, планетарная общность людей. Наряду с положительными ценностями

есть, разумеется, и их антиподы: человеконенавистничество, стяжательство, культ насилия, вседозволенность. В мудром Послании Иоанна говорится: “Дети! Храните себя от идолов”.

Выводы

✓ Природа человека интерпретируется на основе содержания философских концепций.

✓ Психическое — это косвенно-символическое, знаковое отображение человеком воспринимаемого им мира, опирающееся на психофизиологические процессы и структуры нервной системы.

✓ В чувственном познании человек имеет дело с единичным.

✓ В рациональном познании «схватывается» общее познаваемых явлений.

✓ Истина есть непротиворечивость (концепция когеренции), подтверждаемость (концепция соответствия) и эффективность (концепция прагматичности) высказываний.

✓ Познание осуществляется в чувствах, мыслях, высказываниях и поступках.

✓ Ценность — это значимый для человека концепт, на основе которого он интерпретирует содержание поступков людей.

✓ В мире ценностных ориентаций человека непреходящее значение имеют вера, воля, сомнение и идеал.

✓ Идеал — это основополагающие ценности человека и конструируемый на их основе образ желаемого будущего.

Глава 2.3

ФИЛОСОФИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

Философия языка

В предыдущей главе рассматривался внутренний мир человека. Целостное отношение человека к миру выступало некоторой тенденцией выхода человека за свои собственные границы.

Но такой выход не осуществлялся. Внутренний мир человека оставался его сугубо личным делом, таинственным и неизвестным для других. Однако человек не существует изолированно от других людей, мира. Поэтому он проявляет свою внутреннюю личную жизнь, символизирует ее в подходящих для этого феноменах. Язык, труд, культура — все это *формы символического бытия* человека; они доступны не только своим творцам, но и всем тем, кто понимает их смысл. По мере исторического развития человек существенно наращивал масштабы своей символической деятельности, так что ныне впору говорить о символическом мире человека, его второй, неприродной родине (первая — это психика человека). В нашу ближайшую задачу входит философский анализ символического мира человека. И начнем мы этот анализ с его важнейшей составляющей — языка. Философия символического мира человека является естественным продолжением философской антропологии человека.

Энциклопедии дают самые различные определения языка, их даже не сотни, а тысячи. Язык рассматривается как выражение внутреннего духовного мира человека, как средство общения и сохранения информации, как система знаков, как устная и письменная речевая деятельность. Структурными единицами языка являются слова и предложения, составленные из них тексты. Логику языка образует его синтаксис (грамматика), смысл языка есть его семантика, а практическое значение языка выступает как прагматика. Отметим еще раз, что *язык есть символическое выражение в звуке и письме жизни человека*. Краткая историческая справка позволит нам глубже понять феномен языка.

Мифологическое сознание не разделяет слова и именуемую ими реальность. Здесь, конечно же, большой простор для магии слова.

Для философов античности одной из важнейших проблем был вопрос о соотношении имени и именуемой реальности. Сократ и Платон считали, что имя установлено не произвольно, “не так, как нам заблагорассудится”, а по природе. Но что значит “по природе”? Для Платона имя прежде всего подражает сущности. Стоики полагали, что в языке человек подражает окружающему миру. Эпикурейцы предположили, что язык возник на основе произвольного выражения эмоций в звуке. Демокрит считал язык формой общественного договора. Античные философы прекрасно понимали, что есть связь между словом, образом, которое оно выражает, и объектом.

Христианские богословы считали, что способность языка дарована человеку Богом. В Ветхом Завете сказано, что Адам дал название всем живым существам. Язык включается в достаточно жесткие формы божественного мироздания.

В *Новое время*, в соответствии с общей установкой на мышление как сущность человеческого бытия, язык подвергают проявляющему его содержание логическому анализу. Язык выражает понятия, и он сам является средством мышления. Делаются попытки построить универсальный язык, к которому можно было бы свести другие языки. Усилия *Лейбница* в этом направлении позволили наметить пути выработки математической логики. Теперь уже весьма редко считают, что звучание слова должно иметь что-то общее с его предметным значением. Слова рассматриваются как знаки предметов или их психических образов.

В *начале XIX в.* философия языка продуктивно разрабатывается немецким философом и лингвистом В. Гумбольдтом. Язык понимается им как непрерывное духовное творчество. "...Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык". Язык — "живой организм", источник и почва духовной деятельности. По отношению к субъекту язык обладает самостоятельностью. Значительно позднее, в середине XX в., мысль о самостоятельности языка выразится в парадоксальной формулировке М.Хайдеггера: не человек говорит, а язык говорит человеку.

Для *Э. Кассирера* язык есть символическая форма саморазвертывания духа, но в качестве таковой он отличается от духа и выступает как самостоятельное бытие. Идея о различии языка и психики получит впоследствии многочисленные подтверждения. На интуитивном уровне она фиксируется выражениями типа: "Знаю, но не могу выразить". Хорошо известно, что самым красноречивым ораторам не удается в слове выразить все богатство своей духовной жизни.

В неопозитивизме язык подвергается тщательно подготовленной яростной логической атаке. По *Расселу*, подобно тому как планеты не знают, что они движутся по законам Кеплера, так и многие люди, употребляя слова, не знают их значений. Точность в слове — это практически недостижимый идеал, но к нему нужно стремиться неуклонно. В неопозитивизме язык стал наиболее важным предметом философского исследования, которое призвано устранить несовершенство естественного языка. С этой целью используется логика. Считается, что применение логики и других формализованных средств к анализу естествен-

ного языка не нарушает его жизненность. Но выяснилось, что этот путь далеко не так безобиден, как кажется.

В программе верификационизма (проверки истинности предположений) все казалось достаточно ясным. Истинность предположений можно проверить. Естественный язык можно представить как совокупность предложений. Бессмысленные предложения элиминируются из контекста языка. Есть предметы и процессы, им соответствуют слова, связанные в предложения.

Но когерентная концепция истины вносит существенные коррективы в обрисованную картину. *Слова обладают смыслом* в контексте системы слов, т.е. *в контексте языка как целого*. Мы не поймем смысл слова “необходимость” без понимания смысла слов “причина” и “следствие”, но значения слов “причина” и “следствие” также ориентируются на смысл некоторых других слов.

Прагматическая концепция истины вносит в картину языка дополнительные черты. Истина выясняется в процессе практики; соответственно смысл слова выясняется в процессе его применения. *Витгенштейн*, глубоко продумавший это обстоятельство, считает, что философия должна предохранять от неправильного употребления слов. Говорение, по позднему Витгенштейну, есть форма жизни, деятельности. “Значение слова — это его употребление в языке”. Но употребление может быть самым различным, а значит, слово “должно иметь целую семью значений”. Всякий раз говорение выступает как новая игра по выяснению новых значений слов. Что слово обладает не одним, а многими значениями, хорошо известно из словарей. Русский философ и математик *В.В. Налимов* предложил объяснять значения языковых конструкций некоторыми функциями вероятности, которые описывают, с какой долей вероятности используется то или иное значение слова. Такое вроде бы простое предложение позволяет объяснить многие лингвистические факты. Известно, что, обучаясь иностранному языку, легче заговорить на нем, чем научиться понимать других, а среди последних — легче понимать тех, которые знают не больше тебя. Ясно, почему так происходит. Чтобы говорить на языке, достаточно знать главные, часто используемые значения слов. Для понимания других надо уже знать все те значения слов, которые использует собеседник, но это чаще всего имеет место тогда, когда собеседник ориентируется в языке не лучше тебя. Поэтому отнюдь не случайно студент, изучающий, к примеру, английский язык, понимает студентов группы, в которой он обучается, лучше, чем педагога, преподающего в

группе английский язык; соответственно часто студент понимает своего педагога лучше, чем коренного жителя Англии. Синонимичность слов объясняет многие шутки, основанные на неоднозначном употреблении одного и того же слова. Пишущему эти строки в далеком детстве не без труда объясняли, что “великий Сталин” невелик ростом. Забавно, но даже взрослые люди удивляются, узнав, что рост каждого из четырех вождей — Наполеона, Ленина, Сталина и Гитлера — не превышал 163 см.

В историческом развитии философии языка достаточно четко просматриваются три концепции. В античности и средневековье доминирует первая из них — *философия имени*. Здесь, как правило, имеют дело с триадой: вещь — сущность (идея) — имя (слово); слово именуется вещь и ее сущность, которая понимается в соответствии с *Платоном*, *Аристотелем* или *Христом*. Философия имени тесно сопряжена с корреспондентной концепцией истины.

Вторая концепция философии языка, восходящая к идеям *Декарта* и *Лейбница*, получила детальную разработку в трудах *Рассела* и *Карнапа*. Вещь понимается как совокупность признаков. Языковое выражение, обозначающее признак, называют предикатом. Вместо сущности и идеи рассматривают понятие и суждение. Наряду с корреспондентной используется когерентная концепция истины. Философия языка выступает теперь *философией предиката*, философией высказываний, обладающих функцией истинности.

Третья концепция языка учитывает прагматическую концепцию истины. Это предполагает особое внимание к ценностным установкам личности, которые находят свое обозначение в высказываниях типа: “А знает (верит, помнит, надеется, хочет), что р”. Итак, мы имеем дело с *философией ценностных установок*, в одних случаях они имеют сугубо личностный, а в других — общественный характер. Третьей философской концепцией языка мы обязаны в первую очередь позднему *Витгенштейну*, она близка герменевтикам, логическую разработку получила уже в наши дни у *Г.Х. фон Вригта* и *Я.Хинтикки*.

Язык обладает *обозначающей функцией*, его слова и предложения часто обозначают определенный предмет или процесс. Но реализацию этой функции не стоит упрощать. Поэт *Мандельштам* очень точно характеризует слово: “Живое слово не означает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но

не забытого тела”. Человек не способен напрямую, простым кавалерийским наскоком обозначать предметы. Слово — это результат сложной внутренней жизни человека; что именно оно обозначает, выясняется лишь постепенно. Но в предметно-процессуальном мире все переплетено, поэтому то, что обозначается словом, оказывается многозначным, а само слово соответственно полиморфным.

Язык есть выражение, символизация внутренней, духовной жизни человека. Это опять же верно, но и эту черту языка не следует понимать упрощенно. Дело в том, что для каждого человека язык уже предзадан обществом, и оно диктует условия реализации акта говорения (или написания). Говорение есть превращение возможности в деятельность, но при условиях, которые задаются определенностью используемого языка. Говорение есть обращение субъекта к другим субъектам, они-то и определяют условия говорения и писания в форме принятого данным обществом языка. Для субъекта язык задан как априорная структура, которой он волен распорядиться, но отменить ее он не может. Таким образом, язык есть символизация внутреннего духовного мира людей в особой форме — индивидуально-общественной. Благодаря этой форме осуществляется коммуникация между субъектами.

Язык обладает общественной природой. Это, строго говоря, означает одно: каждый субъект должен выражаться в общезначимой форме, которая, естественно, диктует некоторые ограничения. Каковы эти ограничения, зависит от особенностей используемого языка. Чтобы эти ограничения не были чрезмерными, принятые в естественных языках нормы являются достаточно “мягкими”, мобильными. Уже отсюда ясно, что представляющаяся столь уместной борьба с неопределенностью языковых выражений не должна доводиться до превращения языка в излишне жесткую структуру.

Еще одна тема философии языка — это его живость, жизненность. Не случайно *Мандельштам* употреблял выражение “живое слово”. Естественный язык символизирует все стороны духовной жизни человека, от чувственно-познавательных до чувственно-эмоциональных, от мыслительных до эйдетических. Богатство, разнообразие языка есть прямое продолжение богатства психологической жизни человека. *Пушкин* по праву утверждал: “И чувства добрые я лирой пробуждал”. Вот именно, язык пробуждает не только мысли, но и чувства, и эйдосы. Кстати, обратите внимание на очень точное выражение *Пушки-*

на “пробуждал” (возбуждал). Посредством языка один субъект возбуждает в другом импульсы его духовной жизни. Желание говорящего очевидно — имеющий уши да слышит. Но слышит ли? Например, не любящий любящего?

Одна из важнейших функций естественного языка — *коммуникативная*. Языковая коммуникация предполагает установление контакта между лицами, побуждение говорящим своего партнера к слушанию, способность взаимопонимания. Как известно, процесс языковой коммуникации весьма сложен. Известное стихотворение *Ф.И. Тютчева* знаменито не случайно — оно указывает на трудности языковой коммуникации:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая возмутишь ключи,
Питайся ими — и молчи.

Языковая конструкция предполагает наряду с переводом духовной жизни говорящего (или пишущего) в сферу языка также восприятие высказанного слушателем, читателем, поступление повествования в их психику. Говорящий “целит” в слушателя, а тот в свою очередь желает (или не желает) “поймать” мысль, чувство, эйдос своего собеседника. В одних случаях люди понимают друг друга с полуслова, в других — понимание наступает после диалога, дискуссии, взаимной “притирки”. Языковое понимание требует согласованности языка говорящего и языка слушающего.

**Единство и многообразие языков. Метаязык.
Формализованный язык. Машинные языки.
Знаковая форма языка. Философия как язык**

Из Библии известно, что разгневанный дерзостью людей, вознамерившихся после Всемирного потопа построить в Вавилоне башню до небес, Бог “смешал их языки” так, что люди перестали понимать друг друга. Действительно, многообразие языков осложняет взаимопонимание людей. Однако, и это отчасти даже удивительно, многообразие языков — обязательная черта жизни людей. Если бы даже все люди согласились говорить на международных языках воляпюк (создан немцем *Шлейером*) и

эсперанто (создан поляком *Заменгофом*), то тем не менее многообразие языков не было бы ликвидировано. Осталось бы различие между естественными и искусственными, формализованными и машинными языками.

Метаязык — это язык, на основе которого производится исследование другого языка, последний при этом называется *объектным* языком. С точки зрения человека, говорящего на русском языке и изучающего английский, русский язык является метаязыком, а английский выступает в качестве объектного языка. В нашем изложении мы постоянно пользуемся метафилософским языком. Так, в предыдущем параграфе природа естественного языка рассматривалась на базе таких категорий, как возможность, символ. Раздел математической логики, посвященный основаниям математики, называется метаматематикой, она функционирует как метаматематический язык. Соотношение между метаязыком и объектным языком реализуется в процессе перевода. Перевод представляет собой своеобразную *интерпретацию*. Он, конечно же, не сводится к простой замене каждого отдельного слова его коррелятом из соответствующего словаря. Это очень наглядно выясняется при переводе стихов. Сначала получают подстрочник. Но это еще не поэтический перевод, ибо подстрочник не воспроизводит поэтический образ. Потребуются дополнительные усилия, но уже не просто переводчика, а поэта-переводчика, прежде чем будет достигнут адекватный перевод. Замечено, что адекватный перевод, как правило, объемнее оригинала. В языке исследователя зачастую требуется несколько слов, дабы перевести одно иностранное слово. Метаязыки широко используются в науке, здесь они выражают, фиксируют знание наиболее общего характера. Язык философии — это метаязык максимальной общности, его вынуждены использовать все образованные люди.

Наряду с естественными есть *искусственные* языки, созданные людьми для решения определенных задач. К ним относятся языки науки, машинные языки, жаргоны, эсперанто. Особо значительную роль в условиях научно-технической революции стали играть формализованные и машинные языки.

Формализованные языки — это логические или математические исчисления. В отличие от естественного языка в формализованном языке используются логические и математические знаки; всякого рода многозначности и нелепости по возможности исключаются, широко используются формулы. Известный специалист в области математической логики *А.Черч* подчерки-

вал, что формализованный язык нужен для отслеживания логической формы. Великий логик *Г.Фреге*, сопоставляя созданное им исчисление с естественным языком, сравнивал микроскоп с человеческим глазом. В решении одних задач преимуществом обладает глаз, в решении других — микроскоп. Подобно микроскопу, логическое исчисление пригодно лишь в некоторых случаях, там, где человек имеет дело с логической формой.

При оценке значимости формализованных языков часто имеют место крайности: их значение либо недооценивается, либо переоценивается. Ныне все большее число ученых считают, что даже мышление представлено в формализованных языках не во всем своем богатстве. Очевидно, что для логического воспроизведения мышления требуется много формализованных языков. Столь же очевидно, что формализованные языки мало пригодны для выражения чувственно-эмоциональной и эйдетической сторон духовного мира человека. То же относится к творчеству человека. Но, с другой стороны, успешное использование формализованных языков показывает, что деятельность человека, психологическая и предметная, имеет намного более логическо-математический характер, чем это казалось ранее. Поэтому использование формализованных языков приносит человеку все новые выгоды, особенно если это использование машинизируется. *Машинный язык* позволяет записать программы алгоритмов и содержание информации, хранящейся в огромных объемах в запоминающих устройствах вычислительных машин. Если велосипед, мотоцикл, ракета позволяют человеку наращивать скорость своего перемещения, то ЭВМ соответственно позволяет человеку увеличивать объем его памяти и усиливать его вычислительные способности. ЭВМ не обладает психикой, она лишь моделирует ее структуру, характерные для нее связи. Подведем итоги. Духовная, психическая жизнь человека символизируется во многих языках, каждый из которых выражает определенную сторону, закономерность, черту этой жизни. Языки проецируются друг на друга — возникают языковые интерпретации, взаимопонимание людей, ликвидируется вавилонское столпотворение языков.

Язык в своей звуковой и графической формах представлен в основном условными знаками психической деятельности человека. Если субъект говорит или пишет, то он переводит в знаки, “означивает” свой душевный мир и тем самым делает его доступным для других людей. Тот, кто воспринимает речь и письмо, переводит смысл знаков в состояние своей психики. Таким образом, язык как процесс на каждой своей стадии есть симво-

лизация. С этой точки зрения язык людей не исчерпывается системой знаков. Система знаков — это лишь промежуточная стадия процесса функционирования языка, его временная обитель, которую собеседники посещают по необходимости и склонны как можно быстрее покинуть.

Язык явился гениальным изобретением человечества: оказывается, можно извлекать и перерабатывать информацию о предметах, оперируя непосредственно не с ними, а с их знаками. Так началась грандиозная революция, которая приобретает все больший размах. Знаки оказались весьма удобны для их использования в общении, в познавательной деятельности, в науке. Знаки обладают обобщенным характером, они могут использоваться различными людьми в различных ситуациях. Использование формализованных языков позволяет получать информацию в компактной форме и, самое главное, эффективно экономить время. Знаки в силу их материального характера удобны для машинной обработки, для развития технических систем связи. Наиболее развитые страны, такие как Япония, США, ФРГ, часто называют информационным обществом. Здесь использование знаковых систем производится более эффективно, чем в других странах. Одно из главных направлений развития современного человека связано с его знаково-символической деятельностью. Это обстоятельство во многом объясняет, почему современная философия по необходимости является лингвистической (языковой) философией.

Философию часто характеризуют в качестве формы сознания. Но философия — это еще и язык, форма языковой деятельности. Философ занимается знаково-символической деятельностью не меньше, чем представители других наук. Язык философии по отношению к любым языкам часто используется как метаязык. Причина ясна. Язык философии имеет дело с наиболее общими чертами мироздания; особенное и единичное удобно рассматривать с позиций общего. Философия есть метаязык по отношению как к физике и математике, так и к логике и математике. Но язык философии тоже может быть подвергнут исследованию, например с позиций языка логики. В таком случае логика играет роль метаязыка, а философия — исследуемого (объектного) языка. В науке существует что-то вроде закона оборачивания языков: каждый язык смотрится в зеркало другого. В оборачивании языков активное участие принимают естественные языки.

Когда неопозитивисты применили к анализу естественного языка логику, то они обнаружили там... логику. Естественный

язык остался естественным языком, но ему был придан более ясный логический вид. Не без удивления логики и математики обнаружили, что создаваемые ими в муках творчества “точные” языки всегда окружены неустрашимым “шумом” естественного языка. Естественный язык гонят в дверь, а он заглядывает в окно. Нечто аналогичное происходит и с философским языком — он неустрашим.

Философия культуры. Культура и цивилизация

Чрезвычайно сложный процесс символизации человеком своих исконно человеческих возможностей и сил характеризуется различными категориями, среди них такие важнейшие, как культура, цивилизация, практика. Термины “культура”, “цивилизация” часто используются как синонимы. В таком случае обычно подчеркивают, что культура как специфический человеческий способ бытия отличается от бытия животных. Культура наследуется не биологически, а посредством социализации, например через обучение. Обозначение одной и той же категории двумя различными терминами малоуместно. Мы считаем, что между категориями культуры и цивилизации есть существенная разница.

Цивилизация и культура — слова латинского происхождения. Цивилизованный — принадлежащий к цивилизации. Культурный — воспитанный, образованный, развитой, почитаемый. Уже в происхождении слов “культура” и “цивилизация” видно определенное различие, которое и получило свое оформление в категориях культуры и цивилизации, введенных в обиход философской мысли во второй половине XVIII в. Цивилизация — это все человечество во всем его богатстве, в том числе и символических проявлений. Культура — это достижение цивилизации, самое совершенное в ней — триумф человеческого.

Что касается языка, то он является составляющей цивилизации. Лишь своими достижениями, совершенством он достигает области культуры. Анализ природы языка, выявивший многие специфические и характерные черты символического, существенно облегчает нам анализ природы цивилизации и культуры. Такой анализ необходим. События в XX в. зачастую развиваются совсем не так, как бы хотелось, восходы сменяются закатами, взлеты — падениями, и всякий раз в этих метаморфозах едва ли не решающую роль играет культура и внутреннее содер-

жание цивилизации. Стремление человека к совершенству требует знания феноменов культуры и цивилизации. Когда обществу плохо, то его надежды связаны с культурой (а на что еще можно надеяться?).

Исходное определение культуры выражает ее символический характер. Культура — это *инобытие человеческого духа*, представленное в знаках. Уже здесь возникают первые коллизии, истоки взлетов и падений, различного рода кризисов. Культура не только соединяет, но и разъединяет внутренний и внешний мир человека. Русский философ и литературовед *М.М. Бахтин* подчеркивал, что культура не имеет своей территории. В нашем контексте это означает, что она постоянно мечется между духом человека и его знаками, находя лишь временное пристанище в каком-то из этих двух регионов. Если *Э.Кассирер* оценивал символический характер культуры как обязательное ее свойство, а следовательно, не подлежащее критическому восприятию, то интуитивист *А.Бергсон* резко критиковал такую позицию. Он настаивал на том, что философский акт состоит в преодолении символических форм, после чего только и возможны чисто интуитивное постижение предмета и вообще действительная жизнь. Символическую природу культуры, однако, никому не дано отменить. Критики Бергсона указывают на возможность забвения человека в символических продуктах культуры и цивилизации. Этого не будет в случае, если культура реализуется как полноценный диалог. *М.М.Бахтин* не устал подчеркивать *диалоговый характер* культуры.

На стадии своего перехода от внутреннего мира человека во внешний мир цивилизация выступает как совокупность знаков, культура — как особый знак, произведение, совершенство. Шум оркестра — это еще не культура, хотя уже цивилизация. С культурой мы встречаемся тогда, когда слушаем *Чайковского* или *Бетховена*, читаем *Пушкина*, созерцаем иконы *Рублева*, наслаждаемся игрой лучших актеров мира, пользуемся современной техникой. Культура — это мастерство, высочайшая квалификация, в ней показывает себя автор-мастер. А перед ним находится зритель, слушатель, читатель, который может и не понять смысл произведения культуры. Культура вне общения умирает, она, кроме всего прочего, есть общение.

Культура как общение реализуется только в том случае, если она общезначима, т.е. не остается сугубо личным делом своего творца. В общезначимости культуры скрыты новые коллизии. Как наиболее совершенное достижение цивилизации куль-

тура доступна в равной степени далеко не всем. Культура обладает общезначимостью лишь для того круга людей, которые понимают ее, она не универсальна. *Чем выше уровень культуры, тем меньше удельный вес членов общества, понимающих ее.* Всякая цивилизация гордится своей культурой, но она не в силах сделать ее своим подлинным основанием, фундаментом. Общественная пирамида в своей опоре на культуру крайне неустойчива, ибо ее основание малочисленно по сравнению с верхней частью. Это весьма напоминает ситуацию с геометрическим телом, поставленным на свое острие: балансирование если и возможно, то лишь в течение короткого промежутка времени.

Фактически само создание культуры является источником одной из глобальных проблем современности: отрыва культуры от широких народных масс. Последним доступна *массовая* культура, значение которой огромно как в положительном, так и в отрицательном смысле. По отношению к настоящей культуре массовая культура есть маргинальное явление, то есть она находится на краю культуры.

Культура как диалог состоится только тогда, когда имеет место триумф человеческого не только на стороне автора, но и воспринимающих его творения. Хорошо известно, что этого триумфа может и не быть. Культура — это торжество не просто человека, а человечности, но именно этого иногда лишен просвещенный, образованный — и только — субъект.

Культура — это всегда творчество, деятельность, ценностное отношение человека к себе и другим по законам истины, красоты и добра. Истина выше уже была предметом философского анализа, теперь очередь красоты.

Эстетика. Красота, прекрасное, возвышенное

Мир человека включает красоту, интуитивно это ясно каждому. Всякий человек способен на любовь, а любят по большей части красивое, прекрасное, возвышенное. И соответственно многим, мягко говоря, не нравится безобразное и низменное. Однако наивно-интуитивное понимание мира красоты недостаточно для уверенного ориентирования в нем. Здесь, как обычно в проблемных ситуациях, ощущается потребность в хорошей философии. Интересно, что вплоть до середины XVIII в. философы не придавали должного значения сфере красоты. Философы античности, средневековья, Возрождения считали самостоятельны-

ми разделами философии, например, логику и этику, но не эстетику. Почему?

Греческое “эстетикос” означает “относящееся к чувству”. Но чувство считали всего лишь моментом познавательной или же практической деятельности. Когда же выяснилось, что мир чувственно-эмоционального имеет не только подчиненное, но и самостоятельное значение, наступило время эстетики, в рамках которой получают свое осмысление такие ценности, как красота и прекрасное. Основатель эстетики *Баумгартен* определял красоту как совершенство чувственного, а искусство — как воплощение красоты. Категория прекрасного конкретизирует категорию красоты, ибо она более конкретна, включает в явном виде элементы сопоставления: нечто не просто красиво, а очень красиво, прекрасно и максимально далеко отстоит от безобразного, антипода прекрасного. Подчеркивая своеобразие эстетического восприятия, *Кант* характеризовал его как “целесообразность без цели”. Эстетическое суждение не заинтересовано в чем-то другом, оно обладает самостоятельной ценностью. В жизни человека эстетическое начало имеет свою особую нишу.

Где и как существует эстетическое? Самый простой ответ на этот вопрос таков: эстетическое, а сюда входит и красота, — это свойство предмета. Такой ответ с позиций понимания знакового, символического характера эстетического является довольно наивным. Будучи включенным в процесс символизации, эстетическое объединяет, связывает субъект с объектом, духовное с телесным. Ошибаются как “природники”, считающие эстетические свойства принадлежащими объектам, так и те, кто сводит эстетическое к восприятиям индивида. Тайна эстетического состоит в удивительной согласованности “лица” предмета с внутренней эмоционально-образной жизнью человека. В своем эстетическом отношении к природе, к другим и к себе человек постоянно проверяет все на человечность, ищет пропорции, которые бы органично связывали его с внешним окружением.

Если мы обратимся к субъективной стороне эстетического начала, то первое, что хочется сделать, это отнести его к одному из ведомств психической жизни человека. Что есть эстетическое? Чувство, эмоция, наслаждение, мысль, эйдос, ценность? Оказывается, ничто из перечисленного нельзя исключить из феномена эстетического, можно лишь выделить доминирующие моменты. В субъективно-эстетическом доминирует чувственно-эмоциональное, а не мыслительное, которое в данном случае имеет подчиненное значение. Вместе с тем эстетическое не имеет мес-

та вне целостного и живого единства, полноты переживания, а это означает, что оно есть эйдос. Эстетическое в форме красоты, прекрасного есть обещание счастья.

Ценностный характер эстетического особенно ярко проявляется в соотношении в нем прекрасного с безобразным, причем они далеко не равнозначны. *Человек стремится не к безобразному и низменному, а к прекрасному и возвышенному.* Лишите мир эстетически положительного, и вы потеряете значительно больше, чем половину чувственного восприятия.

В стремлении преумножить и развить мир прежде всего прекрасного, красивого человек обращается к искусству. Искусство, как уже отмечалось, есть воплощение красоты, что, разумеется, предполагает сотворение последней.

Выражать красоту могут звук, свет, вещество, движение, ритм, тело человека, слово, мысль, чувство. Видов искусства, как известно, много: архитектура, скульптура, литература, театр, музыка, хореография, кино, цирк, прикладное и декоративное искусство. Всякий раз носителем красоты является нечто, например в случае музыки — звуки, которые извлекаются музыкантами посредством музыкальных инструментов. Строка известного романа гласит: “О если б мог выразить в звуке всю силу страданий моих...”. Искусство есть умение выразить себя по признакам красоты. Датский философ XIX в. С.Кьеркегор дал образную характеристику поэту: его губы устроены так, что даже стон превращается в прекрасную музыку. Красоту, прекрасное можно выразить не только в чем-то сугубо материальном, но и, например, в мысли. Так, в науке высоко ценят доказательства, т.е. красоту мышления, мыслей. Красивыми являются и чувства, если они ведут к положительно ценностным переживаниям. Примеров тому не счесть, от любви Ромео и Джульетты до мужества воина, защищающего родину.

Для конструктора, инженера, техника весьма существенно видеть сходство и различие между, с одной стороны, произведением искусства и, с другой стороны, техническим артефактом, т.е. техническим изделием или устройством. Греческое “технэ” означает искусство, мастерство. Как художник, так и техник являются искусными мастерами, хотя цели их работы и творчества не совпадают. Предназначение произведения искусства состоит в его функционировании в качестве символа красоты, прекрасного; предназначение технического артефакта состоит в его полезности для человека. Нельзя исключить того, что в некоторых случаях техническое изделие является и произведением искус-

ства, но это имеет место далеко не всегда. Вместе с тем всякий технический артефакт не выпадает из мира эстетического. Более того, как выяснилось, полезность технического изделия не противостоит его эстетическим достоинствам, а образует с ним своеобразное, но желательное для человека единство. Осознание этого факта привело к развитию *дизайна*, художественного конструирования предметов, в том числе техники. Слово “дизайн” английского происхождения и весьма удачно отражает суть технической эстетики. Оно состоит из корневой основы “зайн” (знак, символ) и префикса “ди” (отделение). Дизайнер осуществляет разнообразную символическую деятельность. Он переводит свой духовный мир в технические знаки, актуальные для пользователей техникой. Для дизайнера техника — это не просто железки, а символ красоты, прекрасного. Он, надо полагать, глубоко понимает, что хотя выразительные возможности техники не всегда позволяют достичь совершенства произведений искусства, в эстетическом смысле именно последние являются идеалом техники. Философия открывает доступ к пониманию эстетических достоинств мира, техники в том числе.

Философия практики

Символизируя себя, человек действует, он есть деятельное существо. Греческое слово “практикос” означает деятельный, активный. Соответственно *практика есть деятельность человека*.

Все, что выступает как деятельность человека, есть практика. Язык, культура и многочисленные ее составляющие — это разновидности практики. Мышление, переживание, эйдетирование тоже относятся к практике. Но, например, эйдетирование представляет собой весьма вырожденный случай практики, когда средство и результат сводятся к использованию возможностей самого субъекта. Часто под практикой понимают материальную практику, то есть такую деятельность, где средством и результатом является материальный предметный мир. Но материальная практика — это также всего лишь одна из разновидностей практики.

В античном обществе тяжесть физического труда была уделом рабов. Даже к искусству культивировалось пренебрежительное отношение. Наивысшей формой деятельности считалось созерцание мудреца. Созерцательное отношение к действительности перемещает проблематику практики в разум челове-

ка. Учение о практике (праксиология) выступает как *этика*, учение о добродетели. Этика — характерная черта как античной, так и древнеиндийской философии. Через всю мировую философию проходит традиция этического понимания практики.

Христианство первоначально рассматривало труд как проклятие, наложенное Богом на человека. Главная форма деятельности связывается со служением Богу, а это прежде всего молитва и все, что с ней связано.

В *Новое время* в борьбе против схоластики практическая направленность философии подчеркивалась английскими философами (*Ф.Бэконом, Гоббсом, Локком*). Стремление создать философию, имеющую применение в жизни, основывается на могуществе разума. Во всей философии Нового времени в качестве подлинной формы деятельности рассматривается мыслительная деятельность.

Кант вводит градации разума: теоретический разум созерцает мир вещей; только практический разум преодолевает границы созерцательного отношения к объектам, и поэтому он имеет приоритет над теоретическим разумом. Практический разум выступает как воля, а практика — как нравственно-справедливое деяние. Практика характеризуется Кантом в категориях цели, свободы, воли, нравственности. *Гегель* делает решительный шаг по освобождению практики от субъективной установки. Он обращает свое внимание на категорию средства. Средство, по Гегелю, обладает преимуществом перед целью, а именно “всеобщностью наличного бытия”. Субъективное единично, а средство всеобщее. Для Гегеля труд есть самопорождение человека, но реализует он логику не человека, не средств производства, а абсолютного духа. Абсолютный дух как целое реализуется в своих абстрактных моментах в теории и практике. Практика выше теоретического познания, ибо она обладает достоинством не только всеобщности, но и действительности. К гегелевским приоритетам объективного над субъективным, практического над теоретическим, средств над целью самым теснейшим образом примыкает *марксизм*, который *Грамши*, итальянский философ и политический деятель, называл философией практики.

Для многих направлений западной философии XX в. практика есть деятельность индивида, понимаемого как волевое (прагматизм), рациональное (неопозитивизм) существо, реализующее свою свободу в проекте и выборе (*Сартр*). В философии *Гуссерля* практика содержит все формы активности человека, из которых, однако, философский анализ вычленяет чистое знание,

теорию. Именно это знание становится предметом анализа. Для Хайдеггера “бытие-в-мире” человека есть обхождение с вещами. Сфера общественно-практического обладает неподлинным бытием, в ней источники кризиса человечества.

Итак, подведем итоги рассмотрения практики в различных философских направлениях. Категория практики понимается в широком и узком смысле либо как любая деятельность человека, либо как его исключительно предметная деятельность. Автор надеется, что известная неоднозначность терминов стала для читателя чем-то само собой разумеющимся. Такова специфика языка философии.

Практика обладает структурой, ее элементами являются: 1) ценности; 2) цель; 3) целесообразная деятельность; 4) средства практики; 5) объект практического действия; 6) результат действия.

Ценности — это главные регулятивы, смыслы практики. Вне ценностей практика уподобляется деятельности животных.

Цель присуща субъекту или же группе людей. *Цель* — это субъективный образ желаемого будущего, то, ради чего предпринимаются определенные действия. Не надо думать, что конечная цель непременно сводится к каким-то конкретным предметам. Цель содержит ценности, стремление к которым не ограничено каким-либо пределом. Философское учение о цели называется *телеологией*. Практика является деятельностью преследующего свои цели человека. Поэтому она есть *целесообразная деятельность*.

Сама эта деятельность выступает символизацией цели. Здесь субъект неминуемо встречается с природой, которая признает не благие пожелания, а силу. Природе человек противостоит как сила природы. В природе человек осуществляет свою цель. Все, что используется ради достижения цели, называется *средством практики*. Это не только машины, орудия труда, но и знания и жизненный опыт людей. То, на что направлено действие, называется *объектом практики*.

Деятельность, как выражался *Маркс*, угасает в продукте. Цель осуществляется. Реализованная цель уже не есть цель. Возможность превратилась в действительность; практическое действие исчерпало себя. Эстафета практических действий образует практику человека, его деятельную жизнь.

На стадии достижения *результата* практики субъект имеет возможность оценить эффективность своих действий, все те эмоциональные и рациональные моменты, которые их сопровождали. Практика становится критерием истинности, не всегда

окончательным и исчерпывающим, но тем не менее всегда позволяющим сделать оценку истинности обстоятельной и содержательной. Практика не единственный критерий истинности, но один из главных. В “Тезисах о Фейербахе” молодой Маркс писал: “В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления”.

В структуре практики много относительно самостоятельных моментов, значение которых неодинаково. Это находит свое отражение в специфике философских учений. Когда кантианцы анализируют практику, они исходят из активности субъекта. Марксисты переносят акцент на средства практики, придавая им особое значение. Между тем практика есть единое целое, здесь все взаимосвязано. Не всегда вообще уместно “разбивать” практику на определенные моменты и устанавливать между ними субординацию.

Практика, как и все в мире, существует в более или менее развитых формах. Практикой является не только общественное производство, но и всякая человеческая деятельность. Например, процесс индивидуального мышления — это тоже практика. В практике принимают участие не только рабочий и инженер, но и политик, и ученый, короче, каждый человек. Непрактикой является не умственная или какая-либо другая интеллектуальная деятельность, а отсутствие деятельности в ее специфических человеческих качествах. Если природные процессы не вовлечены в сферу деятельности человека, то они не относятся к сфере практики. Часто говорят о необходимости преодоления разрыва между теорией и практикой, получается, что практике противоречит теория. Другая же точка зрения состоит в том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория. Актуальной задачей является не преодоление мнимого разрыва между теорией и практикой, а развитие практики, наращивание ее эффективности. Хороший практик — это тот субъект, то общество, которое действует эффективно.

Что касается форм практики, то их в соответствии со структурой человеческой деятельности достаточно много. Есть практика экономической, политической, социальной, духовной жизни, практика искусства и науки, языковая практика и т.д. Философия рассматривает практику в категориальном плане, с позиций того общего, что присуще всем формам практики.

Тема практики весьма тесно и органически смыкается с проблемами нравственности. Если человек действует, то ради чего? Знаменитый вопрос *Канта* гласит: “Что есть цель человека?”

Для *Платона* практика есть нравственно благая и к тому же прекрасная деятельность. Свободная воля человека, считали стоики античности, воплощается в добродетели.

Согласно *христианству*, деятельность человека положена Богом и пронизана его благостью. Бог воплощает в себе высшее добро. Бог ведет человека к добру, но чтобы успешно двигаться по этому пути, надо преодолеть разного рода искушения.

Согласно *Ф.Бэкону* и философии Нового времени, практическая деятельность должна быть направлена на облегчение бедствий человеческого существования и достижение благих целей, в особенности согласия между людьми (*Локк*).

Кант идет дальше: он считает высшим достижением практического действия отнюдь не стремление к благим целям, а реализацию основного нравственного закона. Проблема цели решается в сфере не того, что есть, а того, что должно быть. В этой связи возникают многочисленные аксиологические (ценностные) проблемы.

В *марксизме* историческая поступь практики понимается как реализация диалектики добра и зла. Марксистская программа переустройства мира направлена на достижение коммунистических идеалов, а они, мол, имеют общественно-этический характер.

Гуссерль обеспокоен тем, что практика ведет к забвению исходных жизненных реалий, к которым надо постоянно возвращаться, чтобы избежать всеобъемлющего кризиса. Лишь в этом случае практика достигает своих подлинных целей.

Как видим, в философии есть влиятельные традиции рассмотрения практики как достижения благих целей. Чаще всего философы не склонны понимать практику в русле узкого практицизма, стремления из всего извлечь непосредственную материальную выгоду. Интерес философов явно направлен на реализацию ценностей всеобщего характера, а это и есть добро. Тезис “цель оправдывает средства” критиковали и *Кант*, и *Гегель*, и *Маркс*. Использование неблагих средств неминуемо ведет к достижению неблагих целей.

Добро. Три этики. Личность, проблемы свободы и ответственности

Существует специальный раздел философии, этика, в рамках которого проблема добра и зла рассматривается в деталях.

Термин “этика” *Аристотель* образовал от греческого слова “этос”, которое переводится на русский язык как обычай, характер. Современная этика знает много концепций, главными из них являются этика добродетели, этика долга и этика ценностей.

Основные идеи *этики добродетелей* разработал Аристотель. Под добродетелями понимаются такие качества личности, реализуя которые человек контролирует свои страсти. Считается, что, действуя в соответствии со своими добродетелями, человек неминуемо оказывается нравственным. Зло связано со скудостью добродетелей. Согласно *Аристотелю*, главные добродетели следующие: мудрость, рассудительность, мужество, справедливость. Знаменитый английский математик и философ *Б. Рассел* предлагал свой список добродетелей: оптимизм, храбрость (умение отстаивать свои убеждения), интеллигентность. Новейшие авторы (они не без гордости величают себя неоаристотелианцами) особенно часто указывают на такие добродетели, как разумность, толерантность (терпимость к чужому мнению), коммуникабельность, справедливость, свободолюбие.

В противовес этике добродетелей *Кант* развил *этику долга*. По Канту, идеал добродетели, безусловно, может вести к добру, но он, случается, приводит и к злу — когда им распоряжается тот, в венах которого течет “холодная кровь злодея”. Почему это происходит именно так? Потому что в добродетелях добро нашло свое частичное и относительное, не полное выражение. Решающим, основополагающим критерием добра может быть лишь то, что является добром без каких-либо оговорок и ограничений. Критериями добра оказываются моральные законы, максимы типа “Не убей”, “Не лги”, “Не используй человека как средство”, “Не воруй”. Вернейшей гарантией от злого поступка являются не добродетели, а имеющие всеобщий, универсальный, обязательный, формальный, априорный и трансцендентальный характер моральные максимы.

Этика долга имеет и в наши дни многочисленных сторонников, тем не менее многие критикуют ее за известную отстраненность от жизни и склонность к догмам. В этой связи была развита *этика ценностей*, согласно которой существуют только относительные ценности, относительное добро. И к тому же ценности надо подсчитывать, калькулировать, только так можно избежать этических химер. Наиболее значительными разновидностями этики ценностей являются английский утилитаризм и американский прагматизм.

Английский *утилитаризм* был развит *А.Смитом*, *И.Бентамом*, *Дж.С.Миллем*. Латинский термин “утилитас” означает пользу, выгоду. В рамках утилитаризма важнейшим критерием добра оказывается достижение пользы, но не во что бы то ни стало, а в соответствии со знаменитой формулой Бентама: “Наибольшее счастье для наибольшего числа людей”. Саму полезность Бентам понимал как наслаждение при отсутствии страданий.

В американском *прагматизме* (*Ч.Пирс*, *У.Джемс*, *Дж.Дьюи* и др.) моральное благо понимается как достижение успеха, которое увязывается с разрешением конкретной проблемной ситуации, с соответствующими практическими методиками. Прагматисты более определенно, чем утилитаристы, настаивают на том, что ценности являются результатом деятельности человека.

Как видим, каждая из трех этик обладает как недостатками, так и достоинствами. Этика добродетелей концентрируется на понимании морального облика отдельной личности, этика долга ставит на первое место всеобщие моральные законы, этика ценностей рассматривает бытие человека в мире. И первое, и второе, и третье весьма актуально. Поэтому насущной задачей является синтезирование трех этик, объединение их сильных сторон.

Современность с ее кризисными симптомами ставит перед этикой довольно трудные задачи. С одной стороны, эти симптомы явно свидетельствуют о потере решающего звена, каковым, по мысли знаменитого гуманиста *А.Швейцера*, является этическое начало. С другой стороны, есть философы, в том числе и знаменитые, например, немец *М.Хайдеггер* и француз *Ж.-Ф.Лиотар*, которые склонны противопоставить этике эстетическую непосредственность. По *Лиотару*, современный мир раздроблен, фрагментарен, многозначен; поиск этического единства неминуемо приведет к новому тоталитаризму. А потому на смену старомодным этическим интуициям приходит возвышенное, подлинно этическое. Добавим к этому, что для нашей, российской действительности характерно какое-то особо невнимательное, отстраненное отношение к этике, которую нередко считают прерогативой разве что учителей и священников, но никак не сильных мужей.

Однако действительно ли этика есть нечто старомодное? Конечно же, нет. Тезис о старомодности этики в развитых странах Запада культивировался лет 25–30 тому назад, но отнюдь не энергично. Ныне же проблемы этики разрабатывают авторитетнейшие философы и ученые. Дело, которым они занимаются, считается и актуальным, и благородным.

Одна из новых этических идей связана с *проблемой соотношения свободы и ответственности личности*. Ожесточенные споры, ведущиеся вокруг проблемы свободы со времен античности, в XXI в. приобрели особую остроту. Техногенная цивилизация не позволяет больше игнорировать тезис: “Человек может сделать больше, чем он имеет право”. Вопрос ныне стоит ни много ни мало о выживаемости человечества. А значит, необходимо сочетать свободу и ответственность.

Лозунг свободы “Не мешайте действовать” восходит к эпохе буржуазных революций XVII–XVIII вв. Путь к нему проложила критика различного рода феодальных регламентаций. Развитие капитализма вплоть до наших дней сопровождается требованиями обеспечения для личности разнообразных “свобод”. Свобода стала интерпретироваться как основная ценность буржуазно-либерального общества. Весьма показательна в этом смысле позиция французского экзистенциалиста *Ж.-П. Сартра*, который не делал различия между бытием человека и его свободой. “Быть свободным, — писал он, — значит быть проклятым для бытия-свободы”. Его же знаменитое выражение: “Мы приговорены к свободе”. Согласно *Сартру*, человек находится в определенной ситуации, в рамках которой он должен сделать соответствующий выбор. Всякого рода принуждение извне не отменит свободу человека, ибо он всегда имеет поле возможностей для своего выбора. Для Сартра свобода есть абсолютная ценность. Эта позиция была весьма популярной вплоть до последней четверти XX в. Ситуация резко изменилась после появления в 1979 г. книги немецко-американского философа *Г. Йонаса* “Принцип ответственности. Попытка разработки этики для технической цивилизации”. С тех пор появилось несколько тысяч публикаций, авторы которых обращали внимание на относительный характер свободы как ценности, на то, что свободу необходимо объединить с ответственностью.

Специалисты установили, что возраст стремительной карьеры понятия ответственности составляет всего чуть более ста лет. основополагающим принципом этики понятие ответственности стало лишь в 80-е годы прошлого века.

Выделим две концепции ответственности: классическую и неклассическую. Согласно *классической концепции*, субъект действия несет ответственность за его последствия. Как носитель ответственности субъект должен быть самостоятельным и свободным; мы еще раз убеждаемся, что свобода и ответственность взаимосвязаны. Субъект действия должен быть в состоянии преду-

смотреть последствия своих действий, а это возможно лишь тогда, когда он действует самостоятельно, а не в качестве “винтика”. Наконец, субъект действия должен отвечать перед кем-то: перед судом, начальником, Богом или своей собственной совестью. Отвечать (отсюда термин “ответственность”) приходится за содеянное, за последствия действий, которые ставят их субъекта в положение обвиняемого. Этика ответственности — это этика поступка; если поступок не состоялся, нет и ответственности. Этику ответственности можно также назвать этикой конструктивности — субъект конструирует свои действия, характер этих действий не задан изначально.

Там, где субъект выступает участником группы, где из-за разделения функций в принципе невозможно предусмотреть последствия своих действий, необходима новая, *неклассическая концепция* ответственности. Ибо в описанной ситуации, а она встречается в технической цивилизации на каждом шагу, классическая концепция теряет свою применимость из-за того, что условия ее правомерности не выполняются. Субъект действия ответствен теперь изначально не за неудачи своих действий в рамках заданной организационной структуры, а за порученное дело, за успех последнего. Несмотря на все неопределенности, субъект решает задачу правильной организации дела, управления ходом его осуществления; ответственность теперь связана не с абсолютной свободой человека, а с нормами и функциями демократического общества. Не будет преувеличением констатировать, что классической концепции ответственности соответствует понятие абсолютной свободы автономного субъекта. Неклассическая концепция ответственности имеет своей параллелью свободное общество, с требованиями которого приходится считаться каждому.

Было бы опрометчиво утверждать, что неклассическая концепция ответственности разработана с предельной степенью ясности. Напротив, она насыщена проблемными аспектами, которые ждут своего разрешения. Одна из них — проблема разделения ответственности. Представьте себе, что группа людей делает общее дело. Как определить степень ответственности каждого отдельного субъекта действия? Над этим многие философы, этики, юристы ломают себе голову. Все они понимают, что в современном обществе с его высокой рискоемкостью нельзя экономить усилия на развитие актуальной ответственности.

Этика ответственности — это, на наш взгляд, вершина современной этической мысли. Суть ее состоит в том, что человек как

существо, оперирующее ценностями, должен исчерпывающим образом учитывать их особенности, возможности сочетания. Бездумность, поверхностность в этом деле неминуемо приводят к ситуациям, когда под вопрос ставится само будущее человека. Нет другого пути обеспечить выживаемость человека, кроме того, который регламентируется содержанием *принципа ответственности*. Согласно этому принципу, следует поступать наиболее эффективным образом, что предполагает сочетание ценностей, дающее наилучший результат в проекции на максимально отдаленное будущее. Абсолютизация сиюминутных выгод несоместима с принципом ответственности.

Разумеется, для проведения принципа ответственности в жизнь недостаточно одних благих пожеланий. Успех нравственного дела едва ли может быть обеспечен без сознательного и целенаправленного использования достижений философии и разнообразных наук. В этом деле неуместна какая-либо изоляция философии от наук. Естественно, в нравственных деяниях функции философии отличаются от функций конкретных наук.

В нефилософских науках вырабатываются рецепты эффективных действий в той или иной области человеческой деятельности. Вспомним в этой связи о ценностях экономических (прибыльность, рентабельность), политологических (представительная демократия, разделение властей), экологических (сохранение природы, недопущение ее загрязнений), информационных (равный доступ к информации) и других наук.

Что касается философии, то она оперирует ценностями особого рода, позволяющими интерпретировать содержание любых наук. Принцип ответственности — это философская ценность, он имеет актуальнейшее значение для всякой науки. Философские ценности вырабатываются в философии, в ее различных школах и направлениях. Философскими ценностями являются, например, следующие методологические требования: используйте феноменологический метод (феноменологи), выявляйте суть дела (герменевтики), будьте свободными в своих поступках (экзистенциалисты), боритесь против эксплуатации одних людей другими (марксисты), наделяйте слова ясными и четкими значениями (аналитики).

Итак, в этике союзу философии с конкретными науками нет альтернативы. Желание прописать этику исключительно по ведомству философии несостоятельно: ценности широко используются не только в философии, но и в конкретных науках. Стремление обойтись в нравственных делах без философии также не-

приемлемо: без философских ценностей этический мир человека является весьма обедненным.

В заключение данного параграфа обратимся к практической функции философии. Существует старое-престарое заблуждение, что нет ничего более непрактичного, чем философия. Между тем исключение философии из сферы практики, конечно же, несостоятельно. Это особенно очевидно перед лицом этики. Этику часто называют практической философией или этикой поступка. Без этики не может обойтись ни отдельная личность, ни человечество в целом. Кстати, как для женщины, так и для мужчины нет ничего более благородного, чем быть нравственно чистым. Этика — мужское дело в не меньшей степени, чем, например, техника. К этике обращается тот, кто действует. Каждый человек является ее носителем, плохим или хорошим, независимо от своих желаний. К сожалению, многие в своей практической деятельности используют суррогаты философии. И дело тут не в практической слабости философии, а в очевидных упущениях самих субъектов действий. Скольких трагедий и драм могли бы избежать люди, обратившись к практической силе философии. “Только нравственность в наших поступках,— считал *Эйнштейн*,— придает красоту и достоинство нашей жизни”.

Смысл человеческого бытия

О смысле человеческого бытия, или, говоря проще, жизни, спорят с незапамятных времен. Многие даже полагают, что вопрос о смысле жизни не имеет ответа, он-де ставится некорректно. Предыдущий анализ убеждает в обратном.

Что имеется в виду под смыслом жизни? То, что является самым значимым в жизни человека и выражает его специфику. С этих позиций становится понятным, что смысл жизни человека выражается его ценностями. Смысл человеческого бытия — это те ценности, которые реализуют люди в своих поступках. Именно институт ценностей отличает человека от всех других живых существ.

Итак, для того чтобы определить смысл жизни, необходимо обратиться к ценностным представлениям, наиболее значимые сведения о которых поставляют философия и конкретные науки. В соответствии с современными данными философии и науки невозможно представить себе более значимый моральный ориентир

(идеал), чем жизнь в соответствии с принципом ответственности. Каждый человек поступает не иначе как в полном соответствии со своими ценностными установками, кстати, соизмеряя их друг с другом. Впрочем, успешно реализовать принцип ответственности удается не всякой личности: многим недостает либо образования, либо доброй воли, либо этической осведомленности. Смысл жизни есть у каждого, но, безусловно, не всякий смысл жизни заслуживает одобрения. Различного рода отступления от этики ответственности независимо от того, совершаются ли они вольно или невольно, ведут в царство аморальности, а порой и преступлений против человечества.

Итак, у каждого человека есть смысл жизни — его ценности. Идеалом же моральности с позиций философии и науки сегодняшнего дня выступает полновесная реализация принципа ответственности. Сделанные выводы позволяют с весьма содержательных позиций рассмотреть ряд часто обсуждаемых дискуссионных вопросов. Речь идет о: проблеме добра; свободе вероисповедания и религиозных ценностях; этике ненасилия. Рассмотрим эти вопросы более детально.

Часто говорят, что смысл жизни состоит в том, чтобы делать людям добро. С таким утверждением следует, пожалуй, согласиться, но при по крайней мере одном неременном уточнении относительно содержания слова «добро». «Добро» — это термин, дошедший до наших дней из глубины веков, на нем лежит печать частью устаревших, частью непроясненных должным образом представлений. Чтобы уточнить содержание этого термина, необходимо обратиться к развитым этическим теориям. Но в таком случае выясняется, что в современном понимании добро есть не что иное, как следование этике ответственности. Смысл жизни состоит в том, чтобы быть добрым, или, выражаясь точнее, быть ответственным.

Поразмышляем теперь о свободе вероисповедания и религиозных ценностях. Довольно часто свободу вероисповедания отождествляют с так называемой свободой совести. Такое словоупотребление приводит к известной путанице. Дело в том, что термин «совесть» несмотря на свою библейскую историю (он упоминается в Новом Завете три десятка раз) впоследствии приобрел философскую значимость. Под совестью обычно понимают осознание высшей формы моральности. В этом контексте свобода совести — это нечто совсем иное, чем свобода вероисповедания. Свобода вероисповедания — это как раз и есть свобода вероисповедания, а не свобода совести.

Требование свободы вероисповедания предполагает допустимость культивирования любой религии, каждый человек признается самодостаточным в своем религиозном самоопределении. Такое самоопределение предполагает вполне конкретный ценностный выбор. При осмыслении мотивов и последствий этого выбора выясняются некоторые линии напряженности, существующие между философией и религией. Этические направленности религии и философии, скажем откровенно, разнятся весьма существенным образом.

В соответствии с главенствующей в философии этической тенденцией ценности изобретаются самими людьми и постоянно совершенствуются в процессе различных исторических метаморфоз. С этой позицией адепты наиболее влиятельных религиозных систем, таких как иудаизм, христианство и ислам, не согласны категорически. Они полагают, что все наиболее религиозно значимое задается Божественным Откровением, сообщенным людям соответственно *Моисеем* (иудаизм), *Иисусом Христом* (христианство), *Магомедом* (ислам). Божественное Откровение задает неизменные, данные раз и навсегда ценности. В Нагорной проповеди Христа блаженными признаются плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду и преследуемые за христианскую веру, любовь к Богу. Согласно христианству, каждый его сторонник заведомо является человеком высокоморальным, причем без философии и наук.

Как относятся современные философы к религиозным, в том числе христианским, ценностям? По-разному. Одни их горячо одобряют, другие резко критикуют. Очень многие философы, на наш взгляд, абсолютное большинство, считают христианскую этику важнейшим, сохраняющим актуальность и в наши дни достижением. Вместе с тем они полагают, что новейшая этика вслед за бурно развивающимися философией и наукой ушла далеко за религиозные горизонты. Суть дела довольно проста: чтобы быть по-настоящему моральным в конкретной ситуации, нужно, как правило, знать очень многое, следовательно, не обойтись без философии и наук.

Обратимся теперь к проблеме насилия—ненасилия. Взаимоотношения людей предполагают сотрудничество. Если оно налажено в соответствии с этическими предписаниями, то насилию нет места. Моральные субъекты взаимодействуют между собой не по праву силы, а на основе согласования своих ценностных предпочтений. В определенной степени это обстоятельство было

предвосхищено более трех тысяч лет тому назад. Впервые тезис о ненасилии был сформулирован в древнеиндийских гимнах. Следует отметить, что идея ненасилия по сегодняшний день является визитной карточкой индийской философии. Идея ненасилия занимает видное место в Ветхом и Новом Завете. Древнееврейский пророк *Моисей* передает одну из десяти заповедей Бога: «Не убий». *Иисус Христос* отвергает древнее правило «око за око, зуб за зуб» и предлагает подставить ударившему тебя по правой щеке еще и левую. До Христа учили ненавидеть врагов, он же предлагает их возлюбить так же, как и своих ближних. В русской философии идею непротивления злу насиланием энергично проповедовал *Л.Н.Толстой*. Он видел в этой идее конкретизацию постулата любви к Богу.

При всей своей привлекательности положение о ненасилии многими отвергается. Имеется в виду, что на силу часто приходится отвечать силой. За альтернативой насилие—ненасилие явно просматривается какой-то сложный для понимания вопрос. Приведенный ниже пример позволит прояснить его содержание.

Представьте себе вагонное купе, где в присутствии младенца некто пытается закурить. Насилие здесь будет иметь место в двух случаях: если пассажир закурит (и тем самым нанесет вред младенцу) или же если закурившего, невзирая на его возражения, удалят из купе. Насилия удастся избежать в том случае, если после обсуждения ситуации все придет к общему мнению: в купе курение недопустимо. Желающему закурить придется согласиться с доводами его оппонентов. Над ним не совершается какое-либо насилие. Выяснение сути дела избавляет всех от насилия. И, наоборот, отказ от тщательного анализа конкретной ситуации, желание во что бы то ни стало добиться выгоды лишь для себя, игнорирование ценностей других людей неминуемо приводит к насилию. Насилие сопутствует этической недоразвитости. Ненасилие — это плод хорошей этики.

Подлинная мораль состоит, на наш взгляд, не в том, чтобы от имени превращенного в абсолют постулата ненасилия безропотно подчиняться грубой, равно как и любой другой силе. Подлинная моральность предполагает поступки, органично согласуемые с этикой ответственности. Именно на этом пути удастся минимизировать насилие и приблизиться к идеалу ненасилия.

Этика ответственности — необходимая философская основа построения правового государства. Право — совокупность обязательных правил поведения (норм), установленных государством. Разумеется, эти правила поведения не могут быть любыми.

Их подлинное назначение — обеспечить тот этический минимум, который гарантирует ненасильственные взаимоотношения между членами данного сообщества.

Образование

Логика предыдущего исследования, особенно в связи с обсуждениями метаценностей (истины, красоты, добра) актуализировала вопрос об ответственности человека, в том числе юноши и девушки, за свое, равно как и других людей, будущее. В этой связи важнейшее значение имеет образование, ведь именно оно служит каждому надежной опорой в его стремлении к совершенству.

Часто XXI век называют веком образования. Ныне образование рассматривается как реализация неотъемлемого права человека. Человек не бывает от природы тем, кем он должен быть, поэтому он нуждается в образовании. Буквально слово *образование* означает формирование. Но формирование не любое, а связанное с усвоением ценностей науки, культуры и практики. Часто образование понимают узко, вне культуры и нравственности, как всего лишь овладение систематизированными знаниями, навыками и умениями (при этом овладение навыками и умениями называют профессиональной подготовкой или просто подготовкой). В этом случае с культурой и практикой связывают воспитание. Воспитание есть культурное и нравственное образование. Философия всегда влияла на развитие систем образования и воспитания. Поскольку данный учебник предназначен для студентов высших учебных заведений, далее рассматриваются некоторые проблемы очень молодой науки (ее возраст не более 20–30 лет) — *философии образования*.

Философия всегда стимулировала развитие образования. В античности оно рассматривалось как практическая философия. Высокий интеллектуализм древнегреческой философии обеспечил в первую очередь теория идей Платона и теория форм Аристотеля. Благодаря этим теориям удалось поднять уровень образования в Академии Платона и Ликее Аристотеля на высоты, ранее недоступные человечеству.

В период расцвета схоластики (XII–XIII вв.) в Италии, Испании, Франции, Англии появляются первые университеты. В них велась подготовка по различным отраслям знания, но доминировала теологическая составляющая. Союз теологии и фи-

лософии, религиозной веры и научно-философского разума в образовании оказался недолговечным.

Новое время выработало унифицированный образ науки. Образование стало пониматься как наукоучение. Оно состоит из отдельных дисциплин, по каждой из которых желательно иметь хороший учебник. В основе дисциплинарной организации образования находится представление классической философии о науке как универсальном, едином знании. Университет стали связывать с усвоением универсального знания, очищенного от эстетического и нравственного. Такая программа вскоре встретилась с двумя трудностями принципиального характера. С одной стороны, в немецкой классической философии (*Герbart, Гумбольдт, Гегель*) была показана необходимость культурологического образования, личность должна формироваться не как субъект исключительно науки, а как субъект культуры. С другой стороны, выявилась социальная потребность в специальном образовании, в том числе техническом. Соответствующие реформы были проведены в XIX в.

В XX в. в целях развития образования использовался потенциал всех философских направлений. При этом выявилось противостояние двух подходов — научно-технического и гуманитарного. Сторонники первого подхода (это в основном аналитики, в том числе постпозитивисты) подчиняют образование критериям научной проверяемости. Сторонники второго подхода (экзистенциалисты, герменевтики, постструктуралисты) выдвигают на первый план понимание, эстетическую непосредственность, свободу обучаемого, его диалог с другими людьми. Соединить преимущества обоих упомянутых выше подходов пока не удастся. Создалось положение, когда в сфере образования происходят самые различные коллизии.

Университетское образование противостоит специализированному, а гуманитарное — техническому. Сюда следует добавить, что образование понимается вне воспитания. Поэтому неудивительно, что постоянно раздаются призывы к гуманитаризации системы высшего образования. И с той же частотой фиксируется неудовлетворительное положение дел в этой области. Призыв *А.Эйнштейна* сделать главной задачей образования стремление к нравственности так и остался призывом, не более того.

Сейчас, в начале XXI в., нет страны, в которой бы не жаловались на кризис системы образования. Теперь уже очевидно, что односторонние ориентации в образовании недостаточны. Университетскому образованию недостает специализированности, спе-

циальному образованию — универсальности и фундаментальности, гуманитарному образованию — практичности, а всем вместе — культуры. Попытки все необходимые составляющие образования собрать в одном вузе также не ведут к успеху. Отдельный индивидуум не в состоянии усвоить все то, чего достигло человечество в целом.

Выход из кризиса системы образования то и дело видят в универсальных рецептах, но это “лекарство”, возвращающее к идеалам философии Нового времени, не способно излечить от упомянутых выше недугов. Современная философия опирается на идеалы-ценности, реализующиеся в многообразии наук, личностных установок, культурных и нравственных достижений. В нашей стране демократизация образования, конечно же, давно назрела. Но она не должна быть самоцелью. Система образования призвана вести обучаемых кратчайшими путями к манящей дали этих идеалов, но это уже специфическая задача педагогов. Образование, которое не дополняется правильным развитием чувства и воли, часто является средством достижения неблагих целей. Задача образования состоит не в том, чтобы получить эрудированного человека, он еще должен быть культурным, нравственным и деятельным. Благородная личность имеет то преимущество перед образованным или интеллигентным человеком, что в ней происходит возвышенное взаимообогащение ума, сердца и воли. В результате такого соприкосновения высекается не искра, а пламя человечности.

На наш взгляд, улучшение качества образования предполагает его переориентацию на *этику ответственности*, которая прекрасно сочетается с достижениями буквально всех наук и искусств. Именно этика ответственности придает любому типу образования высокий смысл, несовместимый с меркантилизмом, технократизмом и другими бедами современных обществ. Под эгидой этики ответственности противостояние научно-технического и гуманитарного подходов в образовании преодолевается.

Выводы

✓ Язык — это система знаков, необходимая людям для коммуникации и осуществления специфической для человека деятельности.

✓ Словами обозначают объекты (процессы и явления), понятия и ценности.

- ✓ **Метаязык** — это язык, на основе которого производится исследование другого, объектного языка.
- ✓ **Философия** кроме всего прочего есть определенный язык.
- ✓ **Цивилизация** — это все человеческое во всем его богатстве. **Культура** — самое совершенное в цивилизации.
- ✓ **Главные эстетические ценности** — красота, прекрасное, возвышенное. Человек стремится не к безобразному и низменному, а к прекрасному и возвышенному.
- ✓ **Практика** — это деятельность человека, реализация определенных ценностных установок.
- ✓ **Три главные формы этики** — этика ценностей, долга и добродетелей.
- ✓ **Вершина современной этической мысли** — этика ответственности.
- ✓ **Принцип ответственности** предполагает такое сочетание ценностей, которое дает наилучший результат в проекции на максимально отдаленное будущее.
- ✓ **Смысл бытия человека** состоит в тех ценностях, которые он реализует в своих поступках.
- ✓ **На основе этики ответственности** удастся минимизировать насилие и приблизиться к идеалу ненасилия.
- ✓ **Задача образования** состоит не в том, чтобы воспитать эрудированного человека, он еще должен быть культурным, нравственным и деятельным.
- ✓ **Нравственность поступков** придает достоинство нашей жизни.
- ✓ **Философия** была и остается одним из самых эффективных средств в достижении вершин человечности.

Глава 2.4

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА И ИСТОРИИ

Пути понимания природы общества

Философия человека и его символической действительности подвела нас вплотную к философии общества. Люди живут совместно, они образуют общество. Философия общества стремится к выяснению природы общества, его особенностей.

Нет такого философского направления, принципы которого не использовались бы — разумеется, не всегда с одинаковой степенью успешности — для раскрытия тайн общества. Например, в платоновском “Государстве” учение об обществе разработано в тесной связи с теорией идей. *Августин* рассматривает общество, “Град Земной”, в свете “Града Божьего”. Именно этого следует ожидать от средневекового философа. В Новое время *Гоббс* и *Локк* разрабатывают концепцию общественного договора и соответственно договорную концепцию государства. Как было показано в соответствующем разделе историко-философского курса, появление концепции общественного договора и выработка юридического мировоззрения произошли не случайно, а в результате развития философии Нового времени. Позитивизм (*Конт*, *Спенсер*) с его ориентацией на научное знание способствовал вычленению из философии специальной науки об обществе — социологии.

Существенные новации в понимании природы общества внесли основные философские направления XX века, в том числе феноменология, герменевтика, философия коммуникативного разума, аналитическая философия и постмодернизм.

Согласно феноменологам (*Гуссерль*, *Шелер*, *Щюц*), люди объединяются в общественное целое не случайно, а в силу присущей им уникальной способности усматривать одни и те же сущности в потоке своих переживаний. Эти сущности выступают как понятия и ценности, они воплощаются в высказывания. Людей объединяет схожесть их психической жизни, одинаковое понимание существа понятий и особенно ценностей. Жизненный центр общественного целого — ценности этического, эстетического и религиозного плана.

Согласно герменевтикам бытия (*Гадамер* и др.), специфика межчеловеческих отношений состоит в открытости навстречу другому, «Ты», в позволении говорить нам что-либо и умении слышать это. Общество — это такое совместное бытие людей, при котором они понимают друг друга, а потому способны осуществлять общее дело.

Сторонники коммуникативного разума (*Хабермас*, *Апель* и др.) полагают, что людей объединяют интересы и ценности. На основе речевой коммуникации вырабатываются правила совместных действий. Общество выступает как коммуникативно-дискурсивное целое, которое возможно лишь там, где торжествует открытость, демократичность, критичность, стремление к достижению согласия, консенсуса.

По мнению аналитиков (*Хэар, Ролз* и др.), обществообразующим установлением является прежде всего языковая деятельность людей, а также все, что с ней связано. Люди соотносятся друг с другом благодаря совершаемым или речевым актам. В них конституируется практическая воля человека, его стремление к достижению жизненного успеха. Люди совершают то, что им полезно, или, иначе говоря, делает их жизнь эффективной.

Постмодернисты (*Лиотар* и др.) определяют природу общества прежде всего как агонистику языковых игр людей, в которых последние благодаря своей способности воображения продуцируют некоторые образы. Специфику общества невозможно, мол, представить в ясной и безукоризненной форме. Будучи элементом общества, человек — надприродное существо, он стремится к воображаемому, непредставимому в форме каких-либо предметов.

Что касается российских философов, то им не чужды все упомянутые выше воззрения по поводу специфики общества. Следует, впрочем, отметить, что многие из них являются сторонниками двух довольно специфических идей, которые имели важнейшее значение в непростой истории нашего народа. Имеются в виду православная и марксистская мировоззренческие традиции в интерпретации природы общества.

Согласно православной интерпретации (*В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев* и др.), скрепляющим людей в единое общественное целое началом является сотворение человека Богом-отцом и сообщение им устами Христа заповедей Нового Завета, которые истолковываются на основе православной религии. Современные ученые считают общественное состояние человека имеющим не религиозное, а светское происхождение. Отсюда проистекает их скепсис относительно любых, в том числе православных, христологических концепций природы общества.

Марксистская концепция общества, восходящая, по определению, к *Марксу*, доминировала среди советских социальных философов и обществоведов. В наши дни она является предметом многих философских споров. Согласно *Марксу*, главным фактором, образующим человеческие общества, является общественный характер производительного труда, производство людьми общественного (абстрактного) труда. Людей объединяет их общественный труд, именно он определяет специфику общества в первую очередь. Не ценности, а общественный труд, полагают марксисты, объединяет людей в единое, как правило, противоречивое целое. Оппоненты марксистов обвиняют их в натурализме. Труд, ут-

верждают они, приобретает социальное качество лишь благодаря тому, что в нем представлены ценности, в отсутствие последних он представляет собой чисто природное явление. Оппоненты марксистов считают первичными ценности, а не предметные действия. Поясняющий пример: запруды могут строить и люди, и бобры, но лишь первые являются социальными существами, и как раз благодаря ценностному содержанию их деятельности. Доводы немарксистов представляются весьма разумными.

Рассмотренные философские концепции общества трудно, если вообще возможно, представить в одном лаконичном определении общества. Несмотря на это, в них просматривается определенная стержневая концептуальная идея. Как правило, специфика общества связывается с ценностями или близкими им по смыслу конструктами. Речь идет о том, что в отличие от любых других существ люди конструируют в своей ментальной и языковой деятельности особую обществообразующую реальность, которая, выступая в форме ценностей, придает смысл предметной деятельности человека. Среди наиважнейших ценностей выделяются своим особо действенным обществообразующим статусом такие конструкты, как ответственность, справедливость, свобода, прибыль. Желаящему приобрести полный список ценностей следует провести инвентаризацию всех наук об обществе. *Итак, общество — это совместная деятельность людей в соответствии с выработанными ими ценностями.*

Возможна ли наука об обществе?

Роль рациональности в развитии общества

Философия стремится к выделению предельных оснований всякого знания, в том числе и знания об обществе. Очевидно, что знание об обществе существует, но образует ли оно науку — вот в чем вопрос.

Всегда были и в настоящее время есть философы, которые ставят под сомнение существование науки об обществе. Логика их аргументации такова. Человек в отличие от неживых объектов обладает свободой воли, он, регулируя свое поведение, может вести себя непредсказуемым образом. Обладание человеком свободой воли несовместимо с существованием законов социальных явлений. В силу своего творческого отношения к миру человек избегает участи подпадать под действие научных законов, нет необходимости признавать существование науки об обществе. Со-

мнения в правомерности научной интерпретации общественных явлений имеют место далеко не случайно. Как показывает анализ, в этой связи важнейшее значение имеют два обстоятельства. Во-первых, исследователям общества не удается обнаружить в нем однозначные связи и отношения. А ведь многие из них именно в однозначных связях видят идеал науки. Во-вторых, ищут, но не находят пути представления общественных явлений в описательной (дескриптивной) форме. Речь идет об исследователях, которые хотели бы строить общественные науки по образу естествознания, в котором описываются реальные, как говорится, бросающиеся в глаза явления. Им кажется весьма странным, что в обществознании положение дел является другим, нежели в естествознании.

Все сомнения относительно возможности наук об обществе отпадают при учете своеобразия социальных явлений. Природа последних такова (в том числе в силу наличия у людей сознания), что их действительно не удается вместить в узкое ложе жестко заданных однозначных связей. Но зато общественные отношения вполне успешно осмысливаются посредством многозначных закономерностей, отнюдь не чуждых институту науки. Дополнительно к сказанному выясняется, что в обществознании явления интерпретируются на основе ценностей. Природа и общество — это разные виды реальности, осмысливая их, приходится использовать неодинаковые типы наук. Природные явления *описываются* посредством понятий; социальные явления *интерпретируются* на основе *ценностей*. Правомерность естественно-научных теорий *подтверждается* посредством наблюдения природных явлений. Правомерность социальных теорий выявляется в практической деятельности людей, ее главный показатель — это *эффективность*. Отказываются от тех социальных теорий, которые неэффективны.

Итак, в отличие от естествознания для обществознания характерен идеал *эффективности*, который не выводит за пределы науки. Для наук об обществе характерны вероятностные (статистические), многозначные закономерности, предполагающие интерпретацию поступков людей на основе ценностей. Не существует сколько-нибудь убедительных оснований для отрицания наук об обществе, например экономики, политологии, социологии, педагогики.

Приведенный анализ специфики наук об обществе позволяет рассмотреть два сложных, насыщенных дискуссионными моментами вопроса. Речь идет о соотношении свободы и необходи-

мости, личности и масс в деятельности людей. Начнем с вопроса о соотношении свободы и необходимости.

Как уже отмечалось, социальные закономерности имеют не однозначный, а многозначный, вероятностный характер. Каждый человек волен поступать по своему желанию, но не иначе как в соответствии с определенным ценностным выбором. Живя в обществе, человек усваивает определенную ценностную традицию, которая подвержена непрекращающемуся процессу корректировки, модификации и преобразования. Это означает, что в своей деятельности человек в принципе не может быть абсолютно свободным, он неминуемо ограничен рамками ценностных предпочтений, которые, как показывает исторический опыт, при всей их изменчивости обладают относительной устойчивостью и не поддаются кардинальным преобразованиям в одночасье. В качестве ценностно-ориентированного существа человек не подвержен ни абсолютной свободе, исключающей какие-либо ограничения, ни однозначной необходимости, предполагающей полное отсутствие как возможности выбора ценностей, так и вариации поступков. Каждый человек вероятностным образом детерминирован определенными ценностными предпочтениями, в рамках которых он совершает свои поступки. *Итак, поведение человека детерминировано (обусловлено), но не однозначно.* Тезисы как об абсолютной свободе, так и абсолютной необходимости поведения являются неуместными крайностями в интерпретации деятельности.

Учет ценностного характера поступков людей позволяет многое понять в соотношении личности и масс. Быть представителем массы означает принятие традиционных ценностей по преимуществу бездумно, некритически. Быть личностью означает сознательное формирование своего ценностного мира и ценностно-критическое отношение ко всем социальным явлениям. При личностном определении человека имеется в виду не его физическая сила, а ценностные предпочтения и их реализация в определенных поступках. Если бы в социальных отношениях людей решающее значение имели силовые характеристики, то участь отдельной личности была бы незавидной, человек — не домкрат, его физические возможности противостоять грубой силе отнюдь не впечатляют. Но в мире людей господствуют иные реалии, чем в природе. Здесь то и дело вождями, за которыми идут массы, становятся с виду неказистые люди. Их социальная сила состоит в том, что они конструируют ценностный мир, который приветствуется многими. В соотношении лично-

сти и массы решающее значение имеет согласованность их ценностных предпочтений. В этой связи складываются самые различные ситуации. Личность-лидер ведет за собою массы, личность-аутсайдер удовлетворяется ролью ведомого. Как правило, весьма драматически складывается жизнь героических личностей. В одних случаях им удается возглавить влиятельное движение и разделить его судьбу. В других случаях их безуспешные протестные действия ожидает трагический финал. Каждый человек устраивается в общественном целом так, как он считает нужным. При оценке роли личности в истории приходится учитывать множество ценностных факторов. В этой связи поспешные суждения и тем более порицания неуместны. Члены любого общества, тоталитарного или, наоборот, демократического ответственны за происходящие в нем события в разной степени, величину которой можно определить не иначе как в процессе тщательного экспертного анализа.

Общество и его структура

Общество выступает как совокупность индивидов, взаимодействующих между собой, а потому находящихся в определенной связи и отношениях. Для всякого общества характерна упорядоченность, которая возникает вследствие того, что некоторые ценности становятся общими для тех или иных групп людей. Назовем ценности, привлекательные для многих людей, ценностями-аттракторами (от лат. *attrahere* — привлекать). Ценности-аттракторы — определяющие моменты упорядоченности общественного целого, его структуры. Структура общества — это его относительно устойчивые связи и отношения, обладающие определенной спецификой и, следовательно, отличающиеся друг от друга. *Итак, структурированность, упорядоченность общественному целому придают ценности-аттракторы.*

Корпус современных общественных наук дает представление о типах общественных связей и отношений. У всех на слуху экономические, политические, социальные, этнические, правовые, эстетические, этические, религиозные аспекты жизни общества. В зависимости от обстоятельств любой из перечисленных аспектов может играть определяющую роль.

До сих пор общественные связи и отношения рассматривались безотносительно к тем группам людей, которые их представляют, или, как часто выражаются, субстанциализируют. Если это

иметь в виду, то общество выступает как неоднородное целое, состоящее из различных социальных групп (социальных) общностей людей, т.е. как *гражданское* общество. Гражданское общество — это общество в единстве и многообразии всех его субстанциональных единиц, как отдельных людей (граждан), так и социальных групп.

Что касается социальных общностей людей, то их известно достаточно много: племена, народности, нации, народы, классы, страты (различающиеся по своим имущественным, профессиональным, образовательным или каким-либо другим признакам группы людей). Важно понимать, что природа любой социальной общности людей определяется в первую очередь ее ценностной составляющей. Проиллюстрируем правомерность сформулированного положения на примере рассмотрения нации.

Характерными признаками любой нации и ее представителей считаются общие территория, язык, экономика, психический склад характера. Исторический опыт свидетельствует о том, какой именно признак является в определенности нации решающим. Бывает так, что в силу тех или иных катаклизмов нация теряет свою территорию и, следовательно, экономическую целостность, ее представители вынуждены эмигрировать в различные страны, многие из них разучиваются говорить на родном языке. Удивительнейшим образом, несмотря на все перечисленные явления, нация продолжает существовать. Она существует до тех пор, пока достаточно большая группа людей сохраняет исторически сформировавшуюся национально-ценностную традицию, вносит в нее новации и передает ее новым поколениям. Решающим признаком любой общности людей является некоторая ценностная ориентация, которая не представляет собой нечто неизменное, а подвержена самым различным трансформациям, в мире которых очень непросто сориентироваться как отдельным личностям, так и большим группам людей.

Гражданское общество, состоящее из многих социальных групп людей, вынуждено в целях выживаемости определенным образом организовать свою жизнедеятельность. Именно в этой связи устанавливается институт государства. Государство — совокупность органов и учреждений, призванных на основании конституции и других правовых регламентаций регулировать деятельность членов данного гражданского общества. Совершенно очевидно, что, наделяя государство полномочиями, следует быть весьма бдительным и осторожным. Вряд ли достойны симпатии как тоталитарное, так и анархическое государство.

Тоталитарное государство стремится регламентировать деятельность своих граждан вплоть до мелочей. Государственный надзор за содержанием деятельности каждого отдельного человека, печатных изданий, радио- и телепередач убивает инициативу граждан, страх и боязнь перед карательными акциями властвующих органов становится общественной доминантой. К великому сожалению, не одному поколению российских граждан довелось жить при тоталитаризме. Анархическое государство стремится к своему собственному отрицанию, оно, якобы от имени ценности свободы, приветствует безвластие, произвол, вседозволенность, стихийность и неорганизованность. Анархическое государство не в состоянии выполнять возложенные на него функции управления своими гражданами.

По поводу объема функций, которыми должно быть наделено государство в каждой стране, идут большие споры. Американский философ *Р.Нозик* разработал концепцию минимального государства, согласно которой последнее призвано обеспечить свободы граждан независимо от того, к каким последствиям они приводят. Согласно другому американскому философу *Дж.Ролзу*, государство должно обеспечить соблюдение принципов справедливости: плохо, например, то государство, в котором богатые богатеют, а бедные беднеют.

Многие отечественные философы и политологи полагают, что в сложившихся условиях российское государство должно в первую очередь обеспечить безопасность своих граждан, подъем их экономического и душевного благополучия. Отнюдь не просто установить объем государственных функций и осуществлять их успешную реализацию. В этом деле нет готовых рецептов, они вырабатываются в процессе достаточно длительного исторического опыта.

Что касается отдельного гражданина, то он является элементом общества, его самой элементарной частью. Ему непросто сориентироваться в общественном целом. Вопрос в том, какие ценности и на каком этапе своего развития будут усвоены личностью, станут ее собственностью. Не всегда, но часто в развитии личности наблюдается три главных этапа: усвоение ценностной традиции — ее осознание — привнесение собственных новаций.

Каждый человек, иного не дано, первоначально усваивает некоторую ценностную традицию в рамках того сообщества граждан, к которому он принадлежит. Лишь постепенно вырабатывается критическая позиция по отношению к традиционной схеме ценностей. Если это случается, то личность стремится усовершен-

ствовать свои, равно как и других людей, ценностные установки. На этом пути ее, надо полагать, ждут как успехи, так и неудачи. Для конформистской личности характерны приспособленчество, пассивное некритическое принятие господствующих ценностей. Для конфронтационной личности, напротив, характерно протестное настроение, стремление поставить под сомнение кажущиеся вполне актуальными ценности. Разумеется, наряду с конформистскими и конфронтационными существуют многие другие типы личностей. Одно из решающих значений в становлении личности имеет уровень ее образованности, от которого зависит способность успешно оперировать миром ценностей.

Философия истории. Многообразие культур, цивилизаций. Запад—Россия—Восток

Греческое слово *история* означает рассказ о прошлом, о том, что действительно было. Уже в античности возникла традиция рассматривать историю как тип универсального знания о прошлом. При этом прошлое связывается с настоящим и будущим. Возникает комплекс сложных философских вопросов. Как возможно познание прошлого? Какова связь прошлого, настоящего, будущего? Имеет ли история народов единый универсальный смысл? Поставленные вопросы дают представление о философии истории. Главные интересы философии истории связаны с познанием направленности и необратимости исторического движения. Какое место занимает человек в драматической поступи истории? Этот новый вопрос также вряд ли оставит равнодушным кого-либо. Человек — историческое существо, он погружен в бег времени, чувствует и знает это. Человек не может не испытывать интереса к своей исторической участи. С учетом изложенного выше мы рассмотрим вопрос о смысле истории, главные философские подходы к разрешению этого вопроса. Нам предстоит осмыслить мир не просто сиюминутно, а в широком историческом плане.

Греки воспринимали мир эстетически, как завершенный Космос с его гармонией и цикличностью. Везде они видели *круговорот*, касалось ли это Космоса или жизни человека. *Античную концепцию истории* в поэтической форме выразил *Софокл*:

Нынче горе, завтра счастье —
Как Медведицы небесной
Круговой извечный ход.
(“Трахинянки”)

Круговое движение — это геометрический образ вечности (круг не имеет ни начала, ни конца) и временности (в своем движении человек всегда находится “где-то”, в данном “теперь”). Согласно крупнейшим античным философам, во взаимоотношении вечности и времени приоритет принадлежит вечности. Время, по *Платону*, есть образ вечности. Античная философия истории, согласно *А.Ф.Лосеву*, есть философия вечного становления, вечного возвращения, периодических мировых пожаров (*Гераклит*), душепереселения и душевоплощения (*Платон*). Склонные к обобщениям античные философы везде видели правильное чередование, но оно воспринималось ими отнюдь не как нечто безжизненное, о чем свидетельствует античная трагедия с ее особым вниманием к драматическим и трагическим моментам человеческой истории. Но для древних греков трагедия не имеет того универсального значения, что для древних евреев. Последние выявили конец и начало мировой истории. Так возникло эсхатологическое понимание истории. Эсхатология — это учение о конце истории.

Христианская философия истории преодолевает античную идею круговорота. Первый приход Христа, его казнь, ожидаемое второе пришествие — это узловые пункты истории, временности человека, который до своего грехопадения находился в царстве вечности (никто не старел, никто не умирал) и который, пройдя сложный путь очищения от совершенных им грехов, способен вернуться в вечность. История имеет конечный пункт, но он достижим лишь в том случае, если человечество станет Богочеловечеством. История, замыкающаяся на конечный пункт, находящийся пока в будущем, наполнена смыслом, о чем многократно писали среди других и русские философы (*В.С.Соловьев*, *Н.А.Бердяев* и др.). Истолкование происходящих процессов, особенно кризисного характера, получает христианско-эсхатологическую интерпретацию. Христианская философия истории органично связана с провиденциализмом, согласно которому миром правит Божественное провидение. В концепции провиденциализма, которая нашла свою первоначальную разработку у *Августина*, история есть систематическая реализация Божьего плана управления миром.

В эпоху Возрождения и Просвещения концепциям провиденциализма противопоставляют *рациональные объяснения исторических фактов*. На место Божественного провидения ставятся понятие естественного закона истории и понятие прогресса. Историческое развитие всех народов подчиняется, по *Вико*, единому

закону. Все народы проходят одинаковые стадии развития: первобытное варварство, феодализм (“век героев”), эпоху городов, юридических законов и разума (век цивилизации). По завершении этого цикла развитие возобновляется и проходит те же стадии и в той же последовательности, но на более высоком уровне. Развитие идет по спирали, т.е. оно прогрессивно и бесконечно. У истории нет конечной точки, поэтому у нее нет вневременного смысла. *Гердер* дает наиболее цельную, философски обобщенную картину развития человечества эпохи Просвещения. Для него история есть “закономерное развитие культуры”. Влияние Гердера было огромно, оно заметно и у *Гегеля*. Для последнего история есть закономерное развитие абсолютной идеи в духе. Субстанция духа — свобода. Прогресс фиксируется развитием искусства, науки, религии, философии.

Маркс также сторонник прогресса. Для него критерием поступательного развития общества является уровень производительности общественного труда. Прогресс производительности труда и средств производства приводит к революциям, смене одних общественно-экономических формаций другими. В марксистских вариантах философии истории весьма популярна так называемая пятичленка, согласно которой общество проходит в своем развитии первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Марксисты видят смысл истории в максимальном общественном развитии, вследствие которого все более свободным становится каждый член общества. Марксистская концепция философии истории встретила с большими трудностями, истоки которых критики марксизма видят в потере человека. Недопустимо сводить человека к несубъективным факторам производства. Ведь последние в конечном счете просто не имеют самостоятельного значения: средства производства — это символы самих людей. Смысл истории содержится поэтому не в средствах производства, а в том, что они символизируют. А символизируют средства производства духовную жизнь общества.

В XX в. концепция линейного развития общества неоднократно подвергалась уничтожающей критике, особенно у *Шпенглера*. *О. Шпенглер*, *А. Тойнби*, *П. Сорокин* развивают идею *локальных обществ*. Указанные авторы выдвигают типы обществ, которые обладают своеобразными особенностями, не позволяющими представить историю в виде линейного процесса. Для *Шпенглера* существует восемь культурных организмов: египетский, индийский, китайский, западноевропейский и т.п. Возникнув,

организм выступает как культура. Культура умирает, переходит в цивилизацию. Высшая ценность — это культура, творчество. На стадии цивилизации культура вырождается, она становится массовой, господствуют техника, политика, спорт. Смысл истории полностью определяется наличной стадией общества.

Для *А. Тойнби*, который не противопоставляет цивилизацию культуре, каждая цивилизация проходит в своем развитии стадии возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет. К настоящему времени сохранилось лишь пять основных цивилизаций — китайская, индийская, исламская, русская и западная. Движущая сила развития цивилизации — творческое меньшинство. Прогресс человечества Тойнби видит в его духовном совершенствовании, в частности в религии. Для Тойнби смысл истории состоит в реализации нравственного и творческого человеческого достоинства в ответ на внешние для человека вызовы.

П. Сорокин также противник концепции линейности исторического развития. Он, однако, не ограничивается социологическим анализом различных культур. В оценке их своеобразия он исходит из системы ценностей, которые позволяют ему систематизировать обширнейший социологический материал. Для П. Сорокина главные ценности — это истина, красота, добро и их единство — польза. Любую человеческую активность можно объяснить посредством универсальных ценностных категорий.

Итак, в современном понимании эволюции и развития обществ доминируют две концепции — формационная и цивилизационная. Согласно формационной концепции, в истории общественного целого можно выделить ряд ступеней, образующих линию прогресса. Каждая из них выступает как особое образование (формация), для которого характерны определенные законы материального и духовного развития. Согласно цивилизационной концепции, ход истории приводит к образованию многих цивилизаций, весьма своеобразных гражданских сообществ, которые определенным образом взаимодополняют друг друга. В формационной концепции акцент делается на поступальности истории и ее «сквозных» законах. В цивилизационной концепции на первый план выдвигают многообразие обществ, нелинейность процессов общественных изменений.

Анализ хода истории показывает, что он не противоречит едва ли не общепризнанной формуле “единство мира в его многообразии”. Развитию и эволюции общества присущи две противоположенные тенденции — движение к единству и движение к

многообразию. Ученые спорят о том, являются ли эти две тенденции равноправными, но, как правило, сходятся во мнении, согласно которому общественная динамика привела к вызреванию новой планетарной цивилизации. При всем плюрализме современных цивилизаций и культур контакты между ними становятся все более многосторонними, философские, экономические, социально-политические токи идут как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад. Капитализм шагнул из Европы в Северную и Южную Америку и на Восток (Япония, Индия, страны Юго-Восточной Азии). В то же время восточные способы организации производства, например японский опыт управления фирмами, внедряется в страны Запада. Взаимостимуляцию Запада и Востока можно проследить в самых различных областях жизнедеятельности общества — от экономики до религии. Нас же в данном случае интересует часто обсуждаемая проблема “Запад — Россия — Восток”. Россия в силу исторических и географических факторов, в частности обширности своей территории, не вмещается в узкие рамки изоляционизма. Судьба России — это путь с Запада на Восток и с Востока на Запад. От этой судьбы не уйти. К тому же следует учесть, что в силу бурных перемен, происходящих в России, ее будущее вполне резонно связывать с уяснением проблемы Запад — Восток и места в ней российской компоненты. Кто мы, россияне, — европейцы, азиаты, евразийцы?

Для дальнейшего определимся более точно с терминами “Запад” и “Восток”. Истоки “Запада” видят в античности и в выходе на мировую арену Рима, многие черты римского менталитета были усвоены Западом. Для Запада характерны рационализм, христианская традиция (в основном протестантизм и католицизм), просветительство, представительная демократия, приоритет индивидуалистического начала перед коллективистским, развитая научно-техническая составляющая. Для Востока же характерны мистерия, интуитивизм, буддистская и исламская (и другие) религиозные традиции, традиционализм, приоритет коллективного перед индивидуалистическим, общинность, особый тип государственности, для которого типично отсутствие равенства в свободе по всеобщему закону.

Наши определения Запада и Востока не следует привязывать жестко к конкретным странам. Понятия “Запад” и “Восток” не являются географическими терминами, они характеризуют возможный тип интерпретации многообразия цивилизаций и культур. А это означает, что конкретная страна может в ходе своего развития приобретать характерные черты как Запада, так и

Востока. Например, Японию XVIII в. можно, пожалуй, отнести к Востоку. Япония же конца XX в. завоевала себе достойное место и в рамках Запада.

Что же касается России, то в ней, как известно, есть все: здесь легко обнаружить как западные, так и восточные корни, которые, впрочем, слишком часто разобщены. Видимо, именно в этой разобщенности заключаются истоки тех конфликтов мнений, которые одолевают россиян при обсуждении проблемы “Запад — Россия — Восток”. Каково наше место в мире и каким мы хотим его видеть в будущем? Кто мы и что нам делать? Ясно, что на поставленные вопросы разные ответы дадут “западник” и “славянофил”, “либерал” и “почвенник”. Между тем все едины во мнении, что Россия должна способствовать диалогу Запад — Восток и на этой основе вырабатывать арсенал своих собственных ценностей, органично сочетающихся с идеалами гуманизма, бережного отношения к природе, свободного, справедливо-го и безопасного мира, практичности.

Каковы те главные принципы, свет которых укажет дорогу вперед россиянам, равно как и всем ныне живущим? Универсального ответа на поставленный вопрос, видимо, нельзя дать, но мы всегда будем стремиться к его разрешению. Здесь нет другого пути, кроме полноценного философствования. В деле спасения мира философия представляет собой отнюдь не лишнее средство.

Выводы

✓ Природа общества не является чем-то очевидным. Для ее уяснения используются концептуальные возможности различных философских направлений.

✓ Общество — это совместная деятельность людей в соответствии с выработанными ими ценностями.

✓ Социальные явления интерпретируются на основе *ценностей* (природные процессы описываются посредством *понятий*).

✓ Поведение человека детерминировано (обусловлено), но не однозначным, а вероятностным образом. Тезисы как об абсолютной свободе, так и абсолютной необходимости поведения человека являются неуместными крайностями в интерпретации его деятельности.

✓ Роль личности в истории определяется в первую очередь тем, в какой степени конструируемый ею ценностный мир при-ветствуется другими людьми.

✓ Государство — это совокупность органов и учреждений, призванных на основе конституции и других правовых регламентаций регулировать деятельность членов данного гражданского общества.

✓ В наделении государства полномочиями следует быть весьма бдительными и осторожными. Вряд ли достойно симпатий как тоталитарное, так и анархическое государство.

✓ В интерпретации истории общества часто используют формационную и цивилизационную концепции.

✓ Развитию и эволюции общества присущи две противоположно направленные тенденции — движение к единству и движение к многообразию.

✓ Обеспечение процветания российского общества невозможно без полноценного философствования.

Глава 2.5 ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ

Исторические формы отношения человека к природе

Под природой обычно понимают несоциальное. В царство природы не включается лишь то, что сущностно выделяет из универсума человека и общество. В связи с этим часто говорят о соотношениях “природа и общество”, “человек и общество”. Общество и человек имеют определенную природную основу бытия, но в своей специфике они не являются частью природы. Часто используемое выражение “вторая природа”, т.е. “очеловеченная природа”, может ввести в заблуждение. Как бы ни манипулировал человек природой, она остается сама собой. Человек не способен создать вторую природу, но он придает ей символическое значение. Вторая природа — это не что иное, как природа в ее символическом значении.

Весьма близки по своему значению понятия “природа” и “материя”. Материя — это объективная реальность. Материя в отличие от природы не содержит психические явления мира животных, в остальном природа и материя совпадают. Есть, впрочем, еще один оттенок, по которому различаются природа и материя. Когда используется понятие “природа”, то обычно предполагается некоторое отношение человека и общества к внешнему

окружению. Другими словами, понятию природы придается более яркий прагматический смысл, чем понятию материи. По этой причине нам привычны высказывания типа “отношение человека к природе” и режет ухо высказывание типа “отношение человека к материи”. *Аристотель* противопоставлял материи форму. В таком значении понятие материи используется ныне весьма редко.

Природа в силу своей непреходящей значимости всегда являлась предметом философского анализа.

Античная философия строится на примате природного. Выдающиеся древнегреческие философы воспринимали природу как полноту бытия, эстетически прекрасное, результат целесообразной упорядочивающей деятельности демиурга (*Платон*). По своей мощи природа неизмеримо превосходит человека, выступает идеалом совершенства. Благая жизнь мыслится не иначе, как в согласии и гармонии с природой.

Средневековая *христианизированная философия* развивает концепцию ущербности природы как результата грехопадения человека. Неизмеримо высоко над природой стоит Бог. Человек, развивая свои духовные силы, стремится к возвышению над природой. Свои намерения по возвышению над природой человек может осуществлять разве что по отношению к собственному телу (умерщвление плоти), ибо в глобальном масштабе он в средневековье подчинен природным ритмам.

Возрождение, вроде бы возвращаясь к античным идеалам понимания природы, дает им новое толкование. Выступая против средневекового резкого противопоставления Бога и природы, возрожденческие философы их сближают и довольно часто доходят до пантеизма, до отождествления Бога и мира, Бога и природы. У *Дж. Бруно* Бог стал просто-напросто природой. Античные философы в силу указанных выше оснований не могли быть пантеистами. Впрочем, они часто выступали с позиций *гилозоизма*, считая Космос живым (гиле — жизнь) целым. Возрожденческая философия фактически реализовала лозунг “Назад к природе”. Она это сделала в силу культивирования чувственно-эстетического идеала философии. Впоследствии лозунг “Назад к природе” будет приобретать популярность по политическим (*Руссо*), экологическим (движение “зеленых”) и другим основаниям.

В *Новое время* природа впервые становится объектом тщательного научного анализа и вместе с тем поприщем активной практической деятельности человека, масштабы которой в силу успехов капитализма постоянно нарастают. Относительно низкий

уровень развития науки и вместе с тем овладение человеком мощными силовыми агентами природы (тепловой, механической, а затем и электрической энергией) не могли не привести к хищническому отношению к природе, преодоление которого растянулось на века, вплоть до наших дней.

Необходимость такой организации взаимодействия общества и природы, которая отвечала бы нынешним и будущим потребностям развивающегося человечества, была выражена в концепции *ноосферы* французских философов *Тейяра де Шардена* и *Е. Ле-Руа* и русского мыслителя *В.И.Вернадского*. Ноосфера — это область господства разума. Концепция ноосферы была развита в начале 20-х годов XX в., впоследствии ее концептуальные идеи получили детальную разработку в особой науке — экологии.

Наша краткая историческая справка показывает, что человек всегда находился и находится в определенном соотношении с природой, которое он определенным образом интерпретирует. Человек изначально находится в условиях, когда в силу самого факта своего существования он постоянно вынужден проверять природу на “человечность”. С этой целью он использует все доступные ему средства как интеллектуального, так и предметного содержания. Совершенно очевидно, например, что в изучении животных исследователи вынуждены использовать более разнообразные методы, чем при изучении неживой природы. Это объясняется тем, что животные в отличие от камней обладают психикой, которую изучает специальная наука, зоопсихология. Научная и практическая деятельность человека свидетельствует о том, что человек способен познавать природные явления и регулировать свои взаимоотношения с ними.

На наш взгляд, есть четыре фундаментальных факта, которые выражают “человеческое лицо” природы.

Во-первых, природа такова, что она обладает возможностью порождения человека. Из физики известно, что фундаментальные структуры бытия характеризуются так называемыми константами: постоянная Планка, скорость света, гравитационная постоянная и другие. Выяснено, что если бы эти константы были хотя бы в незначительной степени другими, то устойчивые структуры типа человеческого тела не могли бы существовать. В отсутствие человека некому было бы познавать природу, Вселенную. Вселенная такова, что возникновение человеческой жизни оказывается постоянной возможностью.

Во-вторых, человек рождается “из природы”. На это указывает хотя бы процесс деторождения.

В-третьих, природная основа человека есть тот фундамент, на котором только и возможно появление неприродного, т.е. специфически человеческого бытия, психики, сознания и т.п.

В-четвертых, в природном материале человек символизирует свои неприродные свойства. Вследствие этого природа становится фундаментом общественной, социальной жизни.

Чтобы обеспечить свое существование, человек должен как можно больше знать о природе.

Происхождение Вселенной. Уровни организации универсума

Физики, космологи, астрономы обнаружили целый ряд явлений, которые они пытаются объяснить на основе единой модели. Известно, например, что Вселенная в каждой точке находится в состоянии расширения. Но она расширяется не куда-то, а просто увеличивается в размерах. У Вселенной нет центра, от которого могли бы удаляться галактики. Почему “все разбегаются”, ведь между галактиками существуют не силы отталкивания, а силы притяжения: это всем известные силы гравитации. Ответ ученых гласит, что 15 миллиардов лет назад произошел Большой взрыв, в результате которого в процессе охлаждения Вселенной возникли элементарные частицы, тела, звезды, планеты и, наконец, человек. Взрыв произошел в силу особых свойств вакуума. Не теперешнего вакуума, который, как известно, также обладает весьма причудливыми свойствами, а вакуума, существовавшего до Большого взрыва. По мере остывания космический материал испытывал последовательные фазы перехода. Жизнь возникла в холодной Вселенной.

Холодная Вселенная привела к формированию уровней организации природы (материи), которые образуют некоторую иерархию: элементарные частицы, атомы, молекулы, макротела.

Уровни организации неживой природы следующие: вакуум, элементарные частицы, атомы, молекулы, макротела, планеты, звезды, галактики, системы галактик, метagalactika.

Уровни организации живой природы: доклеточный уровень (ДНК, РНК, белки), клетки, многоклеточные организмы, популяции, биоценозы.

Уровни организации природы выражают ее строение, структуру. Но каждый объект природы активен, в силу чего он спо-

собен к движению, изменению. На фундаментальном уровне материи, т.е. в вакууме и мире элементарных частиц, активность выступает как взаимодействие частиц, в результате которого нарождаются новые частицы. Существуют четыре типа взаимодействия элементарных частиц: слабые, ядерные, гравитационные и электромагнитные. Гравитационные и электромагнитные взаимодействия известны человеку с незапамятных времен, а вот ядерные и слабые взаимодействия попали в поле его зрения лишь в XX в. Физики стремятся найти теории, которые бы единообразно описывали как можно больше типов взаимодействий. Сначала им удалось объединить электромагнитные и слабые взаимодействия, представить их частными случаями электрослабого взаимодействия. Впоследствии электрослабые взаимодействия объединили с ядерными взаимодействиями. Делаются попытки описать все четыре типа взаимодействий одной теорией, так называемой *единой теорией поля*.

В микромире взаимодействие выступает как обмен переносчиками взаимодействий, сопровождаемый рождением новых частиц. Если же взаимодействие происходит в макро- или мегамире, то взаимодействие имеет особо сложный механизм, ибо в нем участвуют мириады частиц. Во всех случаях происходящие в мире неживой материи процессы всегда имеют своей причиной взаимодействие. Взаимодействие — это способ существования материальных объектов неживой природы. В области живой природы также ничто не сможет осуществиться без взаимодействия, но здесь следует учесть влияние на ход событий психики животных. Это влияние возможно постольку, поскольку взаимодействие нагружается символическими моментами. Процесс взаимодействия особей богаче их физического взаимодействия. То же самое, но, естественно, в другом контексте, справедливо и применительно к социальной жизни людей. Здесь сложные процессы взаимодействия людей также не исчерпываются материальными взаимодействиями.

Иерархия структур в мире природы фиксируется выделением уровней организации универсума. Иерархия взаимодействий приводит к существованию различных форм движения: физической, биологической, социальной. Склонный к систематизации исследователь всегда найдет соответствие между уровнями организации мира и соответствующими им формами движения материи.

Как уровни организации, так и формы движения универсума образуют иерархии соподчинения. Высшая форма движения

возникает на базе низшей в результате появления системных свойств. Биологические явления обладают свойствами, не присущими физическим процессам. Соответственно социальные явления отличаются от биологических. Высший уровень организации или высшая форма движения обладает по отношению к своим исходным основам относительной самостоятельностью, своеобразием. С учетом этого попытки редуцирования, буквального сведения высшей формы движения к низшей несостоятельны. Неприемлемо также приписывание низшей форме движения специфических характеристик высшей формы движения. В античности Космос часто считали живым целым, наделяли его атрибутами жизни. Согласно современным представлениям, живыми являются лишь те объекты, которые изучает биология.

Терминами “физикализм”, “натурализм”, “биологизм”, “психологизм”, “социологизм” обозначаются различные ситуации искажения соотношений между формами движения или уровнями организации природы и общества.

Экологическая философия. Биоэтика. Экогуманизм

Экологическая философия изучает методами философии взаимодействие общества и природы, пути утверждения гармонического единения между человеком и миром природы. Как этого достичь в условиях, когда человек стремится добиться успеха во что бы то ни стало, когда бóльшая часть ограниченных ресурсов планеты переводится в отходы и мусор, загрязняющие планету? Как добиться сохранения экосистемы человек — природа в условиях доминирования не экологических, а экономических и политических интересов? Выход из кризисной ситуации видят в основном в придании приоритета экологическим ценностям. Материальное производство, используемые технологии, экономика, политика — все это должно быть подчинено требованиям экологической этики и экологического права. Так как воздействие человека на природу часто имеет планетарный характер, то целый ряд актуальных экологических проблем может быть разрешен лишь в условиях международного сотрудничества и наличия реального чувства международной экологической ответственности.

Экологическая философия — молодая дисциплина, ее философские ориентиры лишь вырабатываются, на многие актуаль-

ные вопросы она не знает ответа. Человечество, умудрившееся попасть в экологический кризис, не знает четких путей выхода из него. Несмотря на более или менее успешную реализацию программ по развитию безотходных производств и альтернативных технологий, развитию экологического законодательства, человечество по-прежнему не покинуло район экологического кризиса. Все более очевидным становится, что главная экологическая проблема (“дыра”) находится не в озоновом слое Земли, а в ценностно-этических представлениях человека и общества. Казавшиеся столь незыблемыми принципы гуманизма должны соотноситься не только с человеком, но и с природой. В таком случае гуманизм теряет свое прежнее содержание и становится *экогуманизмом*. Любовь человека, эгоистически направленная только на него самого, привела в конечном счете к экокризису. Экогуманизм в отличие от традиционного гуманизма видит в природе бытие человека. Природа есть символическое бытие человека. Именно поэтому человек вынужден относиться к природе так же бережно, как к самому себе.

Мы уже отмечали, что экологическая философия встречается с трудностями. Это неудивительно, ибо как философия, так и современные науки мало, явно недостаточно изучали сам феномен символического бытия человека. Но без знания содержания этого феномена успешное экологическое движение просто невозможно.

Человечество вынуждено обратиться к природе как арене проявления человеческого бытия. Один из относительно новых комплексов эокоаксиологических ориентаций связан с биоэтикой, центральным вопросом которой является отношение человека к жизни и смерти. Жизнь, особенно человеческая, понимается как высшая ценность. Кстати, общество не без труда ищет подходы и к нашим “меньшим братьям”. В токийском зоопарке поставлен памятник умирающим в неволе животным. Но всегда ли человек сознает свою вину перед животными?

Проблемы биоэтики многогранны, обширны. В США издана пятитомная энциклопедия по биоэтике. Объем энциклопедии показывает, сколь внимательно относятся американцы к проблемам биоэтики. Особое внимание привлекают вопросы активной эвтаназии (убийства из милосердия), критерии смерти, отношения врача и пациента, отношение к умирающим, к дефективным новорожденным, к дебилам. Имеет ли человек право на смерть, право на аборт? Многочисленные дилеммы биомедицинской этики невозможно разрешить без тщательного философского и на-

учного рефлексирования, углубленного понимания содержания гуманизма и экогуманизма. Рассмотрим в этой связи некоторые конкретные проблемы.

Возможности оживления умершего человека привели к тому, что остановка сердца перестала быть признаком смерти, каковым, однако, являются необратимые изменения в центральной нервной системе. Но согласно догматам буддизма и конфуцианства, признаками смерти являются остановка сердца и прекращение дыхания. А это означает, что при бьющемся сердце не допускается изъятие органов для трансплантации; трансплантация сердца вообще исключается. Разумеется, это относится лишь к тем народам, которые соблюдают установленные догматы. Мы видим, как принципы религии могут приходить в противоречие с принципами гуманизма. Вместе в тем в странах, где трансплантация сердца стала нормой, замечены случаи, когда диагноз смерти порой ставится некорректно.

Другой случай: общество должно предоставить женщине право на свободное и ответственное материнство. Однако отмена запрета на аборт просто-напросто игнорирует ценность жизни плода. Перед нами типичная биомедицинская дилемма: как отмена запрета на аборт, так и его допущение не свободны от глубочайших противоречий. Чтобы с ними справиться, необходимо последовательное развитие экологической философии, экоэтики и биоэтики в том числе.

Выводы

✓ Специфика природы интерпретируется на основании содержания современных философских концепций и наук.

✓ Вселенная возникла в результате самовзрыва вакуума, существовавшего 15 миллиардов лет назад.

✓ Остывание Вселенной после Большого взрыва привело к формированию уровней организации неживой и живой природы.

✓ Вселенная такова, что возникновение и сохранение человеческой жизни оказывается постоянно реализующейся возможностью.

✓ Вместе с развитием философии изменяется отношение человечества к природе.

Осознание человеком своей ответственности за сохранение природы привело к развитию экологической философии и, соответственно, экологической формы гуманизма.

Глава 2.6

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Что такое наука?

Наука — это деятельность человека по выработке, систематизации и проверке знаний. Разумеется, человек занимается научной деятельностью не случайно. Такова уж его жизнь, что он постоянно вынужден иметь дело с проблемами и сложными задачами. Для того чтобы с ними справиться, человеку необходимы исчерпывающие знания, выработка которых и является ближайшей целью всякой научной деятельности. Полученные знания позволяют объяснить и понять изучаемые процессы, осуществить предсказания на будущее и соответствующие практические действия.

Наука зародилась в древности, гении *Аристотеля, Архимеда, Евклида* тому свидетельство. Но длительное время научное знание пребывало в эмбриональном состоянии. Становление развитой науки требовало постоянной опоры на факты, широкой распространенности, последовательной рационализации, доминирования соответствующего менталитета. Всего этого не было в должном объеме ни в эпоху античности, ни в эпоху средневековья. Ситуация кардинальным образом изменилась к XVI–XVII вв. Именно в Новое время формы мышления и в целом менталитета человека, бывшие ранее исключением, стали достоянием большинства образованных людей. В Новое время наука стала важнейшим фактором жизни. Без науки, без ньютоновской механики в особенности, становление индустриального общества вряд ли могло состояться.

Естественно, многие науки появились уже позже XVII в., таковы, например, социология, генетика, кибернетика. В наши дни наука имеет весьма разветвленную дисциплинарную структуру, в которую входят философские, логико-математические, естественнонаучные и гуманитарные науки (дисциплины). Современная наука стала важнейшим фактором формирования духовного мира человека, культуры и практики общества.

Особо следует подчеркнуть весьма своеобразное соотношение науки и обыденного познания. Так как наука отпочковалась от обыденного познания и вместе с тем вроде бы превзошла его “по всем статьям”, казалось, что наука вполне может обойтись

без своей повседневной колыбели. Это представление нуждается в корректировке. Наука при всех ее достижениях не имеет единовластного мандата на познание. Она находится во взаимодополняющих связях с повседневным познанием, ориентирующимся на здравый смысл. Науку можно уподобить верхним этажам знания. Но верхних этажей нет без нижних. Наука постоянно находит в повседневном познании материал для дальнейшей обработки, без которого она не может обойтись. Достаточно указать в этой связи хотя бы на естественный язык. Наука вырабатывает языки, которые необходимы для решения специфических научных задач, но без языка повседневности она не может обойтись в принципе. Наука имеет своей противоположностью неверное, неправильное знание, но не то знание, которое, будучи правильным, добывается за пределами науки, в повседневной жизни, практической деятельности, искусстве. *Сциентизм* настаивает на том, что наука есть наивысшая и достаточная для ориентации человека в мире ценность. Эта мировоззренческая позиция не учитывает сложную системную организацию общественной жизни, в которой наука занимает достойное место, но не имеет оснований притязать на большее.

Эмпирический уровень научного познания

В науке различают эмпирический и теоретический уровни исследования. *Эмпирическое* исследование направлено непосредственно на изучаемый объект и реализуется посредством наблюдения и эксперимента. *Теоретическое* исследование концентрируется вокруг обобщающих идей, гипотез, законов, принципов. Данные как эмпирического, так и теоретического исследования фиксируются в виде высказываний, содержащих эмпирические и теоретические термины. Эмпирические термины входят в высказывания, истинность которых может быть проверена в эксперименте. Таково, например, высказывание: “Соппротивление данного проводника при нагревании от 5 до 10 °С увеличивается”. Истинность высказываний, содержащих теоретические термины, невозможно установить экспериментально. Чтобы подтвердить истинность высказывания “Соппротивление проводников при нагревании от 5 до 10 °С увеличивается”, следовало бы провести бесконечное число экспериментов, что невозможно в принципе. “Соппротивление данного проводника” — эмпирический термин, термин наблюдения. “Соппротивление проводников” — тео-

ретический термин, понятие, полученное в результате обобщения. Высказывания с теоретическими понятиями неверифицируемы, но они, по Попперу, фальсифицируемы.

Важнейшая особенность научного исследования — взаимонагруженность эмпирических и теоретических данных. В принципе невозможно абсолютным образом разделить эмпирические и теоретические факты. В приведенном выше высказывании с эмпирическим термином использовались понятия температуры и числа, а они являются теоретическими понятиями. Измеряющий сопротивление проводников понимает происходящее, потому что он обладает теоретическими знаниями. В то же время теоретические знания без экспериментальных данных не имеют научной силы, превращаются в беспочвенные умозрения. Согласованность, взаимонагруженность эмпирического и теоретического — важнейшая черта науки. Если указанное гармоническое согласие нарушается, то с целью его восстановления начинается поиск новых теоретических концепций. Разумеется, при этом уточняют и экспериментальные данные. Рассмотрим в свете единства эмпирического и теоретического основные способы эмпирического исследования.

Эксперимент — сердцевина эмпирического исследования. Латинское слово “экспериментум” буквально означает пробу, опыт. Эксперимент и есть испытание изучаемых явлений в контролируемых и управляемых условиях. Экспериментатор стремится выделить изучаемое явление в чистом виде, с тем чтобы было как можно меньше препятствий в получении искомой информации. Постановке эксперимента предшествует соответствующая подготовительная работа. Разрабатывается программа эксперимента; если нужно, то изготавливаются специальные приборы, измерительная аппаратура; уточняется теория, которая выступает в качестве необходимого инструментария эксперимента.

Составляющими эксперимента являются: экспериментатор; изучаемое явление; приборы. В случае приборов речь идет не о технических устройствах типа компьютеров, микро- и телескопов, призванных усилить чувственные и рациональные возможности человека, а о приборах-детекторах, приборах-посредниках, фиксирующих данные эксперимента, испытывающих непосредственное влияние изучаемых явлений. Как видим, экспериментатор находится “во всеоружии”, на его стороне кроме всего прочего профессиональный опыт и, что особенно важно, владение теорией. В современных условиях эксперимент чаще всего проводится группой исследователей, которые действуют согласованно, соизмеря свои усилия и способности.

Изучаемое явление поставлено в эксперименте в условия, когда оно реагирует на приборы-детекторы (если специальный прибор-детектор отсутствует, то в качестве такового выступают органы чувств самого экспериментатора: его глаза, уши, пальцы). Эта реакция зависит от состояния и характеристик прибора. В силу этого обстоятельства экспериментатор не может получить сведения об изучаемом явлении как таковом, т.е. в изоляции от всех других процессов и объектов. Таким образом, средства наблюдения участвуют в формировании экспериментальных данных. В физике этот феномен вплоть до экспериментов в области квантовой физики оставался неизвестным, и его обнаружение в 20-х—30-х годах было сенсацией. Длительное время разъяснение *Н. Бора* о том, что *средства наблюдения влияют на результаты эксперимента*, принималось в штыки. Оппоненты Бора считали, что эксперимент можно очистить от возмущающего влияния прибора, но это оказалось невозможным. Задача исследователя состоит не в том, чтобы представить объект как таковой, а в том, чтобы объяснить его поведение во всевозможных ситуациях.

Следует отметить, что в социальных экспериментах ситуация также не является простой, ибо испытуемые реагируют на чувства, мысли, духовный мир исследователя. Обобщая экспериментальные данные, исследователь должен не абстрагироваться от своего влияния, а именно с учетом его суметь выявить общее, сущностное.

Данные эксперимента так или иначе должны быть доведены до известных рецепторов человека, например, это происходит тогда, когда экспериментатор считывает показания измерительных приборов. Экспериментатор имеет возможность и вместе с тем вынужден задействовать присущие ему (все или некоторые) формы чувственного познания. Однако чувственное познание — это всего лишь один из моментов сложного познавательного процесса, который осуществляет экспериментатор. Эмпирическое познание неправомерно сводить к чувственному познанию.

Среди методов эмпирического познания часто называют *наблюдение*, которое порой даже противопоставляется методу экспериментирования. Имеется в виду не наблюдение как этап любого эксперимента, а наблюдение как особый, целостный способ изучения явлений, наблюдение астрономических, биологических, социальных и других процессов. Различие между экспериментированием и наблюдением в основном сводится к одному пункту: в эксперименте его условиями управляют, а в наблюде-

нии процессы предоставлены естественному ходу событий. С теоретических позиций структура эксперимента и наблюдения одна и та же: изучаемое явление — прибор — экспериментатор (или наблюдатель). Поэтому осмысление наблюдения мало чем отличается от осмысления эксперимента. Наблюдение вполне можно считать своеобразным случаем эксперимента.

Интересной возможностью развития метода экспериментирования является так называемое *модельное экспериментирование*. Иногда экспериментируют не над оригиналом, а над его моделью, т.е. над другой сущностью, похожей на оригинал. Модель может иметь физическую, математическую или какую-то иную природу. Важно, чтобы манипуляции с нею давали возможность транслировать получаемые сведения на оригинал. Это возможно не всегда, а лишь тогда, когда свойства модели релевантны, т.е. действительно соответствуют свойствам оригинала. Полное совпадение свойств модели и оригинала никогда не достигается, причем по очень простой причине: модель не есть оригинал. Как шутили А. Розенблют и Н. Винер, лучшей материальной моделью кошки будет иная кошка, однако предпочтительнее, чтобы это была именно та же самая кошка. Один из смыслов шутки таков: на модели невозможно получить столь же исчерпывающие знания, как в процессе экспериментирования с оригиналом. Но иногда можно довольствоваться и частичным успехом, особенно если изучаемый объект недоступен немодельному эксперименту. Гидростроители, прежде чем возвести плотину через бурную реку, проведут модельный эксперимент в стенах родного института. Что касается математического моделирования, то оно позволяет относительно быстро “проиграть” различные варианты развития изучаемых процессов. *Математическое моделирование* — метод, находящийся на стыке эмпирического и теоретического. То же самое относится и к так называемым *мысленным экспериментам*, когда рассматриваются возможные ситуации и их последствия.

Важнейшим моментом эксперимента являются измерения, они позволяют получать количественные данные. При измерении сопоставляются качественно одинаковые характеристики. Здесь мы сталкиваемся с вполне типичной для научных исследований ситуацией. Сам процесс измерения, несомненно, является экспериментальной операцией. Но вот установление качественной одинаковости сопоставляемых в процессе измерения характеристик относится уже к теоретическому уровню познания. Чтобы выбрать эталон единицы величины, необходимо знать, какие явления эквивалентны друг другу; при этом предпочтение

будет отдано тому эталону, который применим к максимальному числу процессов. Длину измеряли локтями, ступнями, шагами, деревянным метром, платиновым метром, а теперь ориентируются на длины электромагнитных волн в вакууме. Время измеряли по движению звезд, Земли, Луны, пульсом, маятниками. Теперь время измеряют в соответствии с принятым эталоном секунды. Одна секунда равна 9192 631 770 периодам излучения соответствующего перехода между двумя определенными уровнями сверхтонкой структуры основного состояния атома цезия. Как в случае с измерением длины, так и в случае измерения физического времени эталонами измерения избрали электромагнитные колебания. Такой выбор объясняется содержанием теории, а именно квантовой электродинамики. Как видим, измерение теоретически нагружено. Измерение может быть эффективно осуществлено лишь после выявления смысла того, что измеряется и каким образом. Чтобы лучше разъяснить сущность процесса измерения, рассмотрим ситуацию с оценкой знания студентов, допустим, по десятибалльной шкале.

Преподаватель беседует со многими студентами и ставит им оценки — 5, 7 или 10 баллов. Студенты отвечают на разные вопросы, но преподаватель подводит все ответы “под общий знаменатель”. Если сдавший экзамен информирует кого-то о своей оценке, то из этой краткой информации невозможно установить, что было предметом беседы преподавателя и студента. Не интересуются экзаменационной конкретикой и стипендиальные комиссии. Измерение, а оценка знаний студентов есть частный случай этого процесса, фиксирует количественные градации не иначе как в рамках данного качества. Различные ответы студентов преподаватель “подводит” под одно и то же качество, а уже затем устанавливает различие: 5 и 7 баллов в качестве баллов равнозначны, в первом случае этих баллов просто меньше, чем во втором. Преподаватель, оценивая знания студентов, исходит из своих представлений о существовании данной учебной дисциплины. Студент тоже умеет обобщать, он мысленно подсчитывает свои неудачи и успехи. В итоге, однако, преподаватель и студент могут прийти к различным выводам. Почему? Прежде всего в силу того, что студент и преподаватель неодинаково понимают вопрос оценки знаний, они оба обобщают, но одному из них эта умственная операция удастся лучше. Измерение, как уже отмечалось, теоретически нагружено.

Обобщим изложенное выше. Измерение *A* и *B* предполагает: а) установление качественной тождественности *A* и *B*; б) введе-

ние единицы измерения (секунда, метр, килограмм, балл); в) взаимодействие *A* и *B* с прибором, который обладает той же качественной характеристикой, что *A* и *B*; г) считывание показаний прибора. Приведенные правила измерения используются при изучении физических, биологических и социальных процессов. В случае физических процессов измерительный прибор часто является вполне определенным техническим устройством. Таковы термометры, вольтметры, кварцевые часы. В случае биологических и социальных процессов дело обстоит сложнее — в соответствии с их системно-символической природой. Ее надфизический смысл означает, что и прибор должен обладать этим смыслом. Но технические устройства обладают лишь физической, а не системно-символической природой. Раз так, то они не годятся для непосредственного измерения биологических и социальных характеристик. Но последние поддаются измерению, и их действительно измеряют. Наряду с уже приведенными примерами весьма показателен в этой связи товарно-денежный рыночный механизм, посредством которого измеряют стоимость товаров. Нет такого технического устройства, которое бы измеряло стоимость товаров непосредственно, но опосредованным путем, с учетом всей деятельности покупателей и продавцов, это удастся сделать.

После анализа эмпирического уровня исследований нам предстоит рассмотреть органично связанный с ним теоретический уровень исследования.

Теоретический уровень исследования.

Природа научных концептов

Теоретический уровень познания реализуется посредством понятий, законов, принципов. *Теория* есть система концептов, законов и принципов, которая позволяет описать и объяснить некоторый класс явлений и наметить программу действий по их преобразованию. В науке факты и теории не противостоят друг другу, они образуют единое целое. Факты — это научные концепты, выражающие единичное. Теория имеет дело с общим. Факты и теории многомерны, в них можно выделить уровень событийный, психологический и лингвистический.

Уровни единства фактов (ф) и теории (т)

Лингвистический

(т) универсальные высказывания

(ф) единичные высказывания

Психологический

(т) мысли

(ф) чувства

Событийный

(т) общее единичных событий

(ф) единичные события

Допустим, мы имеем три тела, массы которых m_1 , m_2 и m_3 . Здесь m_1 , m_2 , m_3 — единичные события (реалии), m — общее. Изучаемые тела вызывают у нас чувства (психически единичное) и мысли (психически общее). Высказывания по поводу m_1 , m_2 , и m_3 называются единичными (сингулярными). Высказывания по поводу m называются неединичными и в этом смысле универсальны.

Природу научных концептов рассмотрим на примере самого сложного их представителя — идеализации. *Идеализация* есть мысленно сконструированное понятие о таких объектах, процессах и явлениях, которые вроде бы не существуют, но имеют если не образы, то прообразы. Идеализациями являются, например, понятия точки, абсолютно твердого тела, идеального газа. В реальной действительности нет точек, абсолютно твердых тел, идеальных газов, абсолютно черных тел и т.п. Но есть, например, маленькие и большие тела; ясно, что прообразом материальной точки будет именно маленькое, а не большое тело. Соответствующие рассуждения можно привести относительно любой идеализации. Но тут-то и возникают “проклятые” сложные вопросы. Трудноразрешимым вопросом оказалось понимание существа идеализированного воспроизведения изучаемых явлений. Почему оно столь эффективно? На первый взгляд, это совершенно непонятно. На самом деле, вроде бы идеализации получают, огрубляя действительность. А между тем идеализирование позволяет получить точное теоретическое знание. Итак, в чем состоит эффективность научных абстракций, в том числе идеализаций?

Эффективность научных абстракций состоит прежде всего в выражении каждой из них общего, присущего классу референтов (объектам, причинам, явлениям). Что касается идеализаций, то они состоятельны лишь в том случае, если попадают внутрь приемлемого интервала абстракций. До известных пределов что-то можно считать, например, точкой, а дальше — нет. При некоторых условиях планеты считают точками, при других нельзя считать точками даже элементарные частицы, которые

в своих размерах заведомо уступают планетам. При неудачном падении с большой высоты человеческого тела на водную поверхность последняя поведет себя — в пределах приемлемого интервала абстракции — точно так же, как асфальтовое покрытие. Воду и асфальтовое покрытие можно уподобить в данном случае абсолютно твердому телу. Наши примеры можно было бы приумножить, но главный аспект ситуации ясен: *идеализация есть форма выделения общего*. Она не огрубляет действительность, а позволяет выделить ее — выразимся так — интимные стороны, те аспекты явлений, которые обнаруживаются не иначе как в процессе научного исследования. Понятие материальной точки вопреки расхожему мнению фиксирует не гипотетически малые тела, а тот факт, что есть класс объектов, которые ведут себя одинаковым образом при самых различных условиях. Соответственно понятие идеального газа фиксирует одинаковость некоторых газов. Эту одинаковость невозможно выразить иначе, как вводя идеализацию идеального газа. Изложенное выше объясняет, почему на теоретическом уровне исследования идеализация является нормой.

Естественно, если научные знания удастся объединить в систему, то их использование становится особенно эффективным. Теория позволяет объяснить огромное множество фактов, получить в лаконичной форме емкую информацию, прогнозировать будущий ход событий.

Становление научной теории и рост теоретического знания

Разумеется, выработка научных концептов, подъем на подлинно теоретический уровень исследования — дело нелегкое. Успеху способствуют анализ и синтез, классификация и индивидуализация, систематизация, выделение аналогий, индукция и дедукция, многое другое.

Изучаемое явление выступает как конкретное, как единство многообразного. Очевидно, что должной ясности в понимании конкретного на первых этапах нет. Путь к ней начинается с анализа, мысленного или реального расчленения целого на части. Анализ позволяет сосредоточить внимание исследователя на части, свойстве, отношении, элементе целого. Ученый поступает подобно ребенку, который разбирает игрушки на части и с изумлением взирает на каждую из них. Однако ребенок, разо-

брав игрушку на части, как правило, не может восстановить ее. Исследователь же в отличие от ребенка не забывает о целом, он дополняет анализ синтезом, соединением многообразного в целое. Анализ успешен, если он позволяет осуществить синтез, восстановить целое. В научном исследовании анализ и синтез дополняют друг друга. *Анализ* есть переход от конкретного к абстрактному, *синтез* — восхождение от абстрактного к конкретному.

Анализ дополняется классификацией, черты изучаемых явлений распределяются по классам. Классификация — путь к концептам. Классификация невозможна без проведения сравнений, нахождения аналогий, похожего, сходного в явлениях. Усилия исследователя в указанном направлении создают условия для *индукции*, умозаключения от частного к некоторому общему утверждению. Латинское слово “индукция” означает наведение. Знание частного наводит на обобщение, как бы подталкивает к нему, создает условия для догадки, которая и реализуется в обобщении. Подобно тому как анализ всегда сопровождается синтезом, неразлучную пару образуют *индукция* и *дедукция* (выведение из общего частного). Индукция ведь не самоцель. Она — необходимое звено на пути достижения общего. Но и достижением общего исследователь не удовлетворяется. Зная общее, исследователь стремится объяснить частное. Если это не удастся, то неудача указывает на неподлинность операции индукции. Выходит, что индукция проверяется дедукцией. Разумеется, справедливо и обратное. Успешная дедукция позволяет относительно легко фиксировать экспериментальные зависимости, видеть в частном общее.

Обобщение связано с выделением общего, но чаще всего оно неочевидно и выступает некой научной тайной, главные секреты которой выявляются в результате идеализации, т.е. обнаружения интервалов абстракций, о чем шла речь в предыдущем параграфе.

Наконец, каждый новый успех в деле обогащения теоретического уровня исследования сопровождается упорядочением материала и выявлением субординационных связей. Связь научных концептов образует *законы*. Главные законы часто называют *принципами*. Теория — это не просто система научных концептов и законов, а система их субординации и координации.

Итак, главные моменты становления научной теории — это анализ, индукция, обобщение, идеализация, установление субординационных и координационных связей. Перечисленные операции могут найти свое развитие в *формализации* и *математи-*

зации. Каждый знает, что формализация и математизация теоретического материала сулят большие выгоды.

До сих пор становление научной теории описывалось как нечто, начинающееся с нуля. Всему процессу становления научной теории был придан излишне закономерный характер. Чаще всего становление теоретического исследования проходит куда более бурно и непредсказуемо, чем это описано выше. К тому же следует иметь в виду одно важнейшее обстоятельство: обычно становление нового теоретического знания проходит на фоне уже известной теории, т.е. имеет место рост теоретического знания. Исходя из этого философы часто предпочитают рассуждать не о становлении научной теории, а о росте научного знания. Известная книга *К. Поппера* так и называется: “Логика и рост научного знания”. Необходимость роста научного знания становится очевидной тогда, когда использование теории не дает искомого эффекта.

Анализ, индукция, идеализация — все это проводится под эгидой старых научных представлений, но с очевидной готовностью их изменить, трансформировать. Исследователь стремится согласовать, гармонизировать друг с другом эмпирический и теоретический уровень исследования. Он — вечный охотник за научной гармонией. С этой целью он выдвигает все новые теоретические гипотезы, верифицирует и фальсифицирует их.

Новое теоретическое знание до поры до времени вписывается в рамки существующей теории. Но наступает такая стадия, когда подобное вписывание невозможно, налицо научная революция: на смену старой теории пришла новая. Часть бывших сторонников старой теории оказывается способной усвоить новую теорию. Те же, кому это не под силу, остаются при своих прежних теоретических ориентирах, но им становится все труднее находить себе учеников и новых сторонников. Как шутят ученые, сторонники старых теорий не переубеждаются, они вымирают.

Связь между старой и новой теориями всегда существует, но, естественно, она может быть более или менее тесной. Физики, например, знают, что различие между квантовой механикой и ньютоновской механикой больше, чем различие между специальной теорией относительности и ньютоновской механикой. Вместе с тем нет оснований отказывать квантовой и ньютоновской механикам в известном сходстве. Это проявляется, в частности, в том, что классические понятия координаты, импульса, энергии в квантовой механике преобразуются в операторы координаты, импульса, энергии. *Т. Кун, П. Фейерабенд* и другие представи-

тели исторического направления философии науки настаивают на тезисе несоизмеримости теорий, согласно которому сменяющие друг друга теории не являются рационально сравнимыми. Видимо, это мнение излишне радикально. Практика научных исследований показывает, что рациональное сравнение новых и старых теорий всегда проводится, и отнюдь не безуспешно.

В заключение отметим еще раз: обеспечить рост теоретического знания весьма не просто. Сложность исследовательских задач вынуждает ученого добиваться глубокого осмысления своих действий, *рефлексировать*. Рефлексия может осуществляться в одиночку, и, конечно же, она невозможна без проведения исследователем самостоятельной работы. Вместе с тем рефлексия очень часто весьма успешно проводится в условиях обмена мнениями между участниками дискуссии, в условиях диалога. Современная наука стала делом творчества коллективов, соответственно рефлексия часто приобретает групповой характер.

Теоретические методы

Потенции любой достаточно развитой науки не могут быть реализованы мгновенно, одномоментно. Реализация теоретического знания — это процесс, который осуществляется шаг за шагом в соответствии с определенным методом. *Метод теории* — это способ достижения цели теоретическим путем. Главнейшими среди теоретических методов являются: аксиоматический, конструктивистский, гипотетико-дедуктивный и прагматический.

При *аксиоматическом методе* научная теория строится в виде системы аксиом и правил вывода, позволяющих путем логической дедукции получить утверждения (теоремы) данной теории. *Аксиома* — это положение, принимаемое без логического доказательства. Аксиомы не должны противоречить друг другу. Желательно, чтобы они не зависели друг от друга, что позволяет каждую аксиому анализировать отдельно и обстоятельно. Если аксиомы зависят друг от друга, то вся картина резко усложняется. Аксиоматическое построение теории кажется весьма привлекательным и строгим. Но и здесь есть трудности. *К. Гедель* доказал, что в достаточно богатой своими средствами непротиворечивой аксиоматической системе всегда находятся утверждения, которые не выводятся из аксиом. Чтобы эти утверждения доказать, необходимо ввести новые аксиомы и т.д. К тому же аксиоматический метод чересчур строг, его требования даже

в математике, где он используется с наибольшим успехом, не всегда выполнимы.

В логико-математических науках и информатике наряду с аксиоматическим широко используется *конструктивистский* метод. Здесь начинают развертку теории не с аксиом, а с конструктов, правомерность использования которых считается интуитивно оправданной. Задаются правила построения новых теоретических конструктов. Статус научности придается лишь тем конструктам, которые действительно удалось построить. Построение математических символов, в частности геометрических фигур, может осуществляться на бумаге. Понятие актуально бесконечно большого числа не принимается, ибо его нельзя построить. Считается, что конструктивистский метод — лучшее средство против появления логических противоречий. Концепт сконструирован, следовательно, сам путь его построения непротиворечив.

В естествознании широко применяется *гипотетико-дедуктивный* метод. При этом используют гипотезы обобщающей силы, из которых выводится все остальное знание. До тех пор пока гипотеза не отвергнута, она выступает в качестве научного закона (ср.: законы Ньютона в физике, законы Менделя в биологии и т.п.). В отличие от аксиом математики и логики гипотезы из арсенала естествознания нуждаются в эмпирическом подтверждении.

Специфику технических и гуманитарных наук наиболее полно выражает *прагматический* метод. Суть самого прагматического метода составляет логика так называемого *практического* вывода. Субъект *A* намеревается осуществить *p*. Субъект *A* считает, что он не сможет осуществить *p*, если он не совершит *c*. Следовательно, *A* принимается за совершение *c*. Здесь между *A* и *p* оказывается *c* (средство), не обладающее самостоятельным смыслом без *p*. Построения в духе конструктивизма выполняются линейно, в нашем случае они имели бы вид $A \rightarrow c \rightarrow p$. Логика же практического вывода имеет вид $A \rightarrow p$ (цель) $\rightarrow c$ (средство). Как видим, практический вывод обладает только ему присущей спецификой. Если при гипотетико-дедуктивном выводе информация о факте “подводится” под закон, то при практическом выводе информация о средстве (*c*) должна соответствовать поставленной цели (*p*), которая, в свою очередь, согласуется с некоторыми *ценностями*.

Следует особо отметить, что осознание прагматического метода в качестве подлинного научного метода — одно из великодушных достижений философии и науки XX в. Герменевтики, аналитики, постмодернисты внесли существенный вклад в разработ-

ку прагматического метода. Главная их мысль достаточно очевидна: наука по достижению целей строится согласно прагматическому методу. Эту мысль неоднократно ставили и ставят под сомнение, рассуждая следующим образом. Наука занимается тем, что *есть*, а не тем, что *должно быть*. Мол, невозможно научно доказать, что должно быть, какие цели следует приветствовать, а какие нет. Приведенная аргументация неприемлема. В ее основе лежит абсолютизация методов естествознания, прежде всего гипотетико-дедуктивного метода. Вопрос ставится так: если технические и гуманитарные дисциплины претендуют на статус науки, то они обязаны культивировать не что иное, как гипотетико-дедуктивный метод, метод естествознания. Однако успехи философии и науки свидетельствуют о другом. В технических и гуманитарных науках доминирует не гипотетико-дедуктивный, а прагматический метод. В разных по статусу науках доминируют разные методы. В естествознании обнаруживают закономерности, в технических и гуманитарных науках вырабатывают ценности и цели. В том и другом случае речь идет о наиболее развитом, глубоком знании, которое обосновывается тщательнейшим образом. Это означает, что не только естествознание, но и знание, техническое и гуманитарное, соответствует критериям научности (знание признается научным в том случае, если оно непротиворечиво, обоснованно, системно организовано, подтверждается на деле, открыто для всесторонней критики). Прагматический метод — научный метод, к тому же весьма высокой гуманистической значимости, ибо именно он наиболее органичным образом позволяет людям вырабатывать, а затем и реализовывать свои идеалы человечности.

Если рассмотренные выше теоретические методы оказываются неприемлемыми, то приходится обращаться к другим методам, назовем их *описательными*. Описание изучаемых явлений может быть словесным (вербальным), графическим, схематическим, формально-символическим. Теперь мысль исследователя намного чаще, чем, например, при реализации аксиоматического и гипотетико-дедуктивного методов, вынуждена обращаться непосредственно к данным эксперимента, ей реже удается обнаружить закономерные связи. Создается даже впечатление, что идеалы теоретического исследования оказываются настолько размытыми, что впору ставить вопрос о том, являются ли описательные методы, широко используемые, например, в биологии и социологии, научными. Видимо, разрешение так занимавшей постпозитивистов проблемы разграничения научного и ненауч-

ного знания зависит от полноты аргументации, степени доказательности используемого знания. С этих позиций описательные методы — в тех случаях, когда они опираются на солидный экспериментальный материал и на разветвленную аргументацию, — не выходят за пределы науки.

Описательные методы часто являются той стадией научных исследований, которая ведет к достижению идеалов более развитых научных методов. Вместе с тем нельзя исключить, что для определенных явлений описательный метод является наиболее адекватным; просто явления таковы, что они не подчиняются слишком жестким требованиям. Идеалы современной науки становятся все более многообразными, они включают, в частности, и достижения описательных методов.

В заключение данного параграфа вернемся к вопросу о природе теоретического метода. Выше теоретический метод понимался как путь достижения цели в области теории, способ реализации теоретического знания.

Метод реализуется в теоретической деятельности. Но в любой человеческой деятельности обычно выделяются некоторые нормы, следование которым приводит к регулятивам. Нечто аналогичное происходит и при реализации теоретических методов. Если исследователь хорошо усвоил нормы различных методов, то он, надо полагать, будет в состоянии их эффективно использовать. Знание теоретических методов освещает исследователю путь в теории. Вместе с тем не следует думать, что метод дает ключ к любым теоретическим затруднениям. Метод всегда должен быть адекватным природе изучаемых явлений. Теоретик, приступая к изучению определенных явлений, руководствуется своими методологическими мерками, но далеко не всегда они оказываются эффективными. Это означает, что метод не должен возводиться в абсолют. Есть философы, которые считают, что они знают методы изучения любых явлений. Здесь мы сталкиваемся с некой формой философской самоуверенности, истоки которой составляет преувеличение роли методов и учения о них, т.е. методологии в научном познании.

Наука в поисках истины

Бескорыстный поиск истины — это ли не задача ученого? Такой поиск связан, однако, с преодолением целого ряда сложностей. Вспомним три концепции истины: корреспондентную, ко-

герентную и прагматическую. Каждая из этих концепций получает в науке нетривиальное развитие.

Понимаемая в рамках науки *корреспондентная концепция* истины настаивает на соответствии теории экспериментальным данным. Это требование принимается в науке, причем именно оно является одним из основных в определении того, действительно ли предлагаемая концепция-гипотеза относится к сфере науки. Теоретическая концепция должна находиться в соответствии с экспериментом, не противоречить ему, позволять предсказывать его результаты. Неопозитивисты считали, что эксперимент является исчерпывающей характеристикой правильности теории. Теория проверяется, верифицируется экспериментом: либо она проходит эту проверку успешно, либо нет; либо она верна, либо неверна. *К. Поппер* нашел в этой аргументации пробел: так как теории рано или поздно опровергаются, фальсифицируются, то предыдущие их соответствия эксперименту фактически не являются подлинными проверками. Попперу можно возразить: если теория пришла в противоречие с некоторыми экспериментальными данными, то она неприменима для их истолкования, но ее действенность сохраняется для других экспериментальных данных. В науке часто, но далеко не всегда, новая теория “ставит крест” на старой. Физики по сей день для истолкования некоторых физических явлений не без успеха используют ньютоновскую механику. И это несмотря на то, что она вроде бы давно опровергнута новейшими физическими теориями. Ньютоновская механика сохранила свое значение как частный, сравнительно простой случай теории относительности и квантовой физики.

Несоответствия теории эксперименту часто удается ликвидировать простыми средствами, а именно: внесением в старую теорию некоторых усовершенствований. В таких случаях дело не доходит до научной революции. По *Лакатосу*, наиболее принципиальные положения теории как бы окружены некоторым защитным слоем менее важных положений, которые принимают на себя первые “удары” экспериментальных данных. Ядро теории будет разрушено лишь после того, как произошло разрушение защитного слоя теории.

Отметим также, что в эксперименте проходит проверку и опровергается не то или иное частное положение теории, а теория в целом. Всякое конкретное положение есть следствие теории как целого. В силу этого эксперимент соотносится со всей теорией как с целым.

Но теория реализует свои идеи в “развертке”, для понимания которой необходима наряду с корреспондентной когерентная концепция истины. Согласно последней, все научные утверждения образуют единое гармоническое целое. Истинное всегда выступает элементом гармонического целого, каковым в нашем случае и является наука в единстве ее как экспериментальных, так и теоретических составляющих. Новые теоретические и экспериментальные данные проходят проверку на их согласованность с уже известными данными. Такое согласование может потребовать более или менее кардинальной перестройки системы научного знания. Современное научное знание имеет именно системный и весьма разветвленный характер. Разумеется, успешно ориентироваться в нем не просто. На заре своего становления научное знание было относительно простым, научные доказательства содержали не слишком много логических ходов, мысль то и дело “заземлялась” на факты. Частое обращение к фактам замедляло движение научной мысли. В наши дни ученый имеет возможность обратиться к фактам уже после проведения значительной теоретической работы, после преодоления большого расстояния в фактуально разряженном пространстве понятий (компьютерная техника помогает ему в этом деле). За счет описанного феномена, а он оказался возможным лишь в силу системности научного знания, мысль человека стала столь эффективной, какой ранее никогда не была. Итак, человек реализует в науке свои уникальные возможности отнюдь не тривиальным образом. В соответствии с этим изменилась трактовка научной истины. Истинное научное утверждение входит в состав науки как системы знания.

Обратимся теперь к прагматической концепции истины, согласно которой, практика — критерий истины. В науке критерий практики часто довольно прямолинейно связывают со значением эксперимента. Но научная практика не сводится всего лишь к эксперименту, а представляет собой все поле применения науки, ее жизненное значение для человека. Нет такой области деятельности человека, где бы не использовалась наука, она стала одной из важнейших сущностных сил человека. С учетом этого не будет преувеличением утверждать, что полем проверки науки на истинность стала вся жизнь человека, все ее сферы, в которых она действительно используется.

Разветвленный, сложный характер науки предъявляет непростые требования к ее истолкованию. В чем сила науки? Каковы ее идеалы? Достаточно ли требовать от науки ответа лишь на во-

прос “Как происходят явления?” или же на вопрос “Почему они именно так происходят?”. Не противоречит ли наука искусству, религии, другим областям человеческой жизни? Не приведет ли наука человечество в конечном счете к катастрофе?

Идеалы науки. Этика ученого

Наука в лице своих представителей всегда стремится к вершинам человеческого знания. Все дороги, которые ведут к этим вершинам, составляют идеалы науки. *Идеалы науки* — это ее теоретические и экспериментальные методы, позволяющие достигнуть максимально обоснованного и доказательного знания.

В одних случаях наука дает описание явлений, в других она объясняет их природу посредством использования достижений аксиоматического, гипотетико-дедуктивного, конструктивистского, прагматического методов. Если для объяснения фактов используются законы, то мы имеем дело с *номонологическим* объяснением. Если же для объяснения фактов используется теория, то мы имеем дело с теоретическим объяснением. Ясно, что различие номонологического и теоретического объяснений имеет смысл лишь в том случае, когда законы не входят в состав теории. В противном случае всякое номонологическое объяснение одновременно является и теоретическим.

Если теоретическое объяснение отвечает на вопрос “Как происходят явления?”, то оно является *феноменологическим*. Если же теоретическое объяснение отвечает на вопрос “Почему явления происходят таким-то образом?”, то оно называется *динамическим*. Термодинамика, например, относится к числу феноменологических теорий, ее уравнения описывают связь параметров макросистем, находящихся в термодинамическом состоянии. При этом не объясняется, почему именно имеют место термодинамические законы. Чтобы объяснить истоки термодинамических законов, придется обратиться к их микромеханизмам, в таком случае используются уже динамические теории. По отношению к теориям макроявлений теории микроявлений всегда имеют динамический характер. Квантовая теория поля — это динамическая теория по отношению к ньютоновской механике. Соответственно макроэкономические теории и, например, теория фирмы соотносятся друг с другом как феноменологическая и динамическая теории. Один из идеалов науки состоит в том, чтобы там, где это только возможно, достигать уровня динамической

теории. Динамическая теория в контексте научного знания отвечает и на вопрос “Почему?”, и на вопрос “Как?”.

Сила науки, ее эффективность определяются достижением высот знания. Но богатство человеческой жизни не исчерпывается институтом знания. Бескорыстное служение идеалам научной истины деформируется, причем весьма существенным образом, под влиянием вненаучных и ненаучных факторов. Ученый, максимально информированный в области своих изысканий, за их пределами часто является некомпетентным человеком. Раскрытие физиками тайн атомного ядра позволило создать сначала атомную, а затем водородную бомбу — чудовищные средства уничтожения жизни на Земле. Создавать или не создавать атомную бомбу — это уже вопрос не физической теории, а скорее психологии, социологии, других гуманитарных наук. Между тем он решался не учеными, а политиками, которые сумели привлечь к исполнению своих замыслов ряд выдающихся физиков и техников.

Рано или поздно необходимо разрешить проблему правильного использования достижений науки. В таком случае мгновенно возникает вопрос об этике ученого, его нравственности. Увы, но достижение истины не всегда ведет к добру. Прав французский философ *М.Монтень*, отмечавший: “Тому, кто не постиг науки добра, всякая наука приносит лишь вред”.

Любой, кто серьезно относится к науке, — либо сам занимаясь научными изысканиями, либо используя достижения науки, — попадает в ситуации своеобразного выбора, который приходится делать. Занятия наукой вырабатывают определенное ценностное отношение к миру. Подлинный ученый, как правило, высоко ценит логическую дисциплину ума, способность обосновывать делаемые выводы, стремление к истине, достоинства теории и эксперимента. В силу постоянного роста научного знания ученый как бы исподволь подпитывается стимулами, ставящими его в критическое отношение к догмам, ко всякого рода авторитетам. Вместе с тем никакая наука не спасает от догматизма и от неоправданного преклонения перед авторитетами, если ученый не обладает необходимыми свойствами характера, порядочностью, честностью, мужеством.

Применение научных знаний не является нейтральным ни в политическом, ни в социальном, ни в экономическом, ни в экологическом, ни в моральном отношениях. Ответственность за применение достижений науки в первую очередь несут сами творцы науки, ученые. Никто не в состоянии лучше самих ученых

оценить положительные и слабые стороны применения результатов научных исследований. Прогресс науки — не самоцель для человечества, он призван способствовать всемерному развитию человека, в том числе улучшению материальных условий его жизни. Наука не отменяет первостепенную значимость таких ценностей человеческой жизни, как свобода, справедливость, счастье. Она должна помогать развитию человека и как творческой личности. Но будет ли наука действительно способствовать прогрессу общества и человека или же, наоборот, она будет служить силам реакции — это уже зависит от людей данного общества, от их ответственности перед будущим.

Соотношение философской, религиозной и научной картин мира

Очередную главу мы заключаем рассмотрением соотношения философской, религиозной и научной картин мира. Вопрос этот считается остродискуссионным. Вместе с тем мало кто сомневается в его актуальности.

Прежде всего следует определить новый термин *картина мира*. Картина мира — это способ видения мира как целого, включая и человека в нем. Необходимость установления картины мира связана со стремлением иметь синтетическое, целостное представление о мире, преодолеть последствия дифференциации философии, науки и религии. С этой точки зрения мир философии, мир науки и мир религии выступают соответственно как философская, научная и религиозная картины мира. В своем единстве они образуют целостную картину мира. Взаимоотношения между философией, наукой и религией всегда были и по настоящее время остаются достаточно напряженными, часто достигающими стадии конфликта, что придает спорам вокруг рассматриваемой темы своеобразное обаяние.

Многовековые дискуссии показывают, на наш взгляд, что человек, не будучи одномерным существом, культивирует и философию, и религию, и науку. Не счесть попыток доказать полнейшую несостоятельность каждой из них. Как нам представляется, все эти попытки в конечном счете не достигли желаемого. Сильная неприязнь то ли к религии, то ли к науке, то ли к философии неизменно посрамляет себя. В современную эпоху главенствует научный импульс. Обществу не обойтись без науки, это достаточно очевидно. Но почему все достоинства науки не позво-

ляют человеку прожить без религии и философии? *Необходимость философии* наряду с наукой объясняется, во-первых, тем, что она сама научна; во-вторых, ее вниманием к кардинальным вопросам бытия; в-третьих, стремлением преодолеть неопределенность альтернативы мысленного (научного) и мистического (религии).

Необходимость религии наряду с философией ее приверженцы и знатоки объясняют тем, что за последними воротами науки человек оказывается перед лицом Божественной веры (*М.Бубер*). Религия имеет будущее, считает известный немецкий теолог *Г.Кюнг*. Он приводит в защиту своего мнения шесть аргументов, которые, на наш взгляд, довольно удачно обобщают большой литературный материал. Во-первых, современный мир с его несправедливостью не находится в должном порядке, он возбуждает тоску о Другом. Во-вторых, трудности жизни ставят этические вопросы, перерастающие в вопрос о религии. В-третьих, при всей правомерности секуляризации (освобождения от церковного влияния) идеология атеизма будет отвергаться. В-четвертых, религия означает социальное развитие отношения к абсолютному смыслу бытия, к тому последнему, что непременно касается каждого. В-пятых, этот смысл бытия воспринимается как Бог. В-шестых, там, где основной смысл бытия видят не в Боге, а в чем-то другом — в нации при национализме, в народе при национал-социализме, в расе при расизме, в партии при партийном тоталитаризме, в науке при сциентизме, — налицо квазирелигия (по *П.Тиллиху*). Сразу же за этими аргументами Кюнг делает заслуживающий внимания вывод: приведенные аргументы совсем не доказывают, что Бог действительно существует.

Одно дело вопрос о Боге, другое сам Бог. Для верующего человека вопрос о Боге неминуемо сопровождается утверждением о реальности Бога. Но актуальным является и другой ход мысли, когда должное внимание к религиозным темам не сопровождается верой в самого Бога или же указывается, что существование Бога не доказано достаточно однозначным образом. Другими словами, не приходится отождествлять друг с другом соответственно: воинствующий атеизм; простой, равнодушный к вопросам религии атеизм; атеизм, признающий правомерность религии, ее достоинства в том числе. Отношение человека к религии не исчерпывается однозначными “да” или “нет”. То же характерно и для отношения человека к философии и науке. Приведем некоторые примеры. Английский философ *Б.Рассел* отно-

сился к религии довольно непримиримо, а философию ставил явно ниже науки. *Гегель* ставил превыше всего философию, считая науку и религию вторичными. *Ницше* довольно критически относился и к религии, и к науке, и к философии. *В.Соловьев* ставил религию выше философии и науки. *Хайдеггер* превозносил философию, критиковал науку и довольно индифферентно относился к религии.

Итак, религиозная, философская и научная картины мира сосуществуют друг с другом. Это — факт. Человечество, вынужденное действовать по законам диалога и сотрудничества, стремится сложить мозаику единой картины мира. В реализации этого стремления философия, на наш взгляд, занимает самое достойное, а именно центральное место. Действительно, наука по определению достаточно резко дистанцируется от всякого ненаучного знания, в том числе и от религии. Но и представители религии достаточно далеко отстоят от науки; еще никому не удавалось поставить религию на рельсы науки. В контексте безусловной состоятельности как науки, так и религии в качестве сфер культуры и вместе с тем при их известной несопряженности философия играет особую и весьма примечательную роль. Философия чувствует себя как дома и в сфере научного, и в сфере ненаучного знания, ей легко вести диалог на оба фронта.

При сохранении должной осторожности можно утверждать, что три картины мира не противостоят, а взаимодополняют друг друга. При этом, однако, следует учитывать характер взаимодополнения. Рассмотрим соотношение наука — философия. Наука и философия взаимоусиливают друг друга. Сколько бы ни добавляли науки в философию и философии в науку, обе только крепнут. Иначе обстоит дело в паре наука — религия. Религиозные мотивы, внесенные в науку, разрушают ее, поэтому ученые выступают против такого внесения. Вместе с тем научные “инъекции” в религию способны существенно ослабить последнюю, ибо они не согласуются с чудом откровения. В связке философия — религия обе стороны в одних случаях усиливают друг друга (например, в развитии обостренного этического отношения к миру), а в других — ослабляют (например, в различном понимании принципа абсолютной личности). Если читатель не согласен с нами, то у него есть отличная возможность пофилософствовать самому над такой остродискуссионной проблемой, каковой признается соотношение науки, философии и религии.

Выводы

✓ Наука — это деятельность человека по выработке, систематизации и эффективному использованию истинностного знания.

✓ Эмпирическое исследование направлено непосредственно на изучаемый объект и реализуется с помощью наблюдений и экспериментов.

✓ Теоретическое исследование концентрируется на обобщающих идеях, позволяющих интерпретировать экспериментальные факты.

✓ Средства наблюдения влияют на результаты экспериментов (принцип относительности к средствам наблюдений).

✓ Всякая наука содержит три уровня единства фактов и теорий: событийный, психологический и лингвистический.

✓ Научная идеализация есть форма выделения общего.

✓ Существует четыре основных теоретических метода: аксиоматический, конструктивистский, гипотетико-дедуктивный и прагматический.

✓ Наука не признает доктринерства, ее идеалом является непрекращающийся рост научного знания.

✓ Наука не нейтральна в этическом отношении. Будущее человечества зависит в значительной степени от ответственности ученых за результаты их творчества.

Глава 2.7

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

Происхождение и природа техники

Греческое “технэ” переводится на русский язык как “искусство”, “мастерство”, “умение”. Понятие техники встречается уже у *Платона* и *Аристотеля* в связи с анализом искусственных орудий труда. Техника в отличие от природы не является естественным образованием, она создается. Произведенный человеком объект часто называют артефактом. Латинское “артефактум” означает буквально “искусственно сделанный”. Техника есть совокупность артефактов. Такое определение техники, разуме-

ется, дает лишь первое представление о ней, более содержательное истолкование будет дано ниже.

История становления современного человека связана с уложением и развитием феномена техники. Далеко не сразу техника достигла своих нынешних высот. В доиндустриальном обществе техника выступает как искусное ремесло. Технические умения передаются от мастера к ученику в рамках ремесленно-цеховой организации. Эти умения, навыки, знания, являющиеся достоянием замкнутого круга лиц, чаще всего не получают высокой общественной оценки. Ситуация изменяется кардинальным образом в Новое время, когда общество в значительной степени начинает функционировать на машинной основе. Место мастера занимает инженер, наиболее компетентный в техническом отношении специалист. В отличие от техника, деятельность которого ограничивается обеспечением нормального функционирования технических устройств, инженер изобретает, использует научные методы, всесторонне развивает техническую парадигму.

А.И.Ракитов, выявивший признаки, отличающие развитое инженерное мышление от предынженерного, пришел к выводу, что инженерное мышление формируется на машинной основе; оно рационально, выражается в общедоступной форме, имеет тенденцию к формализации и стандартизации, опирается не только на экспериментальную базу, но и на теорию, систематично формируется профессиональными инженерными дисциплинами, экономически рентабельно. Наконец, инженерное мышление имеет тенденцию к универсализации и распространению во все сферы человеческой жизни. Значение техники стало в должной степени изучаться лишь последние 100 лет. Первые фундаментальные работы по философии техники появились в конце XIX в. Энергично же философия техники стала развиваться с 60-х–70-х годов двадцатого столетия.

Философия техники стремится объединить узкое и широкое понимание техники. Техника есть совокупность артефактов, создаваемых и используемых методами инженерной деятельности. В более широком понимании техника выступает как особый, технический подход к любой сфере человеческой деятельности. Технический подход находится во взаимодополнительном отношении с естественно-научным подходом. В жизнедеятельности современного общества техника и технический подход имеют фундаментальное значение. Этим тривиальным обстоятельством объясняется необходимость философии техники.

Для дальнейшего изложения наряду с феноменом техники требует пояснения феномен *технологии*. Недостаточно определять технику всего лишь как совокупность артефактов. Последние используются регулярно, систематически, в результате осуществления последовательности операций. Технологией называется совокупность операций по целенаправленному использованию техники. Ясно, что эффективное использование техники требует ее включения в технологические цепи. Технология выступает как развитие техники, достижение ею стадии системности.

Первоначально, на этапе ручного труда, техника имела в основном инструментальное значение; технические инструменты продолжали, расширяли возможности естественных органов человека, увеличивали его физическую мощь. На этапе механизации техника становится самостоятельной силой, труд механизуется. Техника как бы отделяется от человека, который, однако, вынужден находиться рядом с ней. Теперь не только машина является продолжением человека, но и сам человек становится придатком машины, он дополняет ее возможности. На третьем этапе развития техники, в результате комплексного развития автоматизации и превращения техники в технологию, человек выступает ее (технологии) организатором, творцом и контролером. На первый план выходят уже не физические возможности человека, а сила его интеллекта, реализуемая посредством технологии. Происходит объединение науки и технологии, следствием которого является научно-технологический прогресс, называемый часто научно-технологической революцией. Имеется в виду решительная перестройка всего технико-технологического базиса общества. Причем разрыв во времени между следующими друг за другом технико-технологическими перестройками становится все меньше. Более того, идет параллельное развитие различных сторон научно-технологического прогресса. Если “революцию пара” от “революции электричества” отделяли сотни лет, то современные микроэлектроника, робототехника, информатика, энергетика, приборостроение, биотехнология в своем развитии дополняют друг друга, между ними вообще перестает существовать какой-либо временной зазор.

Основные проблемы философии техники

Всего несколько десятилетий назад техникой занимались в основном специалисты. Вклад техники в цивилизацию привет-

ствовався. Казалось, что ее положительное значение неоспоримо. Когда же стало нарастать беспокойство по поводу последствий развития техники, резко возрос интерес к ее социальным аспектам. К изучению феномена техники подключились экономисты, социологи, антропологи, философы. В результате проблемы техники были переведены из разряда узкотехнологических в разряд междисциплинарных. Здесь весьма кстати философский инструментарий. В результате его использования и были выделены основные философские проблемы техники, часть из которых анализируется ниже.

Начнем с рассмотрения вопроса о *различении естественного и искусственного*. Технические объекты, артефакты, как правило, имеют физико-химическую природу. Развитие биотехнологий показало, что артефакты могут иметь также биологическую природу, например, при специальном выращивании колоний микроорганизмов для их последующего использования в сельском хозяйстве. Рассматриваемые в качестве физических, химических, биологических явлений технические объекты в принципе не отличаются от природных явлений. Однако здесь есть большое “но”. Хорошо известно, что технические объекты представляют собой результат опредмечивания человеческой деятельности. Иначе говоря, артефакты есть символы специфики человеческой деятельности. Следовательно, их необходимо оценивать не только с природной, но и с социальной точки зрения. Техника — это человек, но не в его непосредственном, а в символическом бытии. Какой оценки, положительной или отрицательной, заслуживает феномен технико-символического бытия человека? Как выясняется, поставленный вопрос не имеет однозначной оценки. *М. Хайдеггер* обычно акцентировал свое внимание на том, что техника противостоит человеку как *постав*, через технику человек как бы отказывается от своего подлинного существования. Поэтому неудивительно, что развитие техники ведет человека ко все более неразрешимым проблемам. Для Хайдеггера техника есть неподлинное существование человека. В нашем понимании техника есть символическое бытие человека, но это бытие именно человека. Она — его судьба и, добавляя оптимисты, неплохая судьба. Техника “вооружает” человека, она делает его более сильным, быстрым, высоким. Тем не менее и при такой оценке значения техники возникают многочисленные коллизии. Ведь есть отрицательные последствия техники, а они ослабляют человека в том или ином отношении, укорачивают продолжительность его жизни. Если допустить, что совре-

менный человек никогда не откажется от своих технических завоеваний, то придется признать необходимость оптимального сочетания разнообразных последствий технического бытия человека. Факт символического бытия человека в его артефактах с философских позиций является, пожалуй, самым фундаментальным. Впрочем, нет оснований считать, что он изучается достаточно интенсивным образом.

Наряду с вопросом о различении естественного и искусственного в философии техники часто обсуждается проблема *взаимотношения техники и науки*, при этом, как правило, наука ставится на первое место, а техника на второе. Характерно в этом отношении клише “научно-техническое”. Техника часто понимается как прикладная наука, прежде всего как прикладное естествознание. В последние годы все чаще подчеркивается влияние техники на науку. Все в большей степени начинает оцениваться самостоятельное значение техники. Философии хорошо известна такая закономерность: по мере своего развития “нечто” из подчиненного положения переходит в более самостоятельную стадию своего функционирования и конституируется как особый институт. Так случилось и с техникой, которая давно уже перестала быть всего лишь чем-то прикладным. Технический, инженерный подход не отменил и не вытеснил научные подходы. Техники, инженеры используют науку как средство в своей ориентации на действие. Действовать — лозунг искусственно-технологического подхода. В отличие от научного подхода он не охотится за знанием, а стремится к производству аппаратов и осуществлению технологий. Нация, не освоившая искусственно-технологический подход, страдающая избыточной научной созерцательностью, выглядит в нынешних условиях отнюдь не современной, а скорее архаичной.

К сожалению, в вузовских условиях всегда проще реализовать естественно-научный подход, чем искусственно-технический. Будущие инженеры внимательно изучают естественно-научные и технические дисциплины, причем вторые часто строятся по образу первых. Что касается собственно искусственно-технологического подхода, то его осуществление требует развитой материально-технической базы, которая во многих российских вузах отсутствует. Выпускник вуза, молодой инженер, воспитанный преимущественно на традициях естественно-научного подхода, не овладеет должным образом искусственно-технологическим подходом. Неэффективное культивирование инженерно-технического подхода — одно из главных обстоятельств, не позво-

ляющих России встать вровень с развитыми индустриальными странами. Эффективность труда российского инженера в несколько раз ниже эффективности труда его коллеги из США, Японии, ФРГ.

Еще одна проблема философии техники — это *оценка техники* и выработка в этой связи определенных норм. Оценка техники была введена в конце 60-х годов XX в. и ныне широко практикуется в развитых индустриальных державах. Первоначально большой новостью была оценка представляющихся вторичными и третичными по отношению к техническим решениям социальных, этических и других гуманитарных последствий развития техники. Ныне все большее число экспертов по оценке техники указывают на необходимость преодоления применительно к технике парадигм *фрагментации* и *редукционизма*. При первой парадигме феномен техники не рассматривается системно, выделяется один из ее фрагментов. При второй парадигме техника сводится, редуцируется к ее природным основам. Выход из обеих ситуаций связан с систематической оценкой техники, сопоставлением альтернатив, предотвращением нежелательных технических действий. Оценка техники не может проводиться иначе, как с опорой на *идеалы*. Когда философы техники анализируют различного рода оценки техники, то они неизбежно обнаруживают идеалы, которые часто используются неосознанно. Философия техники выявляет эти идеалы. Технические проекты должны быть разумными, полезными, безвредными для человека, соответствовать истинно человеческому, их временные горизонты должны быть обозрваемыми. Следовательно, принимающий технические решения должен быть осмотрительным и осторожным, способным к опережающему отражению действительности. Но кто должен принимать технические решения? Политик, менеджер, эксперт? Очевидно, что именно последний наиболее компетентен в вопросах систематической оценки техники. Не менее очевидно, что в многосторонней оценке техники любой эксперт встречается с трудностями. Это ясно хотя бы из того, что в междисциплинарных исследованиях одиночке трудно добиться успеха. В силу обстоятельств экспертом в области техники обычно является коллективное лицо, коллективный орган, который может функционировать как в государственных, так и в негосударственных структурах. Эксперт по вопросам техники в силу необходимости использования разнообразных знаний тяготеет к философии, к философским обобщениям. Он и есть философ, но не просто философ, интересующийся исклю-

чительно проблемами максимальной общности, а философ техники, представитель особой философской дисциплины — философии техники. Современная философия приобретает все более технический характер.

В оценке феномена техники существует множество подходов, рассмотрим некоторые из них. Согласно *натуралистическому* подходу, человеку в отличие от животных недостает специализированных органов, поэтому он вынужден компенсировать свои недостатки созданием артефактов. Согласно *волевой интерпретации техники*, человек реализует посредством создания артефактов и технологических цепей свою волю к власти. Это имеет место как на индивидуальном, так и особенно на национальном, классовом и государственном уровнях. Техника используется господствующими в обществе силами, и, следовательно, она не является нейтральной в политическом и идеологическом отношениях. *Естественно-научный подход* рассматривает технику как прикладную науку. Жесткие логико-математические идеалы естественно-научного подхода смягчаются в *рациональном подходе*. Здесь техника рассматривается как сознательно регулируемая деятельность человека. Рациональность понимается как высший тип организации технической деятельности и в случае ее дополнения гуманистическими составляющими отождествляется с целесообразностью и планомерностью. Это означает, что в научное понимание рациональности вносятся коррективы социокультурного порядка. Их развитие приводит к этическим аспектам технической деятельности, которые заслуживают особого обсуждения.

Техника и этика

Человек может сделать больше, чем он имеет на то право. Этот императив относится ко многим областям человеческой деятельности, в том числе и к технической. В этой связи и возникает потребность в особой этике, ориентированной на техническую деятельность человека, назовем ее для краткости *техноэтикой*. Техники в интуитивном плане изначально ориентированы на добро. К сожалению, благими пожеланиями вымощена дорога в ад, о котором напоминает всякий раз новая технологическая катастрофа. Техноэтика — это заслон от технологических катастроф. Выше (см. гл. 2.3) мы рассмотрели три этики. Соответственно теперь предметом нашего анализа являются

техноэтика добродетелей, техноэтика долга и техноэтика ценностей.

Итак, как выглядит *техноэтика* с позиций этики *добродетелей*? Каков заслуживающий одобрения моральный облик техника, инженера? Он — рационалист, обладает набором технических навыков и умений, имеет склонность к изобретательской деятельности, настойчив, скрупулезен, трудолюбив, бдителен, предан своему делу, искренен. Техник, инженер небезучастен к судьбе людей, ибо он способствует достижению ими свободы, мира, высокого уровня благосостояния. Список добродетелей техника, инженера столь обширен, что многие склонны считать его моральным героем.

Интересно, что в различного рода моральных кодексах инженеров — американских строительных инженеров, немецких инженеров — техников призывают к тем же добродетелям, что характерны для всех людей: будь честным, справедливым, лояльным к клиентам, солидарным с коллегами, не бери взяток, цени счастье и свободу. Порой утверждается, что достаточно, если мораль инженера базируется на Нагорной проповеди Христа. Тем не менее обычно проводится четкое различие между базисными добродетелями (справедливость, честность и т.п.) и профессиональными добродетелями (аккуратность, тщательность в работе) инженеров.

Тезис о моральной непогрешимости инженеров поддерживается далеко не всеми. В частности, указывают, что нет ни одного действительно яркого примера, когда бы инженерное сообщество заранее предупредило бы общественность о нежелательных последствиях использования техники. Отсюда вывод: среди желаемых добродетелей техников особое значение имеет ответственность за свои действия перед обществом. Никто не может быть свободным настолько, чтобы не нести ответственности перед другими людьми.

Рассмотрим теперь *техноэтику долга*, которую разумно сравнить с клятвой *Гиппократ*, где речь шла о моральных максимах применительно к медицине. Техноэтика долга делает акцент на максимах, ибо, мол, только они действительно предохраняют от технических бед. В техноэтике долга широко известные максимы получают свою дальнейшую конкретизацию. Так, в технической деятельности свои конкретизации получает требование “Не лги”. Нам доводилось читать о случае на одной из АЭС, где не был заварен свищ в трубе, хотя в протоколе, который подписали три человека, утверждалось прямо противополож-

ное. В данном случае солгали и рабочий, и его непосредственный начальник. Ситуация показательна среди прочего тем, что требование “Не лги” не фигурирует в соответствующих инструкциях по технике безопасности, которые, однако, предполагают отсутствие лжи. Возьмем другой пример — Чернобыльскую катастрофу: сколько о ней сказано прямой лжи. Оказывается, мало знать о максиме “Не лги”, надо еще и уметь следовать этому принципу. Человек малокомпетентный, но несдержанный в своих суждениях, выдает такую “правду”, которая сродни лжи.

Итак, какие же максимы принимаются техническим сообществом? Обратимся в этой связи к специальной декларации о технике и моральной ответственности, подписанной в 1974 г. в Израиле на международном симпозиуме выдающимися философами, учеными, техниками. В декларации отмечалось, что частные, локальные интересы не могут иметь преимущества перед всеобщими требованиями людей, их стремлением к справедливости, счастью, свободе. Ни один из аспектов техники не является морально нейтральным. Недопустимо делать человека придатком машины, объектом. Каждая техническая новация должна пройти проверку на предмет того, действительно ли она способствует развитию человека как свободной творческой личности. Итак, список максим рассматриваемой декларации включает тезисы относительно справедливости, счастья, свободы, ответственности, ценности личности. За прошедший после 1974 г. период к уже указанным максимам добавились требования безопасности, экологического совершенства, здоровья человека. Список максим техноэтики расширяется.

Что касается *техноэтики ценностей*, то ее лучшее изложение содержится в разработанных в ФРГ “Рекомендациях к оценке техники”. Немецкие авторы называют шесть основных ценностей техноэтики (благополучие и здоровье людей, их безопасность, экологическое качество, развитие личности и общества) и две, относящиеся непосредственно к технике (ее функциональная пригодность и экономичность) и имеющие относительно первых шести обслуживающий характер. Среди указанных восьми ценностей есть такие, которые находятся в отношении конкуренции. Так, стремление к росту безопасности и экологического комфорта людей сопряжено с падением экономичности техники и человеческого благосостояния. По логике немецких авторов, главной ценностью является развитие личности, которое составляет органическое единство с качеством общества. В этой связи особо указывается на значимость справедливости как ценности.

Три техноэтики дополняют друг друга, существующие между ними границы довольно подвижны. Читатель, надо полагать, заметил, что в трех техноэтиках много схожего (но не тождественного!). Возьмем тему справедливости, которая разрабатывается в рамках всякой этики. Как добродетель справедливость есть качество личности; как максима справедливость выступает априорным, универсальным правилом поведения; в качестве ценности справедливость определяется конкретикой жизни. Техноэтика добродетелей — это по преимуществу этика сознания; техноэтика максим — это в основном этика законов, идеалов; техноэтика ценностей — это прежде всего этика деятельности. В современном их толковании каждую из трех рассматриваемых этических концепций логично связать с темой ответственности. Человек, вынужденный более или менее адекватно отвечать на запросы жизни, неминуемо приходит к теме ответственности. Сам феномен ответственности можно толковать по-разному: как качество личности в рамках этики добродетелей, как этическую максиму с позиций этики долга, как смысл деятельности человека в пределах этики ценностей.

Итак, заслуживает порицания тот, кто беззаботно движет технику вперед, фактически отставая в нравственности. Правильный призыв к технику, инженеру гласит: “Сотвори добро!” (а не просто: “Твори!”). Будь смелым и изобретательным, но и ответственным за свои действия.

В заключение данного параграфа отметим, что техноэтика — это один из вариантов прикладной этики. Выше три этические системы были конкретизированы применительно к феномену техники. Очевидно, что наряду с техноэтикой существует много других прикладных этик, например медицинская этика, биоэтика, этика учителя, этика студента. Столь же очевидно, что в рамках каждой из прикладных этик соответствующим образом концентрируются идеи и интуиции этики добродетелей, этики долга и этики ценностей. Выше было рассмотрено, как указанная конкретизация может быть проведена применительно к технической деятельности человека. Читатель имеет возможность — в стремлении нарастить свой этический потенциал — проделать нечто аналогичное применительно к интересующей его проблематике. Наша рекомендация такова: оказывая предпочтение одной из этических систем, не забывайте о достоинствах других концепций этики.

Человек в информационном обществе

Считается, что наиболее развитые страны в настоящее время функционируют в качестве информационных обществ. В такого рода обществах социально-экономические успехи и сдвиги зависят в первую очередь от производства, переработки, хранения, распространения среди членов общества информации.

Информация привнесла в жизнь человека отнюдь не малозначимые новшества. Главная трудность такова: как распорядиться огромными объемами информации и делаемыми на ее основе прогнозами. Именно в этой связи возникает ряд острых проблем: 1) потоки информации и ответственность; 2) приватная и секретная информация; 3) культ секретной информации; 4) компьютерные стереотипизации как угрозы моральной автономии субъектов; 5) виртуальность компьютерных миров и их нежелательное воздействие на человека; 6) невозможность обеспечить надежность и безопасность сложных технологических систем с их информационным обеспечением; 7) случаи монополизма и тоталитаризма в информационном обществе; 8) интернет как всемирный спрут. Добавим сюда неприятности, связанные с хакерами (взломщиками компьютерных систем и сетей); “червями” (программами, самораспространяющимися по информационной сети); “вирусами” (фрагментами программы, которые при ее выполнении “заражают” другие программы). Впору говорить не только о наступающем информационном рае, но и аде.

В конечном счете выясняется, что если информатизация общества ведется в моральном отношении беззаботно, то она пагубна. Информатизация по-настоящему плодотворна лишь тогда, когда она органично соединяется с этикой ответственности. Обратимся теперь к проблеме так называемого искусственного интеллекта.

Когда стремятся подчеркнуть различие компьютера и человека, то чаще всего указывают на неспособность компьютера оперировать универсалиями и целостными образами, чувствовать и любить, моделировать бессознательную интуитивную и творческую деятельность человека, понимать историко-культурный контекст явлений. На это компьютерные оптимисты отвечают, что нет таких присущих человеку интеллектуальных процессов, которые были бы принципиально непереводимы на язык вычислительных операций. Компьютерным оптимистам и компьютерным пессимистам нелегко прийти к общему мнению. Нам представляется вполне очевидным — в этом вообще мало кто со-

мневается, — что будущее принесет информационным технологиям новые успехи. В то же время в соотношении человек — компьютер ведущей стороной выступает человек, именно человек символизирует себя в информационной технологии, а не компьютер правит человеком. Компьютер, подобно человеку, владеет информацией, он, вполне возможно — по крайней мере, согласно некоторым концепциям, — понимает человека, но во всех случаях он выступает системой, символически изоморфной человеку, не более того. В широком философском смысле не человек — символ компьютера, а наоборот, компьютер — символ человека. Пока нет сколько-нибудь серьезных оснований утверждать, что асимметричность соотношения человек — компьютер будет когда-либо нарушена. Таким образом, компьютеризация оставляет машине машинное, человеку человеческое.

Развитие информационных технологий ставит перед человечеством массу новых проблем, прежде всего по философскому осмыслению информационного образа жизни и содержания информационного подхода. Сам по себе информационный подход не есть панацея от бед человечества. Широкое использование компьютеров рационализирует деятельность человека, расширяет доступ к информации, способствует быстрому росту компетенции специалистов, позволяет достичь многочисленных положительных экономических эффектов. Но вместе с тем компьютерная революция может приводить к снижению индивидуального начала и общекультурного уровня специалистов, изоляции индивидов, усилению — с использованием банка данных — манипуляции людьми, дегуманизации труда. Чтобы этого не случилось, необходима целенаправленная философская работа, которая не позволила бы подвергнуть забвению гуманитарную составляющую информационного подхода. Наиболее значительными в этом смысле являются этические проблемы, ибо именно в них запросы человека получают свое пиковое выражение.

Выводы

- ✓ Содержание феномена техники интерпретируется с позиций различных философских направлений.
- ✓ Техника — это символическое бытие человека в создаваемых им артефактах.
- ✓ Техническая деятельность человека не нейтральна в этическом отношении.

✓ Основные ценности технoэтики — благосостояние и здоровье людей, их безопасность, сохранение природы, обеспечение благоприятного будущего человечества.

✓ Насущнейшей этической задачей является повышение ответственности инженеров и техников за результаты своего творчества.

Глава 2.8 СТРАТЕГИЯ БУДУЩЕГО

Человек во Вселенной

Хорошо известно, что как отдельный человек, так и тем более человечество в целом представляют собой сложные системные образования, подпадающие под действие всех тех законов, с которыми имеет дело современное знание. Вселенная не в астрономическом, а в философском смысле представляет собой “все существующее”, мир во всем его системном многообразии. Человек при такой интерпретации Вселенной является ее подлинным элементом, он реализует собой, например в отличие от неживых объектов, все многообразие законов Вселенной. Человек — это и физический, и химический, и биологический, и социальный феномен. Для человека характерна сложная история эволюции и развития, уходящая в неведомое нам будущее, новый темпoмир. Постигание природы этого будущего является сложнейшей задачей, к пониманию которой приближает рассмотрение развития и эволюции человека и человечества как органических частей Вселенной. Интерпретируя историю человека, воспользуемся данными теории самоорганизации сложных систем (*синергетики*), в частности идеями, развитыми в работах бельгийца *И.Пригожина* и нашего отечественного ученого *Н.Н.Моисеева*. Синергетика позволила приоткрыть завесу над многими ранее представлявшимися загадочными процессами жизнедеятельности человека и человечества. Она позволила содержательно интерпретировать процесс “сборки” сложного эволюционно-целого, каковым являются человек и человечество.

В синергетике основное внимание уделяется изучению нелинейных математических уравнений, т.е. уравнений, содержащих искомые величины в степенях, не равных 1, или коэффициенты, зависящие от свойств среды. Множеству решений нели-

нейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы. В данной нелинейной среде возможен лишь определенный набор этих путей, “притягивающих”, *аттракторных* состояний, которые выражают собой структуру системы. Если параметры системы достигают критических значений, то система попадает в состояние *неравновесности* и *неустойчивости*, из которого она неминуемо, вследствие сколь угодно малого возмущения, “скатывается” в область притяжения другого аттрактора. Происходящее можно проиллюстрировать следующим образом. Представьте себе полусферу, на вершине которой оказался маленький шарик; поверхность полусферы вся покрыта желобками, сужающимися к вершине сферы и сходящимися к ней. Шарик в силу случайного возмущения скатится вниз и, попав в один из желобков, именно по нему продолжит свое движение. Неустойчивое и неравновесное состояние (хаос) перешло в упорядоченное движение. Как выражается И. Пригожин, порядок рождается из хаоса. В синергетике хаос не представляется больше в форме сугубо деструктивного начала. Жизнь хаоса непременно приводит к образованию структур, которые могут быть более или менее устойчивыми. Степень устойчивости структур зависит от так называемой *обратной связи*, воздействия результатов функционирования системы — в том числе подвода к ней вещества, энергии и информации — на характер этого функционирования. Отрицательная обратная связь обычно стабилизирует работу системы, она в таком случае находится в состоянии относительного динамического постоянства — *гомеостаза*. Положительная обратная связь обычно приводит к неустойчивой работе системы. Нелинейная положительная обратная связь часто сопровождается достижением состояний неустойчивости, последствия которой для человека могут быть, в зависимости от ситуации, как желаемыми, так и нежелаемыми. Вычислительный модельный эксперимент позволил оценить указанные последствия. Развитие через неустойчивость и последующее разветвление (*бифуркацию*) — это реальный феномен, человеку приходится с этим считаться. Следует учитывать, например, что управление такими сложными системами, как общество, далеко не всегда уместно базировать на линейной экстраполяции настоящего ее состояния в будущее. Ясно почему. Ни одна система, в том числе и общество (и человек), не застрахована от случайностей, неравновесностей, нелинейностей, чреватых для нее синергетическими преобразованиями. Складываются новые структуры, что в свою очередь приводит к возникновению новых системных характеристик. А это означает, что ради-

кально изменилось качество исходной системы, что исключалось в сценарии линейной экстраполяции настоящего в будущее.

Синергетические и системные представления позволяют оценить характер становления, эволюции и развития человека, общества и человечества. Во-первых, нет ничего удивительного в том, что в далеком прошлом “взорвался” вакуум: он оказался в состоянии неравновесия и в итоге “скатился” к определенному аттракторному состоянию, сопровождавшемуся расширением (и охлаждением) физической Вселенной. Во-вторых, мало удивительного и в том, что “сборка” физико-химических элементов привела к возникновению живого: наша физико-химическая Вселенная именно такова, что в ней — по крайней мере в ней — возможно появление живых организмов. В-третьих, нет ничего удивительного и в том, что живые организмы способны сохранять свою устойчивость, это происходит благодаря обратным отрицательным связям. В-четвертых, с синергетических позиций вполне закономерной представляется эволюция мира живого, которая по линии развития древесных млекопитающих привела к становлению человека как биологического вида и закреплению его в этом относительно устойчивом состоянии. В-пятых, возникновение и обновление экономических, политических, эстетических, этических и религиозных составляющих человека и общества вполне укладываются в картину системных представлений. Процессы самоорганизации привели мозг наших далеких предков в такое состояние, когда оказался возможным быстрый интеллектуальный прогресс. Уникальный сенсорно-мыслительный аппарат человека, мозг, состоящий из достаточного числа нейронов, явился произведением эволюционного процесса. Человек способен к обновлению, созиданию, творчеству. Его называют человеком разумным, человеком действующим, человеком любящим, человеком моральным, человеком играющим, человеком символическим — и ни одно из этих определений не является лишним. Итак, для развития человека характерна сложная диалектика синергетических и системных процессов, обратных положительных и отрицательных связей.

Особо следует указать на характер взаимодействия человека с природой. На разных этапах человеческой эволюции процесс антропогенеза шел на основе небольших популяций, деятельность которых не влияла сколько-нибудь существенно на состояние природы. Дальнейшее развитие био- и социогенеза человека привело к качественно новому положению. Выяснилось, что человек, быстро размножаясь, становится активнейшим фактором биосферы, в частности, как показал в 60-х годах XX в. наш отечествен-

ный почвовед *В.А.Ковда*, именно человечество является основным загрязнителем *биосферы* (термин “биосфера” введен австрийцем *Э. Зюссом* в 1875 г.). Еще в начале XX в. *В.И.Вернадский* неоднократно отмечал, что “человечество превращается в основную геологообразующую силу планеты”. Приняв за основу установленную *В.И. Вернадским* биогеохимическую основу биосферы, французы *Е. Ле-Руа* и *Т. де Шарден* ввели термин *ноосфера*. Слово *ноосфера* составлено из греческого “ноос” — разум и “сфера” в смысле оболочки Земли. *В.И. Вернадский* рассматривал ноосферу как последнее состояние биосферы, достигнутое ею вследствие возрастания активности человека. Творя свою историю, человек создает себе новые проблемы, часть из которых награждает эпитетом “глобальные” в силу их первостепенной значимости для будущего человечества, человечества как планетарного явления.

Человечество перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации

Человечество может существовать не иначе как в рамках достаточно узкого диапазона параметров его физической среды, био- и социосферы. Это обстоятельство неоднократно подчеркивал в последние годы академик *Н.Н.Моисеев*. Человечество как в физическом, так и в биологическом и в социальном смысле “держится на острие” (удачное, на наш взгляд, выражение *Н.Н.Моисеева*). Ускорение процессов развития человечества сопровождается понижением уровня его стабильности. Естественно, ход процессов развития человечества сопровождается состоянием неустойчивости, возникают новые системные качества, новые аттракторы. Так как человечество в облике ноосферы приобрело *всепланетарный* статус, то вновь возникающие проблемы часто имеют *глобальный* характер. Речь идет о: предотвращении катастрофического загрязнения человеком окружающей среды, обеспечении общества необходимыми вещественными, энергетическими и продовольственными ресурсами, выходе из состояния экологического кризиса, регулировании роста населения в ареалах нищеты и голода, обеспечении мира между народами и недопущении войн с применением оружия массового уничтожения людей, преодолении забвения достижений культуры, нравственности, образования. Список глобальных проблем человечества можно при желании продолжить, они характерны для экономической, социальной, политической, эстетической и этической жизни человека.

При анализе глобальных проблем важно не упускать из виду, что их разрешение представляется делом отнюдь не простым, а весьма сложным и даже опасным. Нет простых решений для преодоления глобальных проблем современности. Безусловно, уничтожение ядерного оружия, развертывание безотходных технологий, экономия природных ресурсов во многих отношениях решающим образом способствовали бы улучшению нынешнего состояния человечества. Но даже осуществление перечисленных масштабных преобразований не привело бы к отмене глобальных проблем, ибо на смену уже разрешенным проблемам неминуемо пришли бы другие. Суть в том, что человечество как часть ноосферы вступило в эпоху необратимого развития, а с последним связаны различного рода катаклизмы глобального характера. На наш взгляд, Н.Н.Моисеев справедливо подчеркивает, что предотвращение «деградации человечества как элемента биосферы сводится по существу к формированию новой цивилизации (или новых цивилизаций). И этот вопрос остается открытым». А это означает, согласно Н.Н.Моисееву, удачно используемому богатый арсенал философских, математических, синергетических и кибернетических идей, что актуальнейшей задачей становится разработка «Стратегии Человека», согласованной со «Стратегией Природы». Под стратегией человечества понимается характер совокупных действий различных цивилизаций, способных обеспечить совместную эволюцию (коэволюцию) человека и окружающей среды, высшее искусство управления развитием ноосферы, предупреждение катастроф. В этой связи вполне уместно введение представлений об экологическом и нравственном императиве. Н.Н.Моисеев понимает *экологический императив* как некоторое множество свойств окружающей среды, изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях, и ясно почему. В то же время *нравственный императив* понимается как обновленная нравственность, заслоняющая людей от опасностей социального порядка. Разумеется, и экологический, и нравственный императивы — это не более чем органические составляющие стратегии человечества, вне этой стратегии они неминуемо предстанут в форме табу, недостаточно обоснованных догматов, приверженность которым опять же небезопасна.

Итак, стратегия человечества выступает как органический идеал его целеполагающей деятельности в планетарном масштабе в чрезвычайно рискованных условиях. Актуальнейшей задачей стало создание планетарного гражданского общества как

института, в рамках которого только и возможна эффективная реализация стратегии человечества, сопровождаемая необходимыми формами контроля международных организаций. Стратегия человечества не может быть реализована одним или несколькими избранными народами, это идеал международного общества в целом.

Стратегия человечества — это необходимость последовательной, шаг за шагом, бдительной и ответственной реализации философского, научного, эстетического и этического потенциала современного человека, приемлемого для него развития той системы отношений, в которую он включен. К концу XX в., как никогда ранее, выявилась неуместность надуманно-надменного отношения человека к данным наук, к ценностям повседневной жизни, к философствованию как одному из методов разрешения проблемных ситуаций.

Так называемые простые решения с их ориентацией на стихийно складывающееся непроясненное общественное мнение все чаще ведут в тупик. Именно поэтому речь идет об обновлении стратегии управления развитием человечества. Старые ориентиры далеко не во всем убедительны. С этих позиций вырисовываются контуры новых цивилизаций, при обсуждении которых нам бы не хотелось идти по пути фантазий или же простой экстраполяции существующего положения дел в будущее. Вместе с тем выделим характер той основной озабоченности, с которой футурологи заглядывают в XXI в.

Абсолютное большинство авторов, рассуждающих о новой эпохе, обеспокоено тем, что в наиболее развитых цивилизациях XX в., а именно в странах Запада, технико-экономическая компонента не только доминировала, но подчас и подавляла культурно-этическую составляющую. В этой связи ставится задача перехода от техногенной, в том числе информационной цивилизации к антропогенной цивилизации, где основной ценностью был бы человек (а не техника). В то же время весьма энергично обсуждаются ценностные составляющие грядущих цивилизаций. Какие именно станут в них доминирующими: удовольствие, свобода, справедливость, национальная принадлежность, мир, счастье? Ответ на поставленный вопрос по необходимости увел бы нас в глубь обширных историко-сравнительных исследований, что не входит в наши намерения.

Итак, стратегия человечества стремится достойно встретить новые модернизации. А для этого ей нужна, между прочим, и новая философия.

Заключение

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В заключение обратимся к тем тенденциям современной философии, которые увлекают ее в будущее и, возможно, определяют его. Философия есть творчество по пониманию человеком жизни и обеспечению ее будущего. Философия направлена против краха, кризиса, упадка цивилизации, культуры и духовности человека. Философия есть рефлексия, творчество по обретению человеком свободы. Добиться успехов в философском деле, конечно же, не просто. В современном мире с его многообразием знаний, гуманистических ценностей, жизненных ориентиров осуществление желаемого синтеза, создание целостного образа мира оказываются задачей, которая заведомо неподвластна отдельным личностям, будь они семи пядей во лбу. Но задачу эту решать надо, ибо в противном случае человечеству уготовлено безвольное барахтанье в оврагах технократизма, сциентизма, наконец, даже моральной неполноценности. Человечество, однажды осознав роль и значение философии, всегда будет обращаться к арсеналу ее идей, стремясь выявить, постигнуть и развить глубинные смыслы своего собственного бытия, которые оно вынуждено облекать в различные символические формы — языковые, культурные, технические и другие.

Вместе с тем следует откровенно признать, что небосвод над современной философией отнюдь не безоблачен. Часто появляющиеся публикации о кризисе философии также небезосновательны. Можно указать в этой связи на то, что философия в своих традиционно умозрительных формах не всегда поспевает за стремительной поступью современных научных и технологических новаций, ее прогнозы достаточно часто запаздывают, а их практическое значение оставляет желать лучшего. Наивные люди, особенно из числа позитивистски ориентированных ученых, даже полагают, что философия устарела, что она якобы должна быть заменена некоторым новым положительным знанием. Такого рода сентенции неизменно опровергаются самим ходом исторического прогресса, проблемные аспекты и беды которого самим своим наличием указывают на необходимость развития философии. Заметим, что кризисные явления существуют во всех

науках, во всех областях культуры. Так что в этом смысле философия не может быть неким исключением. Однако наряду с этим следует признать, что кризисные явления в философии в немалой степени являются следствием невнимания к ее запросам власть предержащих. Кризис философии — это не столько результат творческой немоги профессиональных философов, сколько прямое проявление философского уровня данного общества. Каждое общество имеет такую философию, какой оно достойно.

Что же касается потребности в новой философии, в дальнейшем прогрессе современной философии, то она огромна. Именно в этой связи мы оптимистично оцениваем будущее философии. Не случайно в современной философии наблюдается сдвиг в сторону духовной проблематики, появляется много работ этического и эстетического содержания, препятствующих разрастанию экзистенциального вакуума. Еще одна тенденция современной философии состоит в конкретизации философского знания с тщательным использованием аппарата науки. Неуклонно возрастает значимость аналитических, рационалистических тенденций в философии. Дальнейшее развитие получают неклассические тенденции, разумеется, при сохранении преемственности с классикой. Все более продуктивным становится диалог различных философских направлений.

Наконец, вся человеческая жизнь в целом становится в философском отношении все более насыщенной. Чем больше в мире новаций, творчества, тем больше философия необходима человеку.

Глубокоуважаемый читатель! Позвольте закончить текст стихами Г. Гессе, которые будут понятны тому, кто неравнодушен к духовным высотам философии:

Пристаниц не искать, не приживаться,
Ступенька за ступенькой, без печали,
Шагать вперед, идти от дали к дали,
Все шире быть, все выше подниматься!

Курс философии в таблицах

Таблица 1. Философские эпохи

Историческая эпоха философии	Главный философский интерес
Античность: VI в. до н.э.–III в. н.э.	Идеи, формы, этика добродетелей
Средние века: IV–XIV вв.	Бог как наисовершеннейшая личность
Возрождение: XV–XVI вв.	Эстетическое отношение к действительности
Новое время: XVII–XVIII вв.	Человек разумный
Новейшее время: XIX в.	Тотальность идей (Гегель), материальное производство (Маркс), воля к власти (Ницше)
XX–XXI вв.	Язык и практика людей

Таблица 2. Античная философия

Этап	Главный философский интерес
Натурфилософия	Материальная субстанция (Фалес, Гераклит и др.) Атомы + пустота (Левкипп, Демокрит и др.) Числа (Пифагор и др.)
Интеллектуализм	Идеи (Сократ, особенно Платон и др.) Форма (Аристотель и др.)
Эллинистическая философия	Самодостаточность человека (кинники) Счастье человека как наслаждение (эпикурейцы) Человек и его космическая судьба (стоики) Мудрое молчание (скептики)
Неоплатонизм	Иерархия: Единое-Благо — Мировой Ум — Мировая Душа — Материя

Таблица 3. Средневековая философия

Этап	Основные авторы	Главные положения и итоги
Патристика (II–IV вв.)	Блаженный Августин	Люди обладают свободой воли, реализуют свою историю
Схоластика		
Первая фаза (VI–IX вв.)	Бозций Эриугена	Создание корпуса учебников Попытка вывести религию из философии
Вторая фаза (X–XII вв.)	Ансельм Кентерберийский Пьер Абеляр	Нельзя допускать отклонение свободной воли от доброй Теория концептуализма, придание схоластическому методу характера языковой игры
Третья фаза (XIII в.)	Фома Аквинский	Возрождение аристотелизма. Придание философского веса проблеме существования
Четвертая фаза (XIV в.)	Уильям Оккам	Концепция номинализма

Таблица 4. Философия Нового и Новейшего времени

Этап	Авторы основных философских концепций	Основной интерес
XV–XVI вв.	Фичино, Леонардо да Винчи и др.	Гуманизм Эстетическое отношение к действительности
XVII в.	Декарт	Ясные идеи и дедуктивные построения теории
	Локк	Теория познания: сенсуализм
XVIII в.	Кант	Априорные принципы и их воплощение в науке и морали
XIX в.	Гегель	Универсальная системная философия идей
	Маркс	Концепция общественного труда, критика капитализма
	Ницше	Критика «разумных» ценностей

Таблица 5. Философия XX века

Главное философское направление	Главный философский интерес
Феноменология (Гуссерль и др.)	«Работа» сознания с феноменами
Фундаментальная онтология (Хайдеггер)	Бытие человека в мире, обеспечение подлинности существования
Герменевтика (Гадамер и др.)	Понимание сути дела в языке
Аналитическая философия (Рассел, Витгенштейн и др.)	Логический анализ языка, употребление языка
Неопозитивизм (Карнап и др.)	Анализ языка физики; верификация
Постпозитивизм (Поппер и др.)	Динамика научного знания
Структурализм (Левистрос и др.)	Внутреннее строение систем
Постструктурализм (Фуко, Деррида и др.)	Языковые дискурсы
Постмодернизм (Лиотар и др.)	Деконструкция принятых в обществе правил поведения и ценностей; плюрализм

Таблица 6. Русская (несоветская) философия

Этап	Основные авторы	Главные положения и итоги
Философия средневековой Руси (X–XVII вв.)	Максим Грек Юрий Крижанич	Обогащение русской культуры платонизмом Введение в контекст русской культуры аристотелизма
Философия русского Просвещения (XVII–XVIII вв.)	М.В. Ломоносов А.Н. Радищев	Развитие геоцентрических и эволюционных идей, атомистики и деизма Критика самодержавия, бюрократизма и крепостничества
Русская философия национальной идентичности (XIX–XX вв.)	И.В. Киреевский, А.С. Хомяков П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев	Развитие концепции славянофильства Разработка концепции западничества Разработка концепции евразийства
Философия русской революции (XIX–XX вв.)	Революционные демократы (Н.Г. Чернышевский и др.) Анархисты (А.Н. Бакунин и др.) Народники (П.Л. Лавров и др.) Марксисты (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др.)	Развитие концепции крестьянской революции Предложили концепцию народного бунта во имя свободы Пропаганда нравственного идеала справедливости Материалистическое понимание истории, идея диктатуры пролетариата
Русская религиозная философия (XIX–XX вв.)	В.С. Соловьев Н.О. Лосский Н.А. Бердяев А.Ф. Лосев	Философия положительного единства Интуитивизм Христианско-экзистенциальная философия Диалектический символизм

Таблица 7. Русская марксистско-ленинская философия

Этап	Основные авторы	Главные положения и итоги
Ленинский этап (1917–1930)	В.И. Ленин А.А. Богданов А.М. Деборин А.А. Скворцов-Степанов, А.К. Тимирязев	Учение о материи, теория отражения, защита диалектики, воинствующий атеизм, концепция социалистической революции в одной стране Концепция науки о феномене организации (тектология) Пропаганда гегелевской диалектики Попытка внедрения диалектики в науку
Сталинский этап (1930–1956)	И.В. Сталин	Политизация философии, попытка превращения ее в инструмент тотального идеологического контроля
Расцвет марксистско-ленинской философии (1956–1975)	Э.В. Ильенков Г.П. Щедровицкий К.М. Мамардашвили А.Г. Спиркин и др.	Концепция диалектической логики как восхождения от абстрактного к конкретному Концепция системомыследеятельностной методологии Поиски глубинных пластов сознания Создание пятитомной философской энциклопедии (1960–1970)
Застой и закат марксистско-ленинской философии (1976–2000)		«Размывание» идеалов марксистско-ленинской философии, отказ от материалистической диалектики и материалистического понимания истории. Переход от марксистско-ленинской философии на позиции феноменологии, герменевтики, анализа и постструктурализма

Примечание. Применительно к периоду застоя и заката марксистско-ленинской философии мы не указываем авторов. Превосходных философов было много, но они не выступали с отчетливо выраженных марксистско-ленинских позиций.

Таблица 8. Индийская философия

Учение и его основатель	Основные положения	Западный аналог
Чарвака (Брихаспати)	Все состоит из четырех элементов (земли, воды, огня и воздуха). Потусторонний мир не существует	Философия Эмпедокла
Джайнизм (Махавира)	Живые субстанции от мельчайших организмов до человека идентичны душам (дживам). Освобождение души достигается правильным поведением: не вредить живому, не лгать, не воровать, не потворствовать слабостям	Философия Анаксагора и Лейбница
Буддизм (Гаутама)	1. Причина страданий — жажда существования и наслаждения 2. К уничтожению страданий ведет восьмеричный путь: правильное видение, мысль, речь, действие, образ жизни, усилие, внимание и сосредоточие	Отсутствует (лишь отчасти стоики)
Вайшешика (Канада)	Мир состоит из девяти субстанций: земли, воды, света, воздуха, эфира, времени, пространства, души и ума	Философия милетцев (Фалес и др.)
Ньяя (Готама)	Основным средством освобождения человека от земных страданий считается теория познания и логика, в том числе теория силлогизма	Философия Аристотеля
Санкхья (Капила)	Мир состоит из первоматерии и духа, а всего в нем насчитывается 25 начал	Философия Пифагора
Йога (Патанджали)	К избавлению от страданий ведет медитация	Лишь отчасти стоики
Миманса (Джаймини)	Освобождения достигает тот, кто соблюдает ритуалы, предписания Вед	Этика Сократа
Веданта (Бадараяна)	Атман есть Брахман	Философия Плотина

Таблица 9. Китайская философия

Учение и его основатель	Главные положения	Западный аналог
Конфуцианство (Кун Фу-цзы)	Основополагающими этическими концептами являются: человечность, соблюдение социальных норм-ритуалов, долг-справедливость, правильные речи	Философия Сократа
Даосизм (Лао-цзы)	Нет ничего превыше законов Дао, т.е. Великого Предела, которого никому не дано изменить, поэтому недействие предшествует действию	Стоицизм
Чань-буддизм (Бодгидхарма)	Просветление достигается работой сердца и постижением единого	Отчасти неоплатонизм

Таблица 10. Философия о человеке

Историческая эпоха философии	Что такое человек?
Античность	Микрокосмос Душа Душа есть проявление идеи (Платон) + тело Тело — это форма человека (Аристотель)
Средние века	Духовность + душа + тело; духовность есть связь человека с Богом посредством веры, любви, надежды, совести
Новое время	Существо разумное и действующее по законам разума (Локк, Кант)
Новейшее время	Проявление общественных отношений (Маркс) Существо волевое и страстное (Ницше)
XX в.	Существо, осваивающее мир в соответствии с феноменологической работой сознания (Гуссерль и другие феноменологи) Существо, бытийствующее в мире и стремящееся к его пониманию посредством языка и переживаний (заботы, страха, надежды на будущее) (Хайдеггер и другие герменевтики) Существо, границей которого, его подлинной природой является язык (Витгенштейн, Остин и другие философы-аналитики) Существо, всегда отличающее себя от принятых в обществе норм, бунтующее против однообразного (Деррида, Фуко, Лиотар и другие постмодернисты) Существо, в котором бессознательное господствует над сознательным (Фрейд и его последователи)

Таблица 11. Философия об обществе

Историческая эпоха философии	Что такое общество?
Античность	Совокупность людей, более или менее удачно живущих по законам справедливости
Средние века	«Град Земной», стремящийся к «Граду Небесному»
Новое время	Люди, живущие в соответствии с ими же установленным общественным договором (Локк, Руссо)
Новейшее время	Продукт взаимодействия людей на основе их совместной трудовой деятельности (Маркс)
XX в.	Система социальных действий людей, смысл которых определяется выработкой ценностей (Вебер, Парсонс, Сорокин и др.) Коммуникация, взаимосвязь людей по нормам, устанавливаемым в хорошо организованной дискуссии (Хабермас и др.)

Примечание. В философии XX в. общество чаще всего характеризует-ся в соответствии с избранными им ценностными ориентирами. Но надо иметь в виду, что путь к этим ценностям может быть различным, а именно: феноменологическим, герменевтическим, аналитическим, постмодернистским.

Таблица 12. Три главные метаценности

Сфера жизнедеятельности человека	Главная ценность
Практическая жизнь	Добро
Чувственно-эстетическая жизнь	Красота
Научная деятельность	Истина

Примечание. Ценность — это интерпретация, в которой субъект или группа людей выражает свои предпочтения. Всякая интерпретация совершается посредством использования определенных философских методов.

Таблица 13. Философия о красоте

Историческая эпоха философии	Что такое красота?
Античность	Космически гармоничное и соразмерное
Средние века	Символ божественного
Новое время	Характеристика произведения искусства, созданного по законам разума, тяготеющего к принципам симметрии, пропорции, меры, гармонии, к простоте стиля (классицизм)
Новейшее время	Характеристика произведения искусства, воплощающая многообразные способности личности, в том числе юмор, иронию, игру, сатиру (романтизм)
XX в.	<p>Ценность, выработанная на основе феноменологического метода и выражающая единство человека и произведения искусства (феноменология)</p> <p>Сущность произведения искусства, ее открытие человеку в качестве истины (герменевтика)</p> <p>Эмоция (аналитическая философия)</p> <p>Воображение реально непредставимого, вызывающее чувство возвышенного (постмодернизм)</p>

Примечание. Под красотой в данном случае понимается главная ценность чувственно-эстетической жизни человека. Иначе говоря, красота не противопоставляется прекрасному или возвышенному.

Таблица 14. Философия о добре

Историческая эпоха философии	Идеалы добра	Основные добродетели человека
Античность	Благо	Мудрость, справедливость, мужество
Средние века	Бог	Вера, любовь, надежда, совесть
Новое время	Рассудочный свободный человек (Локк, Руссо) Абсолютный нравственный закон (Кант)	Рассудочность, свобода (Локк, Руссо) Разумность, свобода (Кант)
Новейшее время	Общество без эксплуатации (Маркс) Сверхчеловек (Ницше)	Преданность делу пролетариата (Маркс) Воля к власти (Ницше)
XX–XXI вв.	Положительные ценности (феноменологи) Достижение единства с сущим, с сущностью вещей (герменевтики) Умение посредством анализа языка учитывать последствия поступков (аналитики) Деконструкция лого- и других центризмов (постмодернисты)	Умение пользоваться феноменологическим методом Адекватно отвечать на зов вещи, соответствовать ему Быть последовательным в своих действиях Умение «рассеивать» устойчивые ценности

Таблица 15. Три концепции чувственного познания

Философская концепция	Основное содержание концепции
Локка	Чувства комбинируются, сравниваются, подвергаются абстракциям. В результате субъект формирует в своем сознании сложные чувства, знание об отношениях, идеи
Канта	Чувства упорядочиваются в соответствии с априорными принципами
Гуссерля	Чувства вовлекаются в потоке воображения, так образуется эйдос, знаком которого является понятие и высказывание. Феноменологическая работа позволяет оценить исходные чувства

Таблица 16. Что такое рациональное познание?

Историческая эпоха философии	Природа рационального познания
Античность	<p>Идеи — это общее, которое существует само по себе и воплощается в вещь (Платон)</p> <p>Сущность — это форма вещи, ее внутреннее единство, природа которого выражена в правилах логики (Аристотель)</p>
Средние века	<p>Рациональное познание оперирует универсалиями, которые выражают общее; общее существует в Боге, в мыслях человека, в самих вещах (средневековые реалисты)</p> <p>Общее не существует, слова обозначают единичные вещи (номиналисты)</p> <p>Общее представляет собой мысли — обобщения, концепции (концептуалисты)</p>
Новое время	<p>Человеку присущи от рождения ясные идеи, которыми можно оперировать по правилам дедукции (Декарт, Лейбниц). Это — рационализм.</p> <p>Человек обладает доопытными (априорными) принципами, которые определяют возможность логики (Кант)</p> <p>Мысли — это продукт обработки чувств (сенсуализм Локка)</p>
Новейшее время	<p>Мышление — это наивысшая стадия познания, преодоление порога научности, позволяющее оперировать идеями (Гегель)</p> <p>Мышление и логика есть отображение практики, ее самых массовых ситуаций (Маркс)</p>
XX–XXI вв.	<p>Рациональное познание — это обобщение, достигаемое в процессе феноменологической работы (феноменологи)</p> <p>Логика — это правила языка, она в первую очередь имеет дело со значениями и смыслами высказываний (аналитики)</p>

Таблица 17. Три современные концепции истины

Концепция истины	Определение истины
Соответствия	Соответствие высказываний фактам
Когерентности	Согласованность высказываний, их непротиворечивость
Прагматическая	Убеждения, способствующие успеху практики

Таблица 18. Что такое истина?

Историческая эпоха философии	Природа истины
Античность	Истина — это проявление идеи (Платон) или сущности (Аристотель)
Средние века	Бог, вот что является истиной
Новое время	Истина — это соответствие чувств и идей фактам
XX–XXI вв.	Истина — это открывающаяся сущность вещи (герменевтики) Истина — это свойство высказывания, которому соответствуют факты (аналитики)

Таблица 19. Уровни научного исследования

Уровень научного исследования	Цели исследования
Эмпирический	Добыть новые экспериментальные факты Сопоставить с фактами теорию, проверить степень ее эффективности
Теоретический	Провести теоретическую интерпретацию экспериментальных фактов Придумать новую теорию, которая была бы эффективней старой

Таблица 20. Четыре теоретических метода

Теоретический метод	Характеристика
Аксиоматический	Основанием теории избираются аксиомы. Из аксиом выводят теоремы. Сопоставление знания с экспериментальными фактами не проводится
Конструктивистский	Исходные понятия и правила построения более сложных теоретических концептов считаются интуитивно очевидными. Конструкт признается теоретическим, если его действительно можно построить, например в форме математических символов
Гипотетико-дедуктивный	Выдвигаются гипотезы, из них дедуцируются новые сведения. Эффективность гипотез выявляется в процессе сопоставления теории с экспериментальными фактами
Прагматический	Ведется поиск эффективных путей по достижению целей в соответствии с определенными ценностями. Цели, ценности и средства считаются эффективными, если они обеспечивают людям жизненный успех

Таблица 21. Философия языка

Философская концепция языка	Главное содержание философских концепций языка
Философия имени	Имя — это единица языка, текста. Имя есть проявление идей (Платон), сущности (Аристотель, Лосев), Бога (средневековые философы). Имя есть метка, обозначение единичной вещи или ее единичных признаков (номиналисты)
Философия предложения	Главной единицей языка, текста является предложение, высказывание. Предложение, если оно построено правильно, обладает значением и смыслом, функцией истинности/ложности
Философия ценностных установок	Главной единицей языка является текст, для которого характерны ценностные установки автора, те цели, достижения которых он добивается

Таблица 22. Философия техники

Историческая эпоха философии	Интерпретации природы техники
Античность	Техника — это воплощение умений ремесленника. Знание общего выше технического знания
Средние века	Техника — это творчество человека в качестве отблеска божественного творчества
Новое время	Техника — опредмечивание научных знаний человека, фактор освобождения человека от природы
Новейшее время	Техника — это самостоятельная сила, которая в качестве средств труда определяет развитие общества (Маркс)
XX–XXI вв.	<p>Техника при недостатке феноменологической работы выступает как продолжение науки и вместе с тем умаление жизненного мира человека (Гуссерль и другие феноменологи)</p> <p>Техника — это преграда, опасность, которую человек сам поставил перед собой, не продумав ее содержание и самое главное то, в какой степени техника соответствует сущности бытия человека в мире (Хайдеггер и герменевтики)</p> <p>Техника — это воплощение рациональности человека (аналитики)</p> <p>Техника — это проявление наиболее подходящего реалиям нашей эпохи технического подхода, точнее, философии технического подхода (Г.П. Щедровицкий)</p>

Таблица 23. Философия природы

Историческая эпоха философии	Интерпретация специфики природы
Античность	Природа — это органическая часть космоса. Часто природа считалась одушевленной
Средние века	Природа создана Богом по его собственному проекту. В иерархии Бог — человек — природа именно последним звеном является природа
Новое время	Природа — это сила, которая противостоит человеку. Человек должен полностью подчинить ее себе
XX–XXI вв.	<p>Природа — это стихия, которая благодаря сознательной деятельности человека должна стать царством господства разума, ноосферой (В.И. Вернадский, Т. де Шарден)</p> <p>Природа — это мир проживания человека. Человек может понять природу благодаря герменевтическому методу (герменевтики)</p> <p>Природа — это наш дом, который должен благоустраиваться по законам рациональности, с учетом всевозможных последствий деятельности человека (аналитики)</p> <p>Природа — это сложная система, для которой характерны неравновесные состояния. Человек должен всячески стремиться обеспечить совместную эволюцию природы и общества (синергетическое понимание)</p>

Таблица 24. Две интерпретации образования

Образование — это подготовка	Образование — это усвоение достижений культуры
Образование — это путь к приобретению тех навыков, которые нужны непосредственно на будущем рабочем месте. Ничего лишнего, только самое необходимое. Философия на рабочем месте не нужна	Образование — это максимально действенное включение человека в культуру человечества как одного целого. Подготовка нужна, но ее смысл состоит во всестороннем культивировании таких ценностей, как истина, добро, красота, творчество, ответственность. Философия занимает в образовании достойнейшее место

Философские открытия

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
Западная философия		
1	VI–V вв. до н.э.	Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит развивают концепцию одной субстанции
2		Пифагор рассматривает в качестве субстанции совокупность чисел
3		Парменид и Зенон Элейский показывают, что концепция одной субстанции ведет к противоречиям
4		Парменид настаивает на необходимости непротиворечивости теории
5	V в. до н.э.	Зенон Элейский формулирует апории, которые должны быть преодолены
6		Эмпедокл и Анаксогор развивают концепцию плюрализма субстанций
7		Левкипп и Демокрит представляют субстанции в форме атомов и пустоты
8		Протагор подчеркивает относительность истин
9		Сократ развивает диалектику как искусство философствования
10		Сократ формулирует идею души человека, понимаемой как разум
11		Сократ придает этике рациональный характер
12	IV в. до н.э.	Платон развивает теорию идей и использует ее для интерпретации содержания космологии, этики, эстетики, политологии, теологии, педагогики, психологии
13		Аристотель развивает теорию форм. Создает в качестве научных дисциплин этику и формальную логику. Развивает оригинальные варианты теологии, гносеологии, психологии, этики, эстетики, политологии, философии науки
14	IV–III вв. до н.э.	Антисфен и Диоген формулируют программу кинизма, наипростейший путь к блаженной жизни за счет аскезы и непризнания наслаждений
15		Эпикур развивает философию гедонизма (конечная цель — чувственные наслаждения)

Продолжение прил. 2

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
16		Зенон Китионский вырабатывает начала стоической философии. Основной закон: жить в согласии с миром. Надо соблюдать долг по отношению к природе, людям и самому себе
17		Пиррон Элидский формулирует положения скептицизма
18	III в. н.э.	Плотин изобретает учение о пути возвышения человека от Материи к Мировой Душе и далее к Мировому Уму и Мировому Благу (Божеству)
19	IV–V	Августин совершенствует христианство посредством платонической философии. Высказывает важные мысли о свободе воли, проблеме времени, возрастах человеческого сообщества
20	IX	Эриугена стремится представить философию как теологию
21	XI	Ансельм определяет свободную волю как добрую
22	XII	Абеляр желает проверить разумом веру. Надо четко выявлять значения слов. Понятия выражают сходное в вещах
23		Аверроэс ставит истины философии выше истин религии (концепция двойственной истины)
24	XIII	Фома Аквинский совершенствует христианство посредством аристотелизма
25	XIV	Оккам трактует универсалии как знаки, которыми человек замещает объекты
26	XV	Николай Кузанский отождествляет Бога с мировым целым
27		Фичино развивает тему достоинства человека
28	XV–XVI	Макиавелли создает один из первых вариантов политологии, понимаемой как общественная мораль
29	XV	Леонардо определяет живопись как внучку природы. Практика должна быть основана на теории. Ученый ответственен за свои дела
30	XVI	Бруно предлагает гипотезу бесконечности пространства и бесконечного числа миров
31		Ф. Бэкон разрабатывает индуктивный метод
32	XVII	Декарт развивает дедуктивный метод

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
33		Гоббс рассматривает имена как знаки абстрактных мыслей
34		Локк предлагает считать понятия абстракциями
35	XVII	Лейбниц отмечает, что философствование начинается с положений формальной логики
36	XVIII	Беркли критикует наивно-материалистические воззрения
37		Юм обнаруживает противоречия эмпиризма. Так, эмпирически невозможно доказать, что следствие действительно выражается причиной
38		Юм обнаруживает противоречия эмпиризма. Так, эмпирически невозможно доказать, что следствие действительно выражается причиной
39	XVIII	Кант устанавливает, что принципы естествознания, этики и эстетики не выводимы эмпирическим путем, они априорны
40		Кант развивает концепцию трансцендентальной логики (вывод истин из априорных принципов посредством схемы рассуждений)
41	XVII–XVIII	Ньютонианцы считают пространство и время абсолютными, т.е. независящими от чего-либо субстанциями
42	XVII	Лейбниц критикует субстанциальную концепцию пространства и времени и закладывает основу для их релятивистского понимания (пространство и время — проявления движения)
43	XVII	Толанд приписывает материи атрибут активности. Подобно Лейбницу он придерживается релятивистской концепции пространства и времени
44		Спиноза сводит этические законы к положениям разума
45	XVIII	Юм устанавливает отличия этических положений от описаний, используемых в естествознании
46		Кант отмечает, что основной закон этики обладает научным статусом
47	XVII	Гоббс считает всех людей от природы равными. Гоббс развивает концепцию общественного договора и естественного права
48		Гоббс защищает ценности миролюбия, свободы, справедливости

Продолжение прил. 2

№	Века	Новации, проблематизации, концепции	
49	XVIII	Локк рассматривает собственность в качестве основополагающей ценности	
50		Локк настаивает на необходимости разделения властей, законодательной, исполнительной и судебной	
51		Руссо подчеркивает, что социальные законы являются проектами людей	
52		Руссо отмечает недопустимость отчуждения суверенитета народа	
53		Вольтер и Руссо рассматривают религию как фактор устройства общественной жизни людей	
54		Кант интерпретирует содержание религии с этических позиций	
55		Кант определяет просвещение как необходимость для человечества	
56		XVIII–XIX	Фихте воспеваает свободу и активность человека
57			Шеллинг предлагает считать масштаб философии искусство и его приемы, в том числе символизм
58		XIX	Романтики (Фр. Шлегель, Новалис) настаивают на эстетическом понимании мира
59	Шлейермахер рассматривает герменевтику как универсальный способ объяснения мира		
60	Гегель разворачивает систему диалектических категорий и создает диалектическую логику		
61	Гегель развивает метод восхождения от абстрактного к конкретному		
62	Гегель создает диалектическую логику		
63	Фейербах предлагает понимать философию как учение о человеке, т.е. в качестве антропологии		
64	Маркс развивает учение об абстрактном труде как субстанции всех общественных отношений		
65	Маркс критикует недостатки капитализма с позиций квазиценности справедливости		
66	Маркс считает, что практика является критерием истин		
67	Шопенгауэр для объяснения мира выдвигает концепт воли к жизни		
68	Шопенгауэр в качестве главного принципа этики рассматривает отрицание воли к жизни		

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
69		Ницше критикует привычные ценности и провозглашает волю к власти
70		Ницше выступает предтечей ценностной этики
71		Ницше в интерпретации морали реализует вариант физиолого-аффективной интерпретации
72		Конт создает первый вариант позитивизма
73		Дж. С. Милль создает индуктивную логику
74		Дж. С. Милль развивает учение утилитаризма (добро есть польза)
75	XIX– XX	Авенариус и Мах развивают второй вариант позитивизма, эмпириокритицизм. Их заслуга состоит в актуализации философии эксперимента
76		Коген подчеркивает главенствующую роль в познании творческого мышления
77		Виндельбанд и Риккерт развивают учение о ценностях
78		Кассирер развивает символическую интерпретацию культуры
79		Дильтей, следуя Шлейермахеру, создает систематический вариант герменевтики сознания
80		Бергсон развивает интуитивизм как философское направление
81		Пирс создает семиотику (науку о знаках), семиотическую логику и семиотический прагматизм
82		Джеймс выделяет психологические факторы прагматизма
83		Дьюи выступает основателем концепции инструментализма (все законы, идеи и понятия должны обладать функциональной силой)
84	XX	Бриджмен считает, что все понятия операциональны, т.е. экспериментально проверяемы
85		Гуссерль создает феноменологию как философское направление
86		Гуссерль дает феноменологическую интерпретацию сознания
87		Гуссерль феноменологически интерпретирует кризис человечества, в том числе наук
88		Шеллер создает феноменологическую этику ценностей

Продолжение прил. 2

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
89		Хайдеггер изобретает философию экзистенциальности, имеющую важное экологическое значение
90		Ясперс развивает вариант экзистенциализма, в котором решающая роль отводится ценностям свободы, религиозной веры, коммуникации и достоинства человека
91		Сартр создает вариант экзистенциализма с ценностями свободы, гуманизма, социальной ответственности
92		Сартр дает экзистенциальное истолкование марксистским понятиям эксплуатации, отчуждения и овеществления деятельности человека
93		Сартр, Камю, Бовуар реализуют потенциал экзистенциализма в своих литературных произведениях
94		Гадамер, отталкиваясь от идей Хайдеггера, создает герменевтику бытия
95		Рикёр соединяет герменевтику с феноменологией и символизмом
96		Хоркхаймер и Адорно провозглашают тезис о необходимости не традиционной, а критической теории
97		Хабермас развивает концепцию коммуникативного дискурса как источника наилучших теорий
98		Аппель придает концепции коммуникативного дискурса прагматическую направленность
99		Хабермас и Аппель настаивают на понимании этики как этики ответственности
100		Соссюр рассматривает язык в качестве знаковой системы, для которой характерны структурно-системные законы
101		Леви-Стросс реализует структуралистский подход в этнологии
102		Фуко в качестве варианта постструктурализма создает философию дискурсивных практик (все, что относится к миру человека, рождается в языке)
103		Деррида развивает метод деконструкции (деконструктивную лингвистическую логику)
104		Лиотар выделяет характерные черты современности (постмодерна). Упор делается на агонистику языковых игр
105		Мур в попытке опровергнуть философские спекуляции обращается к здравому смыслу.

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
106		Фреге и Рассел придают философии логицистскую форму
107		Ранний Витгенштейн представляет в систематической форме семантически ориентированную аналитическую философию (значение слова есть тот факт, который оно обозначает)
108		Поздний Витгенштейн создает вариант прагматически ориентированной аналитической философии (значение слова есть его употребление). Развивает концепции языковых игр и «семейного» сходства слов
109		Остин создает теорию речевых актов (всякое предложение обладает иллокутивной силой)
110		Шлик, Карнап, Рейхейбах и др. развивают третий вариант позитивизма, т.е. неопозитивизм
111		Поппер создает постпозитивизм и развивает концепции фальсификации и фалибилизма
112		Поппер анализирует процесс роста научного знания в результате сменяемости научных теорий
113		Лакатос рассматривает устойчивость научно-исследовательских программ
114		Кун в связи с анализом научных революций предлагает концепт «парадигма»
115		Куайн формулирует принцип онтологической относительности
116		Хэр развивает аналитическую этику в форме универсального прескриптивизма
117		Ролз создает теорию справедливости
118		Нозик развивает теорию свободы
Русская философия		
119	XVIII	Ломоносов защищает атомизм, гелиоцентризм и эволюционизм в науке
120		Радищев обличает самодержавие, бюрократию и крепостничество
121	XIX	И.В. Киреевский выступает за разумную и цельную философию
122		Хомяков придает особое значение принципу соборности
123		Чаадаев предлагает России учиться у Запада, но подчеркивает ее самобытность

Продолжение прил. 2

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
124		Герцен, выступая в качестве лидера «западников», развивает вариант философии, близкий к диалектическому материализму
125		Чернышевский с утилитаристских позиций критикует самодержавие и выступает за народную революцию
126		Бакунин воспекает ценность свободы, в связи с этим приходит к анархистским выводам
127		Лавров превыше других ценностей ставит справедливость. В отличие от большинства других российских философов-революционеров он избегает натурализма
128	XIX–XX	Струве развивает философию производительных сил
129		Богданов развивает тектологию, науку об организации мира для человека
130		Ленин развивает теорию социалистической революции применительно к условиям России
131		В.С. Соловьев и Бердяев исходя из самобытности русского народа рассуждают о «русской идее», которой дают преимущественно религиозное истолкование
132		Соловьев развивает философию положительного всеединства
133		Соловьев, Флоренский и Булгаков развивают софиологию
134		Бердяев создает христианско-экзистенциальную философию
135	XX	Н.О. Лосский представляет в систематическом виде русский интуитивизм
136		Лосев вырабатывает диалектический символизм, с позиций которого он интерпретирует содержание античной и возрожденческой эстетики, а также лингвистики
137		Ленин настаивает на создании материалистической диалектической логики на основе «Капитала» К. Маркса
138		Советские философы создают различные системы диалектических категорий. Особенно много обсуждается вопрос о диалектических противоречиях
139		Ильенков рассматривает диалектический разум как деятельность

№	Века	Новации, проблематизации, концепции
140		Г.П. Щедровицкий развивает системомыследеятельностную методологию, которая представляет собой интересный вариант постмарксизма
Индийская философия		
141	VII в. до н.э.	Капила создает систему санкхья, согласно которой материя дифференцируется на 24 элемента, освобождение от которых — путь к счастью
142	не изв.	Брихаспати развивает философию чарвака (стихийный материализм)
143	V в. до н.э.	Бадараяна развивает философию веданта. Освобождение человека от земных страданий достигается слиянием Атмана с Брахманом
144		Махавира развивает систему джайнизма: избавление от страданий требует свободы от материального за счет правильного поведения (не нанесения вреда живому и пр.)
145		Будда предлагает достичь освобождения от страданий за счет психологического тренинга
146	ок. II в. до н.э.	Джаймини видит путь освобождения в соблюдении предписаний Вед
147	I	Канада развивает философию особенного (вайшешика). Весь мир объясняется на основе девяти субстанций
148		Готама создает найянскую логику, содержащую 16 категорий, особое внимание уделяется динамике процесса познания
149	не изв.	Патанджали развивает систему йоги — специальную теорию медитаций, которая приводит к освобождению от страданий
Китайская философия		
150	VI–V вв. до н.э.	Конфуций предлагает этическую теорию мирного сожительства всех китайцев, основанную на человечности
151		Лао-Цзы развивает теорию даосизма, согласно которой человеку необходимо органично следовать пути неба.
152	VII н.э.	Хуэйшэн придает систематический вид чань-буддизму. За счет психологического тренинга следует слиться сердцем с единым

100 вопросов на понимание курса философии

К введению

1. Уступает ли философия науке в рациональности?
2. Уступает ли философия искусству в образности?
3. Уступает ли философия религии в нравственном отношении?
4. Обладает ли философия практической действенностью?
5. В каком отношении философия превосходит науку, искусство и религию?

К главе 1.1

6. Вопреки мнению натурфилософов все существующее не состоит из первоначала. Между тем в утверждениях натурфилософов содержатся элементы гениальных прозрений. Каковы они?
7. В чем состоит основное достижение школы Пифагора?
8. Свидетельствуют ли апории Зенона о том, что элеаты глубже других понимали природу вещества, пространства и времени?
9. Чьим детищем является атомарная гипотеза — философов или физиков? Чем отличается древний атомизм от современного?
10. В споре софистов и сократиков на чьей стороне находятся ваши симпатии и почему?
11. Гениален ли Платон как философ? Если да, то в чем?
12. По мнению К.Поппера, философия Платона вредна для демократического общества. Справедливо ли это мнение?
13. Аристотель видел источник движения в форме, эйдосе. Согласны ли вы с ним?
14. Достоин ли Аристотель Нобелевской премии? Если да, то в силу каких оснований?
15. Античные стоицизм, эпикуреизм, скептицизм — какое учение вам более симпатично? Почему?
16. В чем состоит жизненность неоплатонизма?

К главе 1.2

17. Каковы философские истоки теоцентризма?
18. Каковы философские истоки монотеизма?
19. Имеет ли креационизм научное обоснование?
20. Каковы достоинства средневекового символизма?
21. Почему и поныне не утихает спор между номиналистами и реалистами?
22. В чем состоит философский смысл заповедей Христа?
23. Действительно ли в средние века философия была служанкой богословия?

24. Какие черты средневековой философии сохранили свою актуальность?

К главе 1.3

25. Почему доминирующим аспектом возрожденческой философии является эстетическое?
26. Действительно ли главным принципом возрожденческой философии является антропоцентризм?
27. Каковы философские истоки ренессансного гуманизма?
28. Кузанский объединял религиозные и математические прозрения. Состоятельно ли такое объединение?
29. Каковы сильные стороны философии Дж.Бруно?

К главам 1.4, 1.5

30. Каковы общие черты философии Бэкона и Декарта?
31. Каково философское значение открытий Галилея и Ньютона?
32. Каковы философские основания юридического мировоззрения Нового времени?
33. В чем состоит главный принцип трансцендентального идеализма Канта?

К главе 1.6

34. В чем вы видите основные достоинства идеализма Гегеля?
35. В чем вы видите основные достоинства философии Маркса?
36. В какой степени состоятельна диалектика?

К главе 1.7

37. Каковы достоинства философии жизни?
38. Преодолеет ли экзистенциализм психологизм философии жизни?
39. Каков механизм феноменологического метода?
40. Что является для феноменологов более значимым — мир переживаний или язык и практика?
41. Чем отличается герменевтика бытия от герменевтики сознания?
42. В чем заключается новаторство герменевтиков?

К главе 1.8

43. Каковы основания логического поворота в философии XX в.?
44. Проверяем ли принцип верификации?
45. Является ли принцип фальсификации более философски значимым, чем принцип верификации?
46. Каковы основания лингвистического поворота в философии XX в.?

К главе 1.9

47. Какие отношения (структуры) характерны для студенческой группы, к которой вы принадлежите?
48. Почему именно естественный язык рассматривается философами в качестве образцовой знаковой системы?

49. Прав ли Фуко, настаивая на том, что становление и рассеяние социальных упорядоченностей происходит в дискурсивных практиках?
50. Какой потенциал доминирует в методе деконструирования Деррида — созидательный или разрушительный?
51. Какие культурные явления нашли свое выражение в философии постмодернизма?

К главам 1.10 и 1.11

52. Каковы общие черты философии славянофилов и западников?
53. Сохранила ли свою актуальность философия всеединства?
54. Кто из русских философов внес максимальный вклад в мировую философию?
55. Каковы характерные черты русской философии?

К главе 1.12

56. Каковы характерные черты индийской философии?
57. Каковы характерные черты китайской философии?
58. В каком смысле происходит интеграция философии Запада и Востока?

К главе 2.1

59. Как выясняют, что именно существует?
60. Что такое развитие?
61. Что такое время?
62. Какие закономерности важнее, динамические или статические?

К главе 2.2

63. Чем является психическое: нематериальным, идеальным или символическим?
64. Какова природа понятия?
65. Чем отличается метаязык от объектного языка?
66. Каковы особенности когерентной концепции истины?
67. Каковы особенности прагматической концепции истины?
68. В свете роста научного знания существует ли абсолютная истина?

К главе 2.3

69. В какой мере выражает язык специфику человеческого?
70. Обречены ли народные массы на отрыв от культуры?
71. В чем состоит тайна красоты?
72. Что есть добро?
73. Образуют ли истина, красота и добро единство?
74. В чем состоит кризис системы образования?

К главе 2.4

75. Чем отличается социальное от психического?
76. Удовлетворяет ли социология критериям науки?
77. В чем состоит смысл истории?

К главе 2.5

78. Что явилось первоисточником нашей Вселенной?
79. Какова специфика экологии?
80. Каковы философские истоки экологических бед человечества?

К главе 2.6

81. Каковы основные ценности науки?
82. Нагружено ли эмпирическое знание теоретическим?
83. Каковы основные этапы процесса измерения?
84. В чем состоит смысл идеализаций?
85. Каковы характерные черты аксиоматического метода?
86. Каковы характерные черты гипотетико-дедуктивного метода?
87. Каковы характерные черты прагматического метода?
88. Каковы идеалы науки?
89. Стоит ли наука вне этики?

К главе 2.7

90. Каково соотношение техники и науки?
91. Как проводится оценка техники?
92. Каковы основные этические принципы инженерного отношения к миру?
93. Каковы основные черты информационного общества?
94. В чем состоит смысл реализуемого в компьютерной культуре изоморфизма?

К главе 2.8

95. В какой степени предсказуемо будущее в свете синергетических представлений?
96. Какие императивы вы считаете актуальными в свете проблематики глобальных идей?
97. Каковы, в вашем понимании, идеалы будущего?

К заключению

98. К какому философскому направлению принадлежите вы?
99. Каковы пути преодоления кризисных черт философии?
100. Спасет ли философия мир?

Советы студентам

1. Воспользуйтесь счастливым случаем и изучите философию серьезно и основательно. Изучая философию, вы быстро убедитесь, что ей нет альтернативы, заменить ее нечем.

2. Крайне полезно иметь представление об учебнике в целом, ибо каждая глава приобретает присущий ей законченный смысл лишь в рамках целого. Поэтому постарайтесь как можно раньше ознакомиться, пусть в предварительном порядке, со всем содержанием учебника. Прочитайте оглавление, попытайтесь понять его логику, чаще читайте или даже просто листайте учебник. К книге надо привыкнуть, знать ее интересные и неинтересные страницы.

3. При подготовке к учебным занятиям сначала бегло ознакомьтесь с содержанием очередной главы, а затем приступайте к тщательной проработке материала.

4. Читайте учебник абзацами. Прочитайте абзац, задумайтесь, выделите его главное положение, выработайте свое личное отношение к нему.

5. Обращайте особое внимание на самые главные положения. Вновь и вновь возвращайтесь к их осмыслению. Стремитесь выразить идею кратко, одним-двумя предложениями, но в то же время постарайтесь обнаружить как можно больше ее проявлений. Краткость являетсястрой таланта лишь тогда, когда она объемлет собой многое.

6. Изучая философию, стремитесь к открытости, основательности и своеобразной исповедальности. Не прячьте себя от других, вступайте в дискуссию. Философская пассивность обернется в конечном счете ненужными потерями.

7. Познавайте себя, добивайтесь философского самосознания. Разумеется, полезно составлять себе представление и о философском уровне других. Это позволит вам, как говорится, знать цену и себе и другим, облегчит ваши контакты с товарищами.

8. Учитесь философствовать, философствуйте каждый день — это недостаточное, но необходимое свойство человека с высшим образованием. Впрочем, философия самодостаточна также и вне высшего образования.

**Требования (Федеральный компонент)
государственных образовательных стандартов
высшего профессионального образования по дисциплине
“Философия”**

Предмет философии. Место и роль философии в культуре. Становление философии. Основные направления, школы философии и этапы ее исторического развития. Структура философского знания.

Учение о бытии. Монистические и плюралистические концепции бытия, самоорганизация бытия. Понятия материального и идеального. Пространство, время. Движение и развитие, диалектика. Детерминизм и индетерминизм. Динамические и статистические закономерности. Научные, философские и религиозные картины мира.

Человек, общество, культура. Человек и природа. Общество и его структура. Гражданское общество и государство. Человек в системе социальных связей. Человек и исторический процесс; личность и массы, свобода и необходимость. Формационная и цивилизационная концепции общественного развития.

Смысл человеческого бытия. Насилие и ненасилие. Свобода и ответственность. Мораль, справедливость, право. Нравственные ценности. Представления о совершенном человеке в различных культурах. Эстетические ценности и их роль в человеческой жизни. Религиозные ценности и свобода совести.

Сознание и познание. Сознание, самосознание и личность. Познание, творчество, практика. Вера и знание. Понимание и объяснение. Рациональное и иррациональное в познавательной деятельности. Проблема истины. Действительность, мышление, логика и язык. Научное и вненаучное знание. Критерии научности. Структура научного познания, его методы и формы. Рост научного знания. Научные революции и смены типов рациональности. Наука и техника.

Будущее человечества. Глобальные проблемы современности. Взаимодействие цивилизаций и сценарии будущего.

Программа курса философии

Тематический план

- Тема 1.* Что такое философия?
Тема 2. Античная философия
Тема 3. Средневековая философия
Тема 4. Философия эпохи Возрождения
Тема 5. Европейская философия XVII в.
Тема 6. Европейская философия XVIII в.
Тема 7. От философии Гегеля к диалектическому материализму
Тема 8. От философии жизни к герменевтике
Тема 9. Аналитическая философия
Тема 10. От структурализма к постмодернизму
Тема 11. Русская философия
Тема 12. Восточная философия
Тема 13. Учение о бытии
Тема 14. Философская антропология и гносеология
Тема 15. Философия символического мира человека. Человек в мире культуры
Тема 16. Философия общества и истории
Тема 17. Философия природы
Тема 18. Философия науки
Тема 19. Философия техники
Тема 20. Стратегия будущего

Примечание. Содержание тем совпадает с содержанием одноименных глав учебника.

Тема 1. Что такое философия?

Самостоятельность и своеобразие философии. Примеры подлинного философствования. Философия как поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы бытия. Научная ориентация философии. Мирозренческая и методологическая функции философии. Союз науки и философии. Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии. Практическая ориентация философии. Моральная функция философии. Назначение философии. Кратко об онтологической и других функциях философии.

Тема 2. Античная философия

Милетская школа философии. Демифологизация античного мирозрения. Поиски вещественных субстанций как путь к универсальным

принципам. Современные научные данные об исходной сингулярности Вселенной. Школа Пифагора: поиски количественных закономерностей. Гераклит и элеаты. Апории Зенона как путь выработки философских представлений о веществе, пространстве и времени. Древние атомисты. Атомизм как попытка преодоления апорий Зенона. Сопоставление древнего и современного атомизма.

Школа Сократа. Умопостигаемость общего. Этический рационализм Сократа, понимание диалектики как взаимодополнительности иронии и майевтики. Смерть Сократа. Софисты, их споры с сократиками. Проблематика софизма.

Философия Платона. Природа идей. Сопричастность идей и вещей. Понимание идеи как предела становления вещей и как порождающей модели класса вещей. Достижения античного объективного идеализма. Современные данные о связи общего и единичного. Космология Платона и его учение об обществе как конкретизация концепции идей. Этика Платона.

Философия Аристотеля. Материя и эйдос (форма). Возможность-энергетичное понимание действительности. Логика и методология Аристотеля. Три закона формальной логики. Силлогизм. Учение об общесте и этические представления Аристотеля.

Философия эллинизма. Стоицизм, эпикуреизм, скептицизм, кинизм о проблеме человека. Римская философия. Неоплатонизм. Характерные черты античной философии.

Тема 3. Средневековая философия

Философия и теология. Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности как результат более глубокого, чем в античности, понимания субъективного. Креационизм. Провиденциализм. Столкновение природы времени и вечности. Средневековый символизм и герменевтика. Спор реалистов и номиналистов; концептуализм. Современная интерпретация этого спора, различие общего имени и понятия. Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа. Средневековое понимание общества и природы. Средневековая теодицея. Патристика и схоластика. Основные идеи средневековой философии.

Тема 4. Философия эпохи Возрождения

Антропоцентрический неоплатонизм как основа философии эпохи Возрождения. Понимание человека как рукотворного мастера и художника. Эстетическое — доминирующий аспект философии Возрождения. Разработка метода линейной перспективы. Гуманизм. Возрожденческий утилитаризм. Философы эпохи Возрождения: Н. Кузанский, Н. Фичино, Л. да Винчи, М. Монтень. Характерные черты возрожденческой философии — антропоцентризм, гуманизм, лично-материальное и геометрически-структурное понимание мира, борьба со схоластикой.

Тема 5. Европейская философия XVII в.

Философия Ф.Бэкона: критика схоластики, развитие экспериментального метода и метода индукции. Недостатки индуктивного метода. Философия Р.Декарта: принцип "Cogito ergo sum", принцип методического сомнения; интеллектуальная интуиция; дедуктивный метод, выделение простого и восхождение от него к сложному; поиск рационального порядка во всем; концепция врожденных идей; дуализм.

Галилей и Ньютон: создание теоретической механики. Четыре аспекта механики Ньютона: метод принципов, математический язык, законы и начальные условия, гипотетико-дедуктивная структура.

Правовые идеи в воззрениях Т. Гоббса и Дж. Локка как реализации потенциала новременной философии. Философия Лейбница: принципы тождества, достаточного основания, предустановленной гармонии, идеальности монад, непрерывности. Спор Локка и Лейбница по вопросам теории познания. Эмпиризм и сенсуализм Локка: переход от простых идей к сложным. Рационализм Лейбница в теории познания. Основные идеи философии XVII в.

Тема 6. Европейская философия XVIII в.

Философия французского просвещения (Вольтер и Руссо) и французского материализма (Гольбах). Философия Канта: принцип трансцендентального идеализма, соотношение способностей души с познавательными способностями и априорными причинами. Основные формы человеческой деятельности и сопутствующие им ценности: истина, красота и добро. Деятельностная философия Фихте. Сравнение двух главных философских направлений XVIII в., французской и немецкой философий. Об изъяне проекта Просвещения.

Тема 7. От философии Гегеля к диалектическому материализму

Философия Гегеля: идеализм, природа идей; идеи сами по себе, в природе и духе. Схематика гегелевской энциклопедии философских наук. Достоинства и недостатки гегелевского идеализма и гегелевской диалектики. Материализм Фейербаха. Диалектический материализм Маркса и Энгельса: критика капитализма, проблема отчуждения и возможности ее преодоления посредством пролетарской революции, выяснение природы общественного, разработка проблем практики.

Тема 8. От философии жизни к герменевтике

Неклассическая философия жизни как противовес классической рациональной философии. Философия А.Шопенгауэра. Интуитивизм А.Бергсона. Философия воли к власти Ф.Ницше.

Экзистенциализм. Бытие человека в мире. Истолкование проблемы существования человека. Экзистенциализм как преодоление психологизмов философии жизни. Основные экзистенциалы: страх, тревога, ожидание смерти и др. Основные идеи философии Сартра, Ясперса, Камю.

Фундаментальная онтология Хайдеггера.

Феноменология Гуссерля: единство субъекта и объекта в феноменах, интенциональность сознания, эпохе, феноменологическая редукция, роль воображения в конструировании эйдосов, эйдетическая интуиция. Успехи и неудачи феноменологии.

Герменевтика. Метод вчувствования В. Дильтея. Истолкования Хайдеггером понимания как явковой интерпретации. Представление о герменевтическом круге. Герменевтика бытия Гадамера и ее отличие от герменевтики сознания Шлейермахера—Дильтея.

Тема 9. Аналитическая философия

Основатели движения Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн. Логические открытия Фреге и Рассела. Логико-философский трактат Л. Витгенштейна. Логический позитивизм: отрицание метафизики, аналитические и синтетические суждения. Принцип верифицируемости. Физикализм. Эмотивизм в этике. Сильные и слабые стороны логического позитивизма.

Постпозитивизм. Критический рационализм К. Поппера: принцип фальсификации; квазидарвиновская модель роста научного знания. Методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Методологический анархизм П. Фейерабенда. Концепция парадигм и научных революций Т. Куна.

Лингвистический поворот в философии XX в. Концепция языка позднего Витгенштейна. Значение слов как их употребление. Язык как форма жизни и деятельности. Современные тенденции развития аналитической философии.

Тема 10. От структурализма к постмодернизму

Структурализм. Структура как относительно устойчивый способ организации системы. Учение Ф. де Соссюра о естественных языках как знаковых системах.

Философия дискурсивных практик М. Фуко. Дискурс как совокупность высказываний. Становление и рассеивание структур в дискурсивных практиках.

Деконструктивизм Ж. Деррида. Деконструкция как замещение слов и предложений цепочкой заменителей (субститутов) по законам красоты.

Постмодернизм Ж. Лиотара. Паралогика как предпочтение дисконсенсуса (а не консенсуса), случайного (а не необходимого), дискретного (а не непрерывного), игры (а не строго упорядоченной деятельности), рассеивания дискурсов (а не их центрирования), виртуального (а не вещного). Постмодернизм в умеренном и авангардистско-анархическом вариантах.

Тема 11. Русская философия

Историческая справка о философии в России до XIX в. Философия славянофилов: И.В. Киреевского, Л.С. Хомякова. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Религиозно-этические искания Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Философия западников: А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Евразийство. Философия В.С. Соловьева: положительное всеединство. Бог как олицетворение всеединства, София. Формула В.С. Соловьева: абсолютное осуществляет благо через истину в красоте. Любовь как сила, подрывающая корни всякой отдельности. Жизнь как подвиг одухотворения. Критики о философии В.С. Соловьева.

Русская философия XX века. Насильственная эмиграция философов (1922 г.). Философия Н.А. Бердяева: темы свободы, творчества, ничто и Бога. Диалектическая феноменология и символизм А.Ф. Лосева. Русский космизм.

Характерные черты русской философии: внимание к целостности мира, его положительному всеединству; этический персонализм, соборность, интуитивность и праведность; космизм.

Философия советского периода. Подъем знамени ленинизма. Сталинизм в философии и науке. Расцвет и закат марксистско-ленинской философии.

Тема 12. Восточная философия

Восточная философия. Основные черты индийской философии. Тезис: атман есть брахман. Основные черты китайской философии, ее этическая направленность. Соотношение западной и восточной философий.

Тема 13. Учение о бытии

Вопрос о существовании. Виды бытия. Монистические и плюралистические виды бытия, самоорганизация бытия. Материальное и идеальное. Пространство и время. Движение и развитие. Диалектика. Детерминизм и индетерминизм. Динамические и статические закономерности.

Тема 14. Философская антропология и гносеология

Философия о природе человека: обзор различных точек зрения, дилеммы уникальности/универсальности, внутреннего/внешнего; единство человека, его историчность, необходимость синтеза гуманистических концепций. Четыре сферы бытия человека: природная, психическая, языковая и предметно-деятельностная. Рассмотрение тех возможностей, которые позволяют человеку познавать мир. Критика противопоставления объекта субъекту. Природа психических функций человека. Чувственное познание и его формы. Рациональное познание: понятие, суж-

дение, умозаключение. Единство чувственного и рационального познания. Творчество. Интуиция. Память и воображение. Сознательное, бессознательное, надсознательное. Фрейдизм о бессознательном. Самосознание. Общественная природа сознания. Истина. Три концепции истины: корреспондентная, когерентная и прагматическая. Шкала истинности: относительность истины и заблуждения. Объяснение, чувствование, понимание как формы познания. Проблема единства, истины, добра и красоты. Русские философы В.С.Соловьев и П.Ф.Флоренский о единстве истины и духовности. Ценность и оценка. Философия как аксиология. Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал.

Тема 15. Философия символического мира человека. Человек в мире культуры

Философия языка. Обзор исторических интерпретаций природы языка. Три философии языка: философия имени, предиката и ценностных установок. Метаязык. Формализованный язык. Машинные языки. Философия как язык.

Философия культуры. Культура и цивилизация. Диалоговый характер культуры. Проблемы массовой и элитарной культуры. Эстетическое, природа красоты. Различение художественного и эстетического. Прекрасное и возвышенное.

Философия практики. Практика как деятельность человека. Структура практики: цель, целесообразная деятельность, средства, результат деятельности и его оценка. Интерпретация феномена практики в различных способах философствования. Разновидности практики.

Добро. Три этики: добродетелей, долга и ценностей. Проблемы свободы и ответственности. Смысл человеческого бытия. Насилие и ненасилие. Мораль, право. Религиозные ценности и свобода вероисповедания. Классическая и неклассическая концепция ответственности. Философские вопросы образования.

Тема 16. Философия общества и истории

Философские концепции общества. Человек и общество. Свобода и необходимость. Личность и массы. Общество и его структура. Гражданское общество. Государство. Философия истории. Многообразие цивилизаций. Запад — Россия — Восток. Формационная и цивилизационная концепции общественного развития.

Тема 17. Философия природы

Исторические формы отношения человека к природе. Концепция ноосферы. Происхождение Вселенной: гипотеза Большого взрыва. Уровни организации Вселенной. Тупики физикализма, биологизма, натурализма, психологизма, социологизма.

Экологическая философия. Биоэтика. Экогуманизм. Вопросы сохранения и развития экосистемы человек — природа. Требования экологической этики. Вопросы биомедицинской этики.

Тема 18. Философия науки

Природа науки. Наука как деятельность человека по выработке, систематизации и проверке знаний. Соотношение науки и обыденного познания. Тупики сциентизма.

Эмпирический уровень научного познания. Различие эмпирических и теоретических терминов. Наблюдение и эксперимент. Измерение, его структура. Роль прибора. Модельное экспериментирование.

Теоретический уровень исследования. Теория как система принципов, законов, концептов. Понятие как фиксация общего. Природа идеализаций. Становление научной теории и рост научного знания. Анализ и синтез, классификация и дедукция, обобщение, идеализация как главные моменты становления научной теории. Формализация и математизация знаний. Соотношение новых и старых теорий. Теоретические методы: аксиоматический, конструктивистский, гипотетико-дедуктивный, прагматический и другие способы организации знания.

Идеалы науки. Этика ученого. Философия и наука.

Тема 19. Философия техники

Происхождение и природа техники. Техника как совокупность артефактов, как технология, т.е. как совокупность операций по целенаправленному использованию технических артефактов. Техника как символизация человека в предметно-технологическом действии. Основные проблемы философии техники: сущность технического подхода и его отличие от научного подхода, различие естественного и технического, вопросы оценки техники. Техника и этика. Три формы техноэтики. Деонтологическая и нормативная социотехническая этика. Этические кодексы инженерных сообществ. Философия информационного подхода. Проблемные вопросы информационного общества.

Тема 20. Стратегия будущего

Человек во Вселенной. Человек перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации. Философия в борьбе против кризиса и упадка цивилизации, культуры и духовности человека. Кризисные явления в современной философии. Философия и ее миссия спасения человечества.

Примерное почасовое планирование курса философии

Номер темы	Наименование	Лекции	Семинары	Самостоятельная работа студентов
1	2	3	4	5
1	Что такое философия?	1/1*	2/1	3/2
2	Античная философия	3/3	6/3	9/6
3	Средневековая философия	1/1	2/–	3/1
4	Философия эпохи Возрождения	1/1	2/–	3/1
5	Европейская философия XVII в.	1/1	2/2	3/3
6	Европейская философия XVIII в.	1/1	2/2	3/3
7	От философии Гегеля к диалектическому материализму	2/2	2/2	4/4
8	От философии жизни к герменевтике	2/2	4/2	6/4
9	Аналитическая философия	2/2	4/2	6/4

* В числителе дроби указаны часы занятий при общей продолжительности курса 204 часов, в знаменателе — при общей продолжительности курса 136 часа.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
10	От структурализма к постмодернизму	2/2	4/2	6/4
11	Русская философия	2/2	4/2	6/4
12	Восточная философия	—	—	2/1
13	Учение о бытии	2/2	2/2	4/4
14	Философская антропология и гносеология	3/3	6/4	7/6
15	Философия символического мира человека. Человек в мире культуры	2/2	6/2	8/4
16	Философия общества и истории	2/2	4/2	6/4
17	Философия природы	2/2	4/2	6/4
18	Философия науки	3/3	8/2	11/5
19	Философия техники	2/2	2/1	4/3
20	Стратегия будущего	—	2/1	2/1
Итого		34/34	68/34	102/68

Методические заметки (для преподавателей)

Глубокоуважаемые коллеги! Позвольте в порядке заочного обмена опытом преподавания философии сформулировать ряд суждений и пожеланий.

• *О необходимости определения авторами учебных книг сути своих творческих позиций.* Прежде всего отметим, что нам представляется довольно-таки несуразной позиция тех авторов учебников и учебных пособий, которые избегают пояснения в сколько-нибудь отчетливом виде собственных творческих позиций. Речь идет о чрезвычайно распространенной практике, которая оставляет преподавателей философии в неведении относительно действительных замыслов авторов учебной литературы. Часто эти замыслы не извлекаются на свет из своей первозданной интуитивной, насыщенной неопределенными моментами оболочки. Ясно, что это отнюдь не способствует успеху дела философского образования.

• *О необходимости в курсе философии его исторической части.* Мы категорически не согласны с мнением тех наших коллег, которые исключают из курса философии его историческую часть. Неоправданное сужение философского дискурса неминуемо сопровождается переходом на позиции философского универсализма. Универсалисты от философии полагают, что им, якобы, удалось осуществить доселе невиданный грандиозный синтез и представить все многообразие философских достижений в одной концепции. Но действительная философия не однородна, она *плюралистична*. Именно поэтому недопустимо в учебном курсе философии игнорировать его историко-проблемную часть, которая как раз и не обходится без плюрализма. Плюрализм — важнейший принцип методики преподавания философии.

• *О трудной судьбе плюрализма в преподавании философии.* Отметим три главных основания необычайной живучести универсализма (в противовес плюрализму) в преподавании философии. Первое из них — это скрытая приверженность значительной части преподавателей марксистско-ленинской схематике. Как известно, до недавнего времени в отечественной философии господствовал марксизм-ленинизм, а философский плюрализм фактически отвергался. Многие искренне стремились выйти за горизонты марксизма-ленинизма. На деле же все ограничилось косметическим ремонтом здания марксизма-ленинизма: он оказался гораздо более стойким, чем предполагалось в первые годы перестройки. Кстати, ныне эту стойкость часто обеспечивает отсутствие упоминаний классиков марксизма-ленинизма.

Второе основание живучести философского универсализма видится нам в искусственности проведения в философии национальных границ. Часто в той или иной стране культивируется один тип философии, а это оз-

начает, что в угоду ложным национальным амбициям игнорируется многообразие мировой философии. Такое игнорирование представляется совершенно недопустимым независимо от того, ведется ли оно от имени кантовского трансцендентализма в ФРГ, аналитической философии в Англии и США или же православной религиозной философии в России.

Третье основание философского универсализма — слабая ориентация в философии XX века. Именно в этом столетии окончательно восторжествовал философский плюрализм, затмивший яркими красками серую унылость универсализма.

• *История философских идей как подъем на концептуальные вершины.* Довольно часто история философских идей рассматривается как достаточно банальное, к тому же необязательное введение в учебный курс философии. Такое мнение представляется довольно поверхностным. История философских идей — это обретение концептуальной прозорливости, без которой не обойтись и которую нельзя приобрести иначе, как пройдя сложными дорогами и подъемами истории философии. Тот, кто желает обойтись без истории философии, похож на любителя спорта, возмечтавшего установить мировой рекорд, не приобретя должных умений в многотрудных тренировках.

• *История философских идей уходит в завтра.* Авторы, относящиеся к истории философских идей без должной основательности, склонны придавать им исключительно антикварный, старинный характер. Суть дела требует, однако, достижения концептуальных высот, а потому историю философских идей следует непременно доводить до сегодняшнего дня. Речь идет о самом значительном в истории, а оно всегда является актуальным, современным.

• *Философия имеет теоретический характер.* В деле преподавания философии крайне важно понимать, что она имеет теоретический характер. Без теорий, концептуальных схем интерпретаций проблематизируемых вопросов нет серьезной философии. Это обстоятельство часто недопонимается. В таком случае философию представляют студентам в форме квазитеоретических рассуждений, весьма произвольных и бесосновательных.

• *Ориентируйтесь на лучшие философские теории.* Обилие философских теорий отнюдь не означает их равнозначность. В силу этого приходится ранжировать философские теории и придавать им различный дидактический вес. Чтобы не отстать от поступи современной философской мысли, необходимо культивировать лучшие, самые развитые философские теории. Как правило, это теории не былых эпох, а XX века.

• *Не поучайте от имени философии.* Часть философов полагают, что буквально любой вопрос можно разрешить сугубо философским методом. Они любят менторствовать от имени философии, представлять последнюю в форме науки всех наук. Но выразительные возможности философии вне теснейшего союза с современными науками крайне бедны. Их удается существенно обогатить лишь тогда, когда действительно и всесторонне реализуется союз философии и наук. Философия и науки находятся во взаимодополняющем отношении.

• *Смело и со знанием дела проблематизируйте самые сложные вопросы.* Философия — это прежде всего проблематизация актуальных, трудноразрешимых вопросов, требующая интеллектуальной изощренности. В этом отношении философии нет альтернативы.

• *Роль философии многообразна.* В наше время она выступает прежде всего в качестве самосознания культуры. Главнейшая ее миссия — этическая. Изучение философии формирует нравственную позицию человека. Речь идет об особой форме моральности, которая из уст знающих людей всегда получала высочайшую оценку.

• *Никогда не опрощайте философию.* Философия — изумительное, весьма непростое для понимания творение человечества. К сожалению, порой это обстоятельство недопонимается. Люди, несведущие в философии, особенно из числа вузовских функционеров, отводят на изучение философии недостаточное число учебных часов. Тем самым они исподволь подталкивают преподавателей философии к так называемому упрощению курса. Как часто такого рода упрощение приводит не к чему иному, как к самой настоящей вульгаризации курса философии. Профессиональная гордость и ответственность преподавателя никогда, ни при каких условиях не должна позволять упрощение курса философии.

Итак, важнейшими мировоззренческими основаниями построения данного учебника философии являются принципы историко-сравнительного анализа, плюрализма, актуализма и теоретичности.

**Годы жизни выдающихся философов
(в хронологическом порядке)**

<i>До нашей эры</i>	1724–1804 Кант И.
624–546 Фалес из Милета	1762–1814 Фихте И.
540–470 Парменид из Элеи	1770–1831 Гегель Г.
535–470 Гераклит из Эфеса	1775–1854 Шеллинг Ф.
510–430 Зенон из Элеи	1788–1860 Шопенгауэр А.
469–399 Сократ	1804–1872 Фейербах Л.
460–371 Демокрит	1818–1883 Маркс К.
427–347 Платон	1839–1914 Пёрс Ч.
384–322 Аристотель	1842–1910 Джемс У.
341–270 Эпикур	1844–1900 Ницше Ф.
<i>Наша эра</i>	1853–1900 Соловьев В.С.
204–270 Плотин	1856–1939 Фрейд З.
354–430 Августин	1859–1938 Гуссерль Э.
480–524 Боэций	1859–1941 Бергсон А.
1033–1109 Ансельм	1870–1965 Лосский Н.О.
1079–1142 Абелиар П.	1872–1970 Рассел Б.
1214–1292 Бэкон Р.	1874–1948 Бердяев Н.А.
1221–1274 Фома Аквинский	1882–1937 Флоренский П.А.
1280–1349 Оккам У.	1889–1951 Витгенштейн Л.
1401–1464 Кузанский Н.	1889–1976 Хайдеггер М.
1561–1626 Бэкон Ф.	1891–1970 Карнап Р.
1588–1679 Гоббс Т.	1893–1988 Лосев А.Ф.
1596–1650 Декарт Р.	1900 Гадамер Г.
1632–1677 Спиноза Б.	1902–1994 Поппер К.
1632–1704 Локк Дж.	1905–1980 Сартр Ж.-П.
1646–1716 Лейбниц Г.	1908 Куайн У.
1711–1776 Юм Д.	1935 Ленк Г.
1723–1789 Гольбах П.	

Примечание. Разумеется, приведенный перечень содержит элемент произвола, ибо выдающихся философов намного больше, чем здесь указано. Перечисляя всего пять десятков имен, мы преследовали вполне определенную методическую цель: составить для читателя легкую обозримую хронологию.

ЛИТЕРАТУРА**К введению*

- Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. Ч. 1. С. 10–73.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М.: Мысль, 1986.
Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.
Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 10–129.
Сагатовский В.Н. Вселенная философа. М.: Мол. гвардия, 1972.

К главе 1.1

- Аристотель. Метафизика//Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
Асмус В.Ф. Античная философия. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1999.
Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: Мысль, 1989.
Лосев А.Ф. Эллинистическая римская эстетика I–II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979.
Платон. Государство//Соч. В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1.
Плотин. О бессмертии души//Вопросы философии. 1994. № 3. С. 155–172.
Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 2 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т. 1.
История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995.
Адо П. Что такое античная философия? М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999.

К главе 1.2

- Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. Ч. 1. С. 115–134.
Гвардини Р. Конец Нового времени// Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–135.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: 1992. С. 302–337.
Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979.
Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 14–15, 193–196, 483–485, 612–615; Ч. 2. С. 375–377.
Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 2 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т. 2.
Соколов В.В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979.
История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995.

* Список литературы составлен с расчетом как на студентов, проходящих курс бакалавриата или магистрата, так и на аспирантов, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по философии. Более половины литературы вполне по силам “одолеть” нормально успевающему студенту. В сложных случаях рекомендуется обращаться за разъяснениями к преподавателям философии.

Коплстон Ф.Ч. История средневековой философии. М.: Энигма, 1997.

К главе 1.3

Блинников Л.В. Великие философы. Словарь-справочник. М.: Логос, 1999. С. 58–62.

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Политиздат, 1978.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 196–198; Ч. 2. С. 9–15, 419–422.

История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1996.

К главе 1.4

Бэкон Ф. Новый органон//Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2.

Декарт Р. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

Лейбниц Г.В. Монадология//Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 17–34, 249–254, 309–310, 320–329, 367–371.

Спиноза Б. Этика//Избранные произведения. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII веков. М.: Высшая школа, 1996.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1996.

История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1996.

К главе 1.5

Блинников Л.В. Великие философы. Словарь-справочник. М.: Логос, 1999. С. 86–88, 159–169, 298–300.

Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1983.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века. М.: Высшая школа, 1989.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 15, 19–24, 175–179, 182–186, 422–448.

Нарский И.С. Западноевропейская философия XVIII века. М.: Высшая школа, 1973.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1996. Т. 3. Новое время.

История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1996.

К главе 1.6

Вопросы философии. 1995. № 1. С.118–158 (подборка статей о современном состоянии диалектики).

- Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
- Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVII — начала XIX века. М.: Высшая школа, 1989.
- Маркс К. Предисловие. К критике политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1–4.

К главе 1.7

- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология//Вопросы философии. 1992. № 7. С.136–176.
- Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. Т.2.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм//Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
- Хайдеггер М. Что это такое — философия?//Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Западная философия XX века. М.: Интерпракс, 1994.
- Пассмор Д. Сто лет философии. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
- Философы XX века. М.: Искусство, 1999.

К главе 1.8

- Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Витгенштейн Л. О достоверности//Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
- Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Современная философия науки: знание, реальность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия/Сост. А.А.Печенкин. М.: Логос, 1996.
- Западная философия XX века. М.: Интерпракс, 1994.
- Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 4. От романтизма до наших дней.

К главе 1.9

- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

К главам 1.10 и 1.11

- Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
- Взгляд на русскую философию//Вопросы философии. 1994. № 1. С. 54–72.
- Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М.: Наука, 1995.
- Лосев А.Ф. Имя. СПб.: Алетейя, 1997.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.
- Соловьев В.С. Вера, разум и опыт//Вопросы философии. 1994. № 1. С. 111–128.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996.
- Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1, 2.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1, ч. 1; Т. 2, ч. 2.

К главе 1.12

- Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М.: Художественная литература, 1987. С. 455–522.
- Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994.
- Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 1998.

К главе 2.1

- Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М.: Наука, 1994.
- Мякишев Г.Я. Динамические и статистические закономерности в физике. М.: Наука, 1973.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985.

К главе 2.2

- Аксиология//Современная западная философия: Словарь. М.: ТОН-Остожье, 1998. С. 12–14.
- Диалектика познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977.
- Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч.1. С. 412–658; 1991. Ч. 2. С. 8–142.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.
- Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
- Симонов П.В. Мозг и творчество//Вопросы философии. 1992. № 11. С. 3–24.
- Теория познания. М.: Мысль, 1991. Т.1, 2.
- Это человек. Антология. М.: Высшая школа, 1995.

К главе 2.3

- Гуревич П.С. Философия культуры. М.: АО Аспект-Пресс, 1994.
Банфи Н.А. Философия искусства. М.: Искусство, 1989.
Буткевич О. Красота. Природа. Сущность. Формы. Л.: Художник РСФСР, 1983.
Гулыга А.В. Принципы эстетики. М.: Политиздат, 1987.
Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995.
Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998.
Ленк Г. Проблема ответственности в этике экономики и технологии // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 30–42.
Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч. 2. С. 285–405.
Философия, культура и образование (материалы “круглого”стола) // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 3–54.
Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
Этика: словарь афоризмов и изречений. М.: Аспект-Пресс, 1994.

К главе 2.4

- Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч.2. С.407–496.
Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994.
Россия и Запад: взаимодействие культур (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1992. № 6. С.3–49.
Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.156–175.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997.
Философия истории в России. Хрестоматия. М.: Логос, 1996.
Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1998.

К главе 2.5

- Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1992. № 10. С.3–28.
Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М.: Наука, 1994.
Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.
Панченко А.И. Философия, физика, микромир. М.: Наука, 1988.
Философия природы: коэволюционная стратегия. М, 1995.
Хёсле В. Философия и экология. М.: Изд. фирма “Ками”, 1994.
Ведение в биоэтику. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

К главе 2.6

- Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
Современная философия науки: знание, реальность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия/Сост. А.А.Печенкин. М.: Логос, 1996.
Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991.

- Философия и методология науки.** М.: SVR-Аргус, 1994. Ч. 1, 2.
- Яковлев В.А.** Диалектика творческого процесса в науке. М.: Наука, 1989.
- Наука и культура (материалы “круглого” стола) // Вопросы философии.** 1998. № 3. С. 3–54.

К главе 2.7

- Канке В.А.** Этика. Техника. Символ. Обнинск: Обнинский ин-т атомной энергетики, 1996.
- Ленк Х.** Размышления о современной технике. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Новая технократическая волна на Западе.** М.: Прогресс, 1986.
- Ракитов А.И.** Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.
- Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.** Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.
- Философия техники // Вопросы философии.** 1993. № 10. С.24–151 (подборка статей).
- Философия техники в ФРГ.** М.: Прогресс, 1989.

К главе 2.8

- Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.** М.: Прогресс, 1990.
- Мир философии.** М.: Прогресс, 1991. Ч. 2. С. 497–585.
- Моисеев Н.Н.** Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 3–10.
- Сорокин П.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

К заключению

- Налимов В.В.** Размышления о путях развития философии // Вопросы философии. 1993. № 9. С.85–93.
- Торосян В.Г.** Ценность философии // Там же. С. 94–96.
- Хоружий С.С.** После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.

Словарь - указатель

Словарь призван помочь читателю ориентироваться в материале учебника. В нем содержатся основные лексические сведения, необходимые студенту вуза, дается происхождение слов, что часто позволяет лучше понять их смысл, приводятся разъяснения, которые по тем или иным причинам было нецелесообразно включать в основной текст, но которые имеют важное значение для понимания истории философских проблем, взятых в их единстве (ср. материализм, идеализм и др.). В словаре используются следующие сокращения: *гр.* — греческое, *лат.* — латинское, *фр.* — французское.

Абстрагирование (*лат.* abstractio) — выделение, обычно мысленное, некоторых признаков предмета. Абстрагирование — это, как правило, лишь первый шаг к образованию понятий. Абстракция — это более бедный концептуальным содержанием термин, чем понятие. Распространенная лексическая ошибка состоит в том, что понятия называют абстракциями 114, 118, 128

Агностицизм (*гр.* agnostos непознаваемый) — учение о реальности недоступных познанию вещей. Агностицизму противопоставит учение так называемого гносеологического оптимизма, согласно которому все вещи познаваемы. Обе концепции страдают одним и тем же недостатком: в них речь идет о непознанном как существующем. Но без знания о вещи неправомерно постулирование ее существования. Философски оправданными являются рассуждения о надежде на рост знания. Термин *агностицизм* часто используется при характеристике философии *Д.Юма* и *И.Канта*. В нашем учебнике он не используется.

Аксиология (*гр.* axios ценный + logos учение) — учение о ценностях, развитое в конце XIX — начале XX в. 212–214, 243–245

Аксиома (*гр.* axioma отправное, исходное положение теории) 284

Активность (*лат.* aktivus деятельный, энергичный) — признак вещей 46–47

Аналогия (*гр.* analogia сходство вещей в каком-либо отношении) 202

Аналитическая философия 133–146

Антиномия (*гр.* anti + nomos закон) — противоречие между двумя положениями, каждое из которых соответствует теории (ср. также апория) 107

Антропология (*гр.* anthropos человек + logos учение) — учение о человеке 18, 189–195

Антропоцентризм (*гр.* anthropos человек + kentron центр) — принцип философии, согласно которому человек есть центральное звено мироздания 82, 83, 88, 117

Апория (*гр.* arogia нет выхода) — непреодолимое противоречие при разрешении проблемы 30, 31, 330

Априори (*лат.* a priori из предшествующего) — знание, предшествующее опыту. По отношению к априори противоположностью является *апостериори* (на основании опыта) 106, 107, 332

Атараксия (*гр.* ataraxia) — невозмутимость мудреца, душевный покой. В отличие от атараксии апатия (*гр.* apatheia) есть состояние бесчувственности, равнодушия, доходящее порой до болезненного состояния 55

Аттрактор 179, 256, 308

Благо — то, что заключает в себе определенный положительный смысл. В наши дни понятие блага вытеснено понятием ценности. См. *этика*

Большой взрыв — событие, предположительно случившееся около 18 млрд лет тому назад и обусловившее становление нашей Вселенной. О событиях, случившихся до взрыва, науке ничего не известно 27, 268, 309

Бытие 175–184, 243–245

Бытие-в-мире — термин философии экзистенциализма и фундаментальной онтологии *М.Хайдеггера*, призванный выразить неинтеллектуальные особенности человека, которые несводимы к переживаниям человека, на которых, как считается, лежит печать излишнего психологизма. Термин “бытие-в-мире” выражает также неразрывность связи человека и мира 126

Бытие семиотическое 126

Бытие символическое (знаковое) — все то, что интерпретируется на основе семиотики, теории о знаках. Если А несет информацию о Б, то А есть символическое бытие Б. Так, техника несет информацию о человеке, она есть поэтому символическое бытие человека. Учение о знаках развенчало всю таинственность так называемого инобытия. См. также *знак 68–70, 193, 306*

Вакуум (лат. *vacuum* пустота) — определенная физическая среда, физическое поле, изучаемая физикой. Понятие пустоты считается устаревшим в том смысле, что ее нет в природе (см. также *ничто*) 32, 33

Верификация (лат. *verus* истинный + *facere* делать) — установление достоверности высказываний опытным путем 137, 140

Возвышенное — 1) категория эстетики, выражающая необычайный подъем эстетического переживания; 2) категория современного постмодернизма, стремящегося к преодолению интеллектуального понимания человека. Возвышенному придается не просто эстетический, а общефилософский смысл 151, 232, 239

Воля — способность человека к дополнительным усилиям, необходимым для достижения цели. Волюнтаризм объявляет волю высшим принципом бытия 123, 125, 215, 331

Время 12, 47, 55, 67, 68, 124, 180–184

Всеединство 159

Вчувствование — один из путей познания человека 210, 211

Гедонизм (гр. *hedone* наслаждение) — учение, согласно которому высшим благом признается наслаждение 49, 53, 330

Герменевтика (гр. *hermeneutike* истолковать) 69, 129–132, 333

Герменевтический круг 131

Гилозоизм (гр. *hyle* вещество + *zoe* жизнь) — учение о всеобщей одушевленности универсума 266

Гипотеза (гр. *hypothesis* предположение) — научное предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления. В отличие от аксиомы гипотеза должна для своего признания получить опытную проверку 95, 96, 101, 108

Гносеология (гр. *gnosis* знание + *logos* учение) — философская теория познания. В западной философии вместо термина *гносеология* используется *эпистемология* (гр. *episteme* знание) 195–200

Гуманизм (лат. *humanus* человеческий) — система воззрений, придающая человеку значение приоритетной ценности 17, 86, 89

Дедукция (лат. *deductio* выведение) — выведение новых мыслей чисто логическим путем 49, 91, 331

Деконструктивизм 149, 150

Демиург (гр. *demiurgos*) — создатель мира. В отличие от демиурга средневековый Бог первичен во всех отношениях 40

Детерминизм 186, 255

Диалектика (*гр.* *dialektike*) — 1) искусство ведения философского спора; 2) учение Гегеля о тождестве противоположностей и о противоречиях 34, 113–117, 166, 184, 333

Диалог (*гр.* *dialogos*) — обмен мыслями 184

Дискурс (*лат.* *diskursus*) 148, 149, 184

Добро — нравственно положительное 18–19, 24, 324

Доказательство — обоснование истинности высказывания (мысли) 197

Достоверность знания — его максимально возможное обоснование 92, 284–289

Дуализм (*лат.* *dualis*) — признание двух несводимых друг к другу начал. Противоположность дуализма — *монизм* 94, 177

Единичное — отдельное, индивидуальное 70, 71, 279

Единое — начало и единственный исток всякого множества 58, 59, 159

Единство истины, красоты и добра 43, 59, 159, 322

Жизненный мир (*у Гуссерля*) 129

Жизнь (в философии жизни) — интуитивно постигаемая реальность, нетождественная ни материи, ни интеллекту 122–129, 243–245

Закон 95–98, 185

Знак — вещь или ее признак, указывающие на другую (другие) вещи, свойства и отношения 147, 219

Идеал (*гр.* *idea* идея) — совершенство или высшая цель стремлений 44, 216, 217

Идеализм (*гр.* *idea* идея) — философское учение, считающее основным вопросом философии проблему идей. Идеализм субъективный (*Беркли, Фихте*) занят идеями (мыслями, понятиями, интуициями, чувствами) человека. Идеализм объективный (*Платон, Гегель*) рассматривает идеи как нечто объективное, не зависящее от людей. Проблематика идей крайне важна для философии, поэтому неудивительно, что идеалисты наработали значительный массив положительного знания. Не следует думать, что великие философы-идеалисты придерживались каких-то абсурдных идей, вроде того, что чувства отдельного человека творят весь мир (см. также *материализм*) 35–45, 113–116

Идеализация (*гр.* *idea*) — форма научного обобщения. Следует отличать от идеализации (от слова “идеал”) — формы приукрашивания рассматриваемых явлений в соответствии с идеалами субъекта 95, 280, 281

Идеальное (*гр.* *idea*) — совокупность идей. Иногда под идеальным понимают весь внутренний мир человека: и чувства, и установки, и ценности 118, 177, 178

Идея (*гр.* *idea*) — то же, что *зйдос*, форма, сущность, философский термин, который систематически использовал *Платон*. Слово “идея” буквально означает “увидеть”. Что увидеть? Смысл вещей. Следует признать, что с позиций современного знания понятие идеи не имеет ясного содержания. В науке на смену ему пришел термин *концепт* 9, 38–45, 47, 113–116, 118

Измерение 277–279

Императив категорический (*лат.* *imperativus* повелительный и *гр.* *kategorikos*) — безусловный принцип поведения 109

Императив экологический 311

Индетерминизм 186

Индукция (*лат.* *inductio* выведение) — форма мышления, целью которой является выделение общего правила 91

Инобытие — см. также *знак, бытие символическое* 115

Интенция (*лат.* *intentio* стремление) — направленность сознания на какой-либо предмет 70, 128

Интерпретация (*лат.* *interpretatio* посредничество) — установление соответствия между логическим (понятие, умозаключение), словесным и фактуальным

материалом. Устаревшее воззрение состоит в абсолютном разведении понятий, слов и фактов, между тем они образуют единство, реализация которого и выступает как интерпретация 211, 254

Интуиция (лат. *intueri* пристально смотреть) 93, 124, 129, 200, 211

Иррациональное (лат. *irrationalis* неразумный) — не выразимое логическими свойствами 123, 210

Истина 205–209, 287–290, 326, 330, 331

Картина мира 292–294

Качество 28, 114, 116

Количество 28, 114, 116, 277–279

Концептуализм (лат. *conceptus* мысль) — учение об общих понятиях, называемых концептами 70, 71

Космос (гр. *kosmos*) — в греческой философии мир как структурно организованное целое 40, 163, 164

Космизм 163, 164

Космоцентризм 60

Красота — главная (положительная) эстетическая ценность (см. *прекрасное*) 230–232, 323

Креационизм (лат. *creatio* созидание) 66, 67

Критический рационализм 139–141

Культура (лат. *cultura*) — совокупность положительных ценностей 10–11, 62, 228–230

Либи́до (лат. *libido*) — половое влечение, понятие психоанализа З.Фрейда 203

Логос (гр. *logos* понятие, мысль, разум) — понятие древнегреческой философии, не обладающее ясным содержанием, имеется в виду разумное начало (мысль, закон, слово) 22, 107

Ложь 212, 303

Марксизм 118–122, 160–169

Материализм (лат. *materialis* вещественный) — философское направление, в котором основным вопросом философии считается вопрос о материи. Все реали рассматриваются как непосредственно производные от материи. Это положение кажется вполне приемлемым, особенно с учетом факта происхождения человека. Тем не менее материализм встречается с трудностями, ему не удается толково выразить относительную самостоятельность сознания, творческие способности человека. Существует немало разновидностей материализма (вместо термина *материализм* современные философы часто используют термин *реализм*). Наряду с диалектическим различают научный, критический, теоретический, прагматический, функциональный материализм. Ни один из них, равно как и любое другое философское течение, не отражает абсолютную истину. На наш взгляд, деление философов на два лагеря — материалистов и идеалистов — давно устарело, ибо оно упрощает сложную мозаику современной философии 104–105, 112–122, 160–169

Мера 114

Метафизика (гр. *meta ta physika* после физики) 135

Метаязык 206, 225, 227

Метод (гр. *methodos*) — способ познания 14, 284–287

Метод аксиоматический 284

Метод гипотетико-дедуктивный 96, 97, 139, 285

Метод конструктивистский 285

Метод прагматический 285, 286

Методология — учение о методах 284–287

Мировая душа — движущее начало Космоса, иерархически находящееся между бестелесным миром и создаваемыми ею чувствами 58, 59

- Мировоззрение 14**
Мистическое (*гр. mystika* таинственные образы, таинства) — таинственное, загадочное, неясное, необъяснимое, интуитивное 171
Миф (*гр. mythos* сказание, предание) — рассказ, в котором доминируют фантастико-поэтические моменты 26, 41
Модель (*лат. modulus* мера, образец) 202, 277
Монизм (*гр. monos* один) — философские учения, признающие основой всего существующего одно начало (материю, дух, вещество, Бог). Противоположность *дуализму* и *плюрализму* 65, 177
Молчание — философская реакция *скептика* на всемерную изменчивость явлений и *неопозитивиста* на то, что не может быть выражено ясно 55, 134
Мысль — понятие, суждение, умозаключение 196, 198
Надсознательное 201, 205
Наука, метанаука 12–14, 24, 56, 62, 90–98, 106, 118, 253, 254, 273–295
Неоплатонизм 57–59, 315
Неопозитивизм 135–138
Неопределенность 223, 308
Ничто — в терминологическом отношении противоположность *нечто*. Термин необходим в философии, но он по определению не обозначает нечто реальное 67, 114, 126, 161
Номинализм (*лат. nomen* имя) 70–71
Ноосфера (*гр. noos* разум) — сфера господства разума 267, 310
Нравственность (см. *этика*)
Образование 247–249, 329
Общее 33, 70, 280
Общество 41–43, 49, 50, 76, 119, 120, 250–265, 322
Объяснение — интерпретация чего-либо посредством мыслей 209–211
Онтология (*гр. on* сущее + *logos* учение) — учение о бытии 18, 127, 175–188
Ответственность 9, 10, 240–242
Откровение 72
Относительность 12, 29, 95, 181, 182
Отрицание 114, 188
Очевидность 93
Оценка 213
Пантеизм (*гр. pan* все + *theos* Бог) — учение, отождествляющее Бога и природе 53, 60
Парадигма (*гр. paradeigma* пример, образец) 142
Парадокс (*гр. paradoxos* неожиданный, странный) 30
Позитивизм (*лат. positivus* положительный) логический 135–138, 334
Познание 194–214, 324, 325
Понимание 130, 131, 211
Понятие — результат обобщения, выделения общих признаков изучаемых явлений, позволяющий отличать эти явления от других 17, 196, 198
Постмодернизм (*лат. post* после + *фр. moderne* современный) 150, 151
Постпозитивизм (*лат. post* после + *positivus* положительный) 139–142
Прагматизм (*гр. pragma* дело, действие) 207, 239, 334
Практика (*гр. praktikos* деятельный, активный) 18–21, 36, 119, 233–237
Предел 37, 45
Прекрасное — явления, обладающие для человека высшей эстетической ценностью и степенью красоты 230–232
Принцип (*лат. principium* основа, начало) — основное положение теории 185, 282
Природа 265–272, 329

- Причина** 45, 186
- Провиденциализм** (*лат.* providentia провидение) 67
- Прогресс** (*лат.* progressus движение вперед, успех) 261
- Пространство** 12, 47, 180–182, 331
- Противоречие** — в логике противоречием являются два высказывания, из которых одно является отрицанием другого. Что касается жизненных конфликтивных ситуаций, то они должны описываться логически непротиворечивым образом 29–31, 48, 116
- Пустота** (см. также *вакуум, ничто*) 32, 33, 180, 330
- Развитие** 186, 189
- Разум и рассудок** — два уровня мыслительной деятельности 93, 107, 197
- Рационализм** (*лат.* rationalis разумный) 139, 194
- Рациональность** (*лат.* ratio разум) — доступное разумному пониманию действие в соответствии со стандартами и правилами 139, 194
- Реализм** (*лат.* realis вещественный, действительный) — как правило, то же, что *материализм*. Однако средневековый реализм под это правило не подходит, ибо он является разновидностью идеализма 70–71
- Революция** (*фр.* revolution) — коренной переворот 120, 142, 157–158
- Редукция феноменологическая** (*лат.* reductio отодвигание назад, возвращение к исходному состоянию) 128
- Религия** (*лат.* religio благочестие, набожность) 61–83, 117, 292–294
- Релятивизм** (*лат.* relativus относительный) 36, 181, 182
- Семиотика** — наука о знаках 334
- Силлогизм** (*гр.* syllogismos) — вид умозаключения 49
- Символизм** (*гр.* symbolon) 68–70, 162, 193
- Синергетика** (*гр.* synergeia сотрудничество) 307–309
- Система** (*гр.* systema целое, составленное из частей) 116
- Скептицизм** 55, 56, 92, 331
- Случайность** 186, 368
- Соборность** 153, 163
- Сознание** 202, 203
- Софизм** (*гр.* sophistes) 35–37
- Стоицизм** (*гр.* stoikos) 51–53, 331
- Структура** (*лат.* structura) 147, 148, 256
- Структурализм французский** 147, 148
- Субстанция** (*лат.* substantia сущность) 27, 28, 45, 94, 330
- Суждение** — мысль, выражаемая повествовательным предложением и являющаяся истинной или ложной 197
- Сущность** — то же, что *эйдос* и *форма* 46, 114
- Творчество** 83, 161, 200
- Теология** (*гр.* theos Бог + logos учение) 63, 64
- Теодицея** (*гр.* theos Бог + dike право, справедливость) — богооправдание 76,
- 77
- Теория** (*гр.* theoria созерцание, исследование) 279–287
- Теоцентризм** (*гр.* theos Бог) 64, 65
- Техника** (*гр.* techne искусство, мастерство) 295–306, 328
- Трансцендентальное** 107, 109
- Трансцендентное** (*лат.* transcendo выхожу за пределы) 106
- Умозаключение** 197
- Универсалии** (*лат.* universalis общий, всеобщий) 71
- Утилитаризм** (*лат.* utilitas польза, выгода) 239
- Фальсификация** 140
- Феномен** (*гр.* phainomenon являющееся) 127

- Феноменология** 127–129, 334
Фоллибилизм (*англ.* fallibility подверженность ошибкам) 139
Форма (*лат.* forma) — сущность вещи, ее структура 46–48
Функция (*лат.* functio исполнение) 133
Хаос (*гр.* chaos полный беспорядок) 308
Цель 235, 285
Ценность 17, 213, 238, 254, 334
Цивилизация (*лат.* civilis гражданский, государственный) 228–230
Человек 11, 16, 24, 189–195, 321
Эвристика (*гр.* heurisko нахожу) 22, 201
Эйдос (*гр.* eidos вид, лик, образ) — то же, что *идея*, но более образное 35, 45–47, 129, 200
Экзистенциализм (*лат.* existentia существование) 125–127, 335
Экогуманизм (*гр.* oikos дом + *лат.* humanus человек) 271, 272, 311
Экология (*гр.* oikos дом + *логос* учение) 270–272
Эксперимент (*лат.* experimentum проба, опыт) 274–279
Эмпиризм (*гр.* empeiria опыт) 100, 332
Эпистемология (*гр.* episteme знание + *логос* учение) — то же, что *теория познания* 18, 139
Эпикуреизм 53–55
Эстетика (*гр.* aesthetikos чувственное) 15–18, 44, 45, 84, 230–233
Этика (*гр.* ethos обычай) 19–21, 44, 49, 50, 74, 237–243, 290, 291, 301–304, 335
Язык 142–145, 218–228, 327

Именной указатель

- А**
Абеляр П. (1079–1142) *70, 80, 316, 331*
Августин А. (354–430) *64, 65, 67, 76, 79, 251, 260, 316, 331*
Авенариус Р. (1843–1896) *334*
Аврелий М. (121–180) *51, 57*
Адорно Т. (1903–1969) *335*
Айер А. (1910–1989) *138*
Аксаков К.С. (1817–1860) *153*
Аксельрод Л.И. (1868–1946) *166*
Александр Македонский (356–323 до н.э.) *50, 51, 56*
Альберги Л.Б. (1404–1472) *84*
Анаксагор (ок. 500–428 до н.э.) *320, 330*
Анаксимандр Милетский (610–547 до н.э.) *26, 27, 330*
Анаксимен Милетский (588–525 до н.э.) *26, 27, 330*
Ансельм Кентерберийский (1033–1109) *72, 76, 80, 316, 331*
Антиофен (кон. III–нач. II в. до н.э.) *51, 330*
Антифонт (V в. до н.э.) *36*
Аполлоний Пергский (260–170 до н.э.) *56*
Аппель К.-О. (1922) *251, 335*
Аристотель (384–322 до н.э.) *3, 18, 45–50, 52, 57, 60–63, 70, 76, 80, 112, 176, 190, 205, 222, 238, 247, 266, 273, 295, 315, 320, 321, 324–327, 330, 346*
Архимед (ок. 287–212 до н.э.) *56, 273*
- Б**
Бадараяна (V в. до н.э.) *320, 328*
Бакунин М.А. (1814–1876) *155, 156, 158, 318, 337*
Барт К. (1886–1968) *215*
Баумгартен А.Г. (1714–1762) *231*
Бахтин М.М. (1895–1975) *229*
Бейль П. (1647–1706) *98*
Белинский В.Г. (1811–1848) *155*
Бентам И. (1748–1832) *239*
Бергсон А. (1859–1941) *123, 124, 200, 229, 334, 347*
Бердяев Н.А. (1874–1948) *23, 152, 161–163, 252, 260, 318, 337, 349*
Беркли Дж. (1685–1753) *332*
Бетховен Л. (1770–1827) *229*
- Б**ёме Я. (1575–1624) *153*
Бовуар С. (1908–1986) *335*
Богданов А.А. (1873–1926) *158, 319, 337*
Бодгидхарма (IV в.) *321*
Бор Н. (1885–1962) *276*
Бозций С. (ок. 480–524) *70, 80, 316*
Брентано Ф. (1838–1917) *213*
Бриджмен П.У. (1882–1961) *334*
Брихаспати (не изв.) *320, 338*
Бродский И. (1940–1996) *73*
Бруно Дж. (1548–1600) *19, 82, 266, 331*
Брэдли Ф.Г. (1846–1921) *134*
Бубер М. (1878–1965) *293*
Булгаков С.Н. (1871–1944) *337*
Бэкон Ф. (1561–1626) *3, 89–93, 98, 102, 107, 194, 234, 237, 331, 347*
- В**
Валла Л. (1405–1457) *87*
Вебер М. (1864–1920) *322, 333*
Вернадский В.И. (1863–1945) *164, 267, 310, 329*
Вико Дж. (1668–1744) *260*
Виндельбанд В. (1848–1915) *334*
Винер Н. (1894–1964) *277*
Витгенштейн Л. (1889–1951) *4, 134, 135, 137, 142–146, 221, 222, 317, 321, 336, 348*
Вольтер (1694–1778) *4, 103–105, 347*
Вригт Г.Х фон (р. 1916) *222*
- Г**
Гадамер Г. (р. 1900) *130, 176, 251, 317, 335, 348*
Гайденко П.П. (р. 1934) *168*
Гален (ок. 130–ок. 200) *62*
Галилей Г. (1564–1642) *4, 95–97, 347*
Гассенди П. (1592–1655) *98*
Гаутама (Будда) (563–483 до н.э.) *320, 338*
Гегель Г.В.Ф. (1770–1831) *4, 12, 15, 38, 92, 112–117, 118, 119, 123, 153, 155, 178, 184, 206, 234, 137, 148, 261, 294, 315, 316, 325, 333, 345, 347*
Гедель К. (1906–1978) *135, 284*
Гейзенберг В. (1901–1976) *47*
Гемпель К.Г. (1905–1997) *135, 206*
Гераклит Эфесский (535–470 до н.э.) *29–32, 55, 260, 315, 330*
Гербарт И.Ф. (1776–1841) *248*

- Гердер И.Г. (1744–1803) **261**
 Герцен А.И. (1812–1870) **152, 155, 157, 318, 337, 349**
 Гессе Г. (1877–1962) **212, 314**
 Гиппократ (ок. 460–ок. 377 до н.э.) **302**
 Глинка М.И. (1804–1857) **152**
 Гоббс Т. (1588–1679) **23, 98, 194, 234, 251, 332, 347**
 Гольбах П. (1723–1789) **4, 102, 104–105, 347**
 Горький М. (1868–1936) **165**
 Готама (I в. н.э.) **320, 338**
 Готт В.С. (1912–1991) **168**
 Грамши А. (1891–1937) **234**
 Григорьев А.А. (1822–1864) **154**
 Гумбольдт В. (1767–1835) **220, 248**
 Гумилев Л.Н. (1912–1992) **157, 318**
 Гус Я. (1371–1415) **89**
 Гусейнов А.А. (р. 1939) **169**
 Гуссерль Э. (1859–1938) **4, 12, 15, 23, 127–129, 176, 190, 195, 234, 237, 251, 317, 321, 328, 334, 348**
- Д**амаскин (VI в.) **76**
 Данте А. (1265–1321) **70, 86**
 Данилевский Н.Я. (1822–1885) **154, 349**
 Деборин А.М. (1881–1963) **166, 319**
 Декарт Р. (1596–1650) **3, 12, 91–95, 98, 102, 108, 190, 194, 200, 215, 222, 316, 325, 331, 347**
 Демокрит (460–371 до н.э.) **3, 32, 54, 219, 215, 330**
 Деррида Ж. (р. 1930) **4, 15, 148–151, 317, 321, 335, 348**
 Джаймини (ок. 200 до н.э.) **320, 338**
 Джемс У. (1842–1910) **207, 239, 334**
 Дидро Д. (1713–1784) **102, 104**
 Дильтей В. (1833–1911) **130, 210, 211, 334, 348**
 Диоген Синопский (ум. ок. 325 до н.э.) **51, 330**
 Диофант Александрийский (III в.) **56**
 Достоевский Ф.М. (1821–1881) **152, 154, 349**
 Дьюи Дж. (1859–1952) **207, 239, 334**
 Дюрер А. (1471–1528) **84, 85**
- Е**вклид (III в. до н.э.) **56, 61, 62, 273**
 Евдокс Книдский (ок. 408–ок. 355 до н.э.) **56**
 Эмменгоф Л. (1859–1917) **225**
- Зенон Китионский (332–262 до н.э.) **51, 331**
 Зенон Элейский (ок. 510–ок. 430 до н.э.) **29–32, 184, 330, 346**
 Зеньковский В.В. (1881–1962) **163**
 Зиммель Г. (1858–1918) **210**
 Зиновьев А.А. (р. 1922) **167, 168**
 Зюсс Э. (1831–1914) **310**
- И**бн Рушд (1126–1198) **62, 72, 331**
 Ильенков Э.В. (1924–1979) **167, 168, 319, 337**
 Ильин И.А. (1882–1954) **161**
- Й**онас Г. (1903–1993) **240**
- К**альвин Т. (1509–1564) **89**
 Кампанелла Т. (1568–1639) **87**
 Камю А. (1913–1960) **15, 126, 335, 348**
 Канада (I в. до н.э.) **320, 338**
 Кант И. (1724–1804) **4, 11, 18, 72, 76, 102, 105–113, 119, 123, 153, 165, 176, 190, 194, 212, 213, 215, 216, 231, 234, 236–238, 316, 321, 324, 325, 332, 333, 347**
 Капила (VII в. до н.э.) **320, 338**
 Карнап Р. (1891–1970) **135–136, 222, 317, 336**
 Карнеад (ок. 214–129 до н.э.) **55**
 Карсавин Л.П. (1882–1952) **156, 161**
 Кассирер Э. (1874–1945) **220, 229, 330**
 Киреевский И.В. (1806–1856) **153, 318, 336, 349**
 Клеанф (ок. 330–232 до н.э.) **51, 52**
 Клеопатра (69–30 до н.э.) **57**
 Ковда В.А. (р. 1904) **310**
 Коген Г. (1842–1918) **334**
 Кожевников В.А. (1852–1917) **163**
 Козлова М.С. (р. 1933) **168**
 Конт О. (1798–1857) **135, 251, 334**
 Конфуций (551–479 до н.э.) **172, 321, 338**
 Крижанич Ю.К. (ок. 1618–1683) **318**
 Кропоткин П.А. (1842–1921) **158**
 Куайн У. (1908–1997) **12, 15, 136, 336**
 Кузанский Н. (1401–1464) **82, 87, 88, 331, 346**
 Кузен В. (1792–1867) **23**
 Кун Т. (1922–1996) **4, 142, 145, 284, 336, 348**
 Кьеркегор С. (1813–1855) **15, 232**
 Кюнг О. (р. 1929) **293**

- Лавров П.Л.** (1823–1900) *22, 158, 318, 337*
- Лакан Ж.** (1901–1981) *148*
- Лакатос (Лакатош) И.** (1922–1974) *4, 140, 141, 145, 288, 336, 348*
- Лапшин И.И.** (1870–1950) *161*
- Лао-цзы** (IV–III вв. до н.э.) *172, 321, 338*
- Леви-Строс К.** (р. 1908) *148, 317, 335*
- Левкипп** (V в. до н.э.) *3, 32, 315, 330*
- Лейбниц Г.** (1646–1716) *4, 12, 99–101, 194, 200, 206, 220, 222, 320, 332, 347*
- Лекторский В.А.** (р. 1932) *168*
- Ленин В.И.** (1870–1924) *120, 121, 158, 165, 167, 187, 318, 319, 337*
- Леонардо да Винчи** (1452–1519) *82, 84, 85, 88, 316, 331, 346*
- Лермонтов М.Ю.** (1814–1841) *152*
- Ле-Руа Е.** (р. 1911) *267, 310*
- Лиотар Ж.** (1924–1998) *4, 15, 150–151, 239, 252, 317, 321, 335, 348*
- Лихтенберг Г.К.** (1742–1799) *197*
- Лобачевский Н.И.** (1792–1856) *12, 202*
- Локк Дж.** (1632–1704) *4, 98, 100–102, 194, 234, 237, 251, 316, 321–323, 325, 332, 333, 347*
- Ломоносов М.В.** (1711–1765) *318, 336*
- Лосев А.Ф.** (1893–1988) *152, 161–163, 260, 318, 327, 337, 349*
- Лосский Н.О.** (1870–1965) *161, 163, 200, 318, 337*
- Лукреций Кар** (ок. 99–55 до н.э.) *53, 57*
- Лысенко Т.Д.** (1898–1976) *167*
- Лютер М.** (1483–1546) *89, 97, 215*
- Магомет (пророк)** (570–632) *245*
- Макиавелли Н.** (1469–1527) *87, 331*
- Максим Грек** (1475–1556) *318*
- Мамардашвили М.К.** (1930–1990) *167, 168, 319*
- Мандельштам О.Э.** (1891–1938) *222, 223*
- Маркс К.** (1818–1883) *4, 18, 112, 118–121, 123, 165–167, 176, 178, 187, 190, 235, 236, 237, 252, 261, 315, 316, 321, 322, 324, 325, 328, 333, 347*
- Марсель Г.О.** (1889–1973) *126*
- Мах Э.** (1838–1916) *12, 135, 334*
- Махавира** (V в. до н.э.) *320, 338*
- Микеланджело Б.** (1475–1564) *82, 84, 85*
- Милль Дж.С.** (1806–1873) *239, 334*
- Митин М.Б.** (1901–1987) *166*
- Моисеев Н.Н.** (1917–2000) *307, 310, 311*
- Моисей (пророк)** (XIII в. до н.э.) *245, 246*
- Монтень М.** (1533–1592) *23, 88, 291, 346*
- Мор Т.** (1478–1535) *87*
- Мотрошилова Н.В.** (р. 1934) *168*
- Мур Дж.** (1873–1958) *135, 335*
- Мусоргский М.П.** (1839–1881) *152*
- Мюнцер Т.** (1490–1525) *89*
- Налимов В.В.** (1910–1997) *221*
- Нарский И.С.** (1920–1993) *168*
- Нейрат О.** (1882–1945) *135, 206*
- Ницше Ф.** (1844–1900) *15, 16, 18, 112, 124–125, 190, 215, 294, 315, 316, 321, 324, 334, 347*
- Новалис** (1772–1801) *333*
- Нозик Р.** (р. 1938) *258, 336*
- Ньютон И.** (1643–1727) *4, 95–97, 347*
- Огурцов А.П.** (р. 1936) *169*
- Ойзерман Т.И.** (р. 1916) *168*
- Оккам У.** (1280–1349) *70, 80, 316, 331*
- Оппенгейм П.** (1885–1977) *210*
- Остин Дж.** (1911–1960) *321, 336*
- Павел (апостол)** (I в. до н.э.–I в. н.э.) *58*
- Парменид Элейский** (540–470 до н.э.) *29, 30, 330*
- Парсонс Т.** (1902–1979) *322*
- Паскаль Б.** (1623–1662) *98*
- Патанджали** (не изв.) *320, 338*
- Петр I Великий** (1672–1725) *152*
- Пико делла Мирандола** (1463–1494) *83*
- Пиррон из Элиды** (360–270 до н.э.) *55, 331*
- Пирс Ч.** (1839–1914) *239, 334*
- Писарев Д.И.** (1840–1868) *156*
- Пифагор** (580–500 до н.э.) *3, 10, 28, 315, 320, 331, 346*
- Платон** (427–347 до н.э.) *3, 9, 23, 37–49, 52, 56, 60, 61, 70, 72, 80, 112, 176, 178, 217, 219, 222, 237, 247, 260, 266, 295, 315, 321, 325, 326, 327, 346*
- Плеханов Г.В.** (1856–1918) *158, 318*
- Плотин** (ок. 204–ок. 270) *58–60, 66, 80, 320, 331*
- Плутарх** (ок. 45–ок. 120) *51*

- Поппер К. (1902–1994) **4, 42, 121, 139, 140, 209, 279, 288, 317, 336, 348**
 Пригожин И. (р. 1917) **307, 308**
 Протагор (480–410 до н.э.) **36, 330**
 Птолемей К. (ок. 90–ок. 160) **57, 62**
 Пуанкаре А. (1854–1912) **12**
 Пушкин А.С. (1799–1837) **152, 223, 229**
Р
 Радищев А.Н. (1749–1802) **318, 336**
 Радхакришнан С. (1888–1975) **172**
 Ракитов А.И. (р. 1928) **296**
 Рассел Б. (1872–1970) **4, 134, 135, 220, 222, 293, 317, 336, 348**
 Рафаэль Санти (1483–1520) **193**
 Рейхенбах Г. (1891–1953) **135, 336**
 Рембрандт Х. (1606–1669) **84**
 Решер Н. (р. 1928) **207**
 Рикёр П. (р. 1913) **335**
 Риккерт Г. (1863–1936) **210, 334**
 Розенталь М.М. (1906–1975) **168**
 Ролз Дж. (р. 1921) **252, 258, 336**
 Рублев А. (1360/1370–ок.1430) **229**
 Руссо Ж.-Ж. (1712–1778) **4, 103–105, 111, 266, 322, 324, 333, 347**
С
 Савицкий П.Н. (1895–1968) **156**
 Самарин Ю.Ф. (1819–1876) **153**
 Сартр Ж.-П. (1905–1980) **126, 127, 234, 240, 335, 348**
 Секст Эмпирик (II–III вв.) **55**
 Сенека Л.А. (4 г. до н.э.–65 г. н.э.) **51, 52, 57**
 Сен-Мартэн Л. (1743–1803) **153**
 Сен-Симон К.А. (1760–1825) **155**
 Сеченов И.М. (1829–1905) **156**
 Ситковский Е.П. (1900–1989) **168**
 Скворцов-Степанов И.И. (1870–1922) **166, 319**
 Смит А. (1723–1790) **239**
 Сократ (469–ок. 399 до н.э.) **3, 9, 23, 33–35, 51, 60, 70, 112, 184, 212, 219, 315, 320, 321, 330, 346**
 Соловьев В.С. (1853–1900) **4, 23, 152, 158–161, 163, 164, 212, 252, 260, 294, 318, 337, 349, 350**
 Сорокин П.А. (1889–1968) **261, 262, 322**
 Соссюр Ф. де (1857–1913) **147, 148, 335, 348**
 Софокл (496–406 до н.э.) **259**
 Спенсер Г. (1820–1903) **251**
 Спиноза Б. (1632–1677) **98, 200, 206, 332**
 Спиркин А.Г. (р. 1919) **168, 319**
 Сталин И.В. (1879–1953) **122, 166, 167, 319**
 Станиславский К.С. (1863–1938) **201**
 Станкевич Н.В. (1813–1840) **155**
 Степин В.С. (р. 1934) **168**
 Страхов Н.Н. (1828–1896) **154**
 Струве П.Б. (1890–1944) **337**
 Стэн Я.Э. (1899–1937) **166**
Т
 Тарский А. (1902–1983) **205**
 Тейяр де Шарден (1881–1955) **267, 310, 329**
 Тертуллиан К.С. (ок. 160–после 220) **72, 79**
 Тиллих П. (1886–1965) **293**
 Тимирязев А.К. (1880–1955) **319**
 Тойнби А.Д. (1889–1975) **261, 262**
 Толанд Дж. (1670–1732) **112, 332**
 Толстой Л.Н. (1828–1910) **152, 154, 246, 349**
 Трубецкой Е.Н. (1863–1920) **163**
 Трубецкой Н.С. (1890–1938) **156, 157, 318**
 Трубецкой С.Н. (1862–1905) **163**
 Тютчев Ф.И. (1803–1873) **224**
Ф
 Фалес (ок. 624–ок. 546 до н.э.) **26, 27, 315, 320, 330**
 Федоров Н.Ф. (1828–1903) **164**
 Фейерабенд П. (1924–1995) **4, 141, 142, 145, 146, 284, 348**
 Фейербах Л. (1804–1872) **4, 117, 118, 156, 197, 333, 347**
 Фихте И. (1762–1814) **4, 105, 110, 111, 113, 153, 215, 333, 347**
 Фичино М. (1433–1499) **82, 83, 88, 316, 331, 346**
 Флоренский П.А. (1882–1937) **19, 152, 161, 163, 164, 212, 337, 350**
 Фома Аквинский (1221–1274) **64, 70, 72, 76, 80, 81, 316, 331**
 Фразимах (VI–V вв. до н.э.) **36**
 Франк С.Л. (1877–1950) **161, 163**
 Франк Ф. (1884–1966) **135**
 Фреге Г. (1848–1925) **4, 133, 226, 335, 348**
 Фрейд З. (1856–1939) **201, 203, 321**
 Фролов И.Т. (1929–1999) **168**

- Фуко М. (1926–1984) **4, 15, 148, 149, 176, 317, 321, 335, 348**
- Хабермас** Ю. (р. 1929) **251, 322, 335**
- Хайдеггер М. (1889–1976) **15, 23, 127, 129, 130, 220, 235, 239, 294, 298, 317, 321, 328, 335, 348**
- Хинтиikka Я. (р. 1929) **222**
- Хомяков А.С. (1804–1860) **152, 153, 318, 336, 349**
- Хоркхаймер М. (1895–1937) **335**
- Хрисипп (ок. 280–208 до н.э.) **51**
- Хуэйнань (638–713) **338**
- Хэар Р. (р. 1919) **138, 252, 336**
- Циолковский** К.Э. (1857–1935) **164**
- Цицерон (106–43 до н.э.) **10, 51**
- Чаадаев** П.Я. (1794–1856) **152, 154, 318, 336**
- Чайковский П.И. (1840–1893) **152, 229**
- Чернышевский Н.Г. (1828–1889) **152, 156, 157, 318, 337, 347**
- Черч А. (р. 1903) **225**
- Чижевский А.Л. (1897–1964) **164**
- Чудинов Э.М. (1930–1980) **168**
- Швейцер** А. (1875–1965) **239**
- Шелер М. (1874–1928) **214, 251, 334**
- Шеллинг Ф. (1775–1854) **15, 22, 113, 153, 155, 333**
- Шептулин А.П. (1929–1993) **168**
- Шлегель Ф. (1772–1829) **22, 333**
- Шлейермахер Ф. (1768–1834) **130, 333, 334, 348**
- Шлик М. (1882–1931) **135, 336**
- Шопенгауэр А. (1788–1860) **15, 123, 124, 215, 333, 347**
- Шпенглер О. (1880–1936) **154**
- Шюц А. (1899–1959) **251**
- Щедровицкий** Г.П. (1929–1994) **167, 168, 319, 321, 338**
- Эйнштейн** А. (1879–1955) **12, 47, 73, 216, 243, 248**
- Экхарт М. (1260–1327) **161**
- Эмпедокл (490–430 до н.э.) **27, 320, 331**
- Энгельс Ф. (1820–1895) **118–120, 165, 167, 184, 187, 347**
- Эпиктет (50–ок. 120) **57**
- Эпикур (341–270 до н.э.) **53, 54, 330**
- Эриугена И. (ок. 810–ок. 877) **80, 316, 331**
- Юдин** П.Ф. (1899–1968) **166**
- Юм Д. (1711–1776) **332**
- Ясперс** К. (1883–1969) **15, 73, 126, 127, 215, 335, 348**

Учебное издание

Канке Виктор Андреевич

ФИЛОСОФИЯ

Исторический и систематический курс

Учебник

Редактор Н.Я. Липкина
Компьютерная верстка П.Ю. Аборина

Изд. лицензия ИД № 01670 от 24.04.2000.
Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Подп. в печать 13.01.2003. Формат 60х90/16
Печать офсетная. Гарнитура Школьная. Печ. л. 23,5
Тираж 5000 экз. Заказ № 3500

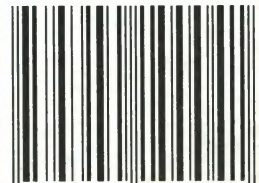
Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам приобретения литературы обращаться по адресу:
105318, Москва, Измайловское ш., 4.
Тел./факс: (095) 369-5819, 369-5668, 369-7727.
Электронная почта: universitas@mail.ru

Учебник «Философия»
доктора философских наук
профессора В.А.Канке
выдержал несколько изданий
и приобрел широкую известность.
В числе достоинств книги —
соответствие требованиям
государственных образовательных стандартов
высшего профессионального образования
второго поколения,
возможность вариативного подхода
к преподаванию и изучению философии
в зависимости от профиля учебного заведения,
доступность изложения,
а также полнота справочного
и методического аппарата.
Это очень современный учебник,
освещающий не только историю мысли,
но и актуальные философские проблемы.

ISBN 5-94010-004-X

9 785940 100041